

РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ 1(32)' 2013

включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук в соответствии с решением Президиума ВАК Минобрнауки России

Печатает статьи по истории, педагогике, психологии, биологии, филологии, философии, культурологии, политологии, праву и экономике
РНЖ входит в систему Российского Индекса Научного Цитирования (РИНЦ) и представлен на его сайте www.elibrary.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
НАГОРНОВ Валентин Павлович

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
МАРКОВ Алексей Сергеевич

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР
ЛОСЕВ Юрий Иванович

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
НОВОЖИЛОВ Александр Юрьевич

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ДАНИЛОВ Александр Анатольевич – Председатель Совета, профессор, доктор исторических наук, зав. кафедрой истории факультета социологии, экономики и права ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет»

БОРИСОВ Валерий Михайлович – Зам. Председателя Совета, профессор, доктор исторических наук, зав. кафедрой истории ФГБОУ ВПО «Московский государственный гуманитарный университет имени М. А. Шолохова»

ЛОСЕВ Юрий Иванович – член Совета, профессор, доктор исторических наук, проректор, зав. кафедрой всеобщей истории ФГБОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

ГОРБУНОВ Борис Владимирович – член Совета, профессор, доктор исторических наук, действительный член РАН, зав. НИЛ ПРО «Рязанского института развития образования»

АРСЕНТЬЕВ Николай Михайлович – член Совета, профессор, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет имени П. П. Огарёва»

ЗАПАРЬИЙ Владимир Васильевич – член Совета, профессор, доктор исторических наук, декан гуманитарного факультета, зав. кафедрой истории науки и техники ФГБОУ ВПО «Уральский государственный технический университет – УПИ»

ЮРКИН Игорь Николаевич – член Совета, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории естествознания и техники С. И. Вавилова РАН, г. Москва

РЕЕНТ Юрий Арсенович – член Совета, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Академии Федеральной службы исполнения наказаний РФ

КОЛЬЦОВА Вера Александровна – член Совета, первый зам. директора Института психологии РАН, профессор, доктор психологических наук, зав. лабораторией истории психологии и исторической психологии

ДОНЦОВ Александр Иванович – член Совета, действительный член РАО, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор психологических наук

ЗАБРОДИН Юрий Михайлович – член Совета, профессор, доктор психологических наук, проректор ГБОУ ВПО «Московский городской психолого-педагогический университет», действ. гос. советник РФ, вице-президент Федерации психологов образования России

БЕЛЯЕВА Валентина Александровна – член Совета, профессор, доктор педагогических наук, рук. Центра духовно-нравственного воспитания ФГБОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

ГРЕБЁНКИНА Лидия Константиновна – член Совета, профессор, доктор педагогических наук, зав. кафедрой педагогических технологий ФГБОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

ПАНОВ Виктор Иванович – член Совета, профессор, доктор психологических наук, член-корреспондент Российской академии образования (РАО), зав. лабораторией экпсихологии развития Психологического института РАО

СТРЕЛКОВ Юрий Константинович – член Совета, профессор, доктор психологических наук, зав. кафедрой труда и инженерной психологии МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва

ВОЛОДАРСКАЯ Инна Андреевна – член Совета, доцент факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат педагогических наук, лауреат премии Президента РФ в области образования, Председатель Учебно-методического совета факультета психологии МГУ, г. Москва

НАГОРОВ Павел Сергеевич – член Совета, профессор, кандидат педагогических наук, главный научный сотрудник АНО НИИ психологии и развития способностей

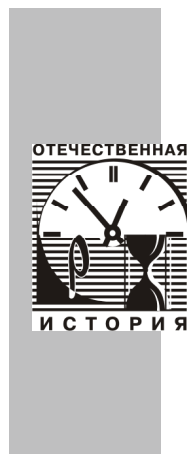
УХОВ Юрий Иванович – член Совета, профессор, доктор медицинских наук, зав. кафедрой гистологии и биологии ГБОУ ВПО «Рязанский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова» Фед. агентства по здравоохранению и соц. работе

ЕПИФАНОВ Алексей Герасимович – член Совета, доктор медицинских наук, заслуженный врач Российской Федерации, заведующий отделением сосудистой хирургии с применением ПМУ «Скафандр Епифанова»

РЫСКИН Николай Николаевич – член Совета, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Института общей физики РАН, г. Москва

I. ИСТОРИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Рындин И. Ж. Рюриковичи и Гедиминовичи в петровские времена до принятия табеля о рангах (1682 – 1722 гг.) [Часть 25].....	3
Царев А. С. Влияние Вильгельма II на германо-британские отношения в конце XIX в.....	11
Данильченко С. Л. Концессионная политика большевиков: политическая уступка или экономический компромисс?.....	15
Лушпай Д. В. Деятельность ООН в решении проблемы современного морского пиратства.....	19
Текеева Л. К. Магические приёмы в этномедицине тюркоязычных народов Северного Кавказа.....	24
Винокуров Н. И. Городище Артезиан во второй половине I в. до н. э. – первой половине I в. н. э.....	30
Водорезов А. В., Усков В. А., Комаров М. М., Бирюкова Е. В., Кубенина М. А., Шишов С. И. Роль археологических памятников в формировании островных ареалов редких видов животных и растений в бассейне среднего течения реки Оки.....	41
Усков В. А., Стрикалов И. Ю., Чернецов А. В., Водорезов А. В., Милованов С. И., Шишов С. И. Природный и антропогенный фактор формирования современного рельефа городища Старая Рязань.....	53
II. ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ	
Анисина Е. А. Проблема благотворительности: категориально-понятийный аппарат.....	62
Воронкова Л. П. У истоков антропологии туризма: Виктор Тёрнер.....	70
Кутенков П. И. Древний обряд Рязанской земли. Три круга иносветной печали.....	76
Кутенков П. И. Единая структура духовных переходов. Закон бытия русского духа.....	81
Кутенков П. И. Знаковая методика определения внутреннего строения единичных одежд и вещей русской народной сряды (одежды).....	88
Ледовских Н. П. Методологические основания исследования феноменов культуры.....	95
III. ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ	
Булатецкий С. В. Психофизиологические механизмы системной организации биосоциальной адаптации курсантов образовательного учреждения МВД России к профессиональному обучению.....	101
Варданян Ю. В., Кувшинова О. М. Подготовка педагога-тренера к реализации психологической безопасности субъекта спортивной деятельности: проблемы и перспективы решения.....	108
Орлова А. П. (Беларусь). Проблема формирования этнической толерантности и этнопедагогической подготовки специалистов социальной и образовательной сфер.....	115
Фомина Н. А., Матюкина Е. С. Особенности темперамента педагогов дошкольных образовательных учреждений.....	126
Мирчетич М. А., Фомина Н. А. Особенности регуляторно-рефлексивного компонента темперамента лиц с преобладанием первой и второй сигнальных систем.....	133
Герова Н. В., Андреев В. В. Показатели деятельности субъектов образовательного процесса на основе анализа структуры систем менеджмента качества вузов.....	139
Дерюга В. Е. Творчество как цель гуманистического образования в условиях технократического информационного мира.....	148
Лаптин В. И. К вопросу организации системы духовного образования в России в царствование Петра I.....	153
Марков А. С. Психолого-педагогическая модель профессионального становления курсанта военного вуза.....	160
Поляков Е. А. Особенности самосознания детей с ограниченными возможностями здоровья в семьях с различным стилем воспитания.....	166
Радюкин Е. Е., Морозова О. А. Анализ основных стратегий психологической профилактики алкоголезависимого поведения.....	173
Рахманина И. Н., Мельникова М. В. Некоторые детерминанты и особенности проявления агрессивности работников основных энергетических профессий.....	179
Рассолова Е. А. О деятельности педагога высшей школы по формированию правовой культуры студентов.....	187
Рябова И. Г., Приходченко Т. Н. Формирование культуры межнациональных отношений: поиск методологических оснований формирования культурно-толерантной личности.....	192
Сенкевич Л. В., Донцов Д. А. Психологические особенности, социально-психологические закономерности и специфика развития личности в юношеском возрасте.....	198
Силкин П. А. Формирование методики обучения танцу в Европе в XV-XVII веках. Первые учителя и первые трактаты.....	207
Абрамова Г. И. Особенности становления и развития системы воспитательной работы в педагогическом колледже.....	213
Андреева Е. В. Феномен кроссмодальных взаимодействий: современное состояние проблемы в зарубежной психологии.....	219
Базаркина И. Н. Культурно-исторический аспект самореализации личности как фактора стрессоустойчивости у лиц юношеского и зрелого возрастов.....	226
Гордеев В. В. Воля и время в структуре психики.....	232
Ежовкина Е. В. Теоретические основы создания модели успешно адаптирующегося ребёнка с ограниченными возможностями в современном социуме.....	239
Михеева О. В. Реализация методологических подходов к формированию алгоритмического мышления учащихся.....	245
Чудаева О. И. Структурная модель социально-личностных компетенций подростка.....	252
IV. ФИЛОЛОГИЯ	
Герасимова И. Ф. «Офицерская лирика» периода первой мировой войны (некоторые наблюдения над военными стихами Ф. Касаткина-Ростовского).....	256
Колотилова Н. С. Параллелизм сверхфразовых единств (сложных синтаксических целых).....	262
V. ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Попов И. П. Упруго-индуктивный осциллятор.....	269
Карпов О. А. Умножения на Абелевых группах с коммутативными кольцами эндоморфизмов.....	271
Скотников П. Н., Чистяков Д. С. Однородные отображения смешанных Абелевых групп.....	274
Чистяков Д. С. Мультипликативные изоморфизмы аффинных почтиколец.....	277
VI. ПРАВО	
Пустовалова И. Н. Коррупция в механизме государственного управления.....	280
VII. ЭКОНОМИКА	
Калмыков О. В. (Украина). Тенденции и перспективы развития малых предприятий в Украине.....	283
VIII. БИОЛОГИЯ И МЕДИЦИНА	
Гиреев Т. Г. Анализ заболеваемости туберкулезом в основных этнических группах Республики Дагестан.....	293
Самородская Н. А. Влияние терапии индапамида и лизиноприла на регуляторно-адаптивный статус у пациентов с гипертонической болезнью II стадии.....	298
Хасаева Ф. М., Захарчук Л. М., Нетрусов А. И., Паршиков И. А. Использование пиридина клетками <i>Arthrobacter</i> sp. KM-P.....	303

УДК 94(47).05

ББК 63.3(2)511+63.214-1

Отечественная история, генеалогия правящих династий

**РЮРИКОВИЧИ И ГЕДИМИНОВИЧИ
В ПЕТРОВСКИЕ ВРЕМЕНА ДО ПРИНЯТИЯ
ТАБЕЛЯ О РАНГАХ (1682 – 1722 ГГ.)
[Часть 25]**

И. Ж. Рындин

Рассмотрение деятельности княжеских родов Рюриковичей и Гедиминовичей в период правления Петра I. Юридическое оформление слияния княжеской аристократии со старомосковской и прочей знатью.

Ключевые слова

Российское государство, княжеская аристократия, Боярская Дума, Рюриковичи, Гедиминовичи, Речь Посполитая, Табель о рангах

В первые годы правления царей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича главой правительства был боярин князь Василий Васильевич Голицын, бывший приверженцем царевны Софьи. Петра поддерживали: его воспитатель князь Борис Алексеевич Голицын с братом Иваном и четверо князей Долгоруковых – Яков, Лука, Борис и Григорий Федоровичи. Наибольшей преданностью отличался Яков Федорович, его комнатный стольник [1. С. 254].

Боярин и князь Яков Никитич Одоевский, вместе с окольничим князем Константином Осиповичем Щербатовым, приводил к присяге царю Петру сразу же по смерти царя Федора Алексеевича стольников, стряпчих и московских дворян. Окольничий князь Григорий Афанасьевич Козловский приводил к присяге народ в Соборной Апостольской церкви. Боярин и князь Василий Федорович Одо-

евский принимал присягу у Аптеки [1. С. 308-309].

Одним из первых указов царя Петра было назначение казначеем князя Якова Никитича Одоевского. В царские спальни были пожалованы князья Иван Юрьевич Трубецкой, Алексей Васильевич и Алексей Борисович Голицыны, Иван и Петр Михайловичи Долгоруковы и Михаил Иванович Куракин. Чуть позже в спальни были назначены также князья Юрий Юрьевич Трубецкой, Михаил, Юрий и Василий Юрьевичи Одоевские. Затем государь пожаловал «в комнату» князей Ивана Борисовича Троекурова и окольничего Михаила Ивановича Лыкова, а также князей Владимира и Василия Михайловичей Долгоруковых и князя Федора Ивановича Троекурова.

Среди ближних лиц одним из первых «дневал» у гроба государя Иван Михайлович Волынский [1. С. 309]. На второй

день у гроба Федора Алексеевича среди прочих сидели князья Иван Иванович Хованский и Федор Юрьевич Ромодановский [1. С. 311].

В тот же день были посланы царские стольники для приведения жителей к присяге: в Киев Петр Артемьевич Волынский, в Великий Новгород князь Петр Иванович Хованский, в Казань князь Лука Федорович Долгоруков, в Астрахань князь Матвей Венедиктович Оболенский, в Сибирь князь Петр Иванович Львов, в Ростов, Ярославль, Переяславль-Залесский и Кострому Петр Иванович Травин (из смоленских княжат), в Смоленск князь Юрий Федорович Щербатов, в Белгород Илья Михайлович Дмитриев (из смоленских княжат).

Князья Иван Дмитриевич и Григорий Федорович Долгоруковы сидели у гроба государя на 3-й день. На 4-й день «дневал» князь Яков Иванович Лобанов-Ростовский. Затем у постели государя дежурили: князь Федор Федорович Куракин, боярин князь Григорий Григорьевич Ромодановский, князь Иван Андреевич Хованский, князь Михаил Юрьевич Долгоруков, окольничий князь Данила Афанасьевич Барятинский, окольничий Иван Федорович Волынский, боярин князь Юрий Михайлович Одоевский, боярин князь Семен Андреевич Хованский, князь Степан Федорович Львов, князья Федор и Михаил Григорьевичи Ромодановские, князь Иван Григорьевич Куракин, боярин князь Борис Иванович Прозоровский. Окольничий князь Яков Васильевич Хилков участвовал в крестном ходе вокруг Кремля [1. С. 317-319].

12 мая 1682 г. окольничий князь Данила Афанасьевич Барятинский был послан с войском против мятежных башкир [1. С. 318].

16 мая боярин князь Василий Васильевич Голицын был назначен в Посольский приказ, князь Иван Андреевич Хованский в Стрелецкий приказ, боярин князь Иван Борисович Троекуров в Поместный приказ, боярин Василий Семенович Волынский в Сыскной приказ (позже к нему при-

соединился окольничий Иван Федорович Волынский). Стольник князь Андрей Иванович Хованский, князья Михаил и Василий Федоровичи Жировые-Засекины были направлены в Судный приказ [1. С. 319].

20 мая боярин князь Никита Иванович Одоевский был назначен заведовать большой казной вместе с боярином Василием Семеновичем Волынским и думным дворянином Алексеем Ивановичем Ржевским [1. С. 319].

21 мая стольник Василий Михайлович Дмитриев был послан полковым и осадным воеводой в Козлов. 23 мая стольник князь Владимир Иванович Волконский был послан в Каргополь. 24 мая стольники князья Яков Федорович Долгоруков и Михаил Иванович Волконский были посланы в Казань. Окольничий князь Григорий Афанасьевич Козловский поехал в Симбирск [1. С. 320].

26 мая были пожалованы в спальники царя Ивана Алексеевича князья Михаил Лаврентьевич Дулов, Михаил и Иван Федоровичи Шаховские. Стольник князь Федор Семенович Хованский был послан в Великий Новгород, стольник князь Федор Никитич Приимков-Ростовский – в Киев, князь Андрей Дмитриевич Щербатов – в Казань, стольник князь Юрий Яковлевич Хилков – в Смоленск [1. С. 326-327].

11 июня царь Иван Алексеевич пожаловал к себе в спальники бывшего спальника царя Федора Алексеевича князя Ивана Ивановича Хованского, а князю Михаилу Григорьевичу Козловскому велено было ехать в Симбирск в помощь отцу своему князю Григорию Афанасьевичу Козловскому. Окольничий князь Иван Петрович Козловский послан в Казань в помощь к боярину Петру Васильевичу Шереметеву [1. С. 327-328].

14 июня царь Иван Алексеевич велел боярину князю Петру Ивановичу Прозоровскому расписать всех спальных сотников по дням дежурства. Среди них, помимо вышеупомянутых, был также князь Иван Степанович Шаховский [1. С. 328-329].

16 июня царь Петр Алексеевич пожаловал в спальники князей Якова Ивановича Лобанова-Ростовского, и Федора Юрьевича Ромодановского. Того же дня боярин князь Иван Григорьевич Куракин был послан в Смоленск.

Во время венчания великих государей присутствовали бояре князя Никита Иванович и Яков Никитич Одоевские, Василий Васильевич Голицын, Иван и Семен Андреевичи Хованские, Петр Иванович Прозоровский [1. С. 333].

Во время Стрелецкого бунта в мае 1682 г. были убиты князь Григорий Григорьевич Ромодановский, Михаил Юрьевич Долгоруков, Юрий Алексеевич Долгоруков. Позже были казнены князь Иван Андреевич Хованский с сыном Андреем, которые подозревались в попытке захвата власти в стране [2. С. 13]. Князь Яков Федорович Долгоруков открыто встал на сторону Петра, за что был назначен судьей Московского приказа. В 1711 г. Петр назначил его сенатором и поставил во главе Военного комиссариата [3].

В 1686 г. князь Василий Васильевич Голицын подписал «вечный мир» с Речью Посполитой, который подтверждал присоединение Киева к России. Взамен Россия должна была принять участие в походах против Османской империи. Походы состоялись в 1687 и 1689 гг. Оба они кончились неудачей.

В 1685 г. воеводой Албазана был выходец из смоленских княжат Алексей Толбузин с переменным успехом оборонявший эту пограничную с Китаем крепость. В 1686 г. он скончался от полученной раны [1. С. 401-402; 2. С. 23].

Во время Стрелецкого бунта 1689 г. сторонниками Софьи, помимо Голицына, были князь Яков Никитич Одоевский, Владимир Дмитриевич Долгоруков, Петр Иванович Троекуров. В то время как Петра поддерживали князь Иван Борисович Троекуров, Федор Юрьевич Ромодановский, Борис Алексеевич Голицын. Таким образом, *налицо был раскол по политическим мотивам*

в знатнейших княжеских семьях.

После падения правительства князя Василия Васильевича Голицына и Софьи в 1689 г. значение Боярской думы стало постепенно падать. Фактически первое время всем стал заправлять князь Борис Алексеевич Голицын (1654 - 1714 гг.). То есть, *высшая исполнительная власть сохранилась в руках одной фамилии*. Борис Алексеевич приложил все усилия, чтобы с его родичем обошлись как можно мягче, чем вызвал недовольство царицы Натальи Кирилловны и вскоре власть оказалась у ее брата Льва Кирилловича Нарышкина, а князь Борис должен был удовольствоваться Приказом Казанского дворца. Стрелецкий приказ достался князю Ивану Борисовичу Троекурову. Набирали вес при дворе Петра князь Яков, Григорий и Борис Федоровичи Долгоруковы [1. С. 453]. Однако, как отмечает С. М. Соловьев, «ни Голицын, ни Нарышкин не были любимцами Петра; любимцем его был служилый иноземец знаменитый Лефорт» [1. С. 454].

Отправляясь в 1697 г. с Великим посольством в Европу, Петр назначил главой совета для управления государством князя-кесаря Федора Юрьевича Ромодановского (1640 - 1717 гг.), на которого и легла нелегкая задача в подавлении очередного Стрелецкого бунта. В розыске по делу стрельцов, помимо князя-кесаря Ромодановского, принимали участие князь Владимир Дмитриевич Долгоруков, Петр Иванович Прозоровский и Борис Алексеевич Голицын [2. С. 89].

В 1695 - 1696 гг. воеводой в Киеве был князь Данила Афанасьевич Барятинский, вскоре умерший [3].

В дальнейшем большую роль при Петре I стал играть генерал-фельдмаршал князь Аникита Иванович Репнин (1668 - 1726 гг.). В ходе Северной войны важную информацию доставлял из Швеции местный резидент русского правительства князь Андрей Яковлевич Хилков (1676 - 1718 гг.) [2].

Указом 1717 г. во главе Камер-коллегии был поставлен князь Дмитрий Михайло-

вич Голицын (1665 - 1738 гг.), Ревизион-коллегию возглавил князь Яков Федорович Долгоруков (1639 - 1720 гг.) [2. С. 444].

Княжеская аристократия не утратила своего влияния на государственные дела при Петре I, а лишь несколько потеснилась под напором выходцев из низов.

Рассмотрим положение княжеских фамилий в порядке их старшинства.

Ближний боярин и князь Яков Никитич Одоевский (ум. в 1697 г.) в 1681 - 1683 гг. управлял Приказами Казанского дворца и Стрелецким. В 1683 г. был назначен великим и полномочным послом в Речь Посполитую. В 1689 г. управлял Аптекарским приказом и одновременно присутствовал в Палате у расправных дел [4. С. 114].

Боярин и дворецкий князь Василий Федорович Одоевский (ум. в 1686 г.) с 1680 г. управлял Приказами: Большого дворца, Денежного сбора, Хлебным, Судным, Дворцовым, Оружейным, Золотой и Серебряной Палаты. В 1681 г. начальник Аптекарского приказа [там же].

Гвардии подполковник князь Михаил Юрьевич Одоевский в 1721 г. назначен командующим армейской дивизией. Его братья Юрий и Василий дослужились, соответственно, до чинов генерал-адъютанта и полковника. Василий Юрьевич, кроме того, стал членом Московской Адмиралтейской конторы [там же].

Князь Афанасий-Владислав Ян-Казимирович Мосальский в начале XVIII в. перешел в русское подданство и служил капитаном морской службы [4. С. 117].

Князья Иван, Андрей, Федор, Борис Михайловичи Кольцовы-Мосальские участвовали в Азовских и Крымских походах. Князь Иван Михайлович (ум. до 1708 г.), бывший в 1680 - 1686 гг. воеводой в Томске, в Азовском походе получил чин генерал-поручика, в 1698 г. умирал бунтовавших стрельцов, а в 1702 - 1703 гг. воеводствовал в Белгороде. Его брат Андрей (ум. до 1703 г.) в 1697 г. воеводствовал в Севске. Другой брат, Федор, с 1703 г. воевода в Нежине. Третий брат, Борис (ум. в 1703

г.), в 1699 г. служил полковым воеводой. Сын Ивана Михайловича – Яков (1666 - 1728 гг.) в 1722 г. был советником Юстиц-коллегии, затем назначен воеводой Севской провинции [4. С. 123].

Князь Николай-Франциск Иванович Огинский в 1711 г. состоял послом Речи Посполитой при Петре I. Его брат Григорий-Антоний с 1709 г. являлся литовским польным гетманом [4. С. 127].

Князь Михаил Андреевич Пузына в 1712 г. был польским послом при Петре I [4. С. 130].

Окольничий князь Борис Васильевич Горчаков в 1687 г. был воеводой в Астрахани [4. С. 133].

Князья Елецкие, Звенигородские, Болховские и Мышецкие в петровскую эпоху захудали и выше стольников не поднимались [4. С. 136-143; 163-166].

Окольничий князь Федул Федорович Волконский (ум. в 1707 г.) служил при дворе и исполнял поручения по встрече иностранных царских особ [4. С. 145].

Генерал-майор князь Григорий Семенович Волконский (ум. в 1721 г.) в 1695 г. воеводствовал в Муроме, а в 1708 г. разбил шведский обоз в сражении при Лесной. В сражении при Полтаве командовал шестью полками. В 1713 г. участвовал в битве при Тавастгусте [4. С. 147].

Окольничий князь Федор Львович Волконский в 1686 г. был воеводой в Белгороде, в 1696 г. – в Чернигове [4. С. 149].

Окольничий князь Михаил Андреевич Волконский (ум. в 1709 г.) в 1697 г. был воеводой на Тереке, в 1708 г. – в Рязске [там же].

Князь Михаил Семенович Волконский в 1709 - 1711 г. был командиром Семеновского полка [4. С. 152].

Полковник князь Григорий Меньшой Иванович Волконский в 1710 - 1712 гг. служил обер-комендантом в Ярославле, Романове, Угличе, Кашине, Торжке, Бежецке и Твери. В 1711 г. стал сенатором [там же].

Окольничий князь Федор Юрьевич Ба-

ратинский (ум. в 1696 г.) в 1691 г. оказывал помощь против турок и татар гетмане Мазепе, а в 1696 г. был воеводой в Киеве [4. С. 157].

Князь Семен Федорович Барятинский (ум. в 1722 г.) в 1702 г. являлся воеводой на Олонце, а в 1720 г. – губернатором Переяславля-Залесского [там же].

Полковник князь Иван Федорович Барятинский (1687 - 1738 гг.) в 1719 г. разбил шведов под Стокгольмом, за что был произведен в бригадиры [4. С. 157-158].

Стольник князь Федор Иванович Барятинский (ум. в 1719 г.) с 1711 г. служил комиссаром от Сената в Казанской губернии [4. С. 161].

Стольник князь Иван Осипович Барятинский (ум. в 1706 г.) с 1705 г. был воеводой в Галиче [там же].

Ближний стольник князь Михаил Матвеевич Оболенский в 1721 г. был воеводой Арзамасской провинции [4. С. 171].

Князь Федор Григорьевич Тюфякин (род. в 1678 г.) с 1726 г. дослужился до чина подполковника [4. С. 187].

Стольник князь Василий Лукич Долгоруков (1672 - 1739 гг.) долгое время состоял при своем дяде, посланнике в Речи Посполитой князе Григории Федоровиче Долгорукове, а в 1706 - 1707 гг. замещал его на этом посту. Сын Григория Федоровича – Алексей (ум. в 1734 г.) также жил при отце в Варшаве и ездил в Италию. В 1713 г. он стал губернатором в Смоленске [4. С. 191].

Стольник князь Иван Осипович Щербатов (1648 - 1727 гг.) сопровождал Петра I в его поездках. В 1692 г. был воеводой в Симбирске; в 1700 - 1701 гг. – судьей Сысского приказа, в котором служил с 1698 г. [4. С. 210].

Окольничий князь Юрий Федорович Щербатов (ум. в 1737 г.) был тяжело ранен при Нарве. С 1720 г. служил в Ямском приказе. С 1724 г. статский советник [4. С. 210].

Князья Федор Андреевич и Михаил Юрьевич Долгоруковы участвовали во многих сражениях Северной войны и оба

были неоднократно ранены (1700 - 1721 гг.) [4. С. 210-211].

Стольник князь Андрей Семенович Друцкий участвовал в Крымских походах князя В. В. Голицына и Азовском походе Петра I [4. С. 218].

Стольник князь Степан Иванович Путятин в 1693 г. был воеводой в Томске, а в 1716 г. – вице-губернатором в Нижнем Новгороде [4. С. 230].

Из смоленских князей и княжат большая часть представителей в петровскую эпоху захудала и утратила свое значение при дворе. Это относится к князьям Вяземским, Козловским, Кропоткиным, Дашковым. То же можно сказать и о ярославских князьях, являвшихся ветвью смоленских: многочисленным князьям Щетининым, Засекиным, Жировым-Засекиным, Шаховским, Шехонским, Дуловым. Боярского звания удалось добиться только князьям Троекуровым и Прозоровским, окольничего – князьям Львовым.

Князь Иван Васильевич Солнцев-Засекин, начав службу в 1700 г. солдатом, в 1706 г. получил чин подполковника, а в 1709 г. за отличие в Полтавской битве произведен в полковники и назначен командиром Бутырского полка [4. С. 256]. Князь Федор Петрович Морткин (ум. в 1740 г.) начал службу стольником в 1692 г., а закончил капитаном [3].

Сохранили высокое положение при петровском дворе князья Лобановы Ростовские. Совсем захудали роды Щепиных-Ростовских и Касаткиных-Ростовских.

Князь Андрей Иванович Белосельский-Белозерский (ум. в 1715 г.) не смог занять должность выше стольника царицы Прасковьи Федоровны [3].

Другой представитель белозерских князей, бригадир князь Никита Матвеевич Вадбольский (1666 - 1731 гг.) прославился строительством оружейного двора в Туле, а в 1715 г. был назначен помощником главного начальника всего оружейного производства в России Я. В. Брюса [4. С. 298-299].

Князю Сергею Ивановичу Шелешпанскому удалось дослужиться до чина лейб-гвардии бомбардира, князю Александру Михайловичу Ухтомскому – до подполковника (в 1716 г.) [3].

Представитель стародубских князей, князь Богдан Иванович Гагарин (1673 - 1722 гг.), дослужился до чина бригадира [4. С. 310].

После смерти князя-кесаря Федора Юрьевича Ромодановского Петр I возвел в это звание его сына Ивана Федоровича (ум. в 1730 г.), со смертью которого род Ромодановских пресекся [4. С. 322].

Князьям Хилковым удалось сохранить высокое место при дворе, о чем уже было сказано выше. Князья Гундоровы, служившие в 1692 г. в стольниках, в дальнейшем полностью утратили свои позиции при дворе.

Из нетитулованных Рюриковичей больших успехов на службу удалось достичь будущему генералу-аншефу Ивану Ильичу Дмитриеву-Мамонову (1680 - 1730 гг.), женатому на племяннице Петра царевне Прасковье Ивановне. Он участвовал в Северной войне и Персидском походе (1722 г.). С 1719 г. служил советником Военной коллегии [3].

Окольничий Алексей Иванович Ржевский (ум. в 1690 г.) со своими братьями: стольником Тимофеем и окольничим Иваном, приходился Петру сводным пятиюродным братом [3]. Остальные Ржевские служили службу как и все остальные дворяне.

Потерявшие княжеский титул Рюриковичи: Аладьины, Березины, Федцовы, Ильины, Ляпуновы, Бокеевы-Карповы, Монастыревы, Полевы, Сатины, Скрябины, Смольяниновы, Судаковы, Травины, Татищевы, Всеволожские, Заболоцкие, Рожественские, Цыплятевы, Дмитриевы служили как и все другие простые дворяне и ничем не отличались от них [3; 6].

До чина полковника в 1717 г. удалось дослужиться в петровское время будущему генерал-поручику Дмитрию Федоровичу Еропкину (ум. в 1750). Ближайшим

соратником Петра был полковник Петр Михайлович Еропкин (1689 - 1740 гг.) [3].

Дослужился до чина стольника Иван Петрович Бунаков (ум. в 1711 г.). Подполковник Филипп Михайлович Мусоргский (ум. до 1719 г.) в 1710 г. был вице-комендантом Торопца, а его сын, гардемарин Михаил (ум. в 1746 г.), в 1725 г. дослужился до чина мичмана. Иван Иванович Овцын дослужился до чина капитана-поручика лейб-гвардии Преображенского полка [3].

Из Гедиминовичей при Петре I сохранили свое положения князья Голицыны, Куракины, Хованские и Трубецкие.

Князь Петр Алексеевич Голицын (1660 - 1722 гг.) был первым русским послом в Вене (1705 - 1707 гг.). Он был награжден орденом Св. Андрея Первозванного в 1710 г., назначен сенатором (1711 г.) и наместником Архангельским, Рижским и Киевским, затем президентом Коммерц-коллегии. Его брат Федор Алексеевич дослужился до чина генерал-майора в 1718 г. и был назначен адмиралтейств-инспектором [5. С. 39].

Генерал-фельдмаршал с 1725 г. князь Михаил Михайлович Старший Голицын (1675 - 1730 гг.) также получил орден Св. Андрея Первозванного. Участвовал в Азовских походах и Северной войне. В 1702 г. руководил штурмом Нотебурга и за успех в этом мероприятии был пожалован золотой медалью и чином полковника Семеновского полка. В 1708 г. разбил шведов при местечке Добром. За отличие в битве при Лесной получил чин генерал-поручика. В 1709 г. вместе с Меншиковым командовал гвардией при преследовании шведов у Переволочни. В 1711 г. участвовал в Прутском походе. В 1714 - 1721 гг. командовал войсками в южной Финляндии, где нанес шведам поражение при Наппо. Участвовал также в морском сражении при Гангуте. В 1720 г., командуя флотом, одержал победу при Гренгаме. С 1723 г. командовал войсками на Украине. Его братья, генерал поручик Петр Михайлович (ум. в 1722 г.), получивший чин поручика еще в

1695 г., будучи в «потешных» войсках Петра I, и Михаил Михайлович Младший (1685 - 1764 гг.), участник Северной войны, также были видными сподвижниками Петра [5. С. 52-53].

Генерал-майор и гвардии подполковник князь Борис Иванович Куракин (1676 - 1727 гг.) приходился Петру свояком по своей жене, урожденной Лопухиной и был выдающимся государственным деятелем [5. С. 61].

Боярин князь Петр Иванович Хованский в 1682 г. был судьей Судного приказа. В 1707 г., будучи воеводой в Казани, подавлял восстание Кондратия Булавина [5. С. 67].

Князь Иван Юрьевич Трубецкой (1667 - 1750 гг.) был любимцем Петра и последним русским боярином. В 1698 г. служил новгородским наместником. В самом начале Северной войны был взят шведами в плен, где пробыл до 1718 г. Его брат Юрий Юрьевич (1668 - 1739 гг.) также был боярином и ближайшим сподвижником Петра [5. С. 71].

Князь Михаил-Юрий Николаевич Чарторыйский в 1682 г. был послом Речи Посполитой в Москве [5. С. 83].

Князья Несвицкие не смогли выслужиться дальше стольников царицы Прасковьи Федоровны [5. С. 91-92].

Нетитулованные потомки Гедимины, Волынские, в петровскую эпоху слились с основной массой других дворян.

После принятия «Табели о рангах» (1722 г.) потомки княжеских династий были уравнены с прочими дворянами и в дальнейшем их взаимоотношения и служба ничем не отличались от взаимоотношений и службы обычных дворян.

В заключение необходимо сказать несколько слов об удельном весе потомков Рюрика и Гедимины среди общей массы дворян. Среди региональных правителей России 1719 - 1739 гг. мы встречаем князей: Афанасия Васильевича (род. в 1656 г.), Ивана Федоровича (1689 - 1737 гг.), Семёна Федоровича (1660 г. - до 1739 г.) Барятинских, Ивана Федоровича (род. в 1677

г.), Михаила Степановича (род. в 1670 г.), Никиту Матвеевича (1666 - 1731 гг.) Вадбольских, Александра Дмитриевича (род. в 1698 г.), Александра Семеновича (ум. после 1725 г.), Василия Степановича (род. в 1677 г.) Волконских, Василия Матвеевича (1664 - 1742 гг.), Григория Яковлевича (род. в 1676 г.), Ивана Матвеевича (1664 - 1736 гг.), Семёна Ивановича (род. в 1681 г.) Вяземских, Василия Ивановича (1674 г. - после 1742 г.), Василия Силича (1684 - 1739 гг.), Василия Федоровича (род. в 1676 г.), Ивана Васильевича (ум. после 1742 г.), Ивана Яковлевича (1672 г. - до 1740 г.), Семёна Ивановича (род. в 1682 г.) Гагариных, Петра Алексеевича (1660 - 1722 гг.), Петра Михайловича (1702 - 1760 гг.), Сергея Дмитриевича (1696 - 1739 гг.) Голицыных, Ивана Федоровича (1694 - 1743 гг.), Федора Саввича (род. в 1682 г.) Горчаковых, Андрея Ивановича (род. в 1691 г.), Ивана Ивановича (1664 г. - до 1739 г.) Гундоровых, Василия Лукича (1670 - 1739 гг.), Ивана Григорьевича (1680 - 1739 гг.), Михаила Владимировича (1667 - 1750 гг.) Долгоруковых, Николая Федоровича Дябринского (род. в 1695 г.), Никиту Михайловича Жирового-Засекина (ум. в 1726 г.), Ивана Борисовича (1682 г. - после 1757 г.), Михаила Марковича (род. в 1693 г.), Семёна Михайловича (ум. после 1740 г.) Козловских, Якова Ивановича Кольцова-Мосальского (1665 - 1734/39 гг.), Константина Никитича Кропоткина (род. в 1682 г.), Алексея Ивановича (род. в 1673 г.), Ивана Борисовича (род. в 1689 г.), Михаила Борисовича (1695 - 1737 гг.) Львовых, Ивана Ефимовича Мышецкого (род. в 1671 г.), Ивана Григорьевича Несвицкого (род. в 1659 г.), Алексея Андреевича (1664 - 1773 гг.), Михаила Матвеевича (род. в 1669 г.) Оболенских, Александра Никитича Прозоровского (ум. после 1736 г.), Максима Ивановича Путятина (ум. после 1739 г.), Аникиту Ивановича Репнина (1668 - 1726 гг.), Ивана Федоровича Ромодановского (1680 - 1730 гг.), Семёна Юрьевича (1659 г. до 1739 г.), Федора Петровича (ум. в 1739 г.)

Солнцевых-Засекиных, Ивана Юрьевича (1667 - 1750 гг.), Юрия Юрьевича (1668 - 1739 гг.) Трубецких, Степана Ивановича Ухтомского (род. в 1663 г.), Василия Михайловича (род. в 1687 г.), Юрия Яковлевича (1661 - 1727 гг.) Хилковых, Василия Петровича Хованского (1694 - 1746 гг.), Григория Ивановича (1666 г. - до 1741 г.), Ивана Михайловича (ум. до 1754 г.), Никиту Андреевича (ум. после 1722 г.), Федора Федоровича (род. в 1683 г.) Шаховских, Василия Ивановича Щепина-Ростовского (ум. после 1738 г.), Михаила Юрьевича (1678 - 1738 гг.), Семена Ивановича (ум. после 1736 г.) Щербатовых.

Среди утративших княжеский титул упоминаются: Артемий Петрович (1689 - 1740 гг.), Иван Михайлович (1693 - 1763 гг.) Волынские, Василий Михайлович (род. в 1698 г.), Иван Борисович (1672 г. - до 1738 г.) Еропкины, Мирон Родионович Заболоцкий (род. ок. 1688 г.), Иван Иванович (род. в 1659 г.), Федор Григорьевич (род. в 1669 г.), Федор Иванович (1672 г. - до 1739 г.) Ляпуновы, Андрей Трифонович Монастырев (род. в 1672 г.), Андрей Иванович (1670 - 1735 гг.), Григорий Иванович (1673 - 1740 гг.), Данила Степанович (род. в 1680/82 г.) Овцыны, Алексей Михайлович (род. в 1683/85 г.), Василий Андреевич (род. в 1660 г.), Иван Алексеевич (1660 - 1721 гг.), Никита Тимофеевич (род. в 1672 г.), Юрий Алексеевич (1674 - 1729 гг.) Ржевские, Родион Петрович Смольянинов (род. в 1682 г.), Иван Никитич (род. в 1683 г.), Никифор Никитич (ум. после 1728 г.), Прокофий Андреевич (1678 - 1743 гг.) Татищевы, Филипп Афанасьевич

(1660 - 1739 гг.), Иван Васильевич (род. в 1680 г.) Толбугины, Дмитрий Васильевич (род. в 1678 г.), Федор Игнатьевич (род. в 1675 г.) Травины.

Скорее всего, к Рюриковичам принадлежали: Иван Семенович (род. в 1678 г.), Тимофей Иванович (1676 - 1736 гг.), Яков Семенович (ум. после 1728 г.) Дмитриевы, Алексей Кондратьевич Ильин (род. в 1700 г.), Андрей Борисович (род. в 1675 г.), Семен Прокофьевич (1672 г. - до 1739 г.), Тимофей Алексеевич (1685 - 1745 гг.) Карповы, Иван Евдокимович Сонцов (род. в 1682/83 г.), Федор Гаврилович Тюфякин (род. в 1678 г.).

Таким образом, среди высшей региональной элиты России в позднепетровское и послепетровское время мы наблюдаем 6 князей Гагариных, по 4 – Вяземских и Шаховских, по 3 – Барятинских, Вадбольских, Волконских, Голицыных, Долгоруковых, Козловских, Львовых, по 2 – Горчаковых, Гундоровых, Оболенских, Солнцевых-Засекиных, Трубецких, Хилковых и Щербатовых, по 1 – Дябринских, Жировых-Засекиных, Кольцовых-Мосальских, Кропоткиных, Мышецких, Несвицких, Прозоровских, Путятиных, Репниных, Ромодановских, Ухтомских, Хованских и Щепиных-Ростовских.

Это составляет значительный процент от общего числа региональных правителей России того времени. Т. о., *несмотря на уравнение прав князей с прочим дворянством, они успешно выдержали конкуренцию и заняли прочные позиции на высших должностях Российской империи.*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. – Кн. 7. – М.: Мысль, 1991.
2. Павленко Н. И. Петр Великий. – М.: Мысль, 1994.
3. Власьев Г. А. Потомство Рюрика. – Т. 1. – Ч. 2. – СПб., 1906.
4. Дворянские роды Российской империи. – Ч. 1. – СПб., 1993.
5. Дворянские роды Российской империи. – Ч. 2. – СПб., 1995.
6. Пчелов Е. В. Рюриковичи. История династии. – М., 2003.
7. Областные правители России, 1719 - 1739 гг. / Сост. М. В. Бабич, И. В. Бабич. – М., 2008.

УДК 94(430).084
ББК 63.3(4Гем)53
Всеобщая история

ВЛИЯНИЕ ВИЛЬГЕЛЬМА II НА ГЕРМАНО-БРИТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНЦЕ XIX В.

А. С. Царев

Статья раскрывает роль кайзера Германии Вильгельма II в формировании британо-германских отношений в конце XIX в. Основное внимание в работе автор обращает на то, что личные качества императора влияли на курс его внешней политики по отношению к Великобритании. Как они в итоге сказались на германо-британских отношениях, особенно в области их колониальных противоречий. Автор делает вывод о том, что личные качества Вильгельма, вкупе с его крайне агрессивной позицией по колониальным вопросам, оказали негативное влияние на формирование взаимоотношений с Великобританией.

Ключевые слова

Германия, Великобритания, Трансвааль, Тройственный союз, колониальный передел мира, рейд Джемсона

15 июня 1888 г. Фридрих Вильгельм Виктор Альберт Прусский вступил на престол и стал императором Германии Вильгельмом II. С самого начала своего правления он уделял особое внимание внешней политике, а особенно ее колониальному направлению. Приступив к осуществлению своих планов в этой области, Германия в первую очередь обратила свое внимание на территории в Юго-Западной, Западной и Восточной Африке и натолкнулась на такие же устремления Великобритании. Постоянные трения на этом поприще существенно осложняли задачу сближения. Вильгельм II, считая себя непревзойденным дипломатом, активно вмешивался в отношения между двумя этими великими державами. То, какое влияние это оказало на Германию и Ве-

ликобританию, и будет рассмотрено в данной статье.

Существует устойчивое мнение о личности и характере кайзера: «Уже с первых дней своего правления Вильгельм II вел себя так, как будто именно в области дипломатии он является особенно искусным мастером, которого никто не может превзойти. Так начала проявляться одна из основных черт его характера – необычайное, можно сказать, болезненное самомнение и его глубокая уверенность в своем всемогуществе как избранной личности и как прусского короля и германского императора. Убежденный в том, что он все знает, все видит и все может, он постоянно вмешивался во все дела внутренней и внешней политики, рассматривая себя не только как непререкаемый авторитет, но

и как главную движущую силу исторического процесса» [4, с. 78]. Вильгельм II взошел на престол в эпоху рейхсканцлера Бисмарка, который за двадцать лет своего пребывания на посту приучил дипломатическое ведомство к своему всемогуществу. Не имея возможности действительно влиять на внешнюю политику, кайзер со все возрастающей неприязнью относился к канцлеру. В 1890 г. ему удалось уволить Бисмарка и заменить его на графа Каприви, который не отличался самостоятельностью в принятии решений. В 1894 г. его сменил семидесятипятилетний князь Гогенлоэ. Он полностью подстраивал свою политику под желания Вильгельма, чтобы удержаться на этом посту как можно дольше. «Это означало, что он должен угождать своему племяннику – кайзеру, который через его голову по-дилетантски вмешивался во все дела, угождать его безответственным советникам, а в области дипломатии – руководителям ведомства, которые стремились сохранить свое влияние» [4, с. 81]. В итоге после отставки Бисмарка Вильгельм II получил возможность активно проводить свой внешне- и внутривластный курс.

Создалась видимость того, что в Германии воцарился «персональный режим» правления. Английские дипломаты даже позволяли себе называть канцлера «первым секретарем кайзера» [7, р. 4]. Сам Вильгельм охотно поддерживал это мнение и говорил о себе, что «существует только один хозяин рейха, и я не потерплю другого» [1, с. 72], что он является «единственным хозяином германской политики» [2, с. 148].

Подобный авторитарный режим правления на самом деле был лишь иллюзией. Крайне подверженный чужому влиянию Вильгельм II опирался на тайные императорские кабинеты. Военный, морской, гражданский и др., они играли важную роль в политике государства и зачастую имели большее политическое влияние, чем рейхсканцлер и статс-секретари. Таким

образом, «германский император, один из крупнейших юнкеров и владелец крупного пакета акций Круппа, позируя перед Германией и всем миром, становился жалкой игрушкой в руках безответственных людей, делавших вид, что они готовы слепо выполнять его волю» [4, с. 79].

Ещё одной отрицательной чертой Вильгельма была его неспособность сосредоточиться на важных вопросах государства. Он отдавал много сил развлечениям, зачастую уклоняясь от каких-либо назревших проблем или решая их между делом. Граф Ф. Эйленбург, близкий друг императора, писал о Вильгельме: «От меня он соглашается выслушивать все политические сообщения лишь потому, что я играю с ним в теннис, и между летящими мячами и во время передышек он обращает ко мне благосклонное ухо. В такой обстановке мы разрешаем сложные дела империи. Сплошное безумие!» [5, с. 181].

События и мнения приближенных заставляли Вильгельма менять свои взгляды и решения. «Никто не может этого выдержать, – жаловался один из его министров, – сегодня – так, завтра – эдак, а через несколько дней снова по-другому» [8, с. 367]. Все эти черты характера проявлялись и в политике кайзера в отношении Великобритании. Имея лишь поверхностное представление о сложившейся ситуации, он зачастую действовал необдуманно. Излишняя вспыльчивость и повышенное самомнение приводили к агрессивным и совершенно неожиданным поступкам. Вызывающие речи компрометировали цели, к которым он стремился. Все это наносило существенный урон отношениям с Великобританией.

Характерным примером политики Вильгельма II может послужить трансваальский кризис 1895-1896 г., который развернулся между Великобританией и Германией из-за претензий последней на залив Делагоа.

Англичан давно интересовали богатые золотые прииски республики Трансвааль.

Возросшее экономическое и дипломатическое влияние Германии в этом регионе не могло не взволновать Лондон.

14 октября 1895г. посол Великобритании Мэллет в беседе со статс-секретарем германского министерства иностранных дел А. Б. Маршаллем обвинил Германию в том, что своей политикой она подталкивает буров на столкновение с англичанами. Он заявил, что если Германия не изменит своей политики в этом регионе, то сложившаяся ситуация может привести к серьезным осложнениям.

Узнав об этой беседе, Вильгельм II пришел в ярость. Он пригласил к себе британского военного атташе полковника Суайна и заявил, что Мэллет угрожал ему войной. Кайзер кричал, что не потерпит оскорблений, угрожал, что если Великобритания не изменит свое отношение, то он заключит формальную сделку с Францией и Россией. В итоге же практически потребовал, чтобы Лондон дал ответ, встанет ли он открыто на сторону Германии или выступит против. И если Великобритания собирается положительно ответить, то она должна немедленно примкнуть к Тройственному союзу путем подписания формального договора, в противном случае – пусть пеняет на себя [4, с. 96].

Донесение Суайна о содержании беседы с Вильгельмом взволновало Лондон. Члены английского кабинета посчитали, что это «самый значительный документ, когда-либо полученный от него из Берлина» [4, с. 96].

Цель такого агрессивного поведения кайзера заключалась в желании спровоцировать кризис в отношениях с Великобританией, чтобы попытаться заставить ее присоединиться к Тройственному союзу. Не желая быть главным виновником кризиса, Вильгельм II обвинил в его разжигании английскую сторону, что также не добавило стабильности в британо-германском взаимодействии.

Вскоре после описанных событий из

республики Трансвааль в Берлин пришли тревожные новости о возможном восстании в Йоганнесбурге под руководством англичан. Германия незамедлительно заявила Великобритании, что в случае необходимости она найдет способы сблизиться с Россией и Францией. Эта угроза изоляции британской империи на европейском континенте, по сути, была практически открытым вызовом. На совещании узкого круга руководителей дипломатического и морского ведомств под председательством Вильгельма II решался вопрос о возможности начала войны с Великобританией. Кайзер хотел объявить протекторат над Трансваалем, привести морскую пехоту в состояние боевой готовности и послать войска в эту республику. Ценой больших усилий присутствующим на совещании удалось убедить императора в опасности подобных поступков.

Полностью отказаться от использования в своих целях несомненного факта поражения Великобритании в Трансваале Вильгельм все-таки не смог. После провала вторгшегося на территорию Трансвааля рейда Джемсона, банды английской «Привилегированной компании» в количестве свыше 800 человек, кайзер тотчас же отправил приветственную телеграмму президенту республики Крюгеру. В ней он выражал свои искренние поздравления в связи с тем, что народ Трансвааля смог, не призывая на помощь дружественные державы, обеспечить независимость своей страны [4, с. 104].

Неспособность Вильгельма II глубоко вникать в какие-либо проблемы также оказывала влияние на отношения с Великобританией. Не задумываясь, он мог ненамеренно раскрыть планы, тщательно продумываемые министерством иностранных дел, и разрушить их реализацию. Подобный инцидент произошел во время попытки перезаключения договора о Средиземноморской Антанте, двумя нотами заключенными между Италией и Великобританией от 12 февраля 1887 года и между Австро-Венгрией и Великобрита-

нией от 24 марта того же года. К середине XIX в. срок первого договора подошел к концу и Австро-Венгрия, заинтересованная в сближении с англичанами из-за напряженной ситуации на Балканах, стала искать пути для его перезаключения. Все это происходило в условиях все увеличивающегося напряжения в отношениях между Россией и Великобританией. Балканы вполне могли стать той самой черной точкой, из-за которой вспыхнет война. Чтобы Лондон не мог воспользоваться союзом для выполнения своих планов чужими руками, Берлин настоятельно рекомендовал Вене не проявлять никакой активности, пока англичане сами четко и ясно не укажут свою позицию.

17 декабря 1895 г. русский посол в Берлине граф Остен-Сакен в беседе с Маршаллем обмолвился о том, что английское правительство предложило России вступить в переговоры об установлении англо-русского кондоминиума в Константинополе. Это известие сильно напугало Вильгельма II. Он заявил английскому военному атташе полковнику Суайну, что «в переговорах с Австро-Венгрией по балканским делам он дал согласие на ее сближение с Англией только при условии, если Англия открыто сообщит свои планы, перейдет к серьезным действиям и предоставит поддерживающим ее в этом державам положительные гарантии» [4, с.

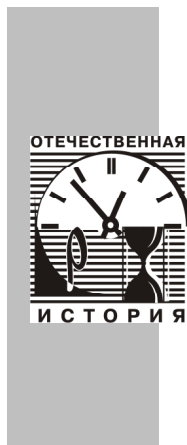
147]. Таким образом, кайзер разрушил все планы Германии, связанные с возобновлением Средиземноморской Антанты. Раскрыв результаты австро-германских переговоров об отношении к Великобритании, Берлин уже не мог скрыться за спиной своих союзников и ему пришлось заговорить в полный голос, приняв на себя все возможные последствия.

С самого начала своего правления Вильгельм II мнил себя великим дипломатом. Не имея возможности активно проводить свою политику во времена канцлерства Бисмарка, он вынудил последнего уйти в отставку. Последующие канцлеры не обладали такой свободой действий, и кайзер получил возможность активно участвовать во внутренней и внешней политике государства.

Личные качества Вильгельма, его вспыльчивость, склонность к театрализованному эффектным поступкам и речам, его неспособность сосредотачиваться на делах и вникать в их суть негативно сказывались на отношениях с другими державами. В постоянно вспыхивающих конфликтах с Великобританией по колониальным вопросам Вильгельм II зачастую занимал крайне агрессивную позицию и пытался обострить и без того тяжелые отношения между двумя этими империями. В итоге, вкупе с нежеланием уступить и пяди завоеванной земли, кайзер Германии оказывал лишь негативное влияние на формирование от-

ПРИМЕЧАНИЯ с Великобританией.

1. Аррен Ж. Вильгельм II, что он говорит, что он думает / Пер. с фр. М. М. Тверского. – М.: б.и., 1915. – 263 с.
2. Бюлов Б. Воспоминания. – М: Соцэкгиз, 1935. – 562 с.
3. Вильгельм II. Мемуары. События и люди. 1878-1918 / пер. с нем. – М.: ПГ., 1923. – 177 с.
4. Ерусалимский А. С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. – Изд. второе, доп. – М.: Академия наук СССР, 1951. – 604 с.
5. Людвиг Э. Последний Гогенцоллерн (Вильгельм II). – Л.: Красная газета, 1929. – 316 с.
6. Тэйлор А. Дж. П. Борьба за господство в Европе 1848-1918. – М.: Изд. иностр. лит-ры, 1958. – 644 с.
7. British documents on the origins of the War 1898 - 1914. Ed. By G. P. Gooch, H. Temperly, v. I-XI. – London, 1926-1938. – V. VI. – № 2. – P. 4.
8. Waldersee A. Denkwürdigkeiten., Bd. 1-3. – Stuttgart-Berlin 1935, B. II. – 560 s.

УДК 94(47).084
ББК 63.3(2)613-2
Отечественная история

КОНЦЕССИОННАЯ ПОЛИТИКА БОЛЬШЕВИКОВ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ УСТУПКА ИЛИ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОМПРОМИСС?

Доктор исторических наук С. Л. Данильченко

Статья посвящена комплексному анализу советской концессионной политики в условиях НЭПа. В работе показано, что концессии помогли большевикам ускорить восстановление экономики страны и самим фактом своего существования препятствовали интервенционистским планам Запада.

Ключевые слова

Зарубежные инвестиции, концессионный договор, концессионная политика, концессионные предприятия, смешанные общества, реституционные уступки, экономический компромисс

Потребность в привлечении иностранных капиталов выявилась практически сразу после Октября 1917 года. Она диктовалась стремлением быстрее преодолеть экономическую и техническую отсталость. Предпосылки для подобных надежд имелись. США и Германия рассматривали Советскую Россию как емкий рынок для своей экономической экспансии. Еще во время заключения Брестского мира с Германией было подписано финансовое соглашение о выплате возмещения за национализированное имущество. Одним из условий обеспечения этих обязательств являлось предоставление Германии нефтяных и других концессий. Концессии предлагалось рассматривать как своего рода уступку за сепаратный выход из войны, национализацию иностранной собственности и аннулирование долгов.

На I съезде совнаркозов РСФСР 26 мая 1918 года были распространены «Тезисы об условиях привлечения иностранного капитала в товарной форме» [1. С. 34]. В это время Комиссия внешней торговли при ВСНХ РСФСР подготовила план развития экономических отношений между Советской Россией и США. В документе предусматривалась возможность предоставления США на концессионных началах права участия в эксплуатации природных ресурсов России.

Но иностранный капитал не принял тогда эти предложения. Соответствующие условия возникли только после окончания гражданской войны и решения Верховного Совета Антанты в январе 1920 года о ликвидации экономической блокады РСФСР. Нарком внешней торговли Л. Б. Красин, по поручению Политбюро составил «Тезисы о концессиях», одобренные

СНК. В условиях товарного голода концессии рассматривались как расплата за иностранные товары для России. 23 ноября 1920 года был принят декрет об общих экономических и юридических условиях концессий, в котором выражалась необходимость привлечения частной иностранной инициативы для восстановления отечественной экономики [2. С. 80].

Советское правительство декларировало, что претензии бывших владельцев на возмещение убытков, причиненных безвозмездной национализацией, как принципиальное признание прав частной собственности, подлежат безусловному отклонению. СНК РСФСР даже не рассматривал возможности возникновения ответственности за национализацию иностранных предприятий. В случае предъявления бывшими владельцами условий, которые в замаскированной форме скрывали возмещение от национализации, Концессионный Комитет рассматривал эти условия в строгом соответствии с теми услугами экономического характера, которые вытекали из данной концессии.

Первая крупная уступка реституционного характера была сделана в 1920 года, когда по мирному договору с Латвией разрешалось реэвакуировать предприятия латвийских граждан, эвакуированные в период 1914 - 1917 гг. Национализированные предприятия реэвакуировались средствами РСФСР, частные – средствами их владельцев. Юридически реституционный процесс оформился в концессионных договорах 1923 года со смешанными лесными обществами «Руссанглолес», «Руссголландолес», «Русснорвеголес». По этим договорам ликвидное имущество, принадлежавшее иностранным фирмам, вошедшим в эти общества, засчитывалось как организационный взнос.

Большевистские лидеры считали, что предпочтительнее пойти на соглашение с концессионерами, чем дать свободу своим частникам. Одновременно предполагалось, что концессии ускорят восстанов-

ление экономики страны, и самим фактом своего существования будут препятствовать интервенционистским планам Запада, но полного единства в Политбюро ЦК РКП (б) не было. Среди партийных лидеров выявились две точки зрения: Л. Б. Красин, Г. Я. Сокольников, Г. В. Чичерин защищали необходимость экономического компромисса с Западом, большинство же руководителей считало, что концессии не только противоречат сущности пролетарского государства, но и ослабляют мировое рабочее движение. В 1921-24 гг. тон в критике концессионной политики задавали Л. Д. Троцкий, Г. Л. Пятаков, Е. А. Преображенский, обвинявшие сторонников привлечения иностранного капитала Л. Б. Красина и Г. В. Чичерина в «пессимизме по отношению к нашим внутренним силам» [3. С.100].

В сложном положении оказался В. И. Ленин, один из зачинателей концессионной политики. Ему одновременно приходилось учитывать, с одной стороны, объективную потребность экономики страны в иностранных инвестициях, а, с другой стороны, неподготовленность широких масс и партийного руководства к возобновлению даже временного сотрудничества «с иностранными эксплуататорами». По мере того, как надежды на мировую социалистическую революцию и помощь западноевропейского пролетариата становились все более и более призрачными, в условиях экономического краха и серьезного политического кризиса В. И. Ленину с большим трудом удалось убедить своих сподвижников и всю партию встать на путь НЭПа, добиться сдвигов в концессионной практике.

30 июня 1921 года при ВСНХ учреждается Концессионный Комитет во главе с председателем Президиума ВСНХ П. А. Богдановым. Параллельно образовывается Комиссия по смешанным обществам при СТО (председатель – Г. Я. Сокольников). Вневедомственным органом становится Концессионный Комитет при Госплане

(председатель – Г. М. Кржижановский). В апреле 1922 года два последних органа объединились в Главный Комитет по делам о концессиях и акционерных обществах при СТО (председатель – А. М. Лежава). Но и он просуществовал недолго и был упразднен декретом ВЦИК и СНК РСФСР в марте 1923 года. Вместо него учреждается Главный Концессионный Комитет при СНК РСФСР по декрету от 21 августа 1923 года – при СНК СССР. Через него проходили все концессионные вопросы, ему подчинялась разветвленная система концессионных органов.

По линии ЦК РКП (б) Главконцесском курировал И. В. Сталин. Это обстоятельство само по себе примечательно, так как в полной мере свидетельствует о том, какое внимание Генеральный секретарь ЦК партии уделял проблемам использования иностранного капитала и зарубежных специалистов. Он ежемесячно получал отчеты о работе ГКК. Более того, через аппарат секретариата ЦК проходили все кадровые перестановки. ЦК РКП (б) утверждал состав правлений смешанных акционерных обществ, а Учраспред рассматривал присланные ему анкеты, характеристики и другие материалы, касающиеся работников Главконцесскома и смешанных обществ. Сюда же поступали сведения о каждом концессионном предприятии. Все эти материалы утверждались в Оргбюро ЦК РКП (б). Сложившаяся таким образом пирамида власти, подбор номенклатуры всецело предопределили практику работы государственных учреждений и ведомств с концессионными предложениями.

Формально заключение всех концессионных договоров относилось к компетенции СНК СССР. Общие условия хозяйственной деятельности иностранного капитала регулировались внутренним советским законодательством, а также специальными законами и нормативными актами о концессиях и заключенными меж-

дународными соглашениями, поскольку они определяли права и обязанности иностранных физических и юридических лиц в СССР. Конкретные условия оговаривались в концессионных договорах и уставах смешанных акционерных обществ и соглашениях о технической помощи. Фактически все это находилось не просто под контролем, а в ведении высших государственных органов.

В 1925 году темпы промышленного прироста резко сократились, и экономическая реальность вступила в противоречие с политическими декларациями. Была предпринята новая попытка привлечь иностранные инвестиции. В августе 1925 года Госплану поручили разработать план концессионных объектов, чтобы увязать его с общесоюзными планами. В июле 1928 года СНК принимает «Основные положения по привлечению иностранного капитала в народное хозяйство СССР» и утверждает разработанный Госпланом ориентировочный план концессионных объектов.

В этот период концессионную политику достаточно последовательно отстаивали председатель СНК А. И. Рыков, нарком внешней торговли Л. Б. Красин. Заметную активность в деле включения Советского Союза в международную экономическую интеграцию проявлял Л. Д. Троцкий, занимавший в 1925 - 1927 гг. пост председателя Главконцесскома. Тем не менее, верх брала линия, связанная с решительным курсом на достижение СССР экономической самостоятельности и высокой степени обороноспособности, все более очевидным лидером которой становился И. В. Сталин. После того, как внутрипартийная борьба завершилась его полной победой, стало возможным свернуть НЭП, а вместе с ним и концессии.

Развитию концессионной практики мешало непризнание Советской России западными странами, а также нерешенность вопроса о дореволюционных долгах и национализированной иностранной

собственности. Эти вопросы стали камнем преткновения на международных конференциях в Генуе и Гааге. В Гааге советская делегация предложила участникам форума список из 185 концессионных объектов, по которым Москва выражала готовность вести конкретные переговоры с иностранными компаниями. Принятые резолюции, по существу, означали концессионный бойкот. Иностранным правительствам запрещалось поддерживать своих подданных в их попытках приобрести в России имущество, ранее принадлежавшее иностранным гражданам. В основных странах-инвесторах создавались объединения бывших владельцев собственности в России, которые внимательно следили за выполнением резолюции Гаагской конференции, что повлияло на развитие концессионного дела в СССР.

Массу сложностей в концессионной практике создавала слабость советской национальной валюты – червонца. Поэтому все расчеты с концессионерами велись в иностранной валюте. Советское правительство установило сложный порядок вывоза валютных прибылей, импорта сырья и оборудования. Операции осуществлялись на основе подаваемых годовых, а в некоторых случаях месячных и разовых заявок, обоснованных различными доку-

ментами. В случае необходимости СНК СССР урезал валютные расходы концессионеров. Кредитование иностранных предпринимателей сосредотачивалось в Госбанке, а смешанных торговых обществ – во Внешторгбанке. Решения об открытии кредита принимались в виде постановлений правлений этих банков, причем Внешторгбанк обязывался предварительно согласовывать вопрос о кредитовании концессионера с Наркомфином. Весь инвестированный капитал должен был поступать из-за границы. Советское государство свободно маневрировало ценами, кредитом, сырьевыми запасами, тогда как концессионеры являлись лишь объектами этих маневров.

Ликвидация концессионного сектора в народном хозяйстве началась с 1929 года и протянулась через все десятилетие. 27 декабря 1930 года СНК СССР принял резолюцию об аннулировании всех действующих концессий. Права Главконцесскома ограничивались информационными и консультативными функциями. 14 декабря 1937 года правительство издало постановление «Об упразднении Главконцесскома при СНК СССР» и возложило контроль над оставшимися концессиями на НКВД.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бернштейн И. Н. Очерки концессионного права СССР. – М.-Л., 1930.
2. Законы о частном капитале. Сборник инструкций, разъяснений. Составители Б. С. Мальцман, Б. Е. Ратнер. – М., 1928.
3. XII съезд РКП (б). Стенографический отчет. – М., 1923.

УДК 327.7
ББК 66.4(0),612+67.911.178
Политология

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ООН В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МОРСКОГО ПИРАТСТВА

Д. В. Лушпай

В настоящее время проблема морского пиратства является одной из составляющих борьбы с международным терроризмом, который уносит жизни и отрицательно влияет на развитие торговых связей. Только в Аденском заливе ущерб от пиратства оценивается ежегодно не менее 25 млрд. долларов. В данной статье автором рассматривается деятельность Организации Объединенных Наций в борьбе с современным морским пиратством.

Ключевые слова

Сомали, Аденский залив, сомалийское пиратство, пират, морское пиратство, Малаккский пролив, конвенция ООН, захват заложников с целью получить выкуп

Современное морское пиратство за последнее десятилетие стало основной угрозой международной безопасности. Аденский и Малаккский проливы являются особо опасными регионами для судоходства. Согласно данным Международного центра по борьбе с пиратством за первое полугодие 2012 года было отмечено 265 нападений пиратов на морские суда¹.

В международном праве пиратство – это преступление международного характера, состоящее в незаконном захвате, ограблении или потоплении торговых или гражданских судов, совершённое в открытом море. К пиратству приравнивается нападение во время войны кораблей, подводных лодок и военных самолётов на торговые суда нейтральных стран. Пиратские суда, летательные аппараты и их экипажи не должны пользоваться защитой

какого-либо государства. Независимо от флага пиратские суда могут быть захвачены кораблями или летательными аппаратами, состоящими на службе какой-либо страны и уполномоченными для этой цели.

Согласно Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву от 1982 года морским пиратством является любое из перечисленных ниже действий:

1. любой неправомерный акт насилия, задержания или любой грабеж, совершаемый с личными целями экипажем или пассажирами какого-либо частновладельческого судна и направленный:

а) в открытом море против другого судна или против лиц или имущества, находящихся на их борту;

б) против какого-либо судна, лиц или имущества в месте вне юрисдикции какого бы то ни было государства;

2. любой акт добровольного участия в использовании какого-либо судна, совершенный со знанием обстоятельств, в силу которых судно или летательный аппарат является пиратским судном;

3. любое деяние, являющееся подстрекательством или сознательным содействием совершению действия, предусмотримого в подпункте а или б².

В соответствии с этим документом, все государства в максимально возможной степени обязаны сотрудничать в деле пресечения пиратства в открытом море или в любом другом месте за пределами юрисдикции какой-либо страны. Серьезность проблемы подтверждает факт создания в 1991 году Международной торговой палатой в малазийской столице Куала-Лумпур Центра по борьбе с морским пиратством. Центр тренирует антипиратские подразделения для военно-морских сил Индонезии, Филиппин и Таиланда. Эти страны постоянно проводят морские учения по борьбе с морскими грабителями.

Совет Безопасности ООН крайне редко обсуждал вопросы борьбы с международным пиратством. Однако в декабре 2008 года он принял резолюцию, дающую разрешение на военные действия – в том числе и на проведение наземных операций – против пиратов, действующих в районе Африканского Рога. Кроме всего прочего, резолюция 1846 дала право государствам, чьи корабли борются с пиратами, входить в территориальные воды Сомали («преследовать по горячим следам») и бороться с морскими разбойниками так, как это позволено делать в международных водах (де-факто, во внутренних водах Сомали им разрешено применять оружие)³.

Это чрезвычайно важное нововведение. Дело в том, что в международном праве существует ряд основополагающих документов, устанавливающих правила борьбы с пиратами. В 1958 году была принята Женевская Конвенция о действиях в открытом море, в 1982 году – Конвенция

ООН по морскому праву. В 1988 году члены ООН подписали Римскую Конвенцию по борьбе с незаконными актами, угрожающими морской навигации. Все эти конвенции установили, что пиратов, находящихся вне территориальных вод своего государства, имеет право ловить и уничтожать боевой корабль любой страны мира. Захваченные пираты могут быть подвергнуты суду не у себя на родине, а в любой другой стране (например, в государстве, чьи военные моряки поймали пиратов, или в государстве, чьи граждане пострадали от пиратства). Однако входить в территориальные воды государства, где прячутся пираты, военные корабли иных стран не имели права.

В 2008 году члены Совета Безопасности продлили на 12 месяцев действие своего предыдущего решения, позволяющего государствам, заблаговременно уведомившим Генерального секретаря, входить в территориальные воды Сомали для пресечения актов морского пиратства и применять все необходимые для этого средства. Члены Совета поддержали решение ЕС от 10 ноября 2008 года: в течение 12 месяцев провести военно-морскую операцию по защите караванов морских судов Всемирной продовольственной программы (ВПП), доставляющих гуманитарную помощь в Сомали, а также других подвергающихся риску судов. Совет Безопасности уполномочил государства, участвующие в борьбе с сомалийскими пиратами, конфисковывать катера, суда, оружие и другие средства, используемые преступниками.

Совет Безопасности поприветствовал инициативы Дании, Индии, Испании, Канады, Нидерландов, Российской Федерации, Великобритании и США, а также региональных организаций по борьбе с пиратством у побережья Сомали. Например, российский военно-морской флот не только неоднократно проводил военные операции по освобождению захваченных судов в Аденском заливе, но и оперативно

подключался к международным усилиям по борьбе с пиратством в регионе. Так, например, в конце 2008 года российский эсминец «Неустрашимый» нес боевое дежурство у берегов Сомали, взаимодействуя с военными кораблями других сотрудничающих с ПФП (переходным федеральным правительством Сомали) государств⁴.

Задолго до принятия Конвенции ООН по морскому праву разные страны пытались установить свою юрисдикцию над морскими территориями, и в каждом случае размеры этих территорий различались. Австралия, Германия, Катар, Великобритания и США придерживались расстояния в 3 морские мили (5.5 км), Алжир, Куба, Индия, Индонезия и СССР считали своими территориальными водами расстояние в 12 миль (22.2 км), а Камерун, Гамбия, Мадагаскар и Танзания – 50 миль (92.5 км). Некоторые страны Латинской Америки, в частности Чили и Перу, объявили о своих притязаниях на морские акватории, прилегающие к их берегам на расстоянии до 200 миль (примерно 370 км). Ныне территориальными водами прибрежных стран признается морское пространство расстоянием в 12 миль (19.2 км)⁵.

Вообще страны-участницы Организации Объединенных Наций главным образом обсуждают проблему пиратства только у берегов Сомали. За последние годы Советом безопасности было принято 6 основных резолюций, касающихся активного развития пиратства и борьбе с ним. Резолюции под номерами 1814, 1816, 1838, 1844, 1846 и 1851 были приняты в течение 2008 года, который являлся самым высоким по уровню атак и нападений пиратов как у берегов Сомали, так и в территориальных водах соседних государств⁶.

Данные резолюции дали право государствам направлять в территориальные воды Сомали военные корабли для борьбы с пиратами и освобождения захваченных ими людей. Условие для борцов с

пиратством одно: необходимо лишь согласие переходного правительства страны. Но с этим не возникает проблем, так как местным властям не до того – они погрязли в гражданской войне, которая и спровоцировала такую активность пиратов.

В 2008 году в Кении была проведена Международная конференция по борьбе с пиратством у берегов Сомали под эгидой ООН. В работе форума приняли участие более 140 представителей из 40 государств. Цель конференции такого высокого уровня – повысить внимание международного сообщества к проблеме пиратства, сотрудничеству между странами, региональными и международными организациями⁷.

Обратим внимание на то, что исторически пиратству способствуют следующие факторы:

Если обстоятельства и мотивации позволяют и достаточны, пиратство появится, и будет нарастать. Уровень бездействия заинтересованных стран и мирового сообщества в целом достиг критического уровня. С пиратством борются отдельные страны поодиночке, в условиях, когда мировое сообщество опасается, что кто-то от этой борьбы получит какие-то выгоды или преимущества.

Все это привело к безнаказанному и безудержному росту пиратства, к тому, что мы сейчас имеем в водах Западной и Восточной Африки, Малаккском проливе. Некоторые факторы способствуют дальнейшему ухудшению ситуации – прежде всего, высокая стоимость обеспечения должного военно-полицейского патрулирования опасных от пиратства вод, недоступная ни для судоходства, ни для отдельных государств. Затем, эскалации пиратства способствует сокращение военно-морских сил многих держав с окончанием холодной войны и отсутствие этих сил в значительных или достаточных количествах в опасных и нестабильных регионах. И, наконец, следует отметить, что полностью истребить пиратство, во всем

мировом океане, в данное время невозможно⁸.

При этом, однако, надо иметь в виду, что «эффективность борьбы с пиратством определяется международным институтом права» – и, как видно из действий ООН, этот международный институт далек от совершенства. Но при этом надо понять, что мировое судоходство – это часть мировой экономики, это глобальный фактор. Негативные факторы, препятствующие коммерческому мореплаванию, могут быть ограничены регионально, но когда они начинают сказываться на мировом судоходстве в целом, они перестают быть сугубо региональным делом, и касаются всего мирового сообщества. И лучший пример тому – пиратство в Аденском заливе, одном из ключевых районов судоходства⁹.

Мировому торговому мореплаванию следует всерьез взяться за лоббирование своих интересов на уровне правительств. В то же время судоходство во многом должно определиться само – что делать с требованиями выкупа, платить или нет? Например, случай освобождения датского т/х «Амиуа Scan». Власти Путленда (одна из четырех отделившихся частей Сомали) собирались взять судно штурмом, датская компания-фрахтователь умоляла этого не делать и дать ей возможность договориться с пиратами – а это значит, выплатить выкуп, иначе договориться невозможно. Что де-

лать, платить или нет, рискнуть раз и тем самым избавиться хотя бы от захватов, или ждать, когда мировое сообщество предпримет что-то реальное и действенное, а до тех пор спасать своих, спасать жизни людей?

Да ведь и само пиратство, его современная структура – это не проблема данной страны и конкретных исполнителей-боевиков, современное пиратство невозможно без целой логической структуры, от мозгового центра, планирующего и направляющего нападения и захваты, до отлаженной системы ведения переговоров и выплаты выкупов. Их изобретательность позволит вскоре осуществлять безналичные переводы. Без попытки разрушить эту систему, и, прежде всего мозговой центр, борьба с пиратством будет безуспешной. Уничтожение боевиков мало что даст, необходимо подавлять их пособников и главарей, а они сидят и осуществляют свою деятельность не в тех странах, где происходят захваты и нападения, они раскинули глобальную сеть. И если в какой-то стране пиратство прижимают, не трогая систему в целом, оно перемещается в регионы, более благоприятные. Пример – после некоторого усиления борьбы с пиратством в Нигерии, оно переместилось в регион от Ганы до Анголы¹⁰. В целом проблема пиратства на морях такова, что с ней может справиться только мировое сообщество.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Modern Pirates [Электронный ресурс] / Официальный сайт Международной морской организации. – 2012. – Режим доступа: <http://www.highseaspiracy.co.uk/index.html>

2. Конвенция ООН по морскому праву (1982) [Электронный ресурс] / Официальный сайт ООН. – 2008. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/documen/convents/lawsea.html>

3. Резолюция 1846 (2008): принята Советом Безопасности ООН на его 6026-м заседании 2 декабря 2008 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт ООН. – 2008. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2008/res1846.htm>

4. Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года (утверждена Президентом РФ Путиным В.В. 27 июля 2001г. № Пр-1387) // Боевая вахта. – 2001. – №068. – С. 75.

5. Все о пиратах [Электронный ресурс] / Все о пиратах – история пиратов и их законы. – 2008. – Режим доступа: <http://iskateliklada.com/kto-takie-piraty.shtml>
6. Войтенко М. Пиратство 2008 – беспрецедентные итоги / М. Войтенко [Электронный ресурс] / Морской Бюллетень. – Электрон. журнал. – 2009. – Режим доступа: <http://www.odin.tc/GPublisher/articles/95-----2008-----.asp>
7. СБ ООН разрешил применять силу против пиратов в Сомали / [Электронный ресурс] / Газета. – 2009. – Режим доступа: <http://www.gzt.ru/world/2008/06/03/095914.html>
8. Caroline A. Saudi Oil Tanker Owners in Negotiations With Pirates (Update1) / A. Caroline [Электронный ресурс] / Bloomberg.com. – 2008. – Режим доступа: <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=20601087&sid>
9. Михайлин В. О необходимости пирата: краткое введение в пиратологию / В. Михайлин [Электронный ресурс] / Новое литературное обозрение. – Электрон. журнал. – 2008. – №6. – Режим доступа: <http://www.ebiblioteka.ru/sources/article.jsp?id=19539138>
10. Войтенко М. «Джентльмены удачи» не трепещут / М. Войтенко [Электронный ресурс] / Независимое военное обозрение. – Электрон. журнал. – 2008. – №35. – Режим доступа: <http://www.ebiblioteka.ru/sources/article.jsp?id=18991880>

УДК 398.0 (471.6)

ББК 63.5

Отечественная история, этнология

МАГИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ В ЭТНОМЕДИЦИНЕ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА*

Кандидат исторических наук Л. К. Текеева

Данная статья посвящена иррациональным приемам в этномедицине тюркоязычных народов Северного Кавказа, которые используются, не только самостоятельно, но и в комплексе с так называемыми рациональными приемами. Особое внимание автор обращает на психотерапевтическую роль магии в лечебном процессе.

Автор делает выводы, что формирование традиционной медицинской культуры тюркоязычных народов Северного Кавказа связано с процессами адаптации этносов к осваиваемой природной среде.

Ключевые слова

Этномедицина, магия, знахарство, заговор, ритуал

Проблема магии, ее место в общечеловеческой культуре, её отношение к религии и науке является крайне сложной и противоречивой. В настоящее время наметились кардинально новые подходы, стремящиеся вскрыть не только социально-культурные, но и психологические и даже физиологические корни магических представлений [5].

Как, известно, наиболее широкое отражение магия во всех своих формах и типах нашла во врачевании, хотя современные исследования не в полной мере раскрывают ее значимость в лечебном процессе. В этой связи, остается правомерным указание С. А. Токарева на ее психотерапевтическую роль [11. С. 419]. Осо-

бое место магические приемы занимали в народной медицине тюркоязычных народов Северного Кавказа и использовались как самостоятельно, так и в комплексе с так называемыми рациональными приемами. Иррациональных способов лечения в этномедицине было достаточно много, однако, самыми распространенными среди них следует признать заговоры и молитвы. Их значимость для этнических обществ была настолько велика, что заговоры передавались в устной форме из поколения в поколение, сохраняя первоначальный текст без изменений, дабы не нарушить его силу. Заговоры, как правило, сопровождались ритуальными действиями. Функциональная основа загово-

* Публикация осуществляется при финансовой поддержке РГНФ проект №12-11-09002 «Рациональные и иррациональные приемы в этномедицине народов Северо-Западного Кавказа».

ра заключалась в ослаблении и лечении различных болезней. Каждое слово обладало особым смыслом. Словесные формулы воздействия на человека широко распространены и у ногайцев. В частности, А. И. Сикалиев пишет: «Жизнь ногайца от рождения до смерти, его труд, удовлетворение его естественных и духовных потребностей были пронизаны суевериями и обрамлены сотнями условностей, символов, сопровождались обрядами в которых, так или иначе, участвовало магическое слово» [8. С. 68].

В принципе, такая особенность характерна и для других народов Кавказа. «В формировании данных представлений, прежде всего, велика роль географического фактора – специфика существования в условиях горного региона имела определенное значение в формировании традиционного мировоззрения кавказских народов, сложившегося в глубокой древности, задолго до появления на Кавказе Христианства и Ислама» – отмечает Б. В. Иванов [4. С. 112].

Поднимая вопрос о зарождении заговоров, отметим, что часть их появилась стихийно, в силу необходимости. Мы знаем, что в представлении первобытного человека само слово имело материальный смысл: от крика человека убегали животные, по его приказанию выполнялись те или иные действия людьми или животными. Приказы при помощи слов, действие внушением, психическое воздействие знахаря на больного, несомненно, влияющее на ход болезни, – все это способствовало появлению веры в силу человеческого слова [6. С. 36].

Наряду с традиционными способами лечения не следует забывать о мощном, но ещё малопонятном процессе исцеления как «плацебо – эффект». «Плацебо» от латинского – «доставлю удовольствие». Это малоизученный процесс, в котором такие психологические факторы, как вера и ожидание, запускают ответную реакцию исцеления, которая может быть настолько же мощной, как и любая конвенцио-

нальная терапия – будь то медикаменты, хирургия или психотерапия – для решения широкого круга медицинских и психологических проблем [16. Р. 28].

Научные наблюдения подтверждают, что плацебо-эффекты могут быть чрезвычайно мощными. Так как даже та часть людей, которые в лечении применяют абсолютно неактивные плацебо, демонстрируют значительные улучшения в состоянии здоровья [16. Р. 21]. Это позволяет полагать, что плацебо-эффект являлся значительным фактором в большинстве терапий на протяжении всей человеческой истории. В этом плане убедительно мнение Херберта Бенсона, автора популярной книги «Ответная реакция расслабления», описавшего в своем исследовании ряд причудливых вещей, которые когда-то считались эффективными лечебными средствами. «В прошлом – пишет он, – эффективным средством против болезней считались самые разнообразные вещества и предметы: кровь ящерицы, толченые пауки, протухшее мясо, крокодилий помет, жир медведя, лисьи легкие, жир енота и его мех... Когда пациент и врач, оба верили в данное средство, оно действительно помогало» [14. Р. 45]. Конечно, слова убеждения и ожидание являются ключевыми силами плацебо-реакции. Опытные целители во все времена и у всех народов понимали то, что называется «исцеляющей силой слова».

Подобные плацебо – эффекты имели место и у тюркоязычных народов Северного Кавказа. Так, горцы предполагали, что различными лечебными свойствами обладает вода. Воду они считали очищающей и целительной силой. Особыми свойствами, по их мнению, обладала святая вода. Особую роль играла в лечебной магии и «наговоренная» вода. Горцы широко использовали и минеральные воды, – источники, которыми были богаты регионы проживания тюркоязычных народов Северного Кавказа. Здесь, наряду с мистико-религиозными представлениями

имеются и рациональные взгляды, под-сказанные богатейшим житейским опы-том.

Исследование показало, что под об-щим термином «лечебная магия» высту-пали парциальная, контактная, вертикаль-ная, предохранительная (профилактичес-кая) виды магии, которые дополняя одна другую, в течение длительного времени были неразрывно связаны между собой.

Так, по поверьям тюркоязычных наро-дов Северного Кавказа, психические за-болевания вызывались злыми духами, порой божествами или воздействием дур-ного глаза. В таких случаях лечение велось религиозно-магическими средствами, на-правленными на избавление пострадав-шего от влияния злого духа и воздействия дурного глаза. В качестве очистительной магии использовались вода, железо, огонь, соль.

Значительную роль в религиозно-ма-гических ритуалах, связанных с лечением психических заболеваний играли внуше-ние, самовнушение, гипноз. Не зря знаха-рей, целителей, шаманов называют пер-выми психотерапевтами человечества. Если учесть огромное разнообразие методик и подходов, применяемых в этом виде терапии, то это неудивительно.

По определению одного из передовых исследователей в области психотерапии Джерона Франка, психотерапия – это спла-нированное, эмоционально опрошенное, доверительное взаимодействие между обу-ченным, социально санкционированным целителем и нуждающимся в помощи. Во время этого взаимодействия целитель ищет пути облегчения дистресса у паци-ента через символические связи, в основ-ном посредством слов и иногда через те-лесную активность. Все психотерапевти-ческие методы – это расширенные, дора-ботанные вариации древних процедур психологического исцеления [15. Р. 164].

Ярким примером катартической магии, может служить кровопускание, широко практиковавшееся в народной медицине

и максимально приближенное к рацио-нальной практике. Считалось, что бо-лезнь связана с накоплением дурной кро-ви в организме, которую необходимо вы-пустить. К катартическим приемам в ле-чебной магии очень близки апотропеи-ческие. Катартическая магия стремится изгнать болезнь уже протекающую в чело-века, апотропеическая же – не допустить ее проникновения [11. С. 473].

Наряду с рациональными приемами, в практике тюркоязычных народов Север-ного Кавказа большую роль играли раз-личные талисманы, амулеты, призванные ограждать человека от возможного вреда, колдовства и болезни. Широкое примене-ние амулетов и талисманов на Кавказе подтверждает и Л. Мороховец: «На Кав-казе и в Закавказском крае вы встретите сплошь и рядом всадника, увешанного не оружием с ног до головы, а ладанками, талисманами – конь и всадник одинаково увешаны мешочками. Змеиная кожа, но-симая на шее, есть верное средство от лихорадки» [7. С. 252].

У кумыков веточка айвового дерева оберегает от сглаза, черных сил своего об-ладателя или дом, в котором находится [3. С. 184]. Балкарцы, в качестве оберега но-сили щепки дерева Раубазы. Наиболее ар-хаичными можно считать дошедшие до наших дней амулеты с собачьим калом, зернышками ячменя, древесными уголь-ками, также зашитыми в материю и при-крепленными к одежде на невидном мес-те у взрослых людей, и на видном – у ма-леньких детей. Фетишами – амулетами у тюркоязычных народов Северного Кавка-за считались кусочки различных деревь-ев (кизила, боярышника, шиповника и т.д.). Люди верили, что положенная в кар-ман или прикрепленная к одежде, а так-же подвешенная на шее палочка этих де-ревьев «обладала способностью» не толь-ко вылечивать человека, но и отгонять дурные взоры. Часто целебным свойством наделялся кусок дерева, пораженного мол-нией. Такое дерево считается священным.

Подобные представления зафиксированы и у других народов Кавказа. Так, Г. Ф. Чурсин отмечает, что черкесы в старину, в ограждении себя от дурного глаза носили в качестве талисманов кусочки дерева, в которое ударила молния [8. С. 17].

Кроме вышеперечисленных видов оберегов, большой магической силой наделяли кожу змеи, якобы предохраняющей от сглаза, колдовства и вредной силы. По этому поводу П. Тамбиев пишет: «Если в среду утром натошак найдешь зеленую змеиную шкуру, то она целебна» [9]. Её в виде талисмана носили на шее.

Подобные представления о змеиной коже характерны для многих народов мира, в частности для русских. Вера в то, что изображение змеи обладает теми же качествами, что и само животное, привело к появлению амулетов в форме змеи (например, древнерусский «змеевик») или ритуальных предметов с ее изображением [3. С. 184].

Амулеты змеевики, специально изготовленные искусными мастерами в виде браслетов, были широко распространены в Дагестане. Обычно их носили бездетные и больные женщины [3. С. 184-185].

Интересно, что в качестве оберега выступает соль, якобы избавлявшая человека от недуга. Соль служит оберегом как самостоятельно, так и в сочетании с другими предметами, в частности с древесным углем, зернышками ячменя.

Каждый из этих предметов имеет собственную исцеляющую силу, но по убеждению верующих, в сочетании с солью, они значительно увеличивают ее.

Не последнюю роль в этномедицине играли животные и части их тела. Так, средствами от недугов у кумыков считались кости и клыки различных животных, в частности кабана, козы, барана, лисы, волчьих зубы, медвежьи лапы. И сегодня в некоторых семьях в качестве талисмана и оберега хранятся волчьи зубы, считающиеся символом мужества и уважения.

Части тела убитого медведя служили амулетами апотропеями у алан [2. С. 38].

Тюркоязычные народы Северного Кавказа еще в XIX веке использовали желчный пузырь медведя, давая потреблять его детям, чтобы они были храбрыми. Сердце медведя давали съесть мальчику, так как считали, что это придает силы [10. С. 199].

Кумыки считали, что если рану человека мазать жиром медведя, она быстрее заживет, но вместе с тем раненный становится сердитым как медведь.

Сверхъестественные свойства горцами приписывались отдельным частям тела волка. Например, желчный пузырь и жир животного использовали как исцеляющее средство при легочных болезнях. Ребенку давали испеченную печень и сердце волка, чтобы он был таким же храбрым. Аналогичным образом поступали и в отношении щенков, давая им волчье мясо. Волчью шкуру развешивали против сглаза на палках. Зуб волка вешали на грудь ребенка, как оберег против сглаза. Чтобы дети переносили оспу безболезненно, их заставляли перешагивать через живого волка.

Больного ребенка также лечили протаскиванием под пастью или под шкурой волка. После этого, к люльке подвешивали кусочки шкуры и косточку из волчьей пасти, просверленный волчий альчик, заплетали из волчьей шерсти косички и вместе с просверленной волчьей косточкой и костями привязывали к колыбели [10. С. 36].

Части тела волка широко использовали любовной магии. Достаточно было иметь клочок его шерсти и прикоснуться им к любимому человеку, чтобы тот ответил взаимностью. Чтобы любящие люди разлюбили друг друга, достаточно было пронести между ними волчий глаз.

Магическими свойствами наделяли и лису. Так, для охраны от сглаза, на фасаде дома вешали кость лисы (кумыки). Клык ее служил оберегом от дурных взглядов. Видимо, эта роль лисы в охранительной магии была связана с ее репутацией хитрого животного. Считали, что кость лисы может схитрить, как и она сама, обмануть

дурной взгляд и отвести вред от обладателя ее клыка.

У кумыков оберегом от вредных сил служили также оленьи рога и черепа, отгонявшие различные болезни.

Особой магической силой тюркоязычные народы Северного Кавказа наделяли собаку. Так, по поверьям горцев рана заживает быстрее от прикосновения собачьей шерсти, кости. И обязательно надо было человеку, которого укусила собака, дать нюхать зажженную собачью шерсть, а затем приложить ее к ране. Это должно было спасти человека от злых духов, заключенных в собаке.

Вместе с тем, считали, что мясо собаки оказывает магическое воздействие и лечит от туберкулеза и малярии. Но его нельзя есть здоровым людям, в противном случае они потеряют рассудок.

Магическими птицами считались ласточка и голубь. Поедание вареного сердца дятла считали действенным средством от бесплодия. Различные психические заболевания устраняет мясо курицы и петуха [1. С. 180-181].

Приведенный материал показывает, какое место в духовной культуре тюркских народов Северного Кавказа занимали магические представления. В приемах народной медицины представлены все ее виды и типы. Наиболее широко представлен имитативный и гомеопатический тип. Характерной особенностью является также вера в магические свойства животных и использование этих свойств в этномедицине. Верили также в обереги и талисманы, применяемые для защиты детей и взрослых от злых сил.

В целом, формирование традиционной медицинской культуры тюркских народов Северного Кавказа связано с процессами адаптации людей к осваиваемой природной среде. В процессе жизнедеятельности этнических сообществ формируется такая система культурных традиций, которая способствовала бы поддержанию определенного гомеостаза в данной экологической нише.

Нетрудно заметить, что выработанная в условиях тесной интуитивной связи человека с природой, народная медицина не ограничивается знаниями лечения болезней, а при взаимодействии с другими элементами культуры этноса создает систему санологических традиций.

Накопление опыта происходило через познание осязаемого мира, выступающего символикой невидимого, сверхъестественного. Главные действующие лица знахари, в руках которых лечение становится не только терапевтическим, но и сакрально-магическим.

Ощущая себя частью окружающей его природы, человек использовал в качестве лекарств все, что давала эта природа: растения, продукты животного происхождения, минералы. Весь комплекс лекарственных средств в этномедицине тюркских народов Северного Кавказа – это результат адаптации к окружающей природной среде. На наш взгляд, ценный опыт народной медицины, возможно, требует изучения и осмысления его возможного использования в современных условиях, так как основанные на психологическом факторе воздействия на человека, подобные способы лечения давали положительные результаты.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Аджиев А. М. Устное народное творчество. – Махачкала, 2005.
2. Алексеева Е. П. О семантике орнамента глиняных и металлических изделий из археологических памятников Карачаево-Черкесии и о некоторых культах // Проблема археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1985.
3. Гаджиев Г. А. Амулеты и талисманы народов Дагестана. – Махачкала, 1996.

4. Иванов Б. В. О древности некоторых религиозно-магических представлений в традиционной культуре народов Кавказа // Религия и атеизм в истории культуры. Тезисы докладов. – Ленинград, 1989.
5. Логинов А. В. Этнологические подходы в американском религиоведении // Этнология в США и Канаде. – М., 1989.
6. Минько Л. И. Знахарство. – Минск, 1971.
7. Мороховец Л. История и соотношение медицинских знаний. – М., 1903.
8. Сикалиев А. И. Магическая поэзия ногойцев // Магическая поэзия народов Северного Кавказа. – Махачкала, 1989.
9. Тамбиев П. Приметы и поверья. Лекарство и выздоровление // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXVI. Отд. 3. – Тбилиси, 1899.
10. Теков Б. В. Очерки древней истории археологии Юго-Осетии. – Тбилиси, 1971.
11. Токарев С. А. Ранние формы религии. – М., 1990.
12. Чурсин Г. Ф. Амулеты и талисманы кавказских народов. – Махачкала, 1929.
13. Шивяков А. И. Образ лягушки в верованиях народов Евразии. – Ташкент, 1995.
14. Benson H. The Placebo effect /Harvard Medical School Health letter. – New York, 1980.
15. Frank, J. Therapeutic components. – New York: Plenum, 1985.
16. Hurley The Placebo: The hidden assef/ investigations. – New York, 1985.

УДК 904:94(38).09
ББК 63.443.2+63.3(0)329.48
Археология, античная история

ГОРОДИЩЕ АРТЕЗИАН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I В. ДО Н. Э. – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I В. Н. Э.¹

Доктор исторических наук Н. И. Винокуров

Статья посвящена исследованию археологических комплексов второй половины I в. до н. э. – первой половины I н. э. античного многослойного городища Артезиан, одной из царских крепостей Боспора. Это – единственный памятник в Восточном Крыму, дающий на сегодняшний день яркий материал, свидетельствующий о начале активного военного проникновения Римской империи на территорию Боспорского государства. Здесь был открыт слой пожара времени римско-боспорской войны 44/45-49 гг. Обилие редчайших артефактов, среди которых десятки фрагментированных терракотовых фигурок, тысячи монет, остатки оружия, украшений, бытовой утвари и различных сакральных предметов, делает этот памятник эталонным для всего Северного Причерноморья. Уникальность артезианских материалов из слоя пожара заключается в их разнообразии и узкой хронологической дате, привязанной к важным событиям не только боспорской, но и средиземноморской истории, существенно повлиявших на военно-политическую ситуацию в Причерноморье.

Ключевые слова

Исторические процессы, археология Боспора, периодизация, хронология, типология, боспоро-римская война, фортификация, система расселения, архитектура, коммуникации, хозяйственная деятельность

Городище «Артезиан» находится в центре одноименного урочища, в пяти километрах к востоку от Азовского моря и в трех километрах к северо-западу от современного поселка Чистополье. Это поселение исследовано лучше многих античных городищ степной зоны Боспора [1. С. 3 и сл.]. Его площадь около

7 га. Раскопками изучен культурный слой на площади 6215 кв. м. Городище является многослойным памятником с очень сложной стратиграфией. Мощность слоев энеолетического, античного и средневекового времени достигает около шести метров.

Городище «Артезиан» представляет со-

¹ **Финансирование:** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.1991 «Исследование археологических свидетельств боспоро-римской войны 44/45-49 гг. (по материалам последних раскопок в Крымском Приазовье)».

бой одну из крепостей Крымского Приазовья со сложной планировкой разновременных жилых кварталов и оборонительных сооружений, имеет первоклассное значение как эталонный стратиграфический объект для изучения центральных поселений царской хоры Боспора первых веков нашей эры. На сегодняшний день это единственный реперный памятник в Восточном Крыму, дающий дату начала активного военного проникновения Римской империи на территорию Боспорского государства [2. С. 103 и сл.; 3. С. 67-77]. Здесь был открыт слой пожара времени римско-боспорской войны 44/45-49 гг. [4. С. 83-89; 5. С. 190-199]. На городище при Митридате Евпаторе Дионисе, не позднее середины I в. до н. э., происходят масштабные перепланировочные работы, террасируется неудобный для строительства южный и западный склоны возвышенности. Проведение столь дорогостоящих работ, сопряженных с возведением мощных подпорных стен и перемещением больших масс грунта, единый характер застройки предполагают государственный характер строительства, участие в нем квалифицированной рабочей силы, военных поселенцев и опытных архитекторов. Стены ранних построек разбираются до фундаментов, неровности рельефа выравниваются толстым слоем сырцового развала, возводятся ориентированные по сторонам света сооружения. На южном склоне возвышенности появляются подпорные стены с прилегающими к ним террасами и постройками хозяйственно-жилого комплекса 4, на верхнем плато – хозяйственно-жилые комплексы 2 и 5, 10 и 11.

Среди них особенно монументален *хозяйственно-жилой комплекс 4, который* бытовал во второй четверти – середине I в. до н. э. Раскопом вскрыт его юго-западный угол на площади около 420 кв. м. Стены комплекса толщиной до 1,10 м, ориентированные по сторонам света, сложены в «шахматной» манере, столь популяр-

ной в эллинистическое время. Высота каменных кладок была не менее 2,80-3,20 м. Верх стен, а, возможно, и второй этаж помещений комплекса достраивались из сырцового кирпича. Стены оштукатурены слоем плотной желтой глины, толщиной до 0,05 м. Его кровля была черепичной. Центр комплекса занимала башнеобразная постройка прямоугольной формы с толщиной стен 0,90-1,20 м. Вдоль западной и южной стен следовали прямоугольные помещения, по планировке напоминавшие казарменные постройки. Они имели примерно равные размеры (около 25 кв. м). Южнее располагалась площадь, а западнее – улица шириной до 1,50 м. Полы помещений, площадь и улица вымощены плитами. На уровне полов здания выявлены саманные прямоугольные очаги, части саманных жаровень, хозяйственные ямы. Стены комплекса 4 обрушились в результате землетрясения в южном и юго-западном направлении. Среди руин здания присутствовали фрагменты архитектурных деталей из белого мрамора и известняка, остатки горельефа из известняка с изображением сцены охоты или дионисийского сюжета – свидетельства былого пышного убранства этой постройки и богатства ее владельца. Разрушение здания, вероятно, связано с известным землетрясением 63 г. до н. э. На какой-то период южный участок городища забрасывается, подпорные стены комплекса, вымостки и каменные развалы стен I в. до н. э., оказались полностью или частично выбранными.

Перепланировки, террасирование и нивелировки затронули в I в. до н. э. – I в. н. э. центр и северную часть городища, где открыты ямы по добыче глины и золистые сбросы, которые вместе с другими культурными напластованиями образовали насыпь ранних террас. В северо-западном углу раскопа, севернее выше этих объектов, обнаружен юго-восточный угол какой-то *монументальной постройки*, ориентированной по сторонам света, со

стенами толщиной 3,50 м. Их перекрывали фундаменты комплексов 5 и 6 и прорезали поздние ямы первых веков н. э.

В начале первого века нашей эры, после того как добыча глины прекратилась, а стены «монументальной постройки» были разобраны, жители поселения на этот участок сбрасывали бытовой мусор, кухонные отбросы, золу из очагов, а также грунт, срезаемый в ходе строительных и нивелировочных работ в центральной части городища – основание террасы для построек начала I-II вв. н. э. Здесь в начале первого века нашей эры возводятся *хозяйственно-жилой комплекс 5*, а южнее от него – *комплекс 2*. Это были сырцовые сооружения хозяйственно-жилого назначения с регулярной системой планировки, возведенные на каменном основании. Их помещения имели прямоугольную форму, черепичную кровлю, глинобитный пол, плитовые пороги, вымощенные камнем проходы. Стены строились впереплет друг с другом. На некоторых уцелели остатки белой штукатурки. Комплексы имели выраженную винодельческую специализацию, насчитывали несколько строительных периодов, существенно различавшихся в архитектурном плане. В них на первом этапе действовали композитные винодельни. Для приготовления и хранения вина служили полуподвальные помещения с вкопанными пифосами, в каждом из них было не менее 8-12 сосудов. Они датировались монетами царя Асандра 47-30 гг. до н. э. Комплекс 5 сосуществовал в начале I в. н. э. с помещениями первого строительного периода комплекса 2.

В первой половине I в. н. э. здесь происходят масштабные перепланировки: комплекс 2 перестраивается и возводятся помещения второго строительного периода, а на месте разрушенного комплекса 5 появилась *новая постройка с башней (комплекс 6)*. Это был небольшой каменно-сырцовый форт длиной 18,75/19,40 м, шириной – 6,75 м, площадью около 129 м². Центральную его часть занимала круглая оборонительная

башня диаметром около 7,50 м. С запада и востока к ней примыкали два помещения, перекрытых черепичной кровлей. Толщина стен башни 1,20 м, стен помещений – 0,85-0,96 м. *Башня* возведена на массивном каменном основании встык со стенами помещений, выступая на 1,20 м за линию южной стены. Внутреннее ее пространство разделялось контрофорсом, опорой лестничного пролета. Артезианский форт, не включенный во внешнюю систему обороны, входил в общую структуру планировки поселения. Этому не противоречит и его вытянутая с запада – на восток ориентация, совпадавшая с направлением основных коммуникаций и сооруженных вдоль них кварталов поселения. Башня имела высоту не менее 8-12 м, заметно возвышалась над другими постройками и была важным локальным узлом обороны. С ее верхних этажей хорошо просматривались окрестности, Азовское побережье и даже мыс Казантип. Первый этаж, как во многих подобных постройках, был полуподвальным и использовался, судя по находкам пилы и плуга, для хранения сельскохозяйственного инвентаря, вероятно, весьма ценного для земледельца. На Боспоре такие фортификационные объекты встречаются исключительно редко [1. С. 127].

С запада к комплексу 6 примыкала другая постройка, равная ему по ширине и ориентированная также с запада на восток. По всей видимости, она существовала и разрушилась одновременно с комплексом 6. В ее кладке найдена во вторичном использовании массивная часть фриз доордерского ордера из плотного известняка от ордерной постройки, быть может, храма. Все стены построек и основание башни комплекса 6 имели выраженные следы сейсмического воздействия большой мощности – деформации в виде изгибов неправильной формы, смещение рядов кладок по вертикали и горизонтали. Вектор горизонтального смещения фундаментов совпадал с осью разрушения верхних частей стен, сооруженных из сырцовых кирпичей. В

результате действия сейсмических толчков большой интенсивности башня приобрела неправильную яйцевидную форму. Гибель комплекса 6 следует относить, видимо, к I в. н. э.

Южнее, на раскопе III, открыты остатки комплексов 10 и 11 с полуподвалами, которые в целом напоминали описанные выше комплексы 2 и 5. Они функционировали на рубеже нашей эры – первые десятилетия первого века нашей эры, синхронны друг другу и насчитывали два строительных периода, внутри которых также происходили небольшие перестройки, имевшие локальный характер. Судя по планировке, это были сблокированные друг с другом здания, помещения которых использовались преимущественно для хозяйственных целей. Они образовали довольно плотный квартал застройки, охватывающий около 260 кв. м, прекративший свое существования до начала ранней Цитадели, погибшей в 44/45 гг. н. э.

Что касается описанного выше комплекса 2, открытого на раскопе I, то в конце первого I в. до н. э. – начале I в. н. э. он был полностью перестроен, на каком-то этапе сосуществовал вместе с ранней Цитаделью городища и, скорее всего, погиб одновременно с ней.

Крепость, получившая условное название «Цитадель», занимает центр городища и доминирует над местностью. Она возникла в I в. до н. э. – начале I в. н. э. «Цитадель» представляла собой прямоугольник каменно-земляных укреплений со сторонами 40-45х50-55 м. В ходе раскопок прослежены два основных этапа формирования ее оборонительных сооружений – I в. до н. э. – 44/45 гг. н. э. и середины I-II вв. н. э.

Первый период существования крепости завершился трагически: она была взята штурмом в ходе боспоро-римской войны и полностью сгорела [6. С. 38-44]. Наиболее сильным пожар был внутри и по внешнему периметру крепостных стен и башен. Катастрофа имела глобальный

характер и затронула не только крепость, но и прилегавшие к ней жилые кварталы, где также открыты следы пожара.

Планировка ранней Цитадели

Пространство вокруг крепости дополнительно защищалось рвами. Площадь ранней Цитадели городища Артезиан реконструируется по периметру стен и достигала около 856 кв. м (внутри – 546 кв. м), что близко по значению к другим крепостям Боспора – в Ново-Отрадном, Михайловке, Чокракском мысу. Они в литературе условно названы «резиденциями». Фактически, эти памятники боспорского военно-инженерного искусства представляли собой мощные прямоугольные или квадратные форты с мощными высокими стенами и четкой внутренней планировкой. По всей видимости, такие крепостные сооружения были типовыми для второй половины первого века до н. э. – начала первого века нашей эры и их распространение можно связывать с периодом правления царей Асандра и Аспурга.

Ранний ров на раскопе I имел трапециевидную в разрезе форму, уклон внешнего борта до 45°, глубину – 1,50-1,55 м. Его северная и восточная линии, ориентированные по сторонам света, соединялись под прямым углом. Место стыковки плавно закруглялось. В месте поворота ширина рва вверху доходила до 7,20 м, внизу – до 5 м. На внутреннем склоне рва открыт небольшой уступ шириной 0,25-0,28 м, высотой 0,30 м, служивший основанием несохранившейся каменной облицовки. Здесь во вторичном использовании найдена массивная плита из плотного известняка, изначально вмурованная, вероятно, около въездных ворот – в стену или башню. На плите сохранились следы надписи на древнегреческом языке, 2 монограммы и 12 тамгообразных знаков. Обнаруженная находка являлась началом строительной надписи или почетного декрета. Об этом свидетельствовали сле-

ды предварительной разметки трех или четырех строк в виде прямых параллельных линий, процарапанных тонким острым инструментом, расположенные в правой части по центру плиты, ближе к сколу. Тамгообразные знаки и монограммы, гораздо лучше сохранившиеся, были нанесены на одной стороне плиты под небольшим углом по отношению к греческой надписи в период бытования «Цитадели» первого периода. Визуально они образуют одну композицию. Различаются две группы знаков: крупные, глубоко врезаемые и отчетливо читаемые, и мелкие знаки, неглубокие и хуже заметные.

Высота знаков: № 1 - - 80-112 мм; № 2 - - 152 мм; № 3 - - 132 мм; № 4 - - 126 мм; № 5 - - 176 мм; № 6 - - 96 мм; № 7 - - 142 мм; № 8 - - 85-92 мм; № 9.1 - - 25 мм; № 9.2 - - 20 мм; № 10 - - 125 мм; № 11.1 - - 93 мм; № 11.2 - - 61 мм; № 12 - - 35 мм; № 13 - - 59 мм; № 14 - - 18, 35, 40 мм. *Размещение знаков* на плите от выровненного верхнего края плиты: № 1 - - 70/104 мм; № 2 - - 102 мм; № 3 - - 116 мм; № 4 - - 118, № 5 - - 48 мм; № 6 - - 128 мм; № 7 - - 211 мм; № 8 - - 10/22 мм; № 9.1 - - 68/71 мм; № 9.2 - - 109/110 мм; № 10 - - 246 мм; № 11.1 - - 126 мм; № 11.2 - - 122 мм; № 12 - - 105 мм; № 13 - - 319 мм; № 14 - - 510 мм. Разборка старой «Цитадели» на строительный материал и возведение новых укреплений произошли, как показывают находки из засыпанного при этом раннего рва, достаточно быстро, но не ранее 45 г. н. э. Следовательно, по стратиграфическим условиям и датировке монет из слоя строительного отеса, знаки на плите появились до 14-37 гг. Надпись на ней была высече-

на несколько ранее.

Возвращаясь к конструктивным особенностям цитадели, отмечу, что западная линия раннего рва лучшей сохранности обнаружена на раскопе III. Она имеет, как и вся ранняя Цитадель, едва заметное смещение от оси север-юг на ССЗ-ЮЮВ, которого не было зафиксировано на северном отрезке рва. Ров на западе вскрыт на 9,15 м. Глубина его – 3,32 м (от поверхности дно залегало на глубине 4,87 м), ширина в верхней части – 7,62 м, в нижней – 2,42-2,48 м. В разрезе он также был трапециевидной формы, имел два периода существования. На первом этапе ров с грунтовыми бортами был снабжен дренажем, на втором этапе, когда дренаж и дно рва оказались заиленными, его борта выложили камнем. В результате ширина рва в нижней части увеличилась до 3,80 м, а глубина уменьшилась на 1,10-1,20 м. Западная линия рва имела поперечную перемычку, шириной около пяти метров. По ней проходила дорога к Цитадели. В перемычку на уровне дна рва встроены подземный канал дренажа (0,75х0,56 м), прямоугольный в сечении, выложенный насухо из больших блоков и квадров.

На раскопе II, где был выявлен угол стыковки западной и южной линий рва, открыт выстроенный из плит монументальный подземный дренажный канал – водосток. Длина его составила 11,90-11,99 м, ширина по плитам перекрытия – 1,60-1,70 м. Уклон его желоба, направленный с востока на запад, с возвышенной части городища в более низменную, показывает направление отвода сточных вод. Вероятней всего, это был боковой, а не основной дренажный канал, который удалял избыточные атмосферные осадки из оборонительного рва «Цитадели» в сторону накопительного резервуара подпрямоугольной формы (2,47/2,50 х 6,70/6,75 м).

Оборонительный ров второго периода был засыпан в достаточно короткое время, естественно, перед началом стро-

ительства поздней Цитадели. Засыпь рва связана с полной перестройкой центральной части городища и примыкавших к нему кварталов после катастрофы 44/45 г. и связанного с ней пожара. Следует отметить, что облицованные камнем оборонительные рвы исключительно редки, если не сказать, единичны на античных городищах Северного Причерноморья. В нашем случае появление каменной облицовки оборонительного рва – не заранее продуманный фортификационный элемент, а реконструктивная необходимость. Каменная облицовка была призвана укрепить борта рва ранней Цитадели от размыва и возможного обрушения, так как после засорения дренажных каналов дождевая вода перестала удаляться и застаивалась. Сравнительно быстрое заиливание дна рва могло быть вызвано катастрофически обильными осадками в межсезонье, небрежным обслуживанием дренажной системы или какими-то конструктивными просчетами при ее сооружении.

Цитадель первого периода была, судя по последним данным, небольшой площади. Ее ширина с запада на восток вряд ли не превышала 27-28 м (внутри – 21-22 м). Каменные кладки внешних стен полностью выбраны, но их направление фиксировалось траншеями выборок. Исходя из глубины и ширины фундаментов, высота куртин внешних стен была не менее шести метров. Примыкавшие к ним внутренние перегородки также пострадали от выборок, но они сохранились существенно лучше. Высота их – 0,43-1,40 м, ширина – до 1,72 м.

Помещения образованы пересечением крепостных и внутренних стен. В пределы раскопа попали десять прямоугольных помещений. Три из них располагались вдоль западной стены с юга на север: юго-западное угловое помещение 1, узкое помещение 2, выполнявшее, вероятней всего, функцию проходного, и северо-западное помещение 3. Вдоль южной стены – за помещением 1 следовало помещение 4,

скорее всего, внутренний дворик Цитадели. Три других помещения 5-7 примыкали к ним с востока. Восточнее помещения 4 располагались помещения 7 и 10, имевшие хозяйственно-хранилищное назначение. В северной части цитадели находились помещения 5, 6 и 9, в одном из них была мукомольня. Жилой горизонт маркирован вымостками проходов между помещениями и выявлен локальными участками в помещениях 1, 4, 6, 8. Именно там оказались не потревоженные перекопами слои пожара, залегающие *in situ*.

В Помещении 1 площадью 29,43 кв. м действовало святилище. В нем открыты остатки алтаря, занимавшего весь юго-западный угол, а в восточной части помещения 1-14 ямок (предположительно, фавис), заполненных рыхлым золистым серо-коричневым грунтом с мелкими угольками. В горелом слое в восточной части святилища найдены целые и фрагментированные сырцовые кирпичи, прослойки черной жирной сажки, крупных и мелких углей, дуга поясничного позвонка взрослого человека, прокаленные мелкие камни, куски обгоревшей керамики и различных находок. Из двух десятков оплавленных медных монет (некоторые из них были в столбиках по три-четыре монеты вместе) Аспурга 14-37 гг., царицы Гепеппии 37-38 гг. н. э., Агриппии, Митридата VIII 39-45 гг.

В помещении 4, которое располагалось в центре цитадели, открыты в яме из-под пифоса остатки двух деревянных шкатулок складами [7. С. 93 и сл.]. Судя по стратиграфии и взаиморасположению находок, вторая шкатулка была закопана ранее первой. Их деревянные облицовки полностью истлели, но содержимое хорошо сохранилось. В шкатулках оказались сокрытыми женские ювелирные украшения из бронзы, серебра и золота, более 250 боспорских монет и десять денариев императоров Августа и Тиберия.

В заполнении ямы из-под пифоса, ниже уровня залегания кладов, найдены облом-

ки стенок пифоса и нескольких амфор, четыре бронзовые монеты Митридата VIII, синхронные времени закапывания кладов и пожару, а на самом дне ямы – расчищено плоское дно пифоса, сохранившееся *in situ*. Судя по контексту, временной промежуток между извлечением разбитого пифоса, засыпанием ямы и сокрытием кладов был минимальным. Уровень поверхности, с которого были совершены клады-жертвоприношения, зафиксирован несколькими неординарными находками: с юго-запада от пифосной ямы – железным мечом – гладиусом и краснолаковым кувшинчиком, а с севера от нее – большой мотыгой. Они находились на плотном утрамбованном горизонте, полностью покрытом черной жирной сажой с мелкими угольками, толщиной в несколько сантиметров.

Слой пожара, найденный в 2009 г. *in situ* (поверх пифосной ямы с кладами и вымостки), выделялся необычно рыхлой, пылеватой структурой, окрашенностью в красно-бурые и коричнево-черные тона, структурной неоднородностью. Здесь также обнаружены находки, которые не имеют аналогов и ранее не встречались при исследовании городища. В целом слое пожара преобладали обломки керамики и терракотовых фигурок, встречались пирамидальные глиняные грузила, граффити, пряслица, остатки украшений и различных металлических изделий. Все целые кувшины открыты в слое пожара на боку или немного заваленными набок. Напротив, целые солонки, миски и чаши в слое пожара оказались в нормальном положении – на донцах. В одном случае они стояли стопкой по три-четыре сосуда: меньшие миски находились в больших по размеру. Скорее всего, сосуды упали вместе с каких-то полок у стен или с верхних этажей помещений при обвале перегоревших опорных конструкций. Положение мисок объясняется иначе: они были уложены в короба или сундуки и поэтому сохранили при падении свое первоначальное положение. Не случайно рядом с ними были

найжены остатки металлических деталей сундуков, петли и фрагменты оббивки. Кроме того здесь были выявлены перегоревшие до костной золы останки двух людей – взрослого и ребенка.

На перегоревшем тонком углистом слое, практически на уровне жилого горизонта помещения 4, найден железный меч. Среднюю часть меча закрывали останки сгоревшего человека, от которого уцелели отдельные сильно кальцинированные кости скелета. Полотно меча имело характерный для римских гладиусов типа Майнц первого века нашей эры листовидный профиль. При находке общая его длина меча составляла около 60 см. Остатков ножен не обнаружено, как и специальной фурнитуры для подвешивания к поясу или ремню. С востока от рукояти меча в слое горения расчищен краснолаковый узкогорлый кувшинчик с шаровидным туловом для благовоний с отбитым венчиком. Он был опрокинут набок. Верхняя часть тулова кувшина украшена растительным орнаментом в технике барботин. На 0,87-0,89 м к юго-востоку найдена массивная железная мотыга. Она имела округлую рабочую часть и скошенные к втулке боковые стороны. Особенно много выявлено в слое пожара остатков перегоревших изделий из цветных и черных металлов. Кроме того следует упомянуть находку двенадцати оббитых и обгоревших пращевых и метательных ядер из песчаниковых конкреций и известняка.

Локальные линзы пожара севернее и восточнее помещения 4 сохранились и у северного фаса стены 176, севернее помещения 4, в юго-западном углу помещения 6, где среди прочих артефактов несколько десятков боспорских медных монет конца I в. до н. э. – 44/45 г., обгоревшие астрагалы, массивная железная мотыга с трапециевидным рабочим краем. Возможно, здесь также были сокрыты клады. Кроме того, отдельные линзы и ограниченные участки пожара расчищены в помещениях 5, 7, 8 ранней Цитадели. В

западной части помещения 7 зафиксирован углисто-зольный сброс в виде небольшого холмика черного цвета. В нем располагалось хранилище с вкопанными пифосами и хозяйственными ямами. Все пифосы были извлечены после пожара. Между помещениями 7 и 10 располагалось узкое, вытянутое с запада на восток, помещение 8, вымощенное плитами. Скорее всего, здесь был проход, аналогичный, открытому ранее севернее помещения 1. На плитах вымостки, прогоревших до красно-бурого цвета, с черными пятнами жирной копоти и сажи, отложился слой пожара мощностью до 0,18 м. Он не был переотложен и содержал находки 44/45 г., включая более десятка медных монет времени Митридата VIII.

Слой пожара *in situ* был также открыт в помещении 6. Его заполнял слой горения мощностью до 0,50-1,20 м, преимущественно состоявшим из обгоревшего зерна, углей от коробов или корзин, перегоревших балок. При расчистке помещения выявлены обугленные балки деревянного помоста, занимавшего его южную часть. Среди углей от помоста найден железный серп. Он лежал, как и меч, горизонтально на тонком слое сажи интенсивно черного цвета. К северо-востоку от него на полу помещения расчищен аморфный расплав свинца (0,40x0,30 м). Металл спекся в единую массу, с редкими включениями случайно попавших углей и кусков керамики. Общий вес металлического расплава составил 7 кг 415 г. Возможно, это были остатки одной или нескольких свинцовых гирь. В слое пожара также выявлены угли от балок прямоугольного сечения, которые подпирали перекрытие второго этажа. Некоторые из них были прибиты гвоздями к стене 176, в глиняной облицовке которой, разрушенной и прогоревшей до ярко-красного цвета, гвоздей было особенно много.

У северного фасада стены 176 найдены *in situ* нижняя и верхняя диоритовые плиты ротационной зернотерки. Они были

привалены к стене под 45°, боковой стороной упираясь в пол. Положение плит показывает, что в момент пожара они находились на помосте и при прогорании настила завалились на один край. Температура горения была настолько высока, что массивные камни полностью прогорели и совершенно растрескались. Как под зернотерками, так и поверх них – в слое пожара внутри помещения 6 – залегал однородный пласт прогоревших зерновок ячменя или пшеницы. Зерно хранилось на верхнем этаже и в ходе пожара единой массой рухнуло с большой высоты вниз и заполнило все пространство нижних помещений, попав даже во внутренние полости уже частично прогоревшей облицовки каменных стен и растрескавшегося под действием жара соединительного раствора. Важно отметить, что все прогоревшие зерновки имели крупные размеры и представляли собой запасы отборного элитного зерна (возможно, посевного фонда?). В соседних помещениях 5 и 7 остались лишь незначительные следы горелого зерна, так как они после пожара были расчищены и перестроены. Горелый грунт из них был сброшен в траншеи выборки крепостных стен и *in situ* не сохранился.

Как уже установлено, слой пожара был сnivelирован в середине – второй половине первого века нашей эры, основной его массив сброшен в траншеи выборки крепостных стен ранней Цитадели, где почти все находки имели вполне отчетливые следы действия сильного огня. Лишь некоторые артефакты почти не пострадали. Среди них были и уникальные. К примеру, редкая золотая монета царя Аспурга с датой АЛТ – 331 г. б. э. = 34/35 г. н. э. Продукты горения из помещения 1 – святилища, остатки казны, имущества с прогоревших верхних этажей здания были сброшены в угол стыковки ТВ крепостных стен 78.1 и 175.

В слое переотложенного пожара над помещениями 5-7 в 2011 г. найдены в большом количестве остатки разбитых пи-

фосов, амфор, простых гончарных кувшинов и мисок, части краснолаковых открытых сосудов, прогоревшие фрагменты железных оковок, петель и замков ларцов и сундуков, гвоздей, сильно коррозированные мотыги, лемех плуга, обломки вооружения: наконечник дротика, несколько железных ножей и острий кинжалов, пластины от доспехов. Реже встречались перегоревшие бронзовые монеты, раздавленные и оплавленные стеклянные сосуды, целые и фрагментированные сосудики для благовоний, остатки женских украшений и металлических деталей одежды. Судя по набору артефактов, это были, по всей видимости, *разрушенные и расхищенные клады*, закопанные осажденными до штурма крепости. К сожалению, стратиграфия участка была нарушена грабителями и его понимание затруднено.

Постройки, разрушенные за территорией ранней Цитадели в середине I в. н. э.

После гибели ранней Цитадели расположенный севернее от нее комплекс 2, попавший в пределы раскопа I, также прекратил существование, причем одно из западных помещений (№ 1), примыкавшее к борту раскопа, погибло в пожаре. Возможно, пожар затронул и соседние помещения 2-3, но установить это не удалось, так как слой их разрушения выбран позднейшими перекопами и хозяйственными ямами. Пожарище в помещении 1 жителями не разбиралось, поэтому на его глинобитном полу обнаружены разнообразные бытовые вещи, хозяйственная и столовая утварь.

Пожар в помещении был очень сильным. Поверхность пола и камни вымостки прокалились до ярко-красного цвета и были покрыты густой жирной сажей черного цвета, пеплом, золой и углями. Толщина горелого слоя достигала 0,07-0,18 м. В нем найдены неперегоревшие остатки балок перекрытия прямоугольного сече-

ния, диаметром 0,20-0,25 м, длиной до 0,90 м; сильно закопченные тулова красноглиняной узкогорлой амфоры с профилированными ручками, одноручных светлого – и красноглиняного кувшинов на круговых поддонах; оббитый гончарный кувшинчик из серой глины с лощеной поверхностью, несколько раздавленных лепных кружек и мисок, светильники, три десятка компактно лежавших в северо-западном углу помещения пирамидальных грузил от вертикального ткацкого станка (некоторые из них имели клейма в виде отпечатков бороздок ключей и перстней, а также орнамент в виде полосок, нанесенных мелким зубчатым штампом), небольшие фрагменты сильно окисленных железных и медных пластин, четыре части разломанного железного трезубца, пращевое ядро из песчаника, несколько плоских точил неправильной формы, маленькая коричневоглиняная терракота Эрота, изображенного в виде младенца, играющего на лире. В одном из кувшинов находилась сильно горячая жидкость (возможно, нефть, жир или растительное масло), при горении которой образовался массив черной жирной сажи; на обломках стенок одной из лепных мисок сохранились остатки пригоревшей каши из крупномолотой крупы. Интересна находка раздавленного лепного горшка, заполненного известью. В этой связи можно отметить, что при раскопках Пантикапея была обнаружена нижняя часть амфоры с порошком извести, очевидно, заготовленным для приготовления раствора.

В юго-западном углу помещения находился прямоугольный очаг, прорезанный поздней ямой 55. При расчистке в его золистом рыхлом заполнении серо-коричневого цвета обнаружены несколько фрагментов соленов боспорской глины и амфорных стенок, туловище терракотовой собачки(?), железный гвоздь, фрагменты железной окантовки какого-то предмета, скорее всего, рукояти; два однорожковых светильника, один из них клеймом на дон-

це из двух букв «НВ». Кроме того в слое разрушения открыты сильно коррозированные медные монеты, несколько обломков округлых и плоских точил, фрагмент пирамидального грузила, железный гвоздь, бронзовый незамкнутый браслет, фрагмент бронзовой пряжки, несколько плоских бронзовых пластин, возможно, от панциря, малая желудеобразная ножка светлоглиняной широкогорлой амфоры, типа С-Іб, по Ю. Внукову, I в. н. э. – начала II в. н. э., с граффити по свежей глине: «А» или «Δ». Прорезавшие помещение I хозяйственные ямы II-III вв. также содержали некоторые находки из слоя пожара.

В этот же период прекращают существование и другие постройки, сооруженные в южной части городища на рубеже нашей эры – в начале первого века нашей эры. Их остатки обнаружены на раскопе II. Все они погибли одновременно друг с другом. Похожая картина наблюдается и на раскопе I. Время гибели этих построек не выходит за пределы второй-третьей четверти I в. н. э., что можно связывать с событиями боспоро-римской войны 44/45 г. н. э.

Расчистка и перестройки руин ранней Цитадели после пожара 44/45 г.

После катастрофы середины первого века нашей эры «Цитадель» вскоре была отстроена заново. Ров старой «Цитадели», как показывают находки обломков керамики из его заполнения, оказался засыпанным не ранее I в. н. э. Заметного хронологического разрыва между заполнением рва и возведением новых оборонительных сооружений, очевидно, не было.

Тем не менее, в 2011 г. удалось выявить некоторый хронологический зазор между выборкой внешних стен ранней Цитадели и строительством поздней Цитадели. В этот период возникли изолированные постройки, выстроенные с использованием внутренних стен помещений 5 и 7 ранней Цитадели, с севера и юга от стены 176.

В южном помещении 7 после удаления горелого грунта была сложена большая кормушка с отверстием для привязывания домашних животных, сооруженная из нескольких фрагментов разбитого каменного корыта или давяльни. Интересно, что перестройка помещений 5 и 7 произошла, когда уже были выбраны на камень внешние стены ранней Цитадели, а траншеи выборки засыпаны. Показательно, что их новые стены сложены довольно небрежно и наспех, из разнокалиберного мелкого и среднего камня, перегоревшего в пожаре, частично из плит вымосток пола. Вероятно, помещения служили временным укрытием для людей, разбиравших пожарище или строивших новую крепость.

После разрушительных событий первого века н. э., южный участок городища (включая склоны Артезианской (Салынской) балки) забрасывается. Затем началось интенсивное строительство, затронувшее практически всю территорию городища, когда при царе Котисе I (45-68 гг.) на руинах первой цитадели возникла новая постройка с мощными прямоугольными башнями и крепостными стенами, сооруженными из больших рустованных квадров. При этом почти вдвое увеличились ее размеры и возросла толщина стен. Крепость защищал менее глубокий, но более широкий ров, шириной до 10-12 м, с дополнительной внешней стеной – протейхизмой. Но это была уже цитадель иного типа, не только лучше укрепленная, но и выстроенная с применением последних фортификационных новаций.

Центральное положение Артезиана обеспечивало его доминанту над другими поселениями урочища в торговом, сырьевом, ремесленном и оборонном значениях. Этот населенный пункт был удобен для сбора налогов или контроля над поселениями указанной территории, так как находился на равновеликом удалении от морского побережья и ведущих укрепленных поселений соседних территориально-хозяйственных зон. Следует полагать, что, здесь могли в

первой половине I в. н. э. постоянно или временно размещаться представители государственной администрации и какой-то военный контингент. Возможно, среди военных поселенцев, живших на городище, находились люди, занимавшиеся профессионально торговлей, собиравшие и реализо-

вавшие излишки сельскохозяйственной и ремесленной продукции. Наличие дорогостоящих ордерных построек, богатство и разнообразие находок в культурном слое и могилах некрополя, хорошая защищенность крепости, удобство коммуникативной связи со многими районами Боспора предполагают использование ее в качестве царской резиденции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Винокуров Н. И. Археологические памятники в Крымском Приазовье (по материалам ААЭ 1988-2011). – Изд-во: Lap Lambert academic publishing. Германия. 632 – С. 2012.
2. Винокуров Н. И. Война на ближнем боспорском пограничье и ее последствия (по материалам раскопок городища и некрополя Артезиан в Крымском Приазовье) // Боспорские исследования: Сборник научных трудов. Вып. XIX. – Симферополь-Керчь: Крымское отделение Института востоковедения НАН Украины, Центр археологических исследований БФ «Деметра», 2008.
3. Винокуров Н. И. Война, пожар или природная катастрофа: археологические критерии оценок последствий катастроф на памятниках античной археологии в Крымском Приазовье // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria: Сборник научных статей. Выпуск. IX. – Керчь, 2008.
4. Винокуров Н. И. Исследование оборонительного рва ранней Цитадели городища Артезиан // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы: Сборник научных статей. Выпуск X. – Керчь: Крымское отделение Института востоковедения НАН Украины, Центр археологических исследований БФ «Деметра», 2009.
5. Винокуров Н. И. Находки культовых предметов в слое пожара первой половины I в. н. э. в боспорской крепости Артезиан. Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной научной конференции. – Ч. 1. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007.
6. Винокуров Н. И. Боспоро-римская война 44/45-49 гг. и гибель ранней Цитадели городища Артезиан (по материалам раскопок 2004-2008 гг.) // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие открытия и находки: Сборник научных статей. Вып. 1. – Москва-Киев: Институт археологии РАН, 2010.
7. Абрамзон М. Г., Винокуров Н. И., Трейстер М. Ю. Два клада монет и ювелирных изделий времени римско-боспорской войны 45-49 гг. с городища Артезиан // ВДИ. – 2012. – № 3.

УДК 904: 551.4: 911.5: 581.95

ББК 63.4+26.8

Археология, экологическая геоморфология, ландшафтоведение,
география растений

РОЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ФОРМИРОВАНИИ ОСТРОВНЫХ АРЕАЛОВ РЕДКИХ ВИДОВ ЖИВОТНЫХ И РАСТЕНИЙ В БАССЕЙНЕ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ РЕКИ ОКИ*

Кандидат географических наук А. В. Водорезов

Кандидат географических наук В. А. Усков

Кандидат географических наук М. М. Комаров

Кандидат географических наук Е. В. Бирюкова

М. А. Кубенина

С. И. Шишов

Выявлены новые факты обитания редких видов животных и растений на антропогенных формах рельефа. Показано, что антропогенный рельеф в ряде случаев выступает фактором повышения и сохранения биоразнообразия и может использоваться для реконструкции древних природных комплексов.

Ключевые слова

Городище, Красная книга Рязанской области, ландшафт, памятник природы, природный комплекс, рефугиум, фация, экологическая геоморфология

Постановка проблемы. В науке давно дискутируется вопрос о причинах существования островных ареалов ряда типично степных видов животных и растений в центральной части Европейской России. Значительная часть этих видов включена в региональные Красные книги из-за крайней уязвимости их положения на северной границе ареала, фрагментарности участков распространения и малых размерах ценопопуляций. Установлено, что степные виды иногда образуют особые скопления на склонах оборонительных валов древних городищ. Выдвигалась гипотеза, что часть степных видов растений могла проникнуть в центральную Россию в период существования древних городов в процессе активной торговли путем случайного заноса. Возможна и иная причина: степные элементы флоры на валах городищ являются реликтами былых степных сообществ, существовавших ранее на данной территории. В этой связи нами было предпринято изучение природных особенностей древних городищ. По нашим оценкам в пределах Рязанской области сохранилось около 150-ти подобных городищ, из которых к

галаась гипотеза, что часть степных видов растений могла проникнуть в центральную Россию в период существования древних городов в процессе активной торговли путем случайного заноса. Возможна и иная причина: степные элементы флоры на валах городищ являются реликтами былых степных сообществ, существовавших ранее на данной территории. В этой связи нами было предпринято изучение природных особенностей древних городищ. По нашим оценкам в пределах Рязанской области сохранилось около 150-ти подобных городищ, из которых к

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК- 5468.2012.5 (Договор №16.120.11.5468-МК).

моменту начала исследований были относительно изучены только три: городища Ижеславльское, Лубянское и Темгеновское. Причем все они являются не только памятниками истории и археологии, но также получили статус «памятников природы регионального значения» именно из-за наличия уникальных сообществ степных видов растений [13]. Подавляющее большинство остальных городищ к моменту начала исследований не были изучены в ландшафтном отношении.

Предмет, объект и методика исследований. Наиболее отчетливо литолого-геоморфологические особенности территории определяют мозаичность геосистем на уровне малых региональных морфологических комплексов или РМК (термин В.А. Кривцова, [11. С. 145]). Рельеф в бассейне реки Оки в пределах Рязанской области, лежащей в центре Русской равнины, в разной степени преобразован человеком. В ряде случаев антропогенный морфогенез существенно преобразует РМК, выступающие основой отдельных ландшафтов и местностей [7. С. 174].

В процессе данного исследования нами была изучена особая группа антропогенных форм рельефа – грунтовые фортификации (валы и рвы) древних городов и выявлена их роль в сохранении биоразнообразия бассейна р. Оки. Общая информация о размещении городищ и их возрасте нами была получена из источников археологической информации [2, 3, 4], на их основе была построена «картосхема размещения городищ» (рис. 1), на которую были нанесены соответствующими знаками городища, оставленные в разное время. Их валы в соответствии с периодом начала запустения перешли в квазистационарное состояние, то есть более не поддерживаются людьми путем подсыпки, укрепления, а потому, подвержены природным процессам рельефообразования и развития сукцессии. На картосхеме нанесены границы природных зон согласно последним работам в данном направле-

нии специалистов-географов РГУ имени С. А. Есенина под руководством В. А. Кривцова [12]. Ранее нами было установлено: площадки 144 городищ с сохранившимися фортификациями в бассейне р. Оки в пределах Рязанской области занимают около 200 га. Площадь фортификаций составляет около 65 га. Особого внимания заслуживают наиболее крупные насыпи, на склонах которых хорошо выражено действие «принципа предварения Алехина» (25 городищ с валами высотой 2,0-2,4 м, 21 – от 2,5 до 3,4 м, 23 – выше 3,4 м [5].

Достигнутые результаты. Полученные результаты позволяют утверждать: гипотеза «случайного заноса» степных видов на городища несостоятельна. Комплексы степной флоры на склоновых и плоских поверхностях оборонительных валов и рвов древних городищ являются уникальными реликтами степных растительных сообществ, господствовавших в долине реки Прони и реки Цны до начала эпохи активного освоения территории человеком. Для обоснования данных тезисов все изученные городища представлены в виде нескольких групп в зависимости от уникальности их растительного покрова.

1. Городища в зоне широколиственных лесов, на окраине современного поселения, с длительным периодом сельскохозяйственного использования.

Пример. Новоольгово городище. Занимает участок придолинной поверхности междуречного плато на правом берегу р. Оки у места слияния р. Оки и р. Прони (№73 на рис. 1). Городище приподнято над урезом Оки на 45 м и ограничено с юга глубоким крутосклонным Никитинским оврагом, с запада – оползневым склоном долины Оки. С севера и с востока изначально городище не имело естественных рубежей, из-за чего было обнесено валом и рвом. Высота вала над плато городища около 4,0-4,5 м, ров со стороны Никитинского оврага и склона долины сильно эродирован, увеличивающий пе-

Рис. 1. Картограмма размещения городищ в пределах Рязанской области

репад высот между вершиной вала и дном рва, углубленного оврагом, до 12-13 м. Вал сложен из покровных суглинков, залегающих здесь с поверхности. Однако его растительный покров имеет выраженные отличия от иных склоновых поверхностей сходной экспозиции. Основной причиной, видимо, является крайний вариант сухости грунта вала, получающего только атмосферную влагу. Ксерофитность растительности вала дополняет общая бедность флоры, что является следствием долгой аграрной нагрузки. Плато городища ранее распахивалось, земляные фортификации использовались под выгон.

На плато городища сформировался землянично-кострецовый луг с доминированием земляники зеленой и костреца безостого, с участием подмаренника настоящего, репешка обыкновенного, василька лугового, хатмы тюрингенской, горошка мышиного, зверобоя продырявленного. На плоской поверхности вершины вала господствует низкий разреженный травостой из земляники зеленой, тысячелистника обыкновенного и лапчатки серебристой. На отдельных участках вершины к указанным доминантам примешиваются кострец безостый, полынь равнинная, молочай прутьевидный, репешок обыкновенный, выюнок полевой. На склонах вала

южной экспозиции возникло особое ксерофитное сообщество с доминированием тысячелистника обыкновенного, полыни равнинной, молочая прутьевидного. На отдельных участках в верхней части склона формируются заросли терновника. Склон северной экспозиции вала преобразован в овраг с суботвесными склонами, с обширными участками оголенных незадернованных суглинков, с фрагментарными пятнами мать-и-мачехи, реже – пупавки красильной. Склон вала западной экспозиции в верхней половине покрыт полынной растительностью с шиповником, в нижней – мелкотравьем из тысячелистника. Склон вала восточной экспозиции круто падает в ров, причем ров не на всем протяжении эродирован оврагом и сохраняет участок относительно плоского дна. Большая часть склона покрыта древостоем из липы, лещины, ясеня с подлеском из бересклета бородавчатого. В редком травостое изредка встречается дремлик широколистный.

Пример. Городище Старой Рязани (№№ 71-72 на рис. 1) занимает около 70 га и обнесено валами, протяженностью около 1,8 км. Городище Старая Рязань лежит на придолинном участке междуречного плато на правом берегу Оки в западной части крупной ее излучины, именуемой Спасской (Старорязанской) Лукой. Городище с севера востока и юга ограничивают валы. С запада городище ограничивает оползневой правый склон долины Оки, опирающийся на пойму, загроможденную телами оползней четырех возрастных генераций [15. С. 89]. Городище занимает плоскую поверхность междуречного плато с абсолютными отметками 135-138 м, высотой над урезом Оки 45-48 м.

В пределах площадки городища растительность довольно однородна: господствует колокольчиково-порезниковое высокотравье, с фрагментарным доминированием вейника наземного придолинной поверхности междуречного плато с серыми лесными почвами, развитыми на чех-

ле покровных суглинков. Основу фитоценозов образуют колокольчик рапунцелевидный, порезник горный, земляника лесная, вейник. Заметно участие репешка обыкновенного, ежи сборной, тимopheевки луговой, герани луговой, василька лугового, вьюнка полевого, овсяницы луговой, мятлик луговой, типчак. В восточной относительно возвышенной части плато городища Старая Рязань сформировалось подмаренниково-осоковое низкотравье, где господствуют подмаренник настоящий, земляника зеленая. Примесь образуют вероника дубравная, люцерна серповидная, тысячелистник обыкновенный, осока ранняя.

Фортификации Старой Рязани как формы рельефа представлены 10-тью фрагментами оборонительного вала, высотой над поверхностью плато 4,5-7,0 м и шириной основания 22-25 м, и рвом, врезанным в плато на 2,5-3,0 м.

Растительность валов. На склонах валов западной экспозиции развиты землянично-осоково-чабрецовые сообщества, сходные с растительным покровом верхней части склона долины Оки, а также землянично-подмаренниковые разнотравья, где абсолютно доминируют подмаренник настоящий и земляника лесная. На склонах валов южной экспозиции, а также на плоских сухих вершинах валов развиты келериево-типчаковые, келериево-молочайные и типчаковые сообщества. Келериево-молочайные фитоценозы представлены разреженным низкотравьем (0,15-0,25 м), в составе которого резко доминирует молочай прутьевидный, тонконог Делявина, а в примеси тысячелистник благородный и мятлик узколистный, а также изредка пырей ползучий, клевер горный, синеголовник плосколистный, кострец безостый, козлобородник восточный. Типчаковые ассоциации несколько беднее: доминирует типчак, рассеянно келерия Делявина и полынь равнинная. В примеси относительно редкие южные виды: змееголовник тимьяноцветковый,

резак обыкновенный. В юго-восточной части городища в результате донной эрозии днище оборонительного рва преобразовано в глубокий овраг, который, расширяя свои борта, срезал почти половину оборонительного вала.

На плоских поверхностях вершин валов значительна примесь хатмы тюрингской и куртин шандры ранней. В сухие годы на вершине восточного вала формируются бедные видами разреженные сообщества с резким преобладанием подмаренника настоящего. На суботвесных осыпных и разрушаемых осовами склонах возник бедный несомкнутый травостой, из полыни равнинной и икотника серо-зеленого, с редким участием живокости полевой и пупавки красильной, большая часть склона оголена. На склонах валов восточной экспозиции развиты подмаренниково-осоковые низкотравья и келериево-полынные фитоценозы – невысокие (0,2-0,3 м) и разреженные, преобладают полынь равнинная, полынь горькая, келерия Делявина, тимьян Маршалла, тысячелистник благородный. Присутствуют мятлик узколистный, очанка, лапчатка серебристая, изредка – жабрица порезниковая.

Некоторые виды, отмеченные на валах, заслуживают особого внимания. На отдельных участках вала на вершине и на склонах куртины образует шандра ранняя. Ранее вид был известен по находкам 1978 и 1990 гг. по насыпям железных дорог в Александро-Невском районе Рязанской области [9. С. 227], то есть почти на один градус широты южнее. Шандра не типична для региона, и, вероятно, является типично заносным видом. Столь же интересна находка василька раскидистого (*Centaurea diffusa*) на южном склоне Северного вала. Этот кавказско-балканско-малоазиатский вид известен в Рязанской области по находке 1980 года на обочине трассы Рязань – Касимов [9. С. 260].

В целом городище отличается флористической бедностью. Свидетельством бы-

лой антропогенной нагрузки выступают реликтовые наноформы пахотной морфоскульптуры и «козьи тропы» на крутых склонах оврагов, долины и оборонительных валов и рвов. В настоящее время плато городища используется под сенокос, но на валах и на склонах рвов хозяйственная деятельность не ведется. Но периодически сухой травостой уничтожается палами.

В 1,6 км к югу от южной оконечности городища Старая Рязань, в 300 м южнее с. Шатрицы в июне 2012 года нами была обнаружена самая северная точка произрастания в Рязанской области спиреи городчатой, занесенной в Красную книгу региона в широкой трактовке вида (включая спирею Литвинова). Возможно, спирея, является одним из коренных степняков Спасской Луки, популяция которой пострадала в эпоху аграрного освоения.

Пример. Дядьковское городище (№21 на рис. 1) занимает участок поверхности междуречного плато на крайней северной границе рязанского сектора Среднерусской возвышенности, примыкая к правобережной бровке высокого крутого склона долины р. Оки между д. Грачи и д. Новоселки. Склон долины р. Оки ограничивает городище с севера, подковообразный вал и ров обрамляют городище с западной, южной и восточной стороны. По дну рва, врезанного двумя устьями с западной и с восточной стороны от городища, заложены два глубоких оврага, прорезающих склон долины до основания.

Придолинный участок поверхности междуречного плато в пределах городища представлен злаково-разнотравной растительности с доминированием ястребинки зонтичной, овсяницы луговой, на ряде участков с господством вейника наземного и земляники зеленой. Днище рва, врезанного в плато на 1,0-1,5 м покрыто вейниковым высокотравьем с пижмой, подмаренником северным, хвощом полевым, овсяницей луговой. Склон южной экспозиции вала занят несомкнутым травостоем лапчатки серебристой и полыни

равнинной, с редким участием икотника. Вершина вала, приподнятого над поверхностью плато на 1,0-1,5 м, занята полынно-икотниковой ассоциацией с лапчаткой серебристой, очанкой и молочаем прутьевидным. Склон северной экспозиции вала занят ассоциацией буквицы лекарственной, вейника наземного и ястребинки зонтичной, с участием василька лугового, земляники зеленой, зверобоя продырявленного. Вал в западной части правым бортом оврага срезан почти до половины своего сечения. В его субвертикальной почти полностью оголенной стенке устраивают гнездовые норы золотистые шурки.

Сходный характер имеют фитоценозы городищ Вакино (№1,2), Гавердово (№32), Канищево (№9), Рязань (№15а), Льгово (№22), Вышгород (№31), Пальное (№33), Троица-Паленицкое (№37), и др. Все они лежат на окраине или в пределах существующих ныне поселений, долгое время использовались в хозяйстве под пашню, выпас скота и иные нужды, изредка подвергаются выжиганию травостоя. Отличаются общей флористической бедностью, наличием массы рудералов и отсутствием редких элементов флоры.

2. Городища на северной окраине лесостепной зоны с доминированием сообществ остепненных лугов в результате длительной антропогенной нагрузки, с участием единичных редких элементов степной флоры.

Ярким примером является **Темгеновское городище** (№111 на рис. 1), которое лежит на восточной окраине Окско-Цнинского плато у бровки левого крутого высокого склона долины р. Цны, в 0,8 км к северу от с. Темгенево. Городище приподнято над уровнем Цны более чем на 20 м. С поверхности залегают покровные суглинки, подстилаемые известняками, вскрывающиеся на склонах балок и долины. Городище с напольной западной и южной стороны ограничено полукольцевым валом протяженностью 240 м, высотой 4-5 м и рвом глубиной 2 м. Естествен-

ной границей городища с северной стороны является правый склон «Гавриловского оврага» (Темгеновской балки), низовье которой имеет статус памятника природы регионального значения.

Растительность Темгеновской балки видимо представляет собой сложный природный комплекс естественного происхождения, о чем говорит полновесный состав лугово-степной флоры при почти полном отсутствии рудералов и видов остепненных лугов. Склон южной экспозиции Темгеновской балки занят тремя типами сообществ. Нижняя и средняя часть склона занята ассоциациями разнотравно-злаковой луговой степи. Верхнюю часть склона занимают разнотравно-ковыльные луговые степи. На выходах известнякового щебня развиты лесостепные петрофитные группировки. Всего Е. В. Бирюковой отмечено 256 видов сосудистых растений. При обследовании в 2012 году нами подтверждено произрастание 23-х охраняемых в регионе видов растений.

Растительные комплексы в пределах городища гораздо беднее и представлены остепненными злаково-разнотравными лугами с массой рудералов. Выявлено 55 видов из которых в списке охраняемых значатся только 4 (ковыль перистый, скабиоза желтая, черноголовка крупноцветковая, марьянник полевой), растущие на склонах оборонительного вала.

Склон долины Цны к северу от с. Темгенево в конце XIX – начале XX вв. изучался ботаниками П. П. Орловым, Д. И. Литвиновым, К. А. Космовским. Относительно подробное описание было сделано В. В. Алехиным в 1915 г., где Темгеновские известняки представлены как своеобразный оазис степной растительности на северной границе лесостепи [1. С. 42-46]. Здесь же им был поставлен дискуссионный вопрос о возможности заносного появления степных флористических элементов вдали от основного ареала распространения. Н. А. Прозоровский выяснил у местных жителей, что ранее на скло-

нах в массе росла вишня степная, которая исчезла к 1956 г. В 1973-75 гг. балку изучала Е. Г. Гущина, позднее – М. В. Казакова [13. С. 260], в 2010-2012 гг. – наша экспедиция. Сравнение данных разных лет показало: несмотря на имевшую место аграрную нагрузку, Темгеновская балка в течение XX века сохранила богатый состав лесостепной флоры. Валы Темгеновского городища показывают пример начального этапа формирования лесостепной флоры после снятия антропогенной нагрузки за счет проникновения видов из соседних рефугиумов.

3. Городища в зоне лесостепей, на значительном удалении от современных поселений, без сельскохозяйственной нагрузки в течение длительного времени, с крайне высокой степенью биоразнообразия.

Пример. Лубянское городище XI-XIII вв. [4. С. 42]. Лежит в северной части рязанского сектора Среднерусской возвышенности, несколько севернее широтного участка долины р. Прони (№134 на рис. 1). Занимает поверхность междуречья, ограниченную с запада, юга и востока склонами долин р. Лубянки и р. Жраки (левый приток р. Прони), плато приподнято над урезом р. Жраки на 21-22 м. Городище имеет овальную форму, вытянуто с севера на юг на 600 м, с запада на восток на 350 м.

Оборонительный вал ограничивает городище с севера со стороны междуречного плато и достигает 2,5-3,0 м высоты. Три коротких и более низких фрагмента вала (1,0-1,5 м) существуют в южной, юго-восточной и восточной части городища, ограничивая площадку по бровкам склонов долин. В западной части вал отсутствует и имеются все основания полагать, что вал здесь существовал, но был уничтожен водотоком р. Жраки. Левый склон Жраки на данном участке лишен террас, имеет обрывистый характер, и массу признаков протекающей боковой эрозии и осыпания.

В лугово-степных группировках на

склонах валов южной экспозиции давно известны подтвержденные нами в 2012 году факты произрастания охраняемых видов растений в Рязанской области, отсутствующих на окружающей местности. В их числе ковыли перистый, узколистный, Залесского, касатик безлистный, гвоздика Андржейовского, ветреница лесная, горичвет весенний, полынь широколистная, златогоричник эльзасский, серпуха разнолистная. Кроме того, в ходе исследований 2012 года, впервые за долгий период было подтверждено произрастание колокольчика алтайского, не отмечавшегося с 1959 г, овсеца Шелля (с 1972 г), а солнцепет монетчатый был обнаружен Е. В. Бирюковой на городище впервые за всю историю исследований. Нами установлено, что подавляющие части популяций редких видов растений приурочены именно к склонам антропогенных форм рельефа.

Плато городища занято разнотравно-злаковой ассоциацией остепненного луга с некоторым доминированием костреца берегового, типчака, выделяющимися куртинами ковыля перистого. На плато городища и на склонах валов обычен большой набор видов: астрагал датский, бутень Прескотта, валериана русская, василистник малый, вероника колосистая, вьюнок полевой, горошек заборный, горошек тонколистный, девясил шершавый, земляника зеленая, зопник клубненосный, икотник серо-зеленый, клевер альпийский, клевер горный, колокольчик персиколистный, коровяк обыкновенный, кульбаба шершавая, лапчатка серебристая, лютик многоцветковый, молочай полумохнатый, молочай прутьевидный, мятлик узколистный, осока ранняя, песчанка длиннолистная, пиретрум щитковый, подмаренник настоящий, полынь равнинная, пупавка красильная, репешок обыкновенный, смолевка клейкая, таволга обыкновенная, типчак, тысячелистник благородный, тимьян Маршалла, шалфей луговой, козелец пурпурный, ракичник русский.

Наиболее ценным участком по общему флористическому разнообразию и богатству степными элементами является склон южной и юго-восточной экспозиции Южного вала городища. Склон в верхней и средней части занят разнотравно-кострцово-ковыльной ассоциацией. Здесь доминируют 4 вида ковыля (перистый, красивейший, узколистый, Залесского), типчак, кострец береговой, обычный шалфей луговой, клевер горный, кульбаба шершавая, тысячелистник благородный, ирис безлистный, горошек заборный, подмаренник настоящий, щавель конский, таволга обыкновенная, зопник клубненосный, лук круглый. Изредка встречаются гвоздика Андржейовского, златогоричник эльзасский, колокольчик алтайский, серпуха разнолистная. Ряд видов городища произрастают почти исключительно на данном участке, в том числе, ковыль Залесского, овсец Шелля, полынь широколистная, солнцезвезд монетчатый, синяк русский, кострец береговой. Склон вала, и прилегающий к нему с юга пологонаклонный мысовидный участок междуречья при слиянии р. Жраки и р. Лубянки, покрытый низкотравной типчаково-кострцовой ассоциацией с шалфеем, молочаем и подмаренником настоящим, являются стацией местной популяции крапчатого суслика. Вид в Рязанской области распространен спорадично, образует около тридцати небольших разрозненных популяций на открытых склонах к югу от долины Оки (на Окско-Донской равнине и Среднерусской возвышенности). Выявленная нами популяция крапчатого суслика на Лубянском городище, ранее не была известна.

Менее богата злаково-ковыльно-разнотравная лугово-степная ассоциация склона южной экспозиции Северного вала, но только здесь встречаются виды Красной книги региона адонис весенний и ветреница лесная.

Всего из 14 видов Красной Книги Рязанской области, отмеченных на Лубянском

городище, 9 (65%) встречаются почти исключительно на валах (ковыль Залесского, ковыль узколистый, ветреница лесная, гвоздика Андржейовского, горичник весенний, касатик безлистный, полынь широколистная, овсец Шелля, солнцезвезд монетчатый). Другие 5 видов (ковыли перистый и красивейший, златогоричник эльзасский, колокольчик алтайский, серпуха разнолистная) встречаются также в пределах плато городища, но на валах образуют более многочисленные группировки. Нами установлено, что гвоздика Андржейовского и ковыль перистый мигрируют на прилегающие к городищу крутые склоны долины р. Жраки и р. Лубянки.

Пример городища Ижеславль. Городище, площадью 7,2 га, лежит в пределах северо-восточной части Среднерусской возвышенности на правом коренном берегу р. Прони напротив одноименного села (№135 на рис. 1). Придолинная поверхность полого падает к долине упираясь на севере в высокий до 20 м крутой оползневой склон долины. Сложная тройная система фортификаций (три вала и три рва) окружает городище с запада, юга и востока. Ширина полосы валов и рвов достигает 36 м. Темпы разрушения валов и аккумуляции на дне рва по нашим подсчетам 3-7 мм/год [7. С. 70].

В пределах городища исследованиями А. Я. Ипатовой, Е. Г. Гузиной, М. В. Казаковой [9], была выявлена большая группа типично лесостепных и степных видов растений. Особенно важно отметить ковыль перистый и ковыль Залесского, которые занесены в Красную Книгу РФ. Ещё 22 вида значатся в списке видов Красной книги Рязанской области [10].

В процессе наших работ в 2012 году нами была установлена их ландшафтная приуроченность к определенным фациям и составлена геоморфологическая картосхема территории [5]. Фация придолинной поверхности плато, занятой городищем занята подмаренниково-злаковой ассоциацией с доминированием подмаренника

настоящего, мятлика лугового, овсяницы луговой, костреца безостого, с участием песчанки длиннолистной, шалфея лугового, серпухи венценосной, златогоричника эльзасского, зопника клубненосного, репешка обыкновенного, молочая прутьевидного, адониса весеннего. Изредка встречаются чемерица чёрная, василек скабиозовый, ветреница лесная, ковыль перистый, вероятно, заносимый с основного места произрастания на валах.

Фациальное строение фортификаций многократно сложнее и именно здесь представлена большая часть редких видов, часто образующих полноценные группировки. В южной части городища выделяем 9 групп фаций.

1. Фации плоских вершин оборонительных валов заняты тонконогово-ковыльной ассоциацией с участием земляники зеленой, тимьяна Маршалла, клевера горного, девясила шершавого, короставника. Доминируют тонконог гребенчатый и три вида ковыля: перистый, узколистный и Залесского. Второй тип сообществ – келериево-пырейно-ковыльная ассоциация с песчанкой длиннолистной, куртинами ириса безлистного, с редким участием вишни степной, девясила шершавого, горицвета весеннего, клевера альпийского, горошка заборного. На отдельных участках сообщество сменяется низкорослым (0,3-0,4 м) вишарником из вишни степной с ирисом безлистным. 2. Фации верхней части склонов валов южной экспозиции заняты ассоциацией перистого ковыля с горицветом весенним, ирисом безлистным, с участием лапчатки серебристой, полыниравнинной, синяка русского, чистеца прямого с редкими кустами раkitника русского и вишни степной. На отдельных участках развита ассоциация из ковыля узколистного с участием костреца берегового, подмаренника настоящего и клевера альпийского. 3. Фации средней части склонов валов южной экспозиции заняты ассоциацией горошка заборного с пыреем промежуточным или ассо-

циацией горошка заборного с участием спаржи, адониса, ириса, чистеца прямого, молочая полумохнатого, замещаемая на некоторых участках терновниками, высотой до 1,0 м с горошком и молочаем, с участием вишни степной. 4. Фации склонов южной экспозиции (нижняя часть склона вала): развита ассоциация молочая полумохнатого с участием чистеца прямого, василька скабиозового, шалфея лугового, герани-кроваво-красной, горицвета весеннего, либо, кострово-молочайная ассоциация с участием чины гороховидной, шалфея, пижмы, с терновниками. 5. Фации узкого днища внешнего и внутреннего рвов заняты сообществами густого высокотравья с доминированием костра безостого, с участием щавеля конского, горца змеиного и сныти, чередующееся с обширными ассоциациями чемерицы чёрной и чемериочно-крапивного высокотравья. 6. Фация плоского расширенного днища среднего рва лежит выше относительно днищ внешнего и внутреннего рвов и заметно отличается по составу фитоценозов. Здесь развито злаково-разнотравное сообщество с доминированием овсяницы луговой, пырея промежуточного, с крупными куртинами змееголовника Рюйша (основной биотоп вида) в разнотравье. 7. Фации средней части склонов валов северной экспозиции заняты молочаево-чемериочно-мятликовыми сообществами с участием серпухи венценосной, златогоричника, с редкими кустами шиповника, с участием песчанки длиннолистной и герани кроваво-красной. 8. Фации нижней части склонов валов (склон рва) северной экспозиции занимают крапивно-костровые ассоциации с купеной многоцветковой, снытью, с редким участием молочая полумохнатого. 9. Фации верхней части склонов валов северной экспозиции покрывает мятликовое низкотравье с редкими кустами раkitника русского, с участием ковылей перистого и узколистного, тонконога гребенчатого, шалфея лугового, песчанки, люцерны серпо-

видной, подмаренника настоящего, клевера альпийского, чемерицы, изредка – злаотогоричника.

Фортификации, ограничивающие городище с запада и с востока, имеют несколько иной состав растительности и несколько более простое фациальное строение. Склон западной экспозиции внутреннего вала на западной периферии городища в верхней части занят келериево-пырейной ассоциацией с адонисом, песчанкой, полынью полевой, подмаренником настоящим, с рассеянным участием ковыля узколистного, ковыля перистого, гвоздики Андржейовского, колокольчика алтайского, с единичными экземплярами овсеца Шелля, крестовника Швецова. В нижней части склонов формируются группировки молочая полумохнатого. Здесь же обычна серпуха венценосная.

Уникальность растительного покрова городища особенно ярко выявляется при её сравнении с растительностью междуречного плато, на котором лежит городище. Урочище плакора в придолиной полосе поверхности междуречья по периферии городища образует фацию, которая в зависимости от типа хозяйственного освоения занята тремя группами ассоциаций. Подавляющая площадь представлена современной пашней. С юга к городищу, по периферии современной пашни примыкает узкая (3-5 м) полоса горошково-кострово-разнотравного луга с терном, адонисом, чиной гороховидной, с меньшим участием молочая полумохнатого, подмаренника настоящего, клевера горного, вероники длиннолистной, земляники зеленой, лапчатки серебристой, с единичными растениями борца шерстистоустого. Восточнее городища тянется широкая (до 250 м) придолиная полоса залежей на месте бывших пашен, с бедным злаково-разнотравным лугом. Рассеянно в пределах залежи встречается ковыль перистый, семена которого заносятся ветром с валов городища. Отдельные растения удалены на 120-130 м от городища.

Нами было установлено: из 24 видов растений, занесенных в Красную книгу Рязанской области, произрастающих на городище Ижеславль, к земляным фортификациям почти исключительно приурочены 10 видов (ковыли перистый, Залесского, узколистный, овсец Шелля касатик безлистный, гвоздика Андржейовского, змееголовник Рюйша, серпухи разнолистная и венценосная, крестовник Швецова). Остальные редкие виды встречаются и на фортификациях, и на естественных поверхностях. Только борец шерстистоустый и ятрышник шлемоносный не привязаны к искусственному рельефу. Добавим, что валы городища Ижеславль – единственное место произрастания крестовника Швецова в Рязанской области. В ходе обследования были вторично обнаружены виды, известные лишь по находкам 1929 года (овсец Шелля, ятрышник шлемоносный) [9. С. 66, 108]. Важно, что каждый вид приурочен к определенной группе фаций. Заслуживает внимания находка лилии-саранки, вида широколиственных лесов, в чисто травяных группировках. Городище окружают пашни с посадками березы. Видимо, лилия является реликтом былых дубрав и липняков, но произрастает теперь в открытых травяных сообществах на склонах валов северной экспозиции и на склоне долины. Установлены факты самостоятельного расселения ковыля перистого, колокольчика алтайского с территории городища Ижеславль на прилегающие территории междуречного плато и склон долины Прони. Нами выявлено пятое, ранее неизвестное местообитание охраняемого в регионе вида бабочек – пестрянки-эффальт (*Zygaena ephialtes*) [6. С. 75]. Её гусеницы кормятся на вязеле, который на городище, и на прилежащей территории произрастает почти исключительно на склонах оборонительных валов. Принципиально, что ближайшее местонахождение бабочки в регионе обнаружено нами же и находится в 50-ти км южнее в лугово-степных

группировках в долине реки Паники в пределах природного заказника «Милославская лесостепь» [6. С. 75]. Не исключено, что дизъюнктивный характер современного ареала пестрянки-эфиалята вторичен и является результатом деградации ранее сплошного ареала.

Растительные группировки антропогенных склонов городища Ижеславль богаче видами, чем другие островные участки лугово-степной растительности в долине Прони. В частности, склоны у д. Завидовки покрыты старой сетью «козых троп», и в настоящее время используются под выпас скота, периодически выжигаются.

Геоботанические особенности дорожных насыпей и выемок. Возможно ли появление степных элементов флоры на городище Ижеславль путем адвентивного разноса вдоль дорог в эпоху торговли или войн со степными народами? Для выяснения особенностей распространения степных видов растений и их возможного появления на выше описанных городищах нами было проведено дополнительное исследование придорожной флоры в регионе. Попутно, выявлены новые местонахождения редких видов. При анализе литературных данных, дополненных собственными находками, нами установлено, что в Рязанской области к дорожным геокомплексам приурочено обитание свыше 370 видов растений, что составляет 29% флоры региона. Наиболее богато представлены виды семейства сложноцветных – 77 видов (46% видов данного семейства, известных в регионе), злаковых – 54 (46%), крестоцветных – 33 (53%), бобовых – 29 (48%), розоцветных – 18 (21%). К склонам дорожных насыпей и плоским открытым обочинам приурочено местообитание как минимум девяти видов растений Красной книги Рязанской области: кизильника алаунского [8. С. 122] серпухи зюзниколистной [13. С. 162], а также обнаруженных нами в 2012 г. гвоздики песчаной, девясила высокого, скабиозы жел-

той, молодила побегоносного. В рамках данного исследования нами выявлены новые местонахождения последних четырех видов. Сходств дорожной флоры с флорой описанных городищ не установлено.

4. Выводы. Растительность Лубянского и Ижеславльского городищ имеет реликтовый характер, сохраняя многие черты растительного покрова доантропогенной эпохи. Перечислим основные аргументы в пользу теории. Уникальный растительный покров на валах Темгеновского, Лубянского, и, особенно, Ижеславльского городищ представляет собой сложный комплекс степных флористических элементов, где доля рудеральных видов крайне мала. В сложившихся лугово-степных группировках одновременно присутствуют виды, имеющие различные способы расселения семян, что нельзя объяснить случайным заносом. Проведенный анализ флористического состава придорожных комплексов в бассейне реки Оки показал, что растительность откосов насыпей дорог и дорожных кюветов не имеет ничего общего с растительностью фортификаций указанных городищ. Установлена выраженная прямая взаимосвязь между степенью удаленности городища от поселений XIX-XX вв. и числом редких степных элементов. Считаем доказанным: в пределах Среднерусской возвышенности на склонах долины реки Прони на участке её субширотного отрезка в пределах Рязанской области, а возможно, и на прилегающих в долине участках междуречного плато в эпоху Средневековья (300-500 лет назад) господствовали лугово-степные разнотравно-злаковые группировки с участием нескольких видов ковыля, степных кустарников (терна, вишни степной, раkitника русского). После того как город был оставлен, степные элементы заселили склоны фортификаций, а еще позднее именно на склонах фортификаций и сохранились, учитывая, что все плоские и слабонаклонные поверхности

междуречий были повсеместно распахан-ны. Небольшие реликты былых сообществ сохранились на наиболее удаленных от населенных пунктов участках и на крутых склонах на фоне почти повсеместной освоенности территории. Это означает, что

степные ассоциации в долине Прони не являются антропогенными: природная зона лесостепи в бассейне Прони на северо-востоке Среднерусской возвышенности имеет природное происхождение, и существовала до начала освоения территории человеком.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Алехин В. В. Введение во флору Тамбовской губернии. – М., 1915. – 97с.
2. Археологическая карта России: Рязанская область. Ч. 1 / Под. ред. Ю. А.Краснова. – М., 1993. – 260 с.
3. Археологическая карта России: Рязанская область. Ч. 2 / Под. ред. Ю.А.Краснова. – М.: Институт Археологии РАН, 1994. – 221 с.
4. Археологическая карта России: Рязанская область. Ч. 3 / Под. ред. Ю.А.Краснова. – М.: Институт Археологии РАН, 1996. – 210 с.
5. Водорезов А. В. Антропогенные формы рельефа древних городищ в пределах Рязанской области и их роль в сохранении биоразнообразия // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. – 2012. – Вып. 4 (37). – С. 130-155.
6. Водорезов А. В. К вопросу о распространении ряда редких и охраняемых видов беспозвоночных в пределах Рязанской области // Поведение, экология и эволюция животных: монографии, статьи, сообщения / Под общей редакцией В. М. Константинова. – Т. 2. – Рязань: Голос губернии, 2011. – С. 62-80.
7. Водорезов А. В., Кривцов В. А. Антропогенная трансформация рельефа на территории Рязанской области и ее роль в формировании современных ландшафтов. – Рязань: Изд-во РГУ имени С. А. Есенина, 2005. – 219 с.
8. Гущина Е. Г., Васильев С. П. Адвентивные растения железной дороги Рязань – Ряжск // Изучение воздействия биотических и абиотических факторов на флору и фауну СССР. Докл. МОИП. Зоол. и бот., – 1984. – С.122-123.
9. Казакова М. В. Флора Рязанской области. – Рязань: Русское слово, 2004. – 338 с.
10. Красная книга Рязанской области: официальное научное издание. Отв. ред. В. П. Иванчев, М. В. Казакова. – Рязань: НП «Голос губернии», 2011. – 626 с.
11. Кривцов В. А., Водорезов А. В. Особенности строения и формирования рельефа на территории Рязанской области: Монография. – Рязань: Изд-во РГУ имени С. А. Есенина, 2006. – 279 с.
12. Кривцов В. А., Тобратов С. А., Водорезов А. В., Комаров М. М., Железнова О. С., Соловьева Е. А. Природный потенциал ландшафтов Рязанской области: Монография. – Рязань: Изд-во РГУ имени С.А. Есенина, 2011. – 512 с.
13. Природно-заповедный фонд Рязанской области / Сост. М. В. Казакова, Н. А. Со-болев. – Рязань: Русское слово, 2004. – 420 с.
14. Татаренко И. В., Артемкина З. Г. Оценка современного состояния растительного покрова городища Старая Рязань // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. Материалы Шестой Всероссийской конференции. – М.: Институт Наследия, 2002. – С. 359-362.
15. Усков В. А., Стрикалов И. Ю., Водорезов А. В., Милованов С. И., Чернецов А. В., Шишов С. И. К методике изучения культурного слоя на оползнях: анализ археологических и геолого-геоморфологических материалов городища Старая Рязань // Российский научный журнал. – 2012. – № 27. – С. 87-99.

УДК 902.2:551.3

ББК 64.3+26.8

Археология, геоморфология

ПРИРОДНЫЙ И АНТРОПОГЕННЫЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РЕЛЬЕФА ГОРОДИЩА СТАРАЯ РЯЗАНЬ*

Кандидат географических наук В. А. Усков

Кандидат исторических наук И. Ю. Стрикалов

Доктор исторических наук А. В. Чернецов

Кандидат географических наук А. В. Водорезов

Кандидат исторических наук С. И. Милованов

С. И. Шишов

Настоящее исследование направлено на выявление природного и антропогенного факторов формирования современного рельефа уникального археологического памятника древнерусского времени – городища Старая Рязань и позволяет отследить динамику экзогенных рельефообразующих процессов в его пределах за последнее тысячелетие. Полученные результаты могут быть использованы для реконструкций местоположений, состояния и функционирования инженерно-фортификационных сооружений прошлого.

Ключевые слова

Археология, естественнонаучные методы в археологии, инженерно-геологическое бурение, оползни, палеоклиматический анализ

Современный облик историко-археологических объектов и комплексов представляет собой результат непрерывного длительного воздействия разнообразных природных и антропогенных факторов. Однако, геолого-географический анализ их развития и современного существования (то есть рассмотрение памятников археологии как географических объектов) является практически не разработанным аспектом их изучения. Фактически, археологический объект (городище, селище, грунтовой или курганный могильник и т. д.) представляет собой измененный участок рельефа, исто-

рия которого проходит несколько этапов: первичный этап формирования рельефа под воздействием разнообразных природных факторов; этап активного антропогенного воздействия в период создания и функционирования объекта, последующие этапы изменения его геолого-геоморфологического облика в результате прямого и косвенного антропогенного воздействия, а также интенсивного воздействия природных деструктивных экзогенных рельефообразующих процессов.

Тем не менее, эта проблема является весьма актуальной по ряду причин. Реконструкция и определение конкретного со-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 11-06-00158-а.

держания каждого этапа рельефообразования открывает широкие перспективы как для воссоздания первоначального облика историко-археологического объекта, так и для изучения природных процессов предшествовавших и последующих периоду его существования, когда этот период выступает своеобразным хронологическим репером в палеогеографическом исследовании. Определение разнообразных форм антропогенного воздействия (в период строительства объекта, его интенсивного функционирования и последующего использования в иных, отличающихся от первоначальных, формах, например, его распашка или застройка) может служить важным методическим приемом для характеристики интенсивности деструктивных процессов. Кроме того, анализ факторов изменений первоначального рельефа способен стать основой для выработки мероприятий по сохранению объектов археологического наследия.

Целью настоящего исследования было выявление природного и антропогенного факторов формирования современного рельефа уникального археологического объекта – городища Старая Рязань. Реализации данной цели способствовали несколько факторов.

1. Длительный период археологического изучения городища позволил довольно полно и точно выяснить и охарактеризовать этапы и динамику его развития.

Средневековый город возник в XI в. на месте, ранее слабо освоенном человеком. Следы предшествующих поселений (эпохи финальной бронзы и раннего железного века конца II – первой половины I тыс. до н.э., эпохи раннего средневековья IV-VII вв.) зафиксированы лишь на Северном мысу городища, а также на некоторых участках Северного городища и посада Старой Рязани. Строительство фортификационных сооружений, жилых кварталов и объектов инфраструктуры, в целом охватывающее период XI-XIV вв., также довольно полно и точно реконструировано

для каждого участка памятника. После прекращения жизни в городе во второй половине XIV столетия площадка городища практически полностью оставалась свободной от жилой застройки и использовалась исключительно как сельскохозяйственные угодья. При этом время наиболее активного хозяйственного использования также определяется довольно точно на основании изучения истории села Старая Рязань в период позднего средневековья и нового времени – XVII-XIX вв. [2, 7, 12, 17, 20, 21].

2. Результаты четырнадцатилетнего периода комплексного геоэкологического мониторинга на городище Старая Рязань.

С 1999 года по настоящее время в границах городища Старая Рязань и ее окрестностей проводится мониторинг динамики геолого-геоморфологических процессов, результатом которого стал комплекс материалов о геолого-геоморфологическом строении территории городища Старая Рязань и особенностях протекания современных рельефообразующих процессов в его пределах. Это, наряду с накопленными данными о палеоклиматических условиях существования центральной части Русской равнины за последнюю тысячу лет, является важным основанием для решения поставленных задач.

3. Комплекс выполненных нами геоморфологических и инженерно-геологических исследований на городище Старая Рязань.

Помимо анализа научных и архивных материалов археологических раскопок городища Старая Рязань и мониторинга протекания современных рельефообразующих процессов в его пределах для решения обозначенного круга вопросов в течение сезонов 2011 и 2012 гг. были проведены специальные полевые исследования по сбору данных методами инженерно-геологического профилирования и шдающего инженерно-геологического бурения на трех оползнях и одном фрагменте коренного борта долины Оки в преде-

лах городища Старая Рязань [4, 19, 22]. Было пробурено 105 скважин по 10 линиям профилей.

4. Комплекс привлеченных данных, позволяющий выявить периоды активизации природных и природно-антропогенных экзогенных рельефообразующих процессов, ведущих к разрушению участков городища Старая Рязань, а также уточнить размещение инженерно-фортификационных сооружений на его западной периферии.

В границах городища Старая Рязань проявляются (и на протяжении последнего тысячелетия проявлялись) природные, инспирированные человеком (природно-антропогенные – смена интенсивности и направленности протекания которых вызвана антропогенной деятельностью) и антропогенные рельефообразующие процессы. Природные и природно-антропогенные процессы представлены делювиальным (плоскостным и мелкоструйчатым) смывом, осыпанием, оползанием, оплыванием, дефлюкцией, децерацией, гигрогенным крипом, линейной и боковой эрозией, аккумуляцией. Антропогенные процессы, связанные с перемещением масс грунтов и созданием специфических форм рельефа, включают: аграрные, беллигеративные, дорожно-строительные, гидротехнические и прочие.

Рельеф, как совокупность неровностей земной поверхности разного иерархического ранга, формируется при непрерывном взаимодействии эндогенных и экзогенных процессов. Для центра Русской равнины (в том числе, окрестностей Старой Рязани), занимающего центр относительно стабильной плиты древней Восточно-Европейской платформы, современная активность эндогенных процессов исчисляется долями миллиметров вертикальных движений в год [10] и за период развития Старой Рязани, очевидно, не могла серьезно сказаться на изменении рельефа. В условиях общей тектонической стабильности на первый план выходят

экзогенные рельефообразующие процессы, являющиеся функцией гидроклиматических условий территории.

Анализ палеоклиматических условий позволяет оценить потенциал рельефообразующей экзодинамики в разные исторические периоды. Наиболее значимыми для Старой Рязани являются: антропогенные процессы, сформировавшие основные элементы рельефа городища и оказывающие прямо и косвенно существенное влияние на современную экзодинамику; а из числа природных – склоновые (главным образом, оползневые) и эрозионные процессы, в той или иной степени уничтожившие или преобразовавшие созданные человеком антропогенные формы рельефа.

Среди антропогенных процессов, оказавших существенное влияние на рельеф участка, где вырос город, главную роль играли мероприятия по сооружению оборонительного комплекса – древо-земляных стен, представлявших собой сложную конструкцию из деревянного каркаса, забутованного грунтом. С течением времени это сооружение разрушалось (в процессе пожара или естественного гниения древесины), что приводило к необходимости возведения нового комплекса сооружений при использовании в качестве фундамента насыпи, оставшейся от предшествующего строительного яруса. В результате рельеф площадки городища приобрел новый облик: по контуру городища сформировался мощный (до 7-8 м высотой и 30 м шириной) земляной вал.

Специальное проведенное исследование фортификации Старой Рязани позволяет реконструировать следующую последовательность этапов развития ее оборонительных сооружений. В XI в. были построены первые стены города, окружавшие Северное городище Старой Рязани. Стены погибли в пожаре вскоре после строительства, а на их месте были возведены новые, более сложные оборонительные сооружения. После реконструкции стены продолжали стоять до первой

половины XII в., когда в городе появился свой княжеский стол. Это событие стало важным переломным этапом в развитии оборонительного комплекса: в этот период город был обнесен вторым рядом фортификационных сооружений, охвативших существенно большую территорию Южного городища (площадь города выросла с 7 до 67 га). В течение XII века стены как Северного городища, так и вновь построенного Южного неоднократно перестраивались и ремонтировались, в ходе этих перестроек вырабатывались новые принципы строительства, учитывавшие недостатки предшествующих этапов и использовавшие новые возможности растущего защитного комплекса [16].

Последний этап реконструкции фортификаций датируется первой четвертью XIII в. После разрушения города монгольскими войсками в декабре 1237 г. они более не восстанавливались и не ремонтировались, включившись в природные экзогенные деструктивные процессы. Наиболее существенным изменениям в этот период подверглась оборонительная линия западной части городища, обращенная к Оке. Следует отметить, что в этой части защитного контура древо-земляные сооружения были наименее мощными, что определялось как наличием естественных препятствий (склона коренного берега), так и невозможностью возведения массивных конструкций на береговой кромке, наиболее подверженной процессам осыпания и оползания [6].

Именно в западной периферии городища антропогенные формы рельефа с течением времени претерпели значительные трансформации, подвергаясь воздействию природных экзогенных рельефообразующих процессов, и стали внешне практически неотличимы от естественных форм. Так, в литературе [14, 15] вдоль западной периферии городища указывались нерасчлененные массивы оползней поздних генераций, в пределах которых нами [19] были выявлено шесть оползне-

вых тел, которые предполагалось использовать для апробирования методики изучения культурного слоя на оползнях, сошедших после прекращения активной жизни на археологических объектах. Во время полевого сезона 2012 года было проведено инженерно-геологическое профилирование склона методом щадящего инженерно-геологического бурения одного из таких участков. Сравнительный анализ профиля этого оползневого тела с исследованным в 2011-2012 гг. «эталонным» оползнем, расположенным к северу от этого участка, позволил установить, что этот «оползневой массив» является останцом междуречного плато, отделенным от площадки городища линейным понижением. Были пробурены четыре скважины глубиной от 1,35 до 5,05 м, в которых положение горизонтов залегания горных пород в общих чертах (по согласному залеганию, простиранию, мощности и высотам) совпадает с таковым в свежем обнажении коренного борта долины Оки напротив Борисоглебского собора и верхней части фатьяновского обнажения, расположенного к северу от изучаемого городища. Основным маркером следует признать погребенную брянскую почву обнаруженную скважиной №3 и после пробитую шурфом.

Ранее в научных публикациях [7] указывалось, что именно данный останец представляет собой остатки пандуса въезда в город со стороны Оки. Помимо самого облика этого останца на это указывало и реконструированное расположение уличной сети на участке площадки городища, примыкающего к нему с востока (раскоп 13). Таким образом, проведенные в 2012 году полевые исследования подтвердили антропогенный характер формирования останца, частично преобразованного впоследствии природными процессами.

Новые данные, полученные в ходе этих работ, наряду с исследованиями 2011-2012 гг., открывшими остатки культурного слоя в оползневых телах западной периферии

городища, позволяют по-новому взглянуть и на природные экзогенные процессы, протекавшие на участке Старорязанского городища в период существования города и в столетия, следовавшие за его запустением в XIV в.

Здесь следует несколько подробнее остановиться на анализе палеоклиматических изменений, происходивших на Русской равнине в последнее тысячелетие.

Возрастающее количество атмосферных осадков при сохраняющейся на прежнем уровне температуре теплого периода (то есть, в условиях снижения темпов испарения) ведет к подъему уровня грунтовых вод и, как следствие, к активизации оползневых процессов. В теплые влажные эпохи интенсивно развивается сельское хозяйство, что провоцирует активизацию овражной эрозии. В сухие эпохи, подавлявшие развитие растений, происходило оголение склонов и их осыпание. Связь между температурой воздуха и увлажненностью климата, хотя и существует (в целом, рост температуры ведет к повышению влагоемкости воздуха), но под влиянием иных факторов не всегда отчетливо выражена. Специалисты выделяют теплые влажные, холодные влажные, теплые сухие и холодные сухие эпохи.

Продолжительность инструментальных наблюдений основных климатических параметров на Русской равнине чуть более ста лет, что ненамного превышает стандартный тридцатилетний период, осредненные данные по которому считаются климатическими показателями. Лишь для отдельных метеостанций температурные ряды имеют большую продолжительность: для Москвы о среднемесячной температуре воздуха с 1781 г. (отрывочная информация имеется с 1755), для Санкт-Петербурга – с 1743 г., для Киева – с 1811 г. Использование этих данных для реконструкции палеоклимата эпохи заселения Старой Рязани невозможно.

При подходе к реконструкции палеодинамики влажности климата, учитывая

недостаток данных, мы вынужденно использовали метод актуализма. Сравнение современных данных гидрометеорологических служб Рязани и Рязанской области с данными столетней давности показывает заметный рост среднегодового количества осадков, в частности для метеопоста в пос. Елатье атмосферное увлажнение за период с 1870-х гг. повысилось с 500-600 мм до 650-700, то есть на 10-15% [18]. Проанализированные нами данные метеостанции в г. Михайлове также показывают общее увеличение количества осадков в конце XX века на 7-10% по отношению к среднему значению за период инструментальных наблюдений с 1936 года. Рост количества осадков сопровождался увеличением среднегодовых температур. Сходная картина наблюдается в смежных регионах центра Русской равнины.

По имеющимся сведениям, в течение середины и второй половины XX века процессы оползания в долине Оки развивались спорадично и, в целом, были заторможены. Последние пятнадцать лет в пределах рязанского сектора долины р. Оки ознаменовались явной активизацией оползневых подвижек на высоких склонах коренного борта долины Оки и прилегающих участках склонов в долинах притоков первого порядка (рек и балок). Нами отмечено почти синхронное (± 2 года) появление крупных (30-50 тыс. м³ и более) блоковых или массы небольших чешуевидных оползней, преимущественно на склонах правого борта долины р. Оки, в том числе, у с. Константиново, с. Троицы, в пределах Старорязанской Луки (с. Фатьяновка, с. Исады, д. Старая Рязань), пос. Елатьи. Активизация современных оползневых процессов хорошо коррелирует с общим ростом количества атмосферных осадков. Согласно исследованиям С. А. Тобратова, наблюдающийся рост объема осадков не компенсируется возрастающими температурами, что проявляется в общем повышении коэффициента увлажнения [18]. Естественным результатом

следует считать закономерное повышение уровня грунтовых вод – важного фактора оползания склонов.

В то же время данных о динамике атмосферного увлажнения за исторический период недостаточно. Использование приведенной выше информации по динамике температур в качестве косвенного признака динамики увлажнения может носить лишь вероятностный характер. Л. Н. Гумилёв [5] указывает, что повышение уровня Каспийского моря за последнюю тысячу лет наблюдалось дважды – с конца XII до середины XIV вв и с конца XVI до середины XVIII вв., и сменялось периодами регрессии – с конца XIV до середины XVI вв. и с конца XVIII до конца XX вв. А. С. Монин и Ю. А. Шишков [13] указывают, что повышение уровня Каспийского моря в течение малого ледникового периода (XIV-XVII вв.) в основном происходило из-за увеличения количества осадков в бассейне р. Волги, и, возможно, снижения испарения. По мнению И. Е. Бучинского [1], проводившего анализ летописей и исторических документов, на Европейской территории России в это время участились холодные снежные зимы и дождливые летние сезоны, чаще возникали наводнения.

Кажущаяся взаимосвязь между температурой и увлажнением, за период инструментальных наблюдений с конца XIX века по 1970-е гг. (то есть, исключая конец XX века, на формирование климата которого, возможно, повлиял антропогенный фактор) неоднозначна. Коэффициент линейной корреляции, установленный С. А. Тобратовым [18], между среднегодовой температурой и годовой суммой осадков $+0,05$, однако он существенно возрастает, если сравнивать годовую сумму осадков с температурой летних месяцев ($-0,47$). Сходен показатель и между среднегодовой температурой и осадками летнего времени ($-0,48$). Иначе говоря, в половине случаев связь не обнаружена вовсе (то есть, возможны любые вариации), но в другой –

возникает интересующая нас закономерность: холодное лето сопровождается значительным повышением годового количества осадков (либо в холодный год развивается дождливое лето). Данная ситуация, очевидно, наиболее благоприятствует развитию оползневых процессов. Это означает, что потенциально оползнеопасными можно считать примерно половину случаев смены теплых периодов холодными.

По результатам исследований М. Е. Ляхова [11], использовавшего «методику восстановления климатических норм исторического прошлого по данным об экстремальных климатических явлениях» выявлены тридцатилетние средние температуры воздуха для каждого сезона любого из тридцатилетий за последние восемь веков.

В указанный период в средней полосе России выделяются три тридцатилетия с наиболее низкими зимними температурами воздуха: 1411-1440, 1441-1470 и 1471-1500 гг., когда средние температуры опускались до $-10,0$ – $-10,2^{\circ}\text{C}$, что существенно ниже актуальной климатической нормы ($-8,1^{\circ}\text{C}$ для 1961-90 гг.) При этом в период 1441-1470 гг. отмечались похолодания во все времена года, в особенности летом, когда средняя за 30 лет температура воздуха понизилась по сравнению с 1351-1380 гг. на $1,7^{\circ}\text{C}$. Наиболее тёплым тридцатилетием в летнее время были 1351-1380 гг., когда средняя температура воздуха достигала $18,6^{\circ}\text{C}$ ($17,2^{\circ}\text{C}$ для 1961-90 гг.). Аномально холодные зимы наблюдались в 1466-1470, 1493-1498 гг.; аномально тёплые лета были в период 1361-1374 гг. В частности, период 1360-1370-х гг. на Руси отличался чередой невыносимых засух, сопровождавшихся массовым голодом и сильными городскими пожарами [11].

Согласно реконструкциям В. В. Клименко и А. М. Слепцова [9] по динамике среднегодовой температуры в центре Русской равнины для периода существования Старой Рязани (включая гипотетически более раннее время, не отмеченное в летописях) можно выделить следующие тер-

моинтервалы:

а) заметные потепления: 890–900; 960–980; 1030–1040; 1080–1120; 1140–1160; 1220–1230; 1280–1300; 1360–1400; 1530–1550; 1620–1640; 1720–1730; 1820–1830 гг.;

б) похолодания – около 820–830; 990–1000; 1040–1075; 1125–1130; 1190–1215; 1240–1260; 1320–1335; 1420–1430; 1460; 1650–1700; 1835–1880 гг.

Данные об экстремальных температурах [8] дают сходные результаты:

1) потепления с повышением среднегодовой температуры на $0,5^{\circ}$: 1540, 1620, 1670, 1715–1725, 1775, 1825, 1935, 1950, 1975 гг.;

2) похолодания:

а) существенные (падение температур на $0,5-1,0^{\circ}$): 1425, 1695, 1785–1790 гг.;

б) фактические (падение среднегодовой температуры на $0,4-0,5^{\circ}$): 1465, 1490–1510, 1600, 1640–1645, 1675, 1735–1745, 1810–1815, 1845, 1860 гг.

Обобщая результаты различных исследований, следует сделать вывод: климат Русской равнины в окрестностях Старой Рязани за последнее тысячелетие отличался значительной нестабильностью со сменой холодных и тёплых периодов и общей тенденцией к похолоданию, прерванной в последние полтора века. За каждым из термических пиков могло следовать похолодание с ростом увлажнения, то есть период активизации оползневых процессов.

Для проверки гипотезы мы располагаем, прежде всего, разрозненными историческими документами, несущими информацию о подвижках на склонах, повлекших разрушение материально значимых объектов. Известно, что в XVII веке, а именно, в 1641, 1671 и 1677, 1684 годах и начале XVIII века на склоне Трубежа у кремлевского холма Переяславля-Рязанского, расположенного в 60 км выше по течению, отмечались крупные оползни, которые несмотря на берегоукрепительные работы 1680 года в сумме уничтожили полосу присклоновой части поверхности шириной примерно в 35 м. Кроме

того, известно появление стерильных слоев аллювия в культурных напластованиях в прилегающей части поймы на границе XVI-XVII веков (В. М. Буланкин, устное сообщение), что говорит о возрастании водности реки, заставившей людей бросить ранее обжитые сухие участки. Эти события происходили на фоне общего похолодания. Проверенной информации о более раннем периоде времени по рязанскому региону у нас нет. Тем не менее, сравнивая указанные годы с приведенными выше данными по термоинтервалам и термопикам, отметим почти явное проявление ситуации способствующей развитию оползней. А именно, их активизация приходилась на период смены теплой эпохи на относительно холодную.

Изучение взаимосвязей в системе «климат – рельеф» применительно к территории городища Старая Рязань и окрестностям позволяет сделать следующие выводы. Геоморфологические контуры городища Старая Рязань, на момент основания города, безусловно, были другими. Основным фактором изменения конфигурации выступали процессы боковой эрозии и оползания на склонах речных долин, оконтуривающих территорию, – в первую очередь, Оки и Серебрянки. За период своего существования территория городища Старая Рязань, с определенной ритмичностью в развитии оползней, безвозвратно теряла участки, прежде всего, у склона долины р. Оки. Важнейшие подвижки приходились, видимо, на периоды интенсивного поднятия уровня Каспийского моря – XIII - начало XIV вв и XVII - начало XVIII вв. Внутри этих временных отрезков наибольшая вероятность активизации оползневых процессов приходилась на периоды смены теплых хроноинтервалов на относительно холодные.

В периоды регрессии Каспийского моря склоны должны были стабилизироваться и существовать без явных изменений. Так, например, в период с конца XVIII до конца XX вв. в окрестностях го-

родища Старая Рязань существенных изменений, связанных с активизацией рельефообразующих процессов не происходило, о чем, в частности, свидетельствует идентичность контуров городища на плане Ф. Г. Солнцева начала XIX века и картах начала XXI века.

Как показывают наши исследования, в укреплениях вдоль бровки западного склона городища, обращенного к Оке, участвовал оборонительный вал, позднее превращенный в массы деляпсия, лежащие у подножия [3, 4, 19, 22].

Ритмичность оползания, обусловленная динамикой климата, могла заметно влиять и даже определять обороноспособность, политические и социально-экономические события в городе периода его упадка (после событий 1237 г.). Вполне возможно, что активизация процессов оползания стала одним из факторов, не позволивших во второй половине XIII - XIV вв. провести восстановительные работы старорязанских укреплений и косвенно способствовавших окончательному

прекращению активной жизни на городище Старая Рязань.

Настоящее исследование позволяет отследить динамику экзогенных рельефообразующих процессов на городище Старая Рязань за последнее тысячелетие и его результаты могут быть использованы для реконструкций местоположений, состояния и функционирования инженерно-фортификационных сооружений прошлого, что было показано на примере пандуса, расположенного на западной периферии изучаемого городища.

Авторы выражают признательность за консультации по отдельным вопросам, рассматриваемым в статье, сотрудникам кафедры физической географии и методики преподавания географии Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина – Кривцову Вячеславу Андреевичу, доктору географических наук, профессору, заведующему кафедрой и Тобратову Сергею Анатольевичу, кандидату биологических наук, доценту, руководителю лаборатории геохимии ландшафтов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бучинский И. Е. О климате прошлого Русской равнины. – Л.: Гидрометеиздат, 1957. – 142 с.
2. Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы / Отв. ред. А. В. Чернецов. – М.: Памятники исторической мысли, 2005. – 589 с.
3. Водорезов А. В., Комаров М. М., Шишов С. И., Усков В. А. Геоморфологические особенности древних городищ в бассейне реки Оки в пределах Рязанской области // Формирование экологической культуры и среда обитания на территории урбоэкосистем. – Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. – С. 128-136.
4. Водорезов А. В., Милованов С. И., Стрикалов И. Ю., Усков В. А., Чернецов А. В., Шишов С. И. Эколого-геолого-геоморфологическо-археологический подход к изучению погребенных форм реликтового рельефа (на примере городища Старая Рязань Спасского района Рязанской области) // Антропогенная геоморфология: наука и практика: материалы XXXII Пленума Геоморфологической Комиссии РАН. – М.; Белгород: ИД «Белгород», 2012. – С. 181-185.
5. Гумилёв Л. Н. Хазария и Каспий // Вестник Ленинградского университета. – 1964. – № 6. – Вып. 1. – С. 83-95.
6. Даркевич В. П. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966-1969 гг.) // Археология Рязанской земли. – М.: Наука, 1974. – С. 19-71.
7. Даркевич В. П., Борисевич Г. В. Древняя столица Рязанской земли. – М.: Кругъ, 1995. – 448 с.

8. Клименко В. В., Климанов В. А., Сирин А. А., Слепцов А. М. Изменение климата на западе европейской части России в позднем голоцене // Доклады академии наук. – 2001. – Т. 376. – №5. – С. 679-683.
9. Клименко В. В., Слепцов А. М. Климат и история России в IX-XVI вв. // Вестник МЭИ. – 1999. – № 2. – С. 85-93.
10. Кривцов В. А., Водорезов А. В. Особенности строения и формирования рельефа на территории Рязанской области. – Рязань: РГУ, 2006. – 200 с.
11. Ляхов М. Е. Климатические экстремумы в центральной части Европейской территории СССР в XIII-XX вв. // Известия АН СССР. Серия географическая. – 1984. – №6. – С. 68-74.
12. Монгайт А. Л. Материалы и исследования по археологии СССР. – Т. 49. Старая Рязань. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 228 с.
13. Монин А. С., Шишков Ю. А. История климата. – Л.: Гидрометеиздат, 1979. – 407 с.
14. Несмеянов С. А., Воейкова О. А. и др. О результатах геоэкологической экспедиции на городище Старая Рязань за 2003 год: отчет. – Рязань, 2003. – 117 с.
15. Несмеянов С. А., Воейкова О. А. Развитие платформенных склонов и проявления оползневых и эрозионных процессов на исторических территориях // Склоны на исторических территориях: Материалы VII Международного научно-практического семинара «Комплексное изучение и сохранение исторических территорий». – Рязань: Изд-во Рязанского историко-архитектурного музея заповедника, 2006. – С. 95-102.
16. Стрикалов И. Ю. Оборонительный комплекс Южного городища Старой Рязани в свете новых исследований // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 7. – М.: Институт археологии РАН, 2011. – С. 109-132.
17. Стрикалов И. Ю., Чернецов А. В. Работы Старорязанской экспедиции в 1994-2010 гг. (хроника исследований) // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур. – Рязань: РИАМЗ, 2012. – С. 16-55.
18. Тобратов С. А., Хламцова О. В. К вопросу об изменениях климата Рязанской области за период инструментальных наблюдений // Вопросы региональной географии и геоэкологии: «Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский и географическая наука: вопросы региональной географии». Межвузовский сборник научных трудов. – Рязань, 2007. – С. 101-117.
19. Усков В. А., Стрикалов И. Ю., Водорезов А. В., Милованов С. И., Чернецов А. В., Шишов С. И. К методике изучения культурного слоя на оползнях: анализ археологических и геолого-геоморфологических материалов городища Старая Рязань // Российский научный журнал. – 2012. – №2 (27). – С. 87-99.
20. Чернецов А. В. Историко-археологическое изучение Рязанской земли: современное состояние и перспективы // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. – М.: Памятники исторической мысли, 2005. – С. 7-33.
21. Чернецов А. В., Стрикалов И. Ю. Старая Рязань и монголо-татарское нашествие в свете новых исследований // Русь в XIII в. Древности темного времени. – М., 2003. – С. 18-33.
22. Uskov V. A., Strikalov I. Yu., Shishov S. I. Research and studies of cultural layers in landslides (on the example of the archaeological site in Staraya Ryazan) // Geomorphic Processes and Geoarchaeology: from Landscape Archaeology to Archaeotourism. International conference held in Moscow-Smolensk, Russia, August 20-24, 2012. Extended abstracts. – М.; Smolensk: Universum, 2012. – P. 272-276.

УДК 001.4:304.44:316.7

ББК 60.5+71.0

Философия, культурология, социология

ПРОБЛЕМА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ: КАТЕГОРИАЛЬНО-ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ

Кандидат культурологии Е. А. Анисина

В статье уточнены, дифференцированы и даны определения благотворительности, меценатству, спонсорству и другим «родственным» понятиям социокультурного бытия современной России. Меценатство рассматривается не только как особая форма благотворительности, но и как самостоятельное социокультурное явление, занимающее значительное место в жизни общества.

Ключевые слова

Благотворительность, милосердие, меценатство, попечительство, патронат, филантропия, спонсорство.

Меценатство, благотворительность, спонсорство. Всё это — термины, в основе которых лежит родовое понятие «помощь», «поддержка». Однако сегодня мы постоянно сталкиваемся с тем, что и в теоретических работах, и на практике, и даже в законодательных актах эти термины смешивают, не учитывая специфику каждого из них, ставя зачастую между ними знак равенства.

Поэтому необходимо выработать чёткую ориентацию в понятийном ряде, особенно когда речь идёт о конкретных ситуациях, в которых возникает вопрос о том, с каким именно явлением мы имеем дело. Это позволит специалистам разных сфер деятельности говорить на одном языке, видеть в принятых ими понятиях совершенно определённый смысл.

По мнению В. О. Ключевского, благо-

творительность — «слово с очень спорным значением и с очень простым смыслом, его многие различно толкуют и все одинаково понимают» [11. С. 1].

В разные периоды российской истории понятие «благотворительность» претерпевало изменения. Если обратиться к словарю В. И. Даля, то здесь акцент делался на добрых чувствах. По Далю, благотворительный, если о человеке, то «готовый делать добро, помогать бедным, об учреждении, заведении: устроенный для призрения дряхлых, увечных, хворых, немощных, или ради попечения об них» [6. С. 94]. В. О. Ключевский, в свою очередь, считал, что благотворительность «была не столько вспомогательным средством общественного благоустройства, сколько необходимым условием личного нравственного здоровья: она больше нужна была самому нищелюбцу, чем нищему»

[10. С. 548].

В «Советском энциклопедическом словаре» [21] «благотворительность» как самостоятельное понятие вообще не обозначена, а дана лишь через «филантропию», которая объясняется предельно кратко – помощь неимущим, благотворительность. Этому есть очень простая причина: советская власть считала благотворительность пережитком прошлого.

С началом перестройки меняется и отношение к благотворительности. В соответствии с ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» (1995 г.) под благотворительностью «понимаются добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки» [25].

Однако и после этого появлялись усе­чённые, урезанные, не соответствующие реалиям сегодняшнего дня определения благотворительности. В словаре «Культура и культурология» (под ред. А. И. Кравченко, 2003) это понятие неоправданно сужено: «оказание нуждающимся материальной помощи как отдельными лицами, так и организациями; участие этих лиц и организаций в социальной поддержке уязвимых групп населения, прежде всего детей и семей с низким достатком, инвалидов, стариков» [13. С. 170].

В исследовании Л. В. Быкасовой утверждается, что «благотворительность – это социокультурное явление, способствующее духовно-нравственному оздоровлению общества, оказывающее весьма существенное влияние на сохранение историко-культурного наследия» [3. С. 8].

Благотворительная деятельность гораздо шире, многогранней. Это и оказание помощи пострадавшим в результате стихийных бедствий и иных катастроф; и социальная поддержка и защита граждан,

которые в силу своих физических и интеллектуальных особенностей, иных обстоятельств не способны самостоятельно реализовывать свои права; и защита материнства и детства; и содействие деятельности в сфере образования, науки, культуры, физической культуры и массового спорта и т. д.

Разнообразны способы изыскания, привлечения средств для поддержки нуждающихся в ней – как отдельного человека, так и целой социокультурной сферы человеческой жизни. Благотворительная деятельность включает в себя и создание фондов, и организацию волонтёрского движения, и проведение специальных социальных акций – балов, конкурсов, концертов, аукционов, обедов, проводимых с условием, что сборы от продажи билетов, выигрыши пойдут в помощь нуждающимся, на общественно-полезные дела.

Л. Н. Толстой в книге «Круг чтения», где собраны его мысли, рассуждения и интересные, на его взгляд, высказывания русских и зарубежных писателей, учёных, политиков, рассуждая о смысле богатства, справедливо подчёркивает, что «благотворение только тогда благотворение, когда оно жертва» [23. С. 117].

Можно сказать, что благотворительная помощь всегда носит безвозмездный характер. В этом смысле она тесно связана с милосердием, которое, как показывает анализ истории и традиций русского народа, относилось к высшим христианским добродетелям и служило нравственной доминантой любого человека. Оно проявлялось в сопричастности к жизни немощных и нуждающихся через различные формы милостыни – «накормить голодного, одеть нагого» (С. Н. Булгаков [См.: 2. С. 129]), «напоить жаждущего, посетить заключённого в темнице» (В. О. Ключевский [См.: 18. С. 62]) и т. д. «Мало кто сегодня помнит, что раньше в каждом доме были специальные лотки в стене для подачи милостыни, сделанные так, чтобы не видно было, кто даёт. Странники, нищие

могли постучать в лоток, и им давали, кто что мог. Милость была непосредственной, безымянной» [5. С. 13].

В основе милосердия лежит доброта, любовь, сострадание, отзывчивость. И не только в христианстве. «Всякое доброе дело есть милосердие. <...> Убеждать ближних, чтобы они были добродетельны, – милосердие. Указать страннику его путь – тоже милосердие» – цитирует Л. Н. Толстой «Предание Мишкат» из наследия Магомета [24. С. 43]. И сегодня многие ученые отмечают, что «благотворительность и милосердие – это те общечеловеческие, социальные ценности, без которых не представляется возможным существование социально здорового, гуманного, цивилизованного гражданского общества» [20. С. 375].

Это очень важно и актуально для современного российского общества – общества транзитного типа (по Н. Л. Новиковой), «где ещё не завершён процесс формирования новой социальной структуры, безусловного утверждения новых идеологий и ценностей» [15. С. 24], где процветает жестокость, насилие, произвол, безнравственность.

Нередко в научной литературе встречается понятие «филантропия». Она была очень развита в конце XIX века. По инициативе и на средства купцов и промышленников в городах, уездах, сёлах строились и открывались богадельни, приюты, ночлежки, где могли найти пристанище и заботу немощные и неимущие люди. Многие из устроителей-филантропов, кроме того, что занимались строительством, приобретением необходимого имущества, ещё и вкладывали в банк определенный капитал, проценты с которого шли на содержание учрежденного заведения.

Термин «филантропия» давно в нашем обиходе, закреплён ещё словарём Даля: «человеколюбие, забота об улучшении участи человечества» [7. С. 534]. Близкие к подобному определения этого понятия дают и некоторые современные словари.

Например, в «Словаре иностранных слов» [19. С. 528] филантропия – благотворительность, помощь нуждающимся, в «Советском энциклопедическом словаре» [21. С. 1423] – помощь неимущим, благотворительность. Слова «филантропия» и «благотворительность», стоящие в таком соседстве, расцениваются как синонимы. А если в научной статье одно из них следует сразу же за другим, взятое в скобки, то получается, что автор тем самым подчеркивает их тождество.

Безусловно, оба эти понятия близки по своей природе, но, на наш взгляд, было бы правильней считать филантропию, в основе которой лежит помощь нуждающимся, неимущим, разновидностью более широкого понятия «благотворительность», в последнее время всё уверенней раздвигающего свои границы в социокультурном пространстве.

Существуют и другие разновидности благотворительности – попечительство, патронат, меценатство – каждая со своей спецификой.

Обладая всеми признаками благотворительности как социокультурного явления, попечительство имеет и характерные именно для него, присущие именно ему черты.

Это долгосрочное оказание всесторонней помощи объекту дарения – правовой, материальной, организационной и другой. Попечительство широко применяется в учебных и культурных учреждениях. Оно позволяет дарителю контролировать использование объектом дарения оказываемой ему помощи.

Внимание исследователей благотворительного «пространства» привлекает и фигура «патрона», который является практически «близнецом» попечителя. Та же долгосрочность в поддержке социокультурной сферы, тот же характер деятельности – финансовое и организационное покровительство, оказываемое конкретному учреждению или отдельным лицам. От слова «патрон» произошло и понятие

«патронат», по аналогии «попечитель - попечительство».

Схожесть попечителя и патрона подкрепляется их совместным участием в ряде попечительских советов, в клубах друзей музеев, театров, спортивных обществ, учебных заведений. Патрон, как и попечитель, не подменяет собой руководителя «подшефного» учреждения. Он выступает в роли покровителя, заступника, благодетеля, как охарактеризовал его ещё В. И. Даль в своём «Словаре живого великорусского языка».

В последнее время происходит путаница в терминах. Так, в научной литературе вместо слова «патронат» стали употреблять «патронаж», хотя в любом словаре можно прочесть, что патронаж есть система медицинского обслуживания на дому.

В научной терминологии необходима точность. Так в «Российской газете», ведущей специальную рубрику, посвящённую правильности русского языка, объясняется: «Осуществлять патронаж над фестивалем нельзя. – Что же можно? Можно патронат <...> Когда мы сейчас говорим, что некое мероприятие проходит под патронатом кого-то, мы имеем в виду, что оно проводится при содействии какого-то важного лица или крупной организации» [12].

Чистота понятийного ряда важна при обращении к меценатству, которое является разновидностью благотворительности и обладает своими особенностями.

Меценатство зародилось более двух тысячелетий назад и связано с именем и делами конкретного человека. Гай Цильний Меценат (между 74 и 64 - 8 г.до н.э.) – римский вельможа, советник императора Августа, выполнявший его государственные и частные поручения. Отойдя от политики, Меценат создает своеобразный «поэтический кружок», куда входят наиболее известные литераторы, в том числе Вергилий, Гораций, Проперций. Они нашли в Меценате внимательного и

заботливого покровителя и защитника. Сто лет спустя поэт Марциал, объясняя начинающийся литературный упадок, обмолвился броской фразой: «Были бы Меценаты, Флакк, в Маронах недостатка не будет» [8. С. 8]. Очевидно, именно здесь в первый раз имя Мецената прозвучало как нарицательное. С тех пор всех, кто помогает искусству, науке, образованию называют меценатами.

Российский меценат не только давал денежные средства, часто он лично участвовал в организации и деятельности учреждения, которому покровительствовал. Создание коллекций, библиотек, собирание предметов старины было не просто увлечением, а продуманной, серьёзной работой, плоды которой вызывают восхищение современников и потомков. Эти собрания из простых частных коллекций превращались в подлинные музеи, служащие образованию и просвещению публики. Основная цель всех меценатов – сделать свои собрания общедоступными. Поэтому, со временем, они передавались, завещались в дар государству.

Яркий пример тому – Сергей Иванович Щукин. Он открыл для России великое искусство импрессионистов – Матисс, Гоген, Ренуар, Пикассо, Клод Моне, Сезанн. Характерный факт: в 1911 году Матисс гостил у С. И. Щукина в Москве и по его заказу создал два шедевра – «Танец» и «Музыка». «Щукин составил совершенно исключительное по своей художественной ценности собрание, равному которому нет в мире. Даже в Америке, где собирали и собирают не люди, а их капиталы, могущие собрать всё, что только мыслимо на свете, нет галереи новейшего французского искусства такой высокой ценности, как шукинская» [4. С. 241].

После революции С. И. Щукин выступил инициатором обращения видных русских меценатов к правительству с просьбой принять их коллекции вместе с особняками. Большевики приняли этот дар. И дар этот поистине бесценен. Так,

картины Матисса из коллекции Щукина можно увидеть сегодня в Эрмитаже и Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Таким образом, совершенным актом безвозмездного дарения, меценат отличается от коллекционера, который преследует личные интересы или использует художественную коллекцию в качестве своеобразной формы вложения капитала.

На сегодняшний день не существует единого классического определения меценатства. Объясняется это, главным образом, тем, что меценатская деятельность направлена в сферу искусства и науки – в области человеческой жизни, в которых сконцентрированы интеллект и «души прекрасные порывы», нравственные силы и высокая этика. Каждый исследователь характеризует это явление, исходя из собственных представлений о степени важности его составляющих. Например, меценатство – это поддержка науки и искусства, оказываемая, как правило, состоятельными людьми [1. С. 7], или – оказание финансовой, моральной и иной поддержки как творческой интеллигенции, так и самим объектам культуры, образования со стороны представителей обеспеченных слоёв населения [16. С. 105], меценат – это человек, обладающий материальными средствами, не обязанный делать то, что можно отнести к культуротворчеству, но делающий это во благо людей по своим убеждениям [9. С. 233].

Наиболее удачными представляются варианты из проекта ФЗ «О меценатах и меценатстве»: «Меценатство – сфера социальной активности, связанная с поддержанием и развитием объектов культуры, видов профессиональной культурной деятельности (культура, искусство, наука, образование, просвещение, спорт), составляющих культурное достояние Российской Федерации» [17]. Меценат – «физическое или юридическое лицо, безвозмездно передающее средства (финансовые, материально-технические) для сохра-

нения и развития культурного достояния Российской Федерации в формах, определяемых законодательством РФ» [17].

Но до сих пор даже в научных трудах можно прочесть, что «меценатство ... предполагает наличие мецената – представителя частного сектора, в то время как благотворителями в сфере культуры могут выступать и юридические лица» [22. С. 10]. Подобные «формулировки» противоречат природе меценатства, его статусу в «пространстве благотворительности», современным реалиям.

В начале XX столетия с развитием техники, индустрии рождаются новые виды искусства. Сближение сферы искусства с промышленностью отразилось и на содержании меценатства: искусство, становясь массовым, начинает приносить прибыль и меценат превращается в дельца от искусства, по крайней мере, задумывается и о выгоде.

В качестве примера можно привести Сергея Петровича Дягилева, русского театрального и художественного деятеля, который одним из первых начал превращать меценатство в новую для России отрасль деловой жизни.

С именем С. П. Дягилева связана поддержка новых форм и направлений в русском отечественном искусстве, пропаганде его за рубежом. Наиболее ярко это проявилось в организованных Дягилевым «Русских сезонах» 1906-1914 гг. в Париже, Лондоне и других европейских городах – художественные выставки, концерты русской национальной музыки, оперные и балетные спектакли. Знаменитый танцовщик, балетмейстер, историк балета Сергей Лифарь в своей книге «Дягилев и с Дягилевым» пишет: «Мне хотелось показать, что Дягилев умел не только организовывать художественное творчество, соединять деятелей искусства, создававших неожиданное для них самих, но что и сам он был участником, сотрудником этого неожиданного творчества, участвовал в создании, и что дягилевская печать

лежит на всех произведениях, вызванных им к жизни и сплочённых им художников, создавших новую эпоху в искусстве, во всех его областях» [14. С. 7].

Он соединил в себе черты мецената (часто вкладывал в дело собственные деньги) и дельца.

Действительно, в последнее время взаимодействия «делового мира» и «мира культуры» всё больше выходят за рамки безвозмездных отношений и всё больше приобретают форму сотрудничества, учитывающую интересы объекта и субъекта поддержки. В этой ситуации благотворительность и меценатство стали ассоциироваться с понятием спонсорство.

Оно занимает всё более заметное место в пространстве «дарители – одариваемые». Это такое взаимодействие бизнеса и социокультурной сферы, когда средства вкладываются в обмен на ожидаемую пользу, т. е. результат такого сотрудничества неременная выгода для спонсора. Это способствует процветанию бизнеса – продвигает торговую марку, позволяет установить нужные контакты с потребителями, организовать наивыгоднейшим образом рекламу. Появился даже термин – спонсорская реклама.

Как пишет Ф. А. Чепуров, спонсорство – это не безвозмездная помощь, а «вложение материальных средств в какое-либо мероприятие или общественное учреждение, имеющее общественную или культурную значимость, которое способствует укреплению имиджа вкладчика, обеспечивает его рекламу» [26. С. 9].

Спонсорская поддержка всегда оформляется договором, отражающим обязательства обеих сторон. В отечественной практике такое взаимодействие появилось и стало активно развиваться с переходом к рыночным отношениям. Сегодня многие крупные культурные, образовательные и научные проекты осуществляются при активной спонсорской поддержке. Спонсор, вступая в договорные отношения с «объектом поддержки», просчитывает

прежде всего экономический эффект, который получит от своего вклада.

Таким образом, можно утверждать, что спонсорство – не особая форма благотворительности или меценатства, а один из маркетинговых инструментов, используемый бизнесом в своей деятельности.

Одна из последних тенденций нашего времени – активизация роли крупных корпораций в сфере благотворительности и меценатства для создания привлекательного образа компании, завоевания положительной репутации. Корпоративная благотворительность, меценатство сегодня – это всё больше просчитанные и рационально выстроенные, оптимизирующие условия развития бизнеса формы социальной инвестиции и социального партнёрства. Сегодня, кроме классической меценатской деятельности (безвозмездное дарение), в основном, конкретных личностей, развивается системная, рационально организованная (но не спонсорская) меценатская деятельность. И когда мы будем говорить о меценатстве в его современном виде, то будем подразумевать под ним технологию взаимодействия и сотрудничества в лице мецената-партнёра.

Таким образом, исследование различных трактовок понятий «благотворительность», «меценатство», «спонсорство» и других для их уточнения и дифференциации, изучение особенностей каждого из рассматриваемых явлений, анализ научной литературы, посвященной этой теме, позволяет утверждать, что:

благотворительность – это многогранная добровольная и безвозмездная деятельность на благо общества, основанная на общечеловеческих, социальных, духовных ценностях;

милосердие – проявляется в сопричастности к жизни немощным и нуждающимся через различные формы милостыни – накормить голодных, одеть нагого, напоить жаждущего;

филантропия – человеколюбие, забота

об улучшении участи человечества (строительство и открытие богаделен, приютов, где могут найти пристанище и заботу немощные и неимущие люди);

попечительство – это долгосрочное оказание всесторонней помощи объекту дарения (правовой, материальной, организационной и другой). Широко применяется в учебных и культурных учреждениях;

патронат – форма покровительства со стороны кого-либо (если учреждение находится или некоторое мероприятие проводится под патронатом кого-то, то имеется в виду, что это происходит при содействии, под наблюдением и руководством какого-то важного лица или крупной компании);

меценатство – сфера социальной ак-

тивности, направленная на поддержку и развитие культуры, искусства и науки, на безвозмездной и добровольной основе;

меценат-партнёр – это, как правило, юридическое лицо, выстраивающее спланированную, системную деятельность для сохранения и развития культурного достояния в формах, не противоречащих законодательству РФ;

коллекционер – лицо, которое преследует личные интересы в собирательстве и использует художественную коллекцию в качестве своеобразной формы вложения капитала;

спонсорство – не особая форма благотворительности или меценатства, а один из маркетинговых инструментов, используемый бизнесом в интересах своей основной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Балицкий, Р. Н. Меценатство и благотворительность в Центральном Черноземье в конце XIX - начале XX вв. [Текст]: Дис. ... канд. ист. наук / Р. Н. Балицкий. – Курск, 2004. – 206 с.

2. Булгаков, С. Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов [Текст] / С. Н. Булгаков. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. – 590 с.

3. Быкасова, Л. В. Благотворительность в Западной Сибири конца XVIII - начала XX вв. как историко-культурный феномен [Текст]: Автореф. дис. ... канд. культурологии / Л. В. Быкасова. – Кемерово: КГУКИ, 2006. – 22 с.

4. Грабарь, И. Э. Моя жизнь: Автобиография. Этюды о художниках [Текст]. – М.: Республика, 2001. – 495 с.

5. Григоренко, А. Былое творение милосердия [Текст] / А. Григоренко // Меценат и мир. – 2001. – № 14-16. – С. 13-14.

6. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]: в 4 т. – Т. 1. / В. И. Даль. – М.: Русский язык, 1981. – 699 с.

7. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]: в 4 т. – Т. 4. / В. И. Даль. – М.: Русский язык, 1981. – 684 с.

8. Дудин, А. Меценат [Текст] / А. Дудин // Меценат и мир. – 1996. – № 2-3. – С. 8-9.

9. Инюшкин, Н. М. Провинциальная культура: природа, типология, феномены [Текст] / Н. М. Инюшкин. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2003. – 472 с.

10. Ключевский, В. О. Боярская Дума Древней Руси. Добрые люди Древней Руси [Текст] / В. О. Ключевский. – М.: Ладомир, 1994. – 570 с.

11. Ключевский, В. О. Добрые люди Древней Руси [Текст] / В. О. Ключевский. – Сергиев Посад, 1892. – 20 с.

12. Королёва, М. Ценитель женских плеч [Текст] / М. Королёва // Российская газета. – 2004. – 6 авг.

13. Культура и культурология [Текст]: словарь. – М.: Акад. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 928 с.
14. Лифарь, С. Сергей Дягилев и с Дягилевым [Текст] / С. Лифарь. – М.: АРТ STD РФ, 1994. – 478 с.
15. Новикова, Н. Л. Координаты повседневности в культуре [Текст] / Н. Л. Новикова – Саранск, 2008. – 44 с.
16. Новолодская, Н. Г. Меценатство как социокультурный феномен: сущность и современное состояние [Текст]: Дис. ... канд. культурологии / Н. Г. Новолодская. – М., 2006. – 132 с.
17. Проект Федер. Закона № 97803567-2 от 08 декабря 1997 г. «О меценатах и меценатстве» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.duma.gov.ru/cult-tur/zakonoproekt/97803567_2.htm - Загл. с экрана. Проверено 19.05.2009.
18. Розанов, В. В. Религия. Философия. Культура: сборник произведений [Текст] / В. В. Розанов. – М.: Республика, 1992. – 400 с.
19. Словарь иностранных слов [Текст]. – 9-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1982. – 608 с.
20. Смирнова, Е. В. Благотворительность как социально-экономический феномен [Текст] / Е. В. Смирнова // Благотворительность в России: 2005/2006 гг. – СПб, 2007. – С. 374-382.
21. Советский энциклопедический словарь [Текст]. – 2-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1981. – 1600 с.
22. Степанова, Е. Е. Благотворительность в сфере культуры: организационный и педагогический аспекты [Текст]: Автореф. дис. ... канд. пед. наук / Е. Е. Степанова. – СПб., 2006. – 20 с.
23. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений [Текст]: в 20 т. – Т. 18. /Л. Н. Толстой. – М.: Терра, 1998. – 384 с.
24. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений [Текст]: в 20 т. – Т. 19. /Л. Н. Толстой. – М.: Терра, 1998. – 384 с.
25. Федер. Закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» от 7 июля 1995 г. [Текст] // Российская газета. – 1995. – 17 авг.
26. Чепуров, Ф. А. Благотворительность как специфический вид перераспределения экономических благ [Текст]: Автореф. дис. ... канд. эконом. наук / Ф. А. Чепуров. – Тамбов, 2007. – 24 с.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
ИНСТИТУТ ПЕРЕПОДГОТОВКИ И ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ
КАФЕДРА КУЛЬТУРОЛОГИИ

УДК 910.4:82.02
ББК 26.89+71.0
Культурология, страноведение

**У ИСТОКОВ АНТРОПОЛОГИИ ТУРИЗМА:
ВИКТОР ТЁРНЕР**

Доктор философских наук Л. П. Воронкова

Статья посвящена идеям В. Тёрнера, связанным с пониманием паломничества как состояния и формы жизни «в пути», приведшим к появлению нового направления научных исследований туризма – антропологии туризма.

Ключевые слова

Туризм, антропология туризма, паломничество, ритуалы перехода, коммунитарность, лиминальность

Международный туризм прошел путь развития от достаточно локальных социально-культурных практик, применявшихся ограниченной социальной общностью домассового движения. На современном этапе он превратился в явление во истину глобальных масштабов, в одно из приоритетных направлений развития нового типа общества. Международный туризм вовлекает в процесс своего производства и потребления туристских продуктов и услуг огромные потоки людей, затрагивает различные стороны общественной жизни. Представляя собой развитую индустрию производства, туризм стал предметом всесторонних научных исследований, от правильного и своевременного применения результатов которых на практике во многом зависит эффективность всей сферы туризма.

В настоящее время в отечественной науке идут процессы осмысления статуса науки о туризме, появляется специальная научная литература [1]. Начало исследований сферы туризма было положено

представителями разных наук, прежде всего, экономистами, маркетологами, социологами, социологами, специалистами в области управленческих и социально-географических наук. Позднее к этому подключились и другие ученые. Исследования социально-психологических и социокультурных проблем туризма заметно продвинулись в последние десятилетия, затронув такие темы значение туризма как способа познания культур, как социокультурного явления в контексте массовой культуры, а также исследуются туристские потребности, формы туризма и т. д.

В данной статье обращается внимание на появившийся ещё в конце прошлого века аспект в научных исследованиях туризма, именуемый в зарубежной литературе *антропологией туризма*. Прежде чем, перейти к обзору основных родоначальников этого направления исследований туризма, напомним ситуацию с культурной антропологией.

Начало культурантропологических исследований связывают с XIX в., когда на смену

философскому осмыслению культуры приходит научный подход. Развитие антропологии как науки имеет свою историю. В научной мысли сам термин «антропология» имел хождение на протяжении нескольких столетий, существовали работы с соответствующими названиями [2]. Но только XIX век был ознаменован развитием систематических научных исследований в области культуры и человека. Становление научного подхода к антропологической тематике было связано с развитием этнографии и целого ряда наук, имеющих приставку «палео» и занимающихся древнейшими периодами развития Земли, становления человека и культуры. В отечественной научной литературе можно встретить довольно устойчивое мнение о том, что культурная антропология – это наука о «примитивных», традиционных человеческих сообществах, о первобытной культуре. Подобный подход характерен для начальной стадии развития этой научной отрасли. Если обратиться к зарубежной литературе, то понятие культурной антропологии «часто используется для обозначения сравнительно узкой области, связанной с изучением человеческих обычаев, то есть сравнительного исследования культур и сообществ», как полагают исследователи Р. и Ф. Кисинги [3, 2].

К настоящему времени культурная антропология представляет достаточно широкий комплекс субдисциплин, охватывающий не только исследования первобытных состояний развития человека и культуры, традиционных народных культур, но и современные, городские культуры, индустриальные и постиндустриальные. В. Хавиланд, профессор антропологии в университете Вермонта, определяет антропологию как науку о человечестве, которая стремится «к полезным обобщениям о людях и их поведении и к самому полному пониманию разнообразия человечества» [4, 7].

В отечественной науке хорошо известно определение культурной антропологии, данное известным отечественным ученым Вяч. Вс. Ивановым, который пи-

шет в одной из своих работ, что под культурной антропологией (иначе этнологией) «понимается наука, исследующая в сравнительном плане различные типы культур и пути их преобразования при социальной (а не чисто биологической) передаче информации от поколения к поколению» [5, 11]. Вяч. Вс. Иванов отмечает, что крупнейшие антропологи отошли от традиционного различия культурной антропологии как системы описания фактов культуры в синхронном срезе и истории культуры как диахронного исследования, тем самым, представляя историю и культурную антропологию одновременно в их единстве и различии. В целом культурная антропология рассматривается как наука, исследующая процесс взаимоотношения человека, общества и культуры.

Социальную антропологию часто понимают как особую (британскую) школу в антропологии. Как известно, *социальной* антропология именовалась в английской науке, а *культурной* антропологию традиционно называли американские ученые [6].

Конкретное формирование тематики культурантропологических исследований определяется теми исходными задачами, которые ставятся обществом перед учеными, а также теми методологическими установками, которыми они руководствуются. Перечень антропологических дисциплин непрерывно растет, включая в себя наряду с традиционными философской, социальной, теологической, культурной, биологической и психологической, исторической, такие новые направления как политическая, экономическая, гендерная, когнитивная, визуальная антропологии и др.

Западные исследователи, в частности Маргарет Хэтэуэй (Margaret Hathaway,) полагают, что до начала 1960-х годов антропологи не обращали внимания на туризм, очевидно, считая его чем-то достаточно эмпирическим, самоочевидным и не стоящим внимания со стороны академической науки. Преподаватель Гриффитского университета (Австралия) доктор

Жоржетта Ли Бернс (Georgette Leah Burns) в своей статье о теоретических исследованиях антропологов в области туризма на Антропологическом форуме 2004 г. [7, 2-3], обратила внимание на ряд специфических причин отсутствия должного внимания культурантропологов к туризму, связав это с возможным сходством между туристскими путешествиями и работами полевых антропологов. Сходную точку зрения выражали и другие ученые. Так, Д. Редфуд (D. Redfoot, 1984) определял антрополога как особый тип туриста [8, 291]. Безусловно, полевые экспедиции сыграли особую роль в становлении антропологических исследований.

Польско-английский антрополог Бронислав Малиновский (B. K. Malinowski, 1884-1942) полагал, что антропология вообще немыслима без интенсивной, длительной работы, требующей личного участия в путешествиях подобного рода. Правда, позднее появляются и другие высказывания. Так, французский поэт и африканист Мишель Лейрис (Michel Leiris, 1901-1990) в дневнике «Призрачная Африка» (L'Afrique fantôme, 1934) рассуждал о работе антрополога и его опытах самопознания. Лейрис пишет о том, что разочарование в деятельности экспедиции охватывает его в самом начале пребывания в Африке, когда он сравнивает свою работу с обычными туристическими прогулками. От подобной саморефлексии, по мнению Ж. Бернс, культурантропологи традиционно дистанцировались, опасаясь риска «заражения» себя и своей дисциплины ассоциациями легкомысленности и восприятия экспедиции как увеселительной туристской прогулки.

Другая причина невнимания ученых-антропологов к туристской тематике связывалась с тем, что ученые недооценивали социокультурную значимость туризма. Туризм рассматривается как сугубо западный феномен, другими словами, как порождение промышленно развитых обществ, и не имеющий в силу этого отно-

шения к традиционному объекту исследования культурной антропологии, к изучению коренных народов или малых обществ.

Ситуация в науке коренным образом изменилась во второй половине XX в. Становление антропологии туризма началось, как полагают, с появления в 1963 г. работы Терона Нуньеса (Theron Nuñez's) [9], в которой он рассмотрел вопросы взаимосвязи национальных традиций в мексиканской деревне. Определенную роль в становлении антропологии туризма определено сыграли труды Виктора Тёрнера (Victor Turner, 1920-1983) [10], который наряду с Клиффордом Гирцем (Clifford Geertz) [11, 159], является одним из видных представителей символической интерпретативной антропологии.

Виктор Тёрнер закончил Манчестерский университет, где учился у крупного британского антрополога, исследователя социальных изменений и религиозных движений Макса Глюкмана (Max Gluckman, 1911-1975). В 1950-1954 годах Тёрнер работал в Центральной Африке. В ходе своих полевых исследований в Африке и Мексике, Тёрнер увлекся изучением отношений между законами, иерархией и теми моментами в культуре, где формальная структура растворяется или изменяется. Такие надломы, срывы, он называет «анти-структуры» и полагает, что они могут приводить к возникновению хаоса и беспорядка, но в тоже время, по мнению Тёрнера, они часто дают время и пространство для творческих достижений, где элементы культуры могут быть объединены в креативные новообразования самым неожиданным образом.

Новый поворот в исследованиях Тёрнера происходит в 60-х гг. прошлого века после переезда в США, где он преподавал в Корнелльском и Чикагском университетах. Ряд работ написан им вместе с женой Эдит Л. Тёрнер, тоже полевым антропологом.

В. Тёрнер предложил интересную теоретическую концепцию процессуального

анализа феномена путешествия, опирающийся на идеи Арнольда ван Геннепа (Arnold van Gennep, 1873-1957) о ритуалах перехода (фр. *rites de passage*). В. Тёрнер интерпретировал ритуалы как важный механизм, как немаловажное средство постоянного поддержания общих норм и ценностей, поскольку сложная система ритуала связана с символом, подражанием, восприятием, т. е. опирается на доминантные стороны человеческой психики; как адаптивный механизм, облегчающий принятие нового. Поэтому любому изменению социального положения, места, культурной позиции или возраста, по мнению Тёрнера, соответствуют специальные ритуалы перехода, каждый из которых состоит из трех фаз.

Первая фаза – это *отделение, сепарация*. Другими словами – это поведение, символизирующее отрыв от определенного положения, места в социальной структуре или в культуре. Вторая фаза названа ученым *лиминальной, пороговой, разграничивающей*. Это фаза перешагивания через порог – это состояние «между», когда совершающий этот переход человека не находится ни здесь, ни там. Наконец, последняя фаза – *фаза агрегации, реинкорпорации*, последующего включения в структуру. Это вновь обретенное сравнительно стабильное состояние дает человеку новые права и обязанности, социальный статус, культурные преимущества и др.

Тёрнера особо интересовали исследования лиминальных (пороговых, пограничных) сообществ и состояний коллективной жизни, а также феномены «антиструктуры» – явления раскола и разрыва, коллективного протеста, их роль в разные эпохи.

Одним из главных предметов его научного интереса стало религиозное паломничество, состояние и формы жизни «в пути». Паломничества, особенно в мировых религиях, по мнению Тёрнера, являются «институализированной или символической формой «антиструктуры» (или «метаструктуры»)), которая охватывает самые важные ритуалы, инициации периода созревания в племенных обществах. (...) Лиминальность паломничества длительнее, чем иных ритуалов инициации» [12, 204].

При этом паломничество, по Тёрнеру, не является частью повседневной жизни. Повседневность – целостный социокультурный жизненный мир, как он человеку дан. Повседневность поддерживает стабильность функционирования человеческих обществ. Вместе с тем, повседневность и не-повседневность легко переходят друг в друга, как только опыт выбивается из привычного мировосприятия. Паломничество выводит человека за границы повседневности. Паломничество, определяемое как путешествие в поисках остатков сакрального, предопределяет цель человека-паломника. У Тёрнера основной функцией паломничества является то, что ритуалы перехода «вытаскивают» людей из их повседневных структур и рутины, чтобы в последующем «уместить» их в совершенно иных контекстах. Тёрнер переосмыслил понятие коммунитарности (*communitas*) как чувство социального равенства, как чувство связанности, единения, которое люди получают через совместный опыт. Коммунитарность характерна для тех людей, которые вместе испытывают, по словам Тёрнера, лиминальность (*liminality*) – перехода через пограничный период. Для Тёрнера подобная межструктурная ситуация выступает как некое символическое поведение, означающее отделение индивида или группы от ранее фиксированного положения, социального статуса или от набора прежних культурных состояний.

Паломник стремился увидеть святыни, прикоснуться к божественному, пережить чудо, проникнуться сакральным. Чтобы стать паломником, человеку следует совершить определенные действия, пройти через обряды, при этом в лиминарном периоде важны не внешние изменения в человеке, а внутренние. Согласно Тёрнеру, паломники пребывают в вечном дви-

жении (перемещении), в вечном поиске, не оставляют устойчивых институтов.

Позднее он распространил свои идеи ритуального процесса с древних и религиозных культур на современные индустриальные культуры. Современный турист, отправляясь в путешествие, перемещается из одного региона в другой под влиянием различных мотиваций. Он не ищет сакрального, он стремится к рекреации. Так, словарь Н. Вебстера (Noah Webster, 1758-1843) определяет туриста как любого, «кто совершает путешествие ради удовольствия или из заинтересованности». Хотя между паломником и туристом имеется определенное сходство. Граница между регионом, порождающим туристов, и регионом туристской дестинации оставлена *ритуалами перехода* (покупка путевки, получение визы, сборы, переезд и др.) и *ритуалами возвращения*, связанными с необходимостью представить своему социальному окружению определенные оправдания поездки, демонстрация фотографий, приобретенных сувениров, рассказы о туристских впечатлениях и т.д. Само же туристское путешествие представит как своеобразное «ритуальное испытание», опыт новизны и инаковости становится сущностью туристического опыта.

Вызывают интерес и рассуждения Тёрнера о пространственном свойстве лиминарности. Лиминарность может охватывать огромные территории и резко сужаться до конкретных местностей, выводить нас на мифологические пространства и святые места. Турист, оказываясь вне постоянного места жительства, в аэропортах, отелях, к примеру, испытывает различные стадии лиминальности. В отелях возникают сложные отношения работников отеля и гостей, при этом для них отель имеет различные оттенки восприятия. Для

гостей он будет функционировать в качестве пороговой зоны.

Эти рассуждения о связи туризма с паломничеством, обрядами повлияли на культурантропологические исследования в 70-х гг. прошлого века. Расширение горизонтов исследований было связано выяснением антропологической природы самого туризма и его связи с развлечениями, жизненным циклом.

Тёрнеровские концепции лиминальности и коммунитарности, его исследования схизматических движений, явлений бунта и протеста, феноменов паломничества сформировались в рамках теоретического и методологического «поворота» социальных и гуманитарных наук в середине XX века и оказали большое влияние на исследовательскую практику этого периода и последующих лет. Стало ясно, что в каких бы «ипостасях» туризм не выступал, он имеет очень важное антропологическое измерение.

Конец 70-х гг. прошлого века ознаменуется выходом основополагающих работ по антропологии туризма [13]. Несмотря на это ученые полагают, что туризм все еще сравнительно малоизученная тема для антропологов. В перспективы лежат более глубокие исследования мотивации путешествий, а также социальных, культурных и экономических условий необходимости путешествий. Интересным аспектом исследований культурантропологов могут быть взаимодействия туристов с местным населением в различных ситуациях, влияние туризма на местную культуру. Следует учитывать, что современный международный туризм – это мощнейшая в истории человечества добровольная нелинейная миграция, влияющая на все сферы общественной и частной жизни человека. Необходимость её исследование не может не учитываться представителями культурной антрополо-

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Из посл. работ см.: Долженко Г. П. Туризм и туризм-оведение как область научной деятельности по исследованию туризма и условий его функционирования // Туризм и региональное развитие: Сб. науч. ст. – Вып. 6. – Смоленск: Универсум, 2011. – С. 66-72; Вклад различных

наук в становление науки о туризме // (Электрон. ресурс) <http://www.kazatur.narod.ru/mut/16.HTML> [Время обращения 06.12.2012]; Житенёв С. Ю. Наука о туризме: предмет, задачи, проблемы и перспективы // (Электрон. ресурс) <http://www.intacadem.ru/statji/nauka-o-turizme-predmet-zadachi-problemy-i-perspektivy.html> [Время обращения 06.12.2012]; Воронкова Л. П. Формирование науки о туризме // Университет. чтения. – Сб. науч. ст. – Вып. 21. – М.: МАКС Пресс, 2011. – С. 62-70; Новиков В. С. Научное исследование как источник развития туристской системы // Приоритеты и перспективы научных исследований международного туризма в XXI веке. Тр. МТА. – Вып. 5. – М., 2010.

2. Для примера можно сослаться на книгу Капеллы Г. «Антропология или рассуждение о человеческой природе» (1533).

3. Keesing, R.M., Keesing, F.M. *New Perspectives in Cultural Anthropology*. – N. Y.: Holt, Rinehart a. Winston, 1971. – P. 7; См. также Keesing, R.M. *Cultural Anthropology: A Contemporary Perspectives*. – 2 ed. – N. Y. etc.: Holt, Rinehart a. Winston, 1981. – P. 2.

4. Haviland, William.A. *Cultural Anthropology*. – 5 ed. – N. Y., 1987. – P. 7.

5. Иванов Вяч.В. Культурная антропология и история культуры // Одиссей. Человек в истории. Ежегодник. – 1989. – М., 1989. – С. 11.

6. См. статьи по социальной антропологии в «The Encycl. of Britannica» – Vol. 20. – L., 1958, а по культурной антропологии – в «The Encycl. Americana». – Vol. 8. – N. Y., 1973.

7. См. G. L. Burns. *Anthropology and tourism: Past contributions and future theoretical challenges* // *Anthropological Forum: A Journal of Social Anthropology and Comparative Sociology*. – 2004. – Vol. 14. – Is. 1. – P. 2-3.

8. См. Redfoot D. *Touristic authenticity, touristic angst, and modern reality* // *Qual. Sociology*. – 1984. – P. 291.

9. См. Theron Nuñez's. *Tourism, Tradition, and Acculturation: Weekendismo in a Mexican Village*, 1963.

10. См. *The Ritual Process: Structure and Anti-Structure*. – Chicago: Aldine Pub.Co., 1969; *Dramas, Fields, and Metaphors: Symbolic Action in Human Society*. – Ithaca, NY: Cornell Univ. Press, 1974; *From Ritual to Theater: The Human Seriousness of Play*. – New York: PAJ Publications, 1982; в 1978 г. на англ. яз. вышла совместная работа Виктора и Эдит Тёрнер (*Image and Pilgrimage in Christian Culture: Anthropological Perspectives*. New York: Columbia Univ. Press.); *The Anthropology of Experience*. (co-author: Edward M Bruner). – Urbana: University of Illinois Press, 1986; *The Anthropology of Performance*. – 1986; на рус. яз. были переведены: *Символ и ритуал* // Сб. науч. работ. / Сост. и автор предисл. В. А Бейлис, – М., Наука: Главная редакция восточной литературы, 1983. – 277 с. (фамилия автора транскрибирована как Тэрнер) и *Проблема цветовой классификации в примитивных культурах* // *Семиотика и искусствоведения*. – М.: Прогресс, 1972 и др.

11. Методология многослойного описания, предложенная Гирцем, была использована отеч. учеными при изучении иностр. туризма в СССР. См. Крессова М. Д., Орлов И. Б. *Иностранный туризм в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х годов: проблемы становления «freemenindustry»* // *Проблемы истории сервиса: здравоохранение, культура, досуг. Всероссийская науч. конф.: Сб. статей*. – М.: Изд-во МГОУ, 2004. – С. 159.

12. Turner V. *The Ritual Process: Structure and Anti-Structure*. – Chicago: Aldine Pub.Co., 1969; Turner V. *From Ritual to Theatre. The Human Seriousness of Play*. – New York: PAJ Publications, 1982.

13. Cohen, E. *A phenomenology of touristic experiences* // *Sociology*. – 1979. – №13. – P. 179-201; MacCannell, D. *Staged authenticity: arrangements of social space in tourist settings* // *American Journal of Sociology*. – 1973. – №79(3). – P. 589-603; Smith, Valene L. *Hosts and Guests. The Anthropology of Tourism*. – Ph.: Univ. of Pennsylvania Press, 1977. – P. 51-69.

УДК 003
ББК 71.0
Культурология

ДРЕВНИЙ ОБРЯД РЯЗАНСКОЙ ЗЕМЛИ. ТРИ КРУГА ИНОСВЕТНОЙ ПЕЧАЛИ

Кандидат культурологии П. И. Кутенков

Статья посвящена исследованию каменного обряда в похоронной, поминальной и печальной обрядности великорусов Рязанской земли. Изучаются взгляды на значение камня в посмертной жизни души, восходящие в глубины русского родноверия.

Ключевые слова

Великорусы, время, душа, иносветная печаль, камень, народная культура, могила, народ, обряд, печаль, погост, похороны, Рязанская земля, славяне, смерть, тот свет, частные общественные поминки

В культуре восточных славян и славянском мире распространено почитание культовых камней, идущее из глубин тысячелетий народной культуры [1. С. 448-453]. Это характерно для великорусов Рязанской земли, где в настоящее время широко бытует древний славянский обряд положения камня на могилу умершего. Его называют *камень, камушек, голыш, памятник*. Полевое изучение показывает жизнь обряда в Клепиковском, Касимовском, Кадомском, Ермишинском, Петелинском, Сасовском, Щацком, Сараевском, Ухоловском, Сапожковском, Ряжском, Кораблинском, Михайловском, Захаровском, Старожиловском, Новодеревенском, Скопинском, Путятинском, Пронском, Рязанском районах Рязанской обл., Лебедянском и Чаплыгинском районах Липецкой обл. и др. Обряд характерен для православных христиан: старообрядцев и новообрядцев, а также всем уважающим русскую народную веру. Например, камни видим на

старообрядческих могилах у федосеевцев с. Царёво, у старообрядцев под Пронском и др. местах.

Под каменным обрядом понимаем действия **по подготовке камня, его хранению, порядку положения на могилу, времени положения**, а также **отношение к нему и его использование** в последующее время. Важно в обряде внутреннее содержание, определяющее необходимость нахождения камня на могиле.

На могилах находятся камни разных видов. К первым мы относим обычные красно-серые и белые камни различного облика, гранитные камни-голыши и плоские камни разных цветов. Все они имеют различные размеры: от голыша с гусяное яйцо до крупного валуна весом в десяток пудов и более. Ко второму виду следует отнести обработанные камни белого, бело-серого цвета. Обычно они имеют прямоугольный вид, трапециевидный, «лодочный», напоминая очертания дере-

вянных надгробных домовин старообрядцев и Русского Севера [4. Рис. 48. 49]. Они могут быть с надписями и без них, с узорами и без узоров (различного вида кресты и начертания), лежащие и вертикально поставленные. В количественном отношении на погостах Рязанской земли преобладают надгробные камни необработанного вида. По нашим наблюдениям обработанные и не обработанные камни не отличаются одинаковыми свойствами. Надписи на камнях свидетельствуют, что они ставятся до настоящего времени. Огромные белые камни «лодочного вида» на старом погостах г. Лебедянь и других селений, с изображением на них старообрядческих крестов, позволяют отнести их к 17 в. Повсеместное бытование камней на погостах Богословщины (самобытные группа селений в Захаровском, Михайловском и Рязанском р-нах), где раскапывается славянская культура «Жокино» 12-14 вв., предполагает существование каменного обряда со времён Средневековья.

Обычно надгробный камень заготавливался заранее и хранился на подворье. Иногда он просто лежал где-то во дворе, но чаще всего его использовали в виде гнёта при засолке овощей, квашении капусты и других хозяйственных нужд. На юге Рязанской земли эти камни могли храниться на полях и огородах; полагая их присутствием повысить урожайность. Камни, как считают крестьяне, благоприятствовали урожаю и поэтому они были желанны на каждом поле. Собирающий *смертное* (бабы заготавливали смертный узел с 16-25 лет), наказывал родственникам, чтобы после похорон ему на могилу положили камень, заранее принесенный или примеченный им в хозяйстве.

В ряде местностей, где продолжает жить каменный обряд, камень на могилу умершего не носили, полагая достаточным иметь один общий камень на несколько захоронений. Во многих краях Рязанской земли и сегодня хоронят или как говорят «подзахоранивают» весь род в

одну могилу. Обычно в таком случае на могиле камень лежит исстари, тогда другие не кладут. Его называют *семейным* (*родовым*) камнем. Вместе с тем при существовании одной семейной могилы обычай допускает для каждой души иметь на ней свой камень. Вследствие этого очень часто на могилах лежат от одного до трёх и более камней.

В с. Погост Касимовского р-на на левом берегу Оки у часовни, которая считается *общей могилой*, лежит общинный камень (рис. 1-а). Понятие *общего, родового* камня относится к камням, предназначенным для умерших со всей сельской общине или какой-то её части. На братской могиле, например, в с. Гиблицы, лежит один большой камень.

Место размещения камня на могиле разное: на уровне живота, в голове или ногах (рис. 1-б). Чаще всего его кладут на середину могилы или в ногах – у креста, за крестом или рядом с ним. Во многих селениях Клепиковского района, например, с. с. Алексеево, Константиново, Малахово и др., а также в с. с. Погост, Гиблицы, Степаново и других Касимовского р-на, мы встречаемся с редким положением камня в головах, где ставится и крест. Подчеркнём, здесь при обычном труположении: запад (голова) – восток (ноги), – **камень**, крест и современный памятник (железный или гранитный) находятся в головах. В с. Городецкое на могилы баб предпочитают класть красный, а для мужчин белый камни. На левом берегу Оки Касимовского р-на различают камни для взрослых и детей. Последним, кладут маленькие камушки. Различение камней на мужское и бабье, взрослое и детское соблюдается не всегда.

Время положения камня на могилу в большинстве селений закреплено за определённым обрядово-поминальным днём частных общественных поминок. Им может быть день похорон, сороковой день или первая годовщина. В день похорон камень относят редко. Чаще всего для

Рис. 1. а – общая могила-часовня на погосте с. Гиблицы с общими намогильными камнями; б – камень-стол души; красный намогильный камень на трёх каменных подставках на погосте с. Шостье. Снимки солнечного лета 2011 г.

этого определятся сороковой день. В этот день на Рязанской земле, включая Рязань, обязательно совершается один (два) обряд проводов души (душ?) *на тот свет* и при посещении могилы приносится *камень*. В с. Потапьево, провожая на сороковой день душу, старуха-обрядница говорит: «Живи душа за рекой, а к нам не ногой»; в этот день камень относят на могилу. В ряде селений утверждали, что камень нужно отнести до сорокового дня, чтобы до проводов души его положить «на место». Встречается и неопределённость в точности времени положения камня на могилу: «приготовили камень, но пока не положили», «носим после похорон, когда соберётся» (с. Слобода).

Интересны пояснения жителей о необходимости наличия камня на могиле. «Камень – это глаз для покойника на этом свете» (с. Степаново); «камень, на него пищу для души, это её стол. Поминальную еду ставим на камень» (с. Малахово); «камень как одеяло, тепло даёт» (с. Погост); «камень... на нём душа отдыхает» (с. Кобылинка); в с. Китово при похоронах броса-

ют мелочь в могилу и говорят: «Живи за рекой, а к нам не ногой». Насыпав холм, кладут камень, а после поминок на него носят крошки – остатки еды с первого поминального стола, на котором для души ставится еда и прибор; «камень на могилу – это памятник» (с. Потапьево); «камни на могиле живые, они для души. Она душа, лятаить здесь 300 лет» (с. Ермолово); «камень на могиле – это душа через него смотрит на нас. Камень это глаз души на этот свет» (с. Новобараково); «камень это дом для души, это угол дома для души на том свете» (с. Городецкое); «камень кладут, чтобы не было больше упокойников» (с. Шелемишево); «камень на могилу, это чтоб его в речку положить и на него наступить и на тот свет душе перебраться» (с. Березняги); «на камне душе сидеть, когда в гору будет подниматься» (с. Бол. Можары); «этот камень окно в наш мир. Мы пришли на погост, поклонялись, а душа видит нас» (с. Муравлянка); «камень – это хлеб для души» (с. Таптыково); «душка улетает на 40 дней и камень на могилу относим» (с. Гудово). «Придёшь на могилку и постучишь рукой

по камушку – поздравствуешься с родителями» (с. Хавертово).

В целом камень рассматривается в качестве средства помогающего перебраться на тот свет, в тоже время это стол, где она питается поминальной пищей, вместе с тем камень и средство общения с иным миром, предками. Намогильный камень, в тех местностях, где он больших размеров, используется по праздникам как поминальный стол (рис. 1-б). На нём оставляют часть пищи *родителям*. На могилах коммунистического времени (времени запрещения народно-православного обряда похорон) часто нет крестов. Однако вместе с памятником коммунистического времени лежит и камень: каменный обряд оказался более устойчивым во времени.

За камнями ухаживают также как за крестом, оградой и современным памятником. На них поминают (кушают) в поминальные дни, их украшают цветами, постоянно очищают от пыли, иногда даже красят. Снится вдове сон: «Муж просит: – «Дай мне крышку! Дай мне крышку!». Положили камень на могилу и больше перестал снится» (с. Большие Можары).

Определяя значение и место каменного обряда в строении печального времени (народной похоронно-поминальной обрядности. – НПОО) на Рязанской земле, нам необходимо в общих чертах осветить структуру НПОО.

Печаль по умершему на Рязанской земле, будучи категорией сварожьего времени, в своём содержании обнаруживает две составляющие: **поминальное время** (время частных общественных поминок) и **время иносветной печали** (печаль кручинящихся) [2. С. 111]. Поминальное время допускает прерывистость, иносветная же печаль кручинящихся постоянна. Строение времени печали определяется соотносённостью этих двух составляющих, а также поминальными днями – частными общественными поминками. Они неизменно исстари проводятся на 1, 3, 9, 20, 40 дни после смерти и далее – полгода, год, пол-

тора, два, два с половиной, три года.

Иносветная печаль в своём линейном непрерывном течении обнаруживает существование **малых времён печали**, из которых складывается её стержень. Длительность каждого **малого времени печали** в русской народной культуре всегда устойчива и определяется временем между соседними днями частных общественных поминок. Говоря языком А. К. Байбурина [1. С. 120], обрядовые поминальные действия в эти дни венчают совершившиеся духовные действия, открывают новый участок пути для его прохождения душой и помощи ей со стороны живых. Поминальные дни, при всех огромных, порой непосильных материальных и временных затратах для семьи, продолжают оставаться на Рязанской земле важнейшими обрядовыми днями, разграничивающими иносветную печаль на **малые времена печали**, продолжительностью: от 1 до 3 дня, от 3 до 9, от 9 до 20, от 20 до 40 дня; от 40 дня и до полугода, и последующее время до трёх лет через каждые полгода. Последовательность малых времён печали до сорокового дня образует **малый круг иносветной печали**, характерный для всех крестьянских родовых культур (КРК) Рязанской земли. Последовательность малых времён до годовщины составляют **средний круг иносветной печали**. В ряде КРК средним кругом одновременно заканчиваются и частные общественные поминки и время иносветной печали. Совокупность из малых времён, длительностью три года, выстраивает **большой круг иносветной печали**. Во многих крестьянских культурах строение времени иносветной печали и строение поминального времени (времени частных общественных поминок) образуют единую структуру печального (поминально-печального) времени.

В некоторых крестьянских родовых культурах на отрезке печали от 1 года до 3 лет может быть не четыре, а два поминальных дня – вторая и третья годовщины: в первом случае большой круг печали

будет полным, а во втором не полным. В тех КРК, где по истечении трёх лет заканчивается время проведения частных общественных поминок, а дальнейший помин умершего совершается в родительские поминальные дни, мы имеем **закрытый** круг большой печали. Обычно им завершается поминальное время на Рязанской земле, а умерший переходит в разряд **родителей**. Третья годовщина в этом случае отмечается как отграничивающая дата большого круга печали, определяя и время окончания иносветной печали. Вместе с тем в ряде местностей трёхлетие находится на открытой линейке поминального времени – 1 год, 3, 5, 7 лет, – показывая, что три года есть всего лишь некая рубежная дата, часть большого единого поминального времени. В этом случае мы имеем **открытый** круг большой печали. В целом совокупности частных общественных поминок, образующих малый, средний и большой поминальные круги, составляют закономерности русской народной культуры. По мнению С. М. Толстой «частные поминки» «являются продолжением и завершением погребально-го обряда и отмечают последовательные этапы перехода души в иной мир» [5. С. 162]. Зная, что в 40 день душа переходит на тот свет, мы полагаем, что частные общественные поминки и иносветная печаль

после малого круга печали отмечают время обустройства души на том свете.

Строение всего печального (поминально-печального) времени включает две однозначно различимых части: до сорокового дня (проводы души на тот свет) и после сорокового дня. Окончание второй части по разным краям и родовым культурам Рязанщины неоднозначно. Обычно оно продолжается до 3 лет, в то же время нередко до 7-10 лет и более. Двойной духовный переход души на тот свет, её поэтапное обустройство в ином мире длительное время (3 г.) – всё это обнаруживает в явлении родноверческие истоки.

Каменный обряд осуществляется в ключевые дни похоронно-поминальной обрядности: положение камня в день похорон – прощание с телом усопшего; на сороковины – время проводов души на тот свет; годовщина – завершает средний круг печали. В смысловом отношении камень-урожайного поля или камень-гнёт помогают обеспечивать достойную жизнь человека в этом мире, а после смерти он же, становясь надгробным камнем, обеспечивает посмертное бытие души на том и этом свете, её взаимодействие с живыми. Камень и весь древний каменный обряд составляют неотъемлемую часть исконной народно-православной единой поминальной обрядности Рязанской зем-

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. – СПб., 1993. – 240 с.
 2. Кутенков П. И. Южнорусская народная одежда. Чернавская крестьянская родовая культура. – СПб.: РГО, 2011. – 288 с., 208 с. цв. вклеек
 3. Левкиевская Е. Е., Толстая С. М. Камень // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общ. ред. Н. И. Толстого. – М., 1999. – Т. 2. – 2009. – С. 448-453.
 4. Островский А. Б. Старообрядцы и православные в русском сельском социуме. Вторая половина 19-20 век. РЭМ. – СПб., 2011. – 290 с.
 5. Толстая С. М. Поминки // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общ. ред. Н.И. Толстого. – М., 2009. – Т. 4. – С. 162-169.
- Полевые записи собирателя в 2003-2012 гг.: С. с. Ермолково, Березняги, Новобараково, Городецкое, Шелемишево Скопинский р-н; с. Погапьево Пителинский р-н; с. Слобода Щацкий р-н; с. с. Степаново, Малахово, Китово, Кобылинка, д. д. Макарово, Дёмина, Верещутино Клепиковский р-н; с. с. Погост, Шостье Касимовский р-н; с. Царёво Ермишинский р-н; с. Таптыково Сараевский р-н; с. с. Муравлянка, Большие Можары Сараевский р-н и др. Рязанской обл; с. Гудово Добровский р-н; г. Лебедянь и др. Липецкой обл. Курсивом выделены народные понятия и категории.

УДК 003
ББК 71.0
Культурология

ЕДИНАЯ СТРУКТУРА ДУХОВНЫХ ПЕРЕХОДОВ. ЗАКОН БЫТИЯ РУССКОГО ДУХА

Кандидат культурологии П. И. Кутенков

В статье рассматривается единство структуры духовных переходов в жизни матери-бабы от рождения до ухода на тот свет. Они образуют единый закон бытия русского духа.

Ключевые слова

Беременная, время, духовный переход, душа, закон, естественный переход, младенец, нечистая, обряд, родокон, русский дух, роды, роженица, свадьба, смерть, сряда, структура

В русской народной культуре существует неизмеримо разработанная обрядность обращения с душой (духом) человека на базе исконного мировоззрения. Она сегодня продолжает сохраняться во многих крестьянских родовых культурах великорусов. Наибольшее влияние на жизнь каждого человека, по народным воззрениям, оказывают переходы души, получившие известность в крайних и срединных обрядах бытия человека [1-4]. Исследователями культуры восточных славян эти переходы типологически предлагается объединять в общую целостность.

Наше обращение к теме переходов души обусловлено новыми материалами, обнаружением новых граней в строение времени её длительности, новыми уровнями их единства, заставившие говорить о закономерностях переходов как едином законе бытия русской души.

Похоронная, печальная и поминальная,

родинная и свадебная обрядности нами изучались в 1996-2012 гг. в селениях Архангельской, Владимирской, Вологодской, Новгородской, Пензенской, Смоленской, Тамбовской, Рязанской, Липецкой, Воронежской, Белгородской областях России, Сумской области Украины, а также по доступным литературным и письменным источникам [2, 3, 5-8, 13 и др.].

В русской народной культуре к переходам души относим: младенческий переход при рождении человека; двойной переход роженицы – умирание беременной и возрождения самой бабы-роженицы; двойной посмертный переход – выход души из умершего и её переход на тот свет; двойной свадебный переход невесты – умирание и возрождение.

Единство всех переходов русской души обнаруживается: их содержанием; использованием в них единых обрядовых средств, включая вещный мир в т. ч. одежду; единством сущностного в запретах и

предписаниях для лица, испытывающего переход; единством основных требований к участникам обрядов перехода, и ином. Непосредственно переход в культуре обнаруживается в самом явлении и связанных с ним обрядах, запретах и предписаниях. Обрядовое строение времени является основным показателем перехода. Всё движение событий в обрядах перехода подчинено времени. Время это стержневая категория перехода, это мера, определяющая и показывающая потребность в необходимом для успешного совершения духовного перехода.

Рассмотрим наиболее известный смертный переход(ы) души (духа). Говоря о хорошей изученности похоронно-поминальной и поминально-печальной обрядовости, представлений о смерти в русском народе, мы вместе с тем видим, что наука не располагает до настоящего времени их добротными описаниями по областям, краям и землям проживания великорусов [10-12, 14]. По большинству областей их просто нет.

Переход души на тот свет и устройство духа на том свете определяется по характеру существующих **похоронных** обрядов, **поминальных** обрядов и **печальных** обрядов. Характер выполнения трёх видов обрядности, отмеченный печальной знаковостью вещного мира и сряд участников, их состояниями, а также народное знание о душе, прорисовывает сложную временную картину её поведения при наступлении смерти, в междумирье и на том свете. Строение времени родоконов смерти и посмертного [15] показывает общую продолжительность обоих переходов души в течении трёх лет. Это строение определяется по структуре иносветной печали как её идентичное повторение. При правильном выполнении всех обычаев и обрядов, установленных в культуре, душа через сорок дней переходит на тот свет, а через три года включается в разряд *родителей*. Как правило, поминам в тре-

тью годовщину заканчивается череда **частных общественных поминок** [16] по душе умершего. С этого времени душа умершего может оказывать помощь живущим на белом свете. Не выполнение или не правильное исполнение предписываемой культурой обрядности, ведёт к различного рода неприятным последствиям: душа остаётся неприкаянной на белом свете, душа ходит домой и вредит живым, душе тяжело жить на том свете и т. д.

В целом иносветная печаль обнаруживает трёхчастное строение (рис. 1) с внутренними переходами между частями и малыми временами. Первая часть времени – первый духовный переход, душа готовится, покидает тело и пребывает в междумирье – это самое напряжённое время для неё самой и для оставшихся на этом свете. На **сороковой** день в ходе поминальной и печальной обрядности выполняется отгонный **обряд (обряды) проводов души на тот свет**. Душа покидает этот свет и перемещается (улетает, уходит, переплывает и т. д.) «на тот свет». Всего, например, на Юге Рязанской земли в ходе ПППО в течении 3-х лет осуществляется двенадцать обрядов проводов души. Обряд проводов души включён неотделимой частью в поминально-печальную обрядность.

Дни частных поминок – 1, 3, (6), 9, 20, 40 день, полгода, год, полтора, два с половиной, три года (рис. 1) разделяют всё поминально-печальное время на малые времена. Каждый поминальный день (сутки) имеет свою присущую только ему особенность. При этом своей значимостью выделяются поминальная обрядность и время следующих дней: 1 день – душа покидает тело, 20 день – душа проходит половина пути, 40 – душа переходит на тот свет [16], 3 года – душа воспринимается в мир родителей. В каждой русской земле (Рязанская, Новгородская, Смоленская, Псковская, Вологодская и др.) временное строение ПППО может иметь

свои особенности.

Во время **беременности и родин** (сложный родокон бабства) по народным представлениям совершается двойной переход души беременной-роженицы и, в тоже время рождается новая душа на этот свет вместе с телом.

Слабая изученность **беременности** не позволяет нам строго показать её временное строение. Следует отметить, что по наиболее распространённым народным представлениям душа ребёнка вселяется в плод на середине беременности: через двадцать недель. Числа двадцать и сорок, народные представления характеризуют беременность как явление духовного порядка.

Обособленный родокон роженицы. Считается, что роженица во время родов переходит в иномирное состояние. После родов душа роженицы испытывает состояние возвращение в нормальное состояние в своём теле, и в тоже время разъединение с душой младенца. На Рязанской земле говорят, что душа роженицы очищается. Культурные предписания, запреты, нормы поведения роженицы и её одежда после родов позволили вычленить длительность и строение времени её перехода – обособленного родокона роженицы. В целом он повторяет строение родоконов печали и посмертного.

Сороковины роженицы и непосредственно сороковой день выделяются особой строгостью выполнения предписаний, запретов, и их развитостью, сохранившим свою значимость в русской народной культуре до настоящего времени. В сороковой день роженица обязана получить *очистительную (разрешительную, сороковую)* молитву и омыться *непитой* водой. Иногда в этот день совершается обряд размывания рук с повитухой. До этого времени роженица носит печальные одежды, а в ряде КРК они обязательны до года. Знаковость одежд этого времени печальная, недетородная. Например, до сорока дней в ЧКРК, ВКРК баба вообще не надевает понёву, убираясь в смешан-

ную обрядовую сряду из девичьих и бабьих одежд. До сорокового дня категорически запрещается спать с мужем. Нахождение души роженицы в состоянии переходности, очевидно определяет запрет на зачатие новых жизней. Большинство запретов и предписаний связано с необходимостью недопущения какого-либо вредного воздействия на душу роженицы. К ним относятся запреты на участие: в похоронах; в качестве свахи или иного лица в свадебных обрядах переходов; в обрядах крещения и других, **требующих вхождения роженицы в новое переходное состояние** или в соприкосновение с душами, находящимися в переходном состоянии, что для неё является запретным. Подчёркнём, в продолжении трёх лет одновременно с обрядами проводимыми в отношении роженицы, совершаются обряды и с её дитём. Данную обрядность мы предлагаем называть **двуединой обрядностью**. Она направлена на разъединение душ младенца и роженицы и их укрепление в своих телах. В целом структура обрядового времени обособленного родокона роженицы повторяет образцовое строение печально-поминального времени (рис. 1).

Обособленный родокон младенчества. Развитая обрядность с дитём в некоторой степени затеняет обрядность с роженицей. Строение времени младенчества нами определено по многочисленным запретам и предписаниям и времени проведения обрядов с младенцем. Часть из них заканчивается сороковым днём, в который нередко совершается второе крещение ребёнка. В народном православии, в частности для Рязанской, Тамбовской, Пензенской и др. областей, дитя обычно первый раз крестила повитуха на третий день в горшочке, а второй раз крестили в церкви на сороковой день или позже, или второй раз не крестили. Дитя в народной культуре наделяется противоположными свойствами: он нечистый, он же беспорочный, подобный ангелу. Необходимость соблюдения большинства зап-

ретов объясняется возможностью нечистой силы подменить душу младенца, соглать или испортить её людьми. Установленная длительность запретов, предписаний и сроки проведения обрядовых действий в отношении младенца обнаруживают длительность переходного времени в течении трёх лет. Важным временем во всём младенчестве считается сорокодневие, а рубежным сороковой день. Он служит той вехой, после которой присмотр за ребёнком от повитухи полностью переходит к матери. С этого дня его можно выносить на свет, показывать близким родственникам, смотреть самой матери и отцу. После сорока дней на младенца впервые может повязываться пояс. Значительная часть предписаний продолжается строго соблюдаться в течении всего первого года, заканчивающего обычно первой застрижкой. Время в два года отмечено незначительной частью обрядов. К трём годам душа дитя укрепляется настолько в теле, что опасность со стороны нечистой силы, но её подмене или её порчи, резко снижается, снимается большинство запретов. С этого времени в ряде русских земель допускалась порка ребёнка прутьями.

Строение времени обособленного родокона младенчества идентично строению времени перехода роженицы.

Свадьба. Сущностное содержание свадьбы связано с духовностью. Оно раскрывается, прежде всего, в обрядах с невестой, направленных на подготовку и передачу её души в иной род, т. е. на её умирание и возрождение. **Умирание** и **смерть** невесты в народной культуре не пустая образность, а невидимая действительность. Действительностью является её последующее духовное **рождение** и **возрождение**. Такой взгляд на суть происходящего позволяет уточнить существующее строение времени свадьбы.

Во временном движении свадьба включает три части: 1) предсвадебное время – сватовство, происходящее до обряда

правового заключения договора на свадьбу; сватовство и обряды правового значения, отмечающие начало печали невесты; 2) время двойного перехода – смерть невесты и рождение молодухи; 3) послесвадебное – возрождение, свадебные и послесвадебные обряды, связанные с зарождением потомства, включением молодых в мужское и женское сообщества, с отношениями родов. Каждая их трёх частей имеет сложное строение.

В свадьбе происходит частое изменение знаковости в срядах невесты и молодухи, связанное с изменениями их состояний.

Строение свадебного времени неожиданно с новой силой высвечивает высокую значимость числознака сорок, наряду с устойчивым числами три, шесть (семь) дней и осуществлением обрядности, направленной на соединение души жены с мужем, вхождением невесты в род мужа, возможным зачатием и бережными обрядами молодых. Время, сорок дней до Посада и после Посада, образуют ярко выраженную симметрию вокруг собственно переходов. Общая продолжительность свадьбы составляет 3 года 40 дней.

Особое место в свадьбе занимает Посад, заключающий в себя средоточие двух собственно духовных переходов: окончание умирания и начало рождения молодухи из невесты. В действительности здесь совершается три перехода: (два духовных перехода – умирание и рождение души, и, третий – передача невесты из рода в род и лично мужу, с переходом в детородное состояние.

Вследствие сложности происходящих событий в свадьбе, смену знаков в одежде (смену сряд) определяют обряды собственно духовных переходов, они же вместе с одеждой отграничивают малые времена свадьбы и малые времена в самих собственно переходах, выстраивая искомую структуру.

Для всех духовных переходов, свойственных русской народной культуре, при-

сущее единство строения времени перехода, с подчёркиванием сорокового дня. Характер обрядов, обязательное использование непитой воды, новой сряды (одежды), требования к участникам обрядов, высвечивают единые закономерности в обращении с душой человека. Сравнение структур духовных переходов обнаруживает их удивительное единство на трёх важнейших частях – сорокоусты, годовщина и время трёх лет.

Таким образом, обнаруженная нами сложная структура духовных переходов в крайних и срединных обрядах жизни человека, связана с родноверческим мировоззрением, с исконным пониманием ду-

ховности человека и отношения народа к душе – в ходе её вселения-рождения, жизни и проходах на тот свет к предкам, Богу. Единство закономерностей обращения с душой человека опирается на исконные народные мировоззренческие основы, определяемые тройственностью духовных отношений – живых, предков и Бога.

Содержание каждой части сравниваемых времён родоконов обнаруживает действия с душой человека и его телом как разными частицами, но вместе с тем событиями единого природно-культурного явления. Закономерности обращения с душой человека при её переходах из мира в мир, с одного света в иной свет образуют единый божественный закон жизни рус-

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. – СПб.: РАН, 1993. – 240 с.
2. Баранов Д. А. Родинный обряд: время, пространство, движение // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. – М.: Росс. гос. гуманитар. ун-т., 2001. – С. 9-30.
3. Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. Русская свадьба. – М.: Современник, 1985. – 400 с.
4. Ерёмина В. И. Ритуал и фольклор. – Л.: Наука, 1991. – 208 с.
5. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. – М., 1991. – 511 с.
6. Зорин Н. В. Русский свадебный ритуал. – М.: Наука, 2004. – 284 с.
7. Котляревский А. А. О погребальных обычаях языческих славян // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – М.: КРАСАНД, 2010. – 291 с.
8. Кремлева И. А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русский Север / Отв. ред. И. В. Власова. – М.: Наука, 2004. – С. 661-705.
9. Кутенков П. И. Южнорусская народная одежда. Чернавская крестьянская родовая культура. Сер. 19 - 20 в. – СПб.: РГО, 2011. – 498 с.
10. Лысенко О. В. Половозрастная дифференциация одежды и семантическая структура народного костюма // Нацыянальны кастюм у сучаснай сацыякультурнай прасторы: Сб. – Минск, 2008. – С. 23-37.
11. Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах 19 - начала 20 в. – М.: Наука, 1984. – 201 с.
12. Островский Б. А. Семейские Забайкалья: аспекты этноконфессиональной идентичности в 20 в. // Этническое единство и специфика культур. – СПб., 2002. – С. 30-34.
13. Сумцов Н. Ф. Символика славянских обрядов. – М.: РАН, 1996. – 296 с.
14. Чистов К. В. Типологические проблемы изучения восточнославянского свадебного обряда // Проблемы типологии в этнографии. – М.: Наука, 1979. – С. 223-230.
15. В русской народной культуре выделяются родоконы: младенчество, детство, девичество, свадьба, родославное (детородное), бабство (беременность, роды, сороковины роженицы и далее время), последетородное, смерть, праздник, печаль, войни-

ство (солдатство), вековушество, вдовство, смертное. Родокон – это какое-либо время жизни, строго обозначенное и ограниченное обрядами, согласно существующего обычая. Например, время детородности – это время от начала месячных до их окончания, а родокон детородия (родославия) – это время, ограниченное свадьбой и сороколетним возрастном бабы. Родоконны образуют две группы: яргическая – младенчество, детство, девичество, свадьба, родославное, бабство, последетородное, смерть; сварожьи – печаль, праздник, свадьба, бабство, войнихство, вдовство, вековушество, посмертное.

16. Частные общественные поминки – исполнение поминальных обрядов (обрядовых действий) с обязательным участием членов общины и участниками похоронной обрядности.

17. В ряде местностей Рязанской культуры совершается два различных обряда проводов души на тот свет в разное время сорокового дня. В совокупности с иными знаниями о поведении души это указывает на наличие у славяно-руса не менее двух душ.

Сокращения, понятия

КРК – крестьянская родовая культура

ВКРК – вяземская КРК Пензенской области

СКРК – сядемская КРК Пензенской области

ПППО – похоронная, печально-поминальная обрядность

ЧКРК – чернавская КРК Рязанской области.

УДК 003
ББК 71.0
Культурология

ЗНАКОВАЯ МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО СТРОЕНИЯ ЕДИНИЧНЫХ ОДЕЖД И ВЕЩЕЙ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СРЯДЫ (ОДЕЖДЫ)

Кандидат культурологии П. И. Кутенков

В статье рассматривается порядок разработки знаковой методики определения внутренней структуры единичных вещей (одежд) русской народной сряды.

Ключевые слова

Дещь, возраст, знак, единичная одежда, ключевой знак, концепция, методика, подпольник, полотно, понёва, сряда, степень, структура, часть, ярга

При разработке Концепции знакового исследования русской народной сряды мы столкнулись с острой потребностью в знании **внутреннего строения единичных одежд и вещей сряды**. Без понимания соотношения частей единичной одежды она со своими многочисленными знаками выглядит знаковым хаосом, нагромождением древнейших славянских знаков, что изначально не допускается в культуре. Для исследования знаковости вещи сряды важно установление внутренних отношений между её частями. Под срядой мы понимаем совокупность одновременно надеваемых девкой, бабой или женщиной в праздник и печаль, будни и на смерть единичных одежд, а также вещей головного убора, поясного убора, обуви, украшений. Вещи и единичные одежды сряды объединены знаковой целостностью.

Для понимания возникшего вопроса важно понять, что в течении 20 ст. в изу-

чении народной одежды господствовал исторический, отчасти производственный подходы исследования. Предпочтительным знаком исследования одежды принимался её крой. И необходимость в методике изучения единичной одежды остро не возникала.

Постановка вопроса о знаковом изучении одежды и сряды в целом, выводит вещи сряды вместе с их разноприродными знаками на уровень знаковых средств духовной культуры. При таком подходе, вместо одного знака, выделяется целая совокупность: собственно сряда, состав сряды, единичная одежда (вещь) сряды, линейный (иной) узор, строение узора, цвет, имя одежд и вещей (их узоров, цвета), материал (лён, конопля, кожа, крапива, шёлк, бумага и т. д.), качество домоткани, способы тканья и вышивки и другие. Возникает вопрос об их делении на уровни, а также частей одежды. Для выделения знаков в качестве **ключевых**, других – **дополнительными**, третьих – **вспомога-**

тельными, оказалось, что нет приемлемой культурологической методики изучения строения самой единичной одежды, какой-либо вещи сряды и самой сряды. Вместе с тем, существующий культурологический опыт исследования вещи в культуре, преломлённый в отношении сряды, показывает необходимость глубинного постижения её культурных смыслов и предполагает непростой путь изучения одежды как вещи [1. С. 229-247]. Для примера скажем, что праздничная, в частности годовая сряда молодой бабы в чернавской крестьянской родовой культуре насчитывает около 50 одежд и вещей, а их количество в печальной праздничной сряде этой же бабы в два раза меньше. Самих печальных сряд здесь вычленяется свыше ста. При этом каждая вещь сряды может иметь около 10 различных знаков. Каждый такой знак (группа знаков) обладает своим характером изменения по родоконам знаковой матрицы (рис. 1). Таким образом, необходимость разделения знаков на группы и выявления характера их

поведения, потребовало определиться со строением единичной одежды, что породило необходимость в методике внутреннего строения вещи.

Нужно заметить, что порядок разработки данной методики в нашем случае непосредственно и нераздельно оказался связанным с разработкой самой Концепции и методов знакового изучения одежды. Вычленение ключевых и других знаков единичной одежды (вещи) невозможно без использования знаковой матрицы (рис. 1), внутреннего строения её родоконов и значимости переходов [2. С. 56]. Матрица явилась результатом разработки Концепции знакового исследования народной одежды, но и саму матрицу невозможно было получить без применения разрабатываемой здесь методики. Поэтому в начальном опыте разработки искомой методики мы шли кругами, сближая получаемые результаты с методическими положениями, прорисовывая Концепцию и методику одновременно. В этой статье мы опираемся на знаковую матрицу как

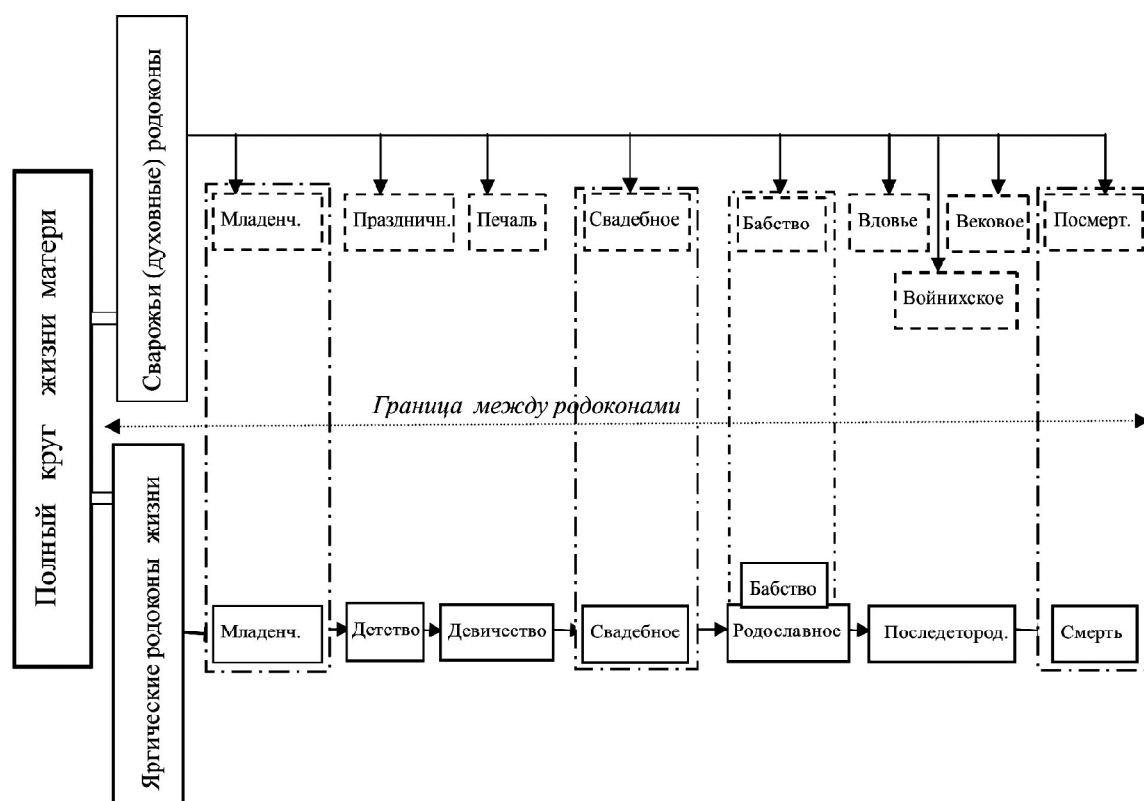

Рис. 1. Общий вид знаковой матрицы

известное средство.

Для разработки методики мы взяли одну из простых по крою, но в тоже время наидревнейшую славяно-русскую набедренную обрядовую одежду – понёву вяземской крестьянской родовой культуры. Это трёхполотная тяжёлая браная распашная одежда, состоящая из четырёх самостоятельных частей. Первая часть – пелена, *полотнище*, плат, покрывало сшитое по основе из трёх домотканых одинаковых полотнищ (рис. 2). Вторая часть – *гашиник*, средство для подвязывания понёвы на бёдрах (рис. 2-4). По краям понёва обкладывалась неширокой красной узкой шерстяной полоской, *обгонкой*, гарусом – это третья часть (рис. 2-6); внутренняя узорная часть, находится за подподольником – четвёртая часть.

В целом (рис. 2) мы видим общий со-

став понёвы. Подчеркнём, вычленение её общего строения не требует кропотливой полевой работы. Нам же необходимо понять знаковое соотношение частей понёвы; какое место культура отводит каждой части в общем составе понёвы, каково строение самих частей и их роль в знаковости вещи.

Результаты полевых исследований [2, 3] и литературные данные [4-6 и др.] позволили установить, что основной частью в русской понёве считается полотнище. В нашем случае все три полотна полотнища одинаковы. При рассмотрении обобщённых полевых материалов в вяземской понёве обнаружили две основные знаково насыщенные части полотнища: главное поле полотнища, т. е. собственно *полотно* и *подподольник* (также называется *срядой*) (рис. 2). Уточ-

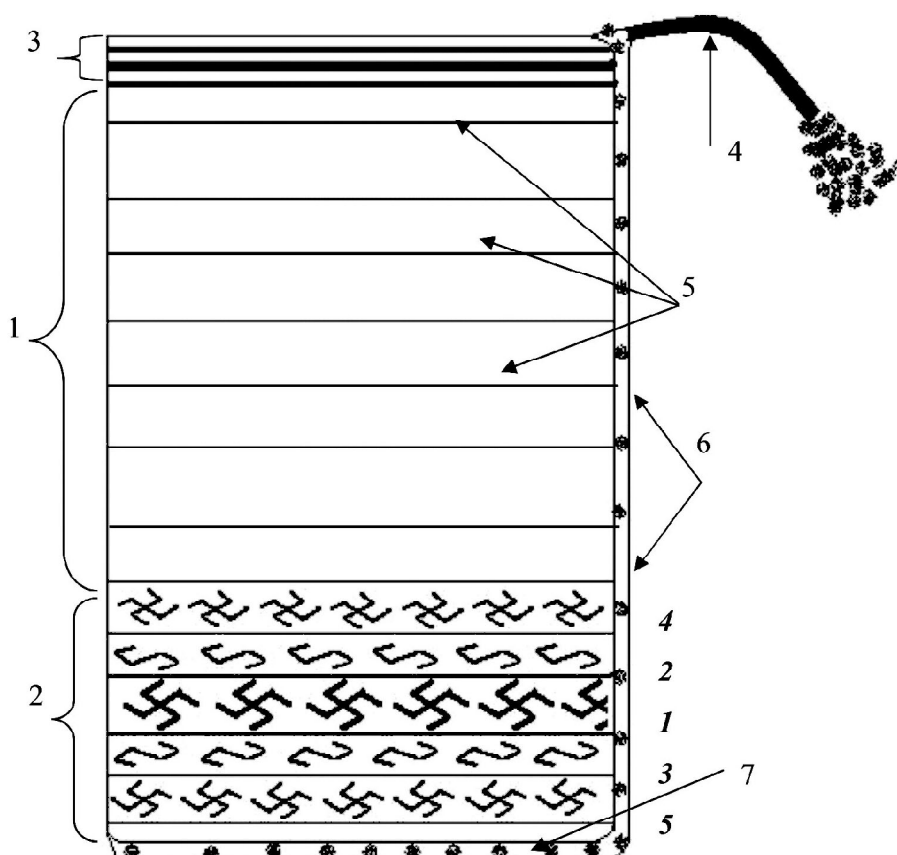

Рис. 2. Общий состав (общий вид) одного полотна красно-полосатой тяжелой браной распашной яргической понёвы о пяти яргах; 1 – собственно полотно; 2 – подподольник полотнища (сряда); 3 – узорная часть полотна; 4 – гашиник – вторая часть; 5 – синие полосы; 6 – обгонка – третья часть; 7 – линия перегиба внутренней узорной части. Числами 1, 2, 3, 4, 5 показан порядок счёта ярг. С. Большая Ижмора ВКРК

ним их взаимоотношения.

Для понимания рассматриваемых материалов поясним следующее. Знаком подподольника является *ярга* (свастика). В то же время в культуре так называют цепь из различных линейных узоров горизонтально размещённых рядов на сряде (рис. 2-1, 2, 3, 4, 5). Система счёта яргами в понёвах состоит из нечётного количества горизонтально расположенных рядов узоров (рис. 2). В культуре имеются *красные* понёвы об одной ярге, трёх, пяти, семи, девяти, одиннадцати яргах; *синие* (тёмно-синие) понёвы о

пяти (трёх), одной ярге и, чёрной старушечьей понёвы – *лягошецке* с полосой из белых линейных узоров по низу полотнища.

Краткое название понёвы, например, *красная о трёх ярг*, включает знак полотна, т. е. его цвет, он даёт первое слово в её имени, и знака подподольника – *ярги*, включаемой второй частью в имя. В целях установления знаковых взаимоотношений между частями понёвы, в том числе в строении полотнища, рассмотрим характер распределения ключевых знаков (цвет, узор, способ тканья и др.) в празд-

Таблица 1

**Знаковость полотна и подподольника в праздничных понёвах с. Вяземки
вяземской крестьянской родовой культуры (вариант). 19 - 20 вв.**

Родо- коны		Возраста баб, женщин, <i>годы</i>	День праздника (степень праздничности)			
			Первый*	Второй	Третий	Четвёртый (другой)
Бабы						
Баба	Детородный	Первый 15–22	<i>Красная о 11 яргах</i>	<i>Красная о 11 яргах</i>	<i>Красная о 11 яргах</i>	<i>Красная о 9** яргах</i>
		Второй 22–28	<i>Красная о 11 яргах</i>	<i>Красная о 11 яргах</i>	<i>Красная о 9 яргах</i>	<i>Красная о 7 яргах</i>
		Третий 29–34	<i>Красная о 9(11) яргах</i>	<i>Красная о 9 яргах</i>	<i>Красная о 9 яргах</i>	<i>Красная о 7 яргах</i>
		Четвёртый 35–40	<i>Красная о 9 яргах</i>	<i>Красная о 9 яргах</i>	<i>Красная о 7 яргах</i>	<i>Красная о 5 яргах</i>
	Не детородные	Первый, после 40	<i>Тёмно-синяя о (5) 3 яргах</i>	<i>Тёмно-синяя о (5) 3 яргах</i>	<i>Тёмно-синяя о (5) 3 яргах</i>	<i>Тёмно-синяя о (5) 3 яргах</i>
		Второй, после 50	<i>Тёмно-синяя о 3 яргах</i>	<i>Тёмно-синяя о 3 яргах</i>	<i>Тёмно-синяя о 3 яргах</i>	<i>Тёмно-синяя о 3 яргах</i>
		Третий, после 60	<i>Тёмно-синяя о 3 яргах</i>	<i>Тёмно-синяя о 3 ярге</i>	<i>Тёмно-синяя о 3 ярге</i>	<i>Тёмно-синяя о 3 ярге</i>
		Старушечий, после 75	<i>Тёмно-синяя о 1 ярге</i>	<i>Тёмно-синяя о 1 ярге</i>	<i>Тёмно-синяя о 1 ярге</i>	<i>Тёмно-синяя о 1 ярге</i>
Женщины						
<i>Старые старухи, ок. 90</i>		<i>Легошецка.</i>	<i>Легошецка.</i>	<i>Легошецка.</i>	<i>Легошецка.</i>	
Вой- них- ство	Основное время	<i>Красная о 3 яргах</i>	<i>Красная о 3 яргах</i>	<i>Красная о 3 яргах</i>	<i>Красная о 3 яргах</i>	
	Время перед прибытием	<i>Красная о 5 яргах</i>	<i>Красная о 5 яргах</i>	<i>Красная о 5 яргах</i>	<i>Красная о 5 яргах</i>	
	По прибытии мужа	Носятся понёвы согласно своего возраста: красные от 11 до 5 ярг				
Вдовство		<i>Тёмно-синяя о 1 ярге</i>	<i>Тёмно-синяя о 1 ярге</i>	<i>Тёмно-синяя о 1 ярге</i>	<i>Тёмно-синяя о 1 ярге</i>	
Вековухество		Понёва не полагалась				

* Первый день праздника относим к первой степени праздничности, второй – ко второй и т. д.

** Эту понёву надевала молодая баба. Молодуче положена понёва о 11 яргах.

ничных понёвах (табл. 1).

По названию понёвы (табл. 1) видно, что **знак цвета полотна** не меняется на протяжении каждого родоконя круга жизни. Детородному родокону соответствует **красный** цвет полотна, недетородному родокону – **синий**, у старой старухи цвет полотна **чёрный**. При этом, означивание возрастов и степеней праздничности, внутри каждого родоконя, осуществляется посредством изменения **количества ярг подподольника**, при постоянном знаке полотна (табл. 1). Например, для детородных возрастов, при постоянной знаковости полотна (красный цвет), количество ярг подподольника меняется от **11 до 5**; при постоянном синем цвете родоконя недетородности, – количество ярг подподольника изменяется от **3 (5) до 1**. Подобное свойственно и для женских статусов. Очевидно, что знак цвета полотна определяет, а линейные знаки подподольника означивают возраста определённым количеством **ярг** – распределяют.

Полотно понёвы ткалось из сучёных конопляных нитей основы и цветных (красные, тёмно-синие) шерстяных нитей утка. Переплетение полотна сложное. Браные узоры подподольника набирались разноцветными нитями сложнейшим способом **двухслойного узорного тканья**, исторически известного как ткачество высочайшего уровня сложности. Способы тканья также разделяют полотнище на полотно и подподольник. Последние могли изготавливаться по отдельности, а потом сшиваться.

Старые старухи носили **чёрную** понёву *лягошецку*, сотканной **полотняным переплетением** из обычных **конопляных нитей с одной белой дорогой** узоров на подоле.

Гашник, плетёный из шерсти, в красных понёвах обычно с нитями красного цвета, в синих понёвах – белого или тёмного естественного цвета овечьей шерсти. Цветность гашника дополняет знаковость полотнища, но не изменяет его. **Обгонка**

всех понёв всегда красного цвета, в ходе означивания родоконя незначительно меняется её ширина. **Внутренняя узорная часть** не оказывает существенного влияния на знаковость понёвы.

Пример обнаруживает различные роли четырёх частей понёвы, а также собственно полотна и подподольника. Знаки полотна определяют течение времени всего родоконя, а знаки подподольника – расчленяют это время по возрастам и степеням в рамках этого же родоконя. Значение знаков других частей понёвы по отношению к знакам полотна выражено слабо, они играют второстепенное значение.

Часто повторяющееся в ВКРК иносетное печальное время – одно из значимых среди всех сварожьих родоконя. Проследим распределение ключевых знаков (цвета и ярги) в печальных праздничных понёвах (табл. 2). В печальных понёвах родославного родоконя всё время трёхлетней печали означивается **красным цветом** полотна, знаковость подподольника меняется в это время от 1 до 3 ярг. В последетородном родоконе **синий цвет** полотна обнаруживается в качестве постоянного знака, а знаковость подподольника меняется от 1 до 3 ярг (табл. 2). В печальных женских понёвах картина изменения знаков значимости полотна и сряды подобна вышеописанной (табл. 2).

В целом пример с печальными понёвами прорисовывает полотно понёвы в качестве её части, где размещается мало вариативный знак цвета. Его знаковость постоянна для всех возрастов в каждом родоконе. Подподольник обнаруживается с иной стороны. На нём размещается сильно вариативный знак: яргами прописываются изменения печальных состояний *большой печали и малой печали* (табл. 2). Знаки других частей понёвы и самого полотна играют второстепенные роли. Их значения следует за смыслами знаков полотнищ.

Родокон смерти: в погребальное убранство понёва не входила. Свадебное вре-

мя: синяя печальная понёва невесты о трёх ярг, после Посада меняется на красную понёву об 11 ярг. Здесь проявляется высокая значимость знаковости полотна и подподольника понёвы на внешних и гранич-

ных переходах.

Рассмотренные результаты исследований обнаруживают совершенно различную значимость частей понёвы в означивании степеней праздничности и печали,

Таблица 2

**Знаковость полотна и подподольника праздничной понёвы
иносветной печали в зависимости от возраста и состояния печалющейся
(вариант). С. Вяземка ВКРК. Кон. 19 - 20 в.**

Родоконы	Возраста баб, женщин, годы	Время иносветной печали					
		Большая пецаль	Малая пецаль				
			До 40 дней	До года	До 1,5 лет	До 2-х лет	До 2,5 лет
Родоков детородности (родославия)	Молодуха	Красная о 1 ярге	Красная о 3 яргах	Красная о 3 яргах	Красная о 3 яргах	Красная о 3 яргах	Красная о 3 яргах
	Первый 15–22	Красная о 1 ярге	Красная о 3 яргах	Красная о 3 яргах	Красная о 3 яргах	Красная о 3 яргах	Красная о 3 яргах
	Второй 23–28	Красная о 1 ярге	Красная о 3 яргах	Красная о 3 яргах	Красная о 3 яргах	Красная о 3 яргах	Красная о 3 яргах
	Третий 29–34	Красная о 1 ярге	Красная о 3 яргах	Красная о 3 яргах	Красная о 3 яргах	Красная о 3 яргах	Красная о 3 яргах
	Четвёртый 35–40	Красная о 1 ярге	Красная о 3 яргах	Красная о 3 яргах	Красная о 3 яргах	Красная о 3 яргах	Красная о 3 яргах
Родоков не детородности	Первый, после 40	Тёмно-синяя о 1 ярге	Тёмно-синяя о 3 яргах	Тёмно-синяя о 3 яргах	Тёмно-синяя о 3 яргах	Тёмно-синяя о 3 яргах	Тёмно-синяя о 3 яргах
	Второй, после 50	Тёмно-синяя о 1 ярге	Тёмно-синяя о 3 яргах	Тёмно-синяя о 3 яргах	Тёмно-синяя о 3 яргах	Тёмно-синяя о 3 яргах	Тёмно-синяя о 3 яргах
	Третий, после 60	Тёмно-синяя о 1 ярге	Тёмно-синяя о 3 яргах	Тёмно-синяя о 3 яргах	Тёмно-синяя о 3 яргах	Тёмно-синяя о 3 яргах	Тёмно-синяя о 3 яргах
	Старушечий, 75	Тёмно-синяя о 1 ярге	Тёмно-синяя о 1 ярге	Тёмно-синяя о 1 ярге	Тёмно-синяя о 1 ярге	Тёмно-синяя о 1 ярге	Тёмно-синяя о 1 ярге
Женщины							
Стар. старухи, 90 Вдовство		Лягощецка Тёмно-синяя о 1 ярге	Лягощецка Тёмно-синяя о 1 ярге	Лягощецка Тёмно-синяя о 1 ярге	Лягощецка Тёмно-синяя о 1 ярге	Лягощецка Тёмно-синяя о 1 ярге	Лягощецка Тёмно-синяя о 1 ярге
Войнихство		Красная о 1 ярге	Красн. о 3 ярг	Красн. о 3 ярг	Красн. о 3 ярг	Красн. о 3 ярг	Красн. о 3 ярг

* Родоконы жизни, кроме окончания детородного времени в 40 лет, могут колебаться в пределах нескольких лет.

возрастов и статусов баб и женщин. Полотно полотнища выступает той главной частью, где означиваются более устойчивые, более длительные временные состояния и положения; подподольник служит тем местом одежды, где знаковая картина меняется быстрее, при постоянной знаковости полотна. Вследствие это-

го само полотнище, как часть понёвы, занимает ключевое положение. Её полотно выступает **ключевой определяющей частью**, то подподольник – **ключевой определяющей частью**.

Внутренняя узорная часть понёвы слабо выражена в означивании возрастов и состояний, она следует за знаковостью

полотна – **дополнительная** часть полотна. Гашник не всегда участвует в означивании состояний – это дополнительная часть. Обгонка сопровождает общее строение всей понёвы и играет **вспомогательное** значение.

В целом мы установили неравнозначное положение частей понёвы в выражении её знаковости по всем родоконам круга жизни, вычленив **ключевые, дополнительные и вспомогательные** части одежды.

Опыт полевой работы в разных землях России показал, что содержание разработанной методики для одной и той же единичной одежды в разных КРК различается. Общими для них остаются мировоззренческие взгляды, порядок следования родоконов в знаковой матрице. Вследствие этого содержание методики целесообразно уточнять для каждой КРК.

Общий порядок разработки методики:

1. Сбор и обобщение исходных данных по крестьянской родовой культуре (мировоззренческие взгляды, календарная и семейная обрядность, возрастное деление и др.).
2. Установление общего строения единичной одежды.
3. Вычленение ключевых и других групп знаков, используемых в изучаемой одежде.
4. Выявление характера изменения знаков (групп знаков) и знаковых систем по родоконам знаковой матрицы.
5. Обнаружение взаимосвязи знаков и частей одежды. Это целесообразно проводить посредством разработки таблиц, дающих наглядность, или иным способом.
6. Определение внутреннего соотношения частей одежды, распределение их по уровням значимости.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мосолова Л. М. «Обыкновенный» горшок и его культурный космос (о феномене гончарного искусства в культуре древней Евразии) // Основы теории художественной культуры. Под общ. ред. Л. М. Мосоловой. – СПб.: Лань, 2001. – С. 229-247.

2. Кутенков П. И. Внутренние, граничные и сложноподключённые переходы знаково-го метода изучения славяно-русской народной одежды // 9 Конгресс этногр. и антроп. России. Петрозаводск. 4-8 июля 2011. – Петрозаводск, 2011. – С. 56.

3. Кутенков П. И. Великорусская народная женская сряда (одежда). Сядемская и вяземская крестьянские родовые культуры. Сер. 19 - начало 20-го в). – СПб.: универ., 2010. – 286 с.; 112 с. цв. снимков.

4. Жигулёва В. М. Женский народный костюм // Сергиево-Посадский музей заповедник. Сообщения 1995. – М., 1995. – С. 232-257.

5. Куфтин Б. А. Материальная культура русской мещеры. Часть 1. Женская одежда: рубаха, понёва, сарафан. – М., 1926. – 268 с.

6. Гринкова Н. П. Русская понёва Юго-западных районов РСФСР. Сбор. МАЭ. – 1949. – Т. 12. – М.-Л. – С. 5-42.

УДК 008:316.7

ББК 71.0

Культурология, философия

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНОВ КУЛЬТУРЫ

Доктор философских наук Н. П. Ледовских

В статье рассматривается проблема методологии философско-культурологического исследования. Автор традиционно выделяет три уровня методологии. Анализируются возможности и принципы использования системно-синергетического подхода, теории ментальностей, аксиологического подхода, количественных методов в исследовании феноменов культуры, что позволяет с точностью выделить культурные универсалии, доминирующие паттерны общественного сознания, сложившиеся в процессе культурного развития.

Ключевые слова

Исследования феноменов культуры, методология, системно-синергетический подход, общеисторический уровень исследования, история ментальностей, аксиологический подход

Трансляция культурного наследия от поколения к поколению – одна из важнейших задач любого сообщества. Специфические характеристики феноменов культуры требуют особо подхода к исследованию, правильность их интерпретации во многом будет зависеть от точности исследовательских методик. Не случайно в настоящее время происходит переосмысление основных критериев многих гуманитарных наук. Изменяется их предметное поле, категориальный аппарат, концептуальная и методологическая база.

Проблема заключается и в том, что информационные потоки возросли настолько, что трудно поддаются системному анализу. В результате одни и те же явления культуры получают разные названия, а

одинаковое название явления вовсе не гарантирует его однозначного понимания, термин часто наполняется едва ли не прямо противоположным содержанием. Ярким примером являются материалы VI Российского философского конгресса, проходившего в Нижнем Новгороде в июне этого года [11].

В этих условиях проблема методологии исследования приобретает особо актуальное значение. Закономерно появление значительного количества работ, где рассматриваются разные варианты существующих методов с анализом их сильных и слабых сторон.

В частности, М. С. Каган «в истории изучения истории культуры» выделяет три подхода в европейской науке и философии XVIII-XIX веков: концепцию «линейного

прогресса» как общей закономерности развития культуры, противостоящий ей «фактографический эмпиризм», признающий единственный принцип исторического изучения культуры – хронологию, и теорию «локальных цивилизаций», претендующую на разрешение данного методологического конфликта [5. С. 9-15]. Автор убедительно доказывает, что ни один из этих методологических принципов в полной мере не отвечает критериям необходимости и достаточности.

В последнее время в методологии широкое распространение получила историческая синергетика, изучающая сверхсложные нелинейные самоорганизующиеся системы. Известно, что термин «синергетика», предложенный Г. Хакеном, происходит от греческого «синергена» – содействие, сотрудничество, и акцентирует внимание на согласованности взаимодействия частей при образовании структуры как единого целого. По большому счету, синергетика занимается поиском универсальных моделей, которые могли бы воспроизводить требуемый тип поведения любой системы. Поэтому, совершенно справедливо эта наука претендует на роль междисциплинарной теории, которая дает возможность преодолеть разрыв между естественным и гуманитарным знанием, и позволяет воссоздать универсальную эволюционную картину мира.

В рамках системно-синергетического подхода происходит смена стратегических установок исследования. Прежде всего, центральным звеном научной картины мира становится Человек. Настоящее рассматривается как напряженный процесс выбора. Появляется возможность создания нового синтеза парадигм причинной и целевой детерминации, выявления малоизученных прежде причинных зависимостей, рассмотрения простейших взаимодействий сквозь призму их эволюции.

На данный момент мы вполне можем сформулировать принципы, которым дол-

жен соответствовать методологический подход философско-культурологического исследования для тех случаев, когда в фокусе внимания оказывается та или иная социокультурная система в исторической перспективе:

- к такой системе необходим междисциплинарный подход, в поле исследования должна оказаться вся система в целом, нельзя «работать только с одним видом переменных»;

- должно учитываться, что любая социокультурная система является сложно структурированной, нелинейно, вариативно развивающейся; задача исследователя – выявить основные направления эволюции или реэволюции;

- эта система является саморазвивающейся и самоуправляемой, причины эволюции следует искать внутри самой системы;

- центром исследования должен стать Человек, ментальность, массовая психология, ценностно-ориентированная деятельность Человека;

- в анализе исторических закономерностей эволюции системы, ее прогресса или регресса допустимо оценивать ту или иную ситуацию путем сравнения «реального хода событий с вероятным ходом событий при альтернативном ключевом решении»;

- с тем чтобы верно определить направления эволюции системы, исследователь не только может, но и обязан анализировать ситуацию «до» и «после», затрагивая более ранние и более поздние пласты культурной истории.

Совершенно очевидно, что системно-синергетический подход не противоречит, а включает в себя уже хорошо известные и используемые методы таких направлений, как феноменология и герменевтика, антропологический и аксиологический подходы. Синергетика основывается на диалектико-материалистическом понимании культуры, предполагает использование принципов логико-истори-

ческой реконструкции и культурно-исторической интерпретации.

В то же время названный фундаментальный уровень методологии определяет и последующие пласты исследования. Второй, общеисторический уровень методологии прослеживается в трудах известных отечественных и зарубежных историков. Традиция берет начало от К. Тацита, давшего блестящие психологические характеристики императоров. Знаменитое изречение античного ученого «*sine ira et studio*» («без гнева и пристрастия»), призывающего руководствоваться только интересами истины, стало девизом многих поколений исследователей разных стран.

Наибольший вклад в разработку новых методов исторического исследования внесли представители французской школы «Анналов», призывающие уйти от «истории-повествования». Авторы многочисленных трудов выступают за «историю-интерпретацию». В частности, один из основателей школы «Анналов» Л. Февр главным качеством исследования называет принцип проблемности, справедливо считая, что источник звучит по-разному в зависимости от проблемы, стоящей перед исследователем. «Всякая история есть выбор, – пишет Л. Февр. – Она есть выбор уже в силу случайности, которая уничтожает одни следы прошлого и сохраняет другие. Она есть выбор в силу особенностей человеческого мышления: как только документы накапливаются в избыточном количестве, исследователь начинает сокращать и упрощать, подчеркивать одно и сглаживать другое. Наконец – и это самое главное, – она есть выбор в силу того, что историк сам создает материалы для своей работы, или, если угодно, воссоздает их: он не блуждает наугад по прошлому, словно тряпичник в поисках случайной наживы, а отправляется в путь, имея в голове определенный замысел, проблему, требующую решения, рабочую гипотезу, которую необходимо проверить» [10. С. 14].

Большой вклад в разработку методологических принципов внес В. О. Ключевский, который не только восстанавливал стройный ряд исторических фактов, но и давал им объяснение с точки зрения общественных настроений. Именно В. Ключевский первым попытался говорить об определенных «психологических аберрациях» общественного сознания. Он же впервые создает психолого-исторические портреты среднестатистических граждан России, как, например, его знаменитые «петиметры» и «кокетки».

Принципиальные подходы представителей школы «Анналов», отечественных и зарубежных ученых стали основой для разработки весьма результативных методов исследования, которые в наше время приобрели широкую, вполне заслуженную и объяснимую популярность. «Психоистория», «историческая антропология», «история ментальностей», «история идей» – все эти направления базируются на том, что история вовсе не является «социальной физикой», а «мировосприятие, система ценностей, способы поведения суть неотъемлемые стороны исторического процесса, игнорирование которых ведет к механицизму, к превращению реальной человеческой истории в арену игры безличных абстракций» [4. С. 169]. Во главу угла исследований историка теперь ставится культура в целом, что требует целостного охвата действительности, совокупного рассмотрения религиозно-культурных оснований и материально-практической деятельности. Особый интерес представляют принципы «истории ментальностей», «интеллектуальной истории», «исторической психологии», согласно которым, помимо всего прочего, предполагается углубленное изучение «аффективной жизни», «изучение индивидуального, уникального и случайного».

Сложность заключается в том, что в исторических исследованиях встречается множество разночтений. В последнее десятилетие кардинальным образом меня-

ются оценки и фактическое наполнение тех или иных событий. Со всей определенностью по этому поводу уже неоднократно высказывались сами историки. В частности, А. А. Искендеров, открывая дискуссию по актуальным вопросам теории и методологии исторического исследования, подчеркнул, что «...быстро текущее время вовлекает в свой круговорот и историографию: отмирают традиционные концепции и оценки, рассыпаются казавшиеся недавно еще незыблемыми методологические парадигмы, в новом свете предстают те теории исторического процесса, которые прежде отвергались как якобы несостоятельные. Ощущается насущная потребность периодически возвращаться к осмыслению и обсуждению многих теоретико-методологических проблем, еще вчера считавшихся вполне решенными» [2. С. 45].

Для исследования, носящего историко-культурологический характер, сложившаяся ситуация привносит дополнительные трудности. Тем более важным представляется обращение к источникам, к первооснове исторического знания. Соответственно весьма важна методология анализа исторических источников, которая опять же логично вытекает из соответствующих принципов системно-синергетического подхода. На наш взгляд, указанный анализ должен соответствовать определенным положениям.

Во-первых, это выделение и обобщение определенных феноменов, культурных форм, культурных универсалий к которым можно отнести паттерны, стереотипы, образцы, ментальные структуры, т. е. те модели культуры, которые отличаются функциональной и формальной дискретностью, автономностью, самодостаточностью, синхронной и диахронной транслируемостью, высокой полисемантической. Это те формы, которые отмечены в повсеместном употреблении и, следовательно, за ними может быть закреплён данный статус. В. С. Степин называет

культурные универсалии социокодом, «очень сложной системой программ, которые фиксируются в определенных знаковых, семиотических системах» [8; 12]. Именно они заключают в себе основное функциональное и семантическое содержание всей культуры в целом.

При этом культурные формы нужно рассматривать не только как результат какого-либо действия, но и в первую очередь учитывать саму технологию, способ получения данного результата, поскольку, как отмечает А. Флиер, в традиционных обществах именно технология более значима, нежели сам полученный результат [12. С. 132].

В то же время все культурные формы имеют свою историческую протяженность. Их эволюция во времени будет неоспоримым свидетельством глубинных изменений менталитета того или иного социального сообщества.

Во-вторых, паттерны сознания, безусловно, проявляются в повседневной деятельности. «Ближайшее рассмотрение истории, – утверждает Гегель, – убеждает нас в том, что действия людей вытекают из их потребностей, их страстей, их интересов, их характера и способностей и притом таким образом, что побудительными мотивами в этой драме являются лишь эти потребности, страсти, интересы, и лишь они играют главную роль» [3. С. 20].

Таким образом, деятельность всегда детерминирована определенной аксиологической ориентацией и направляется потребностями. П. А. Сорокин называл ценности «главной побудительной и движущей силой в обществе» [1. С. 49].

Анализ аксиологического поля культуры в целом или на определенном отрезке времени – единственная возможность построения целостной, системообразующей модели культуры и реконструкции общей картины культурогенеза, ключ к разгадке основ и эволюции сознания, понимания механизмов культурообразующих

процессов.

К важнейшим механизмам ценностно-ориентационной деятельности сознания относят «целеполагание или проектирование», создание идеальных образов, «моделей потребного будущего» как рефлексию индивида на окружающий мир, что является результатом трех основных способов деятельности – опредмечивания, распредмечивания окружающего пространства и «духовного общения субъектов» [6. С. 65; 7. С. 101].

На наш взгляд, говоря об идеальных образах, нужно иметь в виду, что они могут содержать в себе и антиценности. Например, в крестьянском менталитете ценились такие качества, как ловкость, дерзость, умение обойти закон в достижении определенного уровня материального благополучия, правда, за пределами общины. По всей видимости, здесь нужно ввести еще одну дефиницию. Рядом с идеальными ценностями и образами, имеющими общечеловеческое и общегуманистическое значение, нужно выделить реальные ценности, которые и могут включать антиценности как руководство к действию. Разумеется, принципиально важным становится ответ на вопрос, почему идеальные образы вполне осознаны обществом, но не приняты им как руководство к действию, по принципу: «Понятно, что нужно делать так, но сейчас не время».

В-третьих, на основе комплексного анализа всех компонентов обыденного сознания можно воссоздать, используя терминологию М. С. Кагана, «социально типичную личность» [7. С. 290-291], которая и является результатом сложившихся общественных отношений.

В-четвертых, анализируя культурные формы и универсалии как результат ценностно-ориентационной деятельности, можно выделить самостоятельную подсистему, механизмы социализации, инкультурации и социокультурной самоидентификации личности, а именно: механизмы введения личности в общее поле культу-

ры, вовлечения ее в различные виды социальной практики, введения ее в систему нормативно ценностных регуляторов социальной практики, в иерархию ценностей, семантическую систему их символизации, нормы их употребления, а также механизмы самоопределения человека в социокультурном пространстве, установления им своей политической, этнической, социальной и конфессиональной идентичности. Не меньшее значение имеет и установление механизмов инновативной деятельности людей, формирования способностей к творческому преобразованию мира, а особенно выходу за рамки жестких нормативно-регулятивных стереотипов сознания [12. С. 134-135].

В-пятых, в анализе ментальных структур важное место занимает проблема внешних связей и их влияния на стереотипы и ценностные ориентиры сознания.

В случае историко-культурологического анализа индикатором правильности полученных результатов служит время. Действительно сформировавшиеся, принятые и укоренившиеся паттерны сознания обязательно будут обнаружены в будущем.

Несколько иная ситуация, если в поле зрения оказываются современные феномены культуры и будущего нет, которое позволило бы понять правильность выводов. Тогда на помощь могут прийти количественные методы, которые вполне применимы и в случае историко-культурологического исследования. В последнее время именно количественным методам уделяется все больше внимания, чему например, посвящена статья Н. В. Тищенко [9], где он анализирует проблему формализации и технологизации знаний о культуре, проиллюстрировав свои выводы результатами анализа ценностных приоритетов в студенческих группах.

Еще раз необходимо подчеркнуть, что при исследовании приходится иметь дело с определенными духовными накоплениями: паттернами, стереотипами, менталь-

ными структурами сознания, т. е. моделями культуры, с тем, что не имеет материальной оболочки, а лишь вычленяется в процессе научного анализа. Но, тем не

менее, они реально существуют и точность выводов, следовательно, исключительно важна, что будет зависеть от совокупности использованных методов исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Cowell F. R. Values in Human Society. The Contributions of Pitirin A. Sorokin to Sociology. – Boston, 1970.

2. Актуальные проблемы теории истории: Материалы «круглого стола» (12 января 1994 г.) // Вопросы истории. – 1994. – № 6.

3. Гегель. Философия истории // Соч. – М., 1935. – Т. VIII.

4. Гуревич А. Я. К пониманию истории как науки о человеке // Историческая наука на рубеже веков. – М., 2001.

5. Каган М. С. Введение в историю мировой культуры: В 2 кн. – СПб., 2000-2001. – Кн. 1.

6. Каган М. С. Философская теория ценности. – СПб., 1997.

7. Каган М. С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). – М., 1974.

8. Степин В. С. Философия и универсалии культуры. – СПб., 2000.

9. Тищенко Н.В. Возможности применения количественных методов в исследованиях феноменов культуры // Обсерватория культуры. – 2011. – № 3. – С. 105-109.

10. Февр Л. Бои за историю. – М., 1991.

11. Философия в современном мире: диалог мировоззрений: Материалы VI Российского философского конгресса (Нижний Новгород, 27-30 июня 2012 г.). В 3 тт. – Н. Новгород, 2012.

12. Флиер А. Я. Современная культурология: объект, предмет, структура // Общие науки и современность. – 1997. – № 2. – С. 124-145.

УДК 378:612.821
ББК 28.707.3+88.43
Психофизиология

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ СИСТЕМНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ БИОСОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ МВД РОССИИ К ПРОФЕССИО- НАЛЬНОМУ ОБУЧЕНИЮ

Доктор медицинских наук С. В. Булатецкий

В статье приводятся результаты использования системного исследовательского подхода в оценке психофизиологического статуса курсантов образовательного учреждения МВД России. Рассмотрены ведущие системные механизмы, повышающие адаптивные возможности курсантов, и системная организация процесса биосоциальной адаптации курсантов к условиям профессионального обучения. Предложена системно-графическая модель функциональной системы достижения обобщенного социально-гомеостатического результата в условиях учебно-служебной деятельности курсантов образовательного учреждения МВД России.

Ключевые слова

Успешность профессионального обучения, функциональная система, адаптация, механизмы адаптации, функциональное состояние

Профессиональное обучение курсантов в образовательных учреждениях МВД России связано с большими умственными и физическими нагрузками, высоким психоэмоциональным напряжением, повышенной социальной и профессиональной ответственностью. Согласно Ф. Б. Березину [2], профессиональная деятельность является одной из важных сфер реализации адаптационного процесса, причем эффективность и особенности психической адаптации, соотношение отдельных ее аспектов оказывают значимое влияние на профессиональную успешность. Состояния дезадаптации, являясь ответной реакцией организма на чрезмерные эмоциональные и

физические нагрузки, снижают качественную подготовку курсантов в полном объеме программы обучения образовательного учреждения МВД России [10]. Совершенствование процесса оценки индивидуального здоровья и прогнозирование успешности адаптации позволяет повысить качество профессиональной подготовки [4]. Таким образом, проблему биосоциальной адаптации курсантов к условиям профессионального обучения можно определить как одну из важнейших проблем прикладного характера, так как в результатах ее решения заинтересованы как государственно-правовые структуры, так и общество в целом. Это указывает на необходимость формирования у курсантов

в учебном процессе оптимальной психофизиологической адаптации к условиям профессиональной деятельности.

Целью настоящей работы явилось проведение системного анализа адаптивной деятельности курсантов в процессе профессионального обучения в образовательном учреждении МВД России. В качестве теоретических положений, лежащих в основе системной организации биосоциальной адаптации, использовались тео-

рия функциональных систем (ФyC) организма и учение о гомеостазе.

В ходе работы проведено 760 исследований, из них: 314 – для оценки ситуационных детерминант поведения, 233 – для оценки состояния неспецифических адаптационных механизмов и 213 – для определения физического развития. Принципиальная схема организации психофизиологических исследований курсантов приведена на Рис. 1.

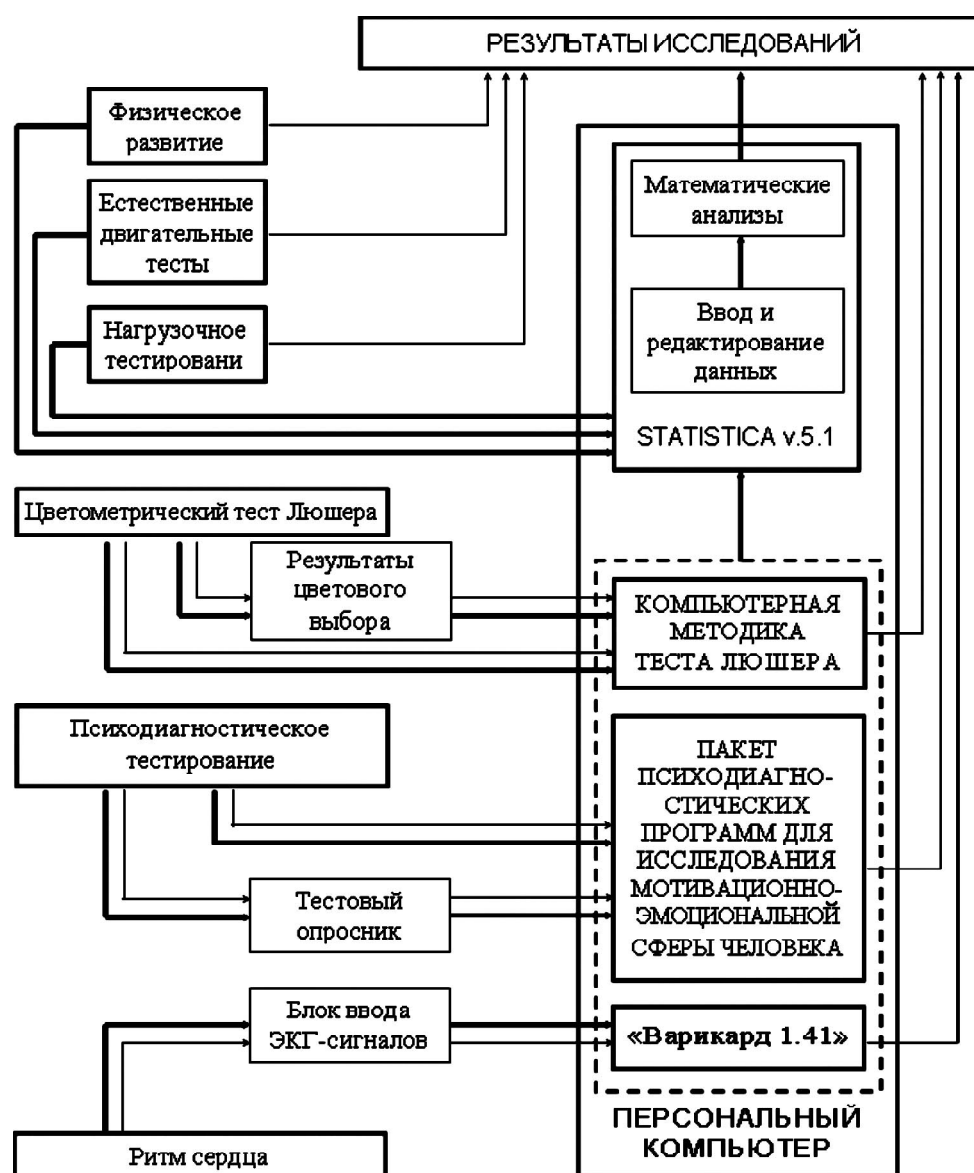

Рис. 1. Схема организации психофизиологических исследований

Особенности адаптационного процесса у курсантов образовательного учреждения МВД России связаны с двумя об-

стоятельствами. Первое обусловлено необходимостью приспособиться к условиям внешней среды и одновременно адап-

тироваться к деятельности, особенно профессиональной и социальной при наличии таких условий. Второе обстоятельство обусловлено возможностью включать в адаптационный процесс психологические механизмы, которые обеспечивают поиск оптимальной стратегии адаптации и реализацию выбранной стратегии в виде различных форм поведения. Формируемая стратегия адаптации базируется на сопоставлении физиологических, психологических и биохимических возможностей организма, а также психологических характеристик, которые или дополняют физиологические реакции адаптации, или же создают условия, на фоне которых физиологические реакции могут оптимальным образом раскрыться [8].

Проведенное нами исследование физического развития выявило увеличение значений показателей физического развития (рост, масса тела, становая динамометрия, динамометрия правой и левой кисти, резервный объем выдоха, дыхательный объем, резервный объем вдоха, жизненная емкость легких, функциональные пробы Генчи и Штанге, бег на 1000 м по пересеченной местности) курсантов в процессе профессионального обучения. Для оценки эффективности долговременной адаптации были рассмотрены внутрисистемные и межсистемные взаимодействия исследуемых показателей. Сопоставление распределения корреляционных связей в плеядах выявило выраженное ослабление внутри- и межсистемных взаимоотношений у старшекурсников. Можно предположить, что курсанты первого года обучения, не имея должного регуляторного обеспечения для поддержания соответствующего уровня деятельности физиологических систем, вынуждены поддерживать его за счет большего напряжения адаптивных механизмов.

Математический анализ variability сердечного ритма (ВСР) показал, что профессиональное обучение изменило выраженность приспособительных реак-

ций организма у старшекурсников, которое проявилось в виде преобладания «энергосберегающих» парасимпатических влияний, снижения активности центрального контура регуляции ритма сердца и уменьшения напряжения в системе регуляции гомеостаза. Комплексная оценка функционального состояния по показателю активности регуляторных систем также свидетельствовала о выраженности процесса адаптации. При оценке сопряженных связей между показателями ВСР у первокурсников выявлено значительное преобладание количества сильных, средних и слабых связей между большинством взаимодействующих элементов системы регуляции сердечного ритма («высокая плотность плеяды»), что свидетельствует о значительном напряжении адаптивных механизмов в системе регуляции сердечного ритма. У старшекурсников, наоборот, наблюдалось уменьшение взаимодействия друг другу различных элементов системы (снижение силы и количества корреляционных связей), что связано с увеличением адаптационных резервов и оптимизацией механизмов регуляции сердечного ритма.

Исследование на разных этапах обучения влияния физической нагрузки (занятие по физической подготовке) на динамику ситуационных психологических показателей выявило следующие отличительные особенности:

- при оценке текущего функционального состояния по самочувствию, активности, настроению (методика САН [6]) – у старшекурсников после физической нагрузки активность и самочувствие были значительно выше, чем у первокурсников;

- при оценке функционального психического состояния по тесту ФПС-2Т [13] – у старшекурсников после физической нагрузки были более выражены оценка настроения, оценка вероятного успеха деятельности, оценка мотивации и характер отношения к работе;

- при исследовании мотивационной

структуры деятельности [5] у старшекурсников, как до физической нагрузки, так и после, преобладали показатели, направленные на предстоящую деятельность (познавательный мотив, мотив самоуважения, ожидаемый уровень результатов, инициативность).

Корреляционный анализ выявил у первокурсников наличие большого количества связей между исследуемыми ситуационными показателями. Полученные результаты согласуются с исследованиями других авторов [3,7], согласно которым, наличие большого количества связей между разноуровневыми характеристиками человека свидетельствует о наличии «жестких» психологических организаций. Такие структуры, будучи взаимосвязанными, в значительной степени подвержены воздействию многих «возмущающих» факторов, что в экстремальных условиях негативно сказывается на эффективности профессиональной деятельности. Ситуационное психологическое исследование показало, что, во-первых, – в психоэмоциональной сфере курсантов происходят позитивные изменения в плоскости стабилизации стимулирующих детерминант поведения и адаптации к условиям профессионального обучения, и, во-вторых, – вариативность поведенческих реакций определяется физиологическими возможностями системных реакций (чем больше мощность физиологических механизмов поддержания гомеостатического регулирования, тем меньше отклонения от нормативного поведения).

Обобщая полученные результаты можно предположить, что в процессе профессионального обучения значительная часть психологических компонентов адаптации теряет свою осознанность и произвольность. Данные компоненты уходят в подсознание, приобретая черты автоматизированного поведения, и входят в структуру динамического стереотипа (по И. П. Павлову). В результате интеграции целей у курсантов формируется концептуальная

модель адаптогенного фактора. Развертываемая схема активности ФyC поведения и деятельности отражает не реальную ситуацию, а сформировавшуюся концептуальную модель ситуации. Выраженность, форма реакции, набор вовлеченных в нее механизмов и динамика адаптационного процесса отражают взаимодействие двух глобальных механизмов – физиологического, обеспечивающего постоянство внутренней среды, и психологических, которые направлены на минимизацию негативных психоэмоциональных ощущений при действии неблагоприятного адаптогенного фактора и на обеспечение максимальной возможности профессиональной и социальной активности [8].

Для определения механизмов системной организации адаптации курсантов к профессиональному обучению были соотнесены поведенческие социально детерминированные эффекты с необходимыми физиологическими затратами, то есть параметрирован обобщенный результат ФyC обучения в вузе. Используемая процедура вычисления эффективности адаптации (соотношение «цены» и единицы эффекта [9]) позволила изучить влияние ряда факторов, изменяющих системную организацию адаптивных процессов в сторону улучшения или ухудшения по критерию эффективности биосоциальной адаптации курсантов к факторам среды (экзаменационное задание, физические нагрузки, учебно-тренировочный процесс, служебная деятельность и др.).

Анализ актуальных потребностей курсантов с разной длительностью обучения в вузе позволил оценить хроногенные изменения системных механизмов адаптации. Учебная деятельность первокурсников характеризовалась низкой эффективностью параметров достигаемого результата: невысокий уровень обеспечения социально-детерминированных потребностей (уровень физического развития, выполнение учебных нормативов и др.) при достаточном напряжении деятельности

физиологических систем (высокая «цена» адаптации), то есть, по существу, в рамках механизмов стресс-реакции. Долговременная адаптация к учебно-тренировочному процессу сопровождалась изменениями потребностно-мотивационной сферы курсантов, что проявлялось, прежде всего, ростом заинтересованности у старшекурсников к результатам обучения (рост потребности в более высоком уровне достижений, повышение результативности выполнения профессиональных нормативов деятельности и т. д.). При этом существенно снижалась напряженность работы системных механизмов адаптации к биосоциальным стрессорам. Одновременно в ходе долговременной адаптации актуализировалась и потребность функциональной минимизации за счет уменьшения работы ведущих эффекторов. Данная потребность удовлетворялась работой

многочисленных системных механизмов, и, в итоге, обеспечивала существенное снижение напряженности адаптации.

При построении функциональной системно-графической модели (рисунок 1) организации биосоциальной адаптации курсантов образовательного учреждения МВД России к профессиональному обучению мы исходили из концепции обобщенной ФуС поведенческо-гомеостатического уровня [11, 12].

Полезный приспособительный результат, достигаемый курсантами в процессе обучения, можно представить в виде социального компонента (достижение социально значимых результатов в учебно-служебной деятельности) и гомеостатического компонента (определенный уровень метаболизма в процессе достижения поведенческих результатов).

В ходе афферентного синтеза форми-

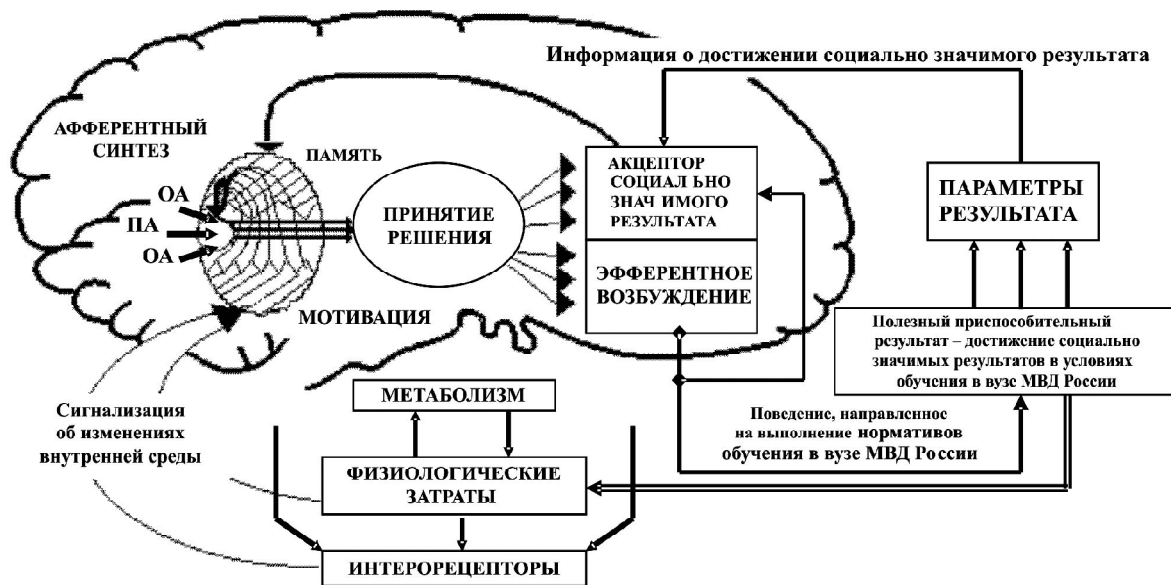

Рис. 2. Системно-графическая модель организации биосоциальной адаптации курсантов образовательного учреждения МВД России к профессиональному обучению

руется цель социально значимого поведения, которое через ряд последовательных этапов формирования адаптивного поведения (принятие решения, акцептор результатов действия, эфферентное возбуждение) реализуется в виде поведения,

направленного на выполнение профессиональной деятельности в процессе обучения в вузе. Это поведение вызывает определенные отклонения в жизнедеятельности организма, которые характеризуются физиологическими затратами на

социальную адаптацию и сигнализируют об изменениях внутренней среды потоком мотивационного возбуждения, перестраивающего (модифицирующего) афферентный синтез поведенческого акта. Этим обеспечивается полезный приспособительный результат, а именно, достижение курсантами социально значимых достижений во время обучения в вузе при определенном уровне физиологических затрат.

Исследование показало, что в процессе профессионального обучения курсантов адаптивная динамика системных механизмов предполагает не только повышение социально значимых результатов (более высокий уровень успеваемости, физического развития, сформированности компетенций т. д.), но и оптимизацию функционального состояния по критерию снижения физиологических затрат на адаптацию (оптимизация психологического статуса, уменьшение напряженности деятельности регуляторных систем организма и т. д.). Оценка долговременной адаптации курсантов в процессе учебно-

тренировочной деятельности может быть осуществлена на основе положений теории функциональных систем П.К. Анохина [1]. Пути и способы коррекции, направленные на повышение адаптивных возможностей курсантов, следует определять исходя из сочетания параметров социально значимого поведения и степени изменения гомеостатических функций.

Таким образом, полезным приспособительным результатом ФуС долговременной адаптации курсантов к учебно-тренировочному процессу при обучении в вузах МВД России можно считать установление оптимального соотношения между параметрами социально-детерминированной деятельности (удовлетворение социальной потребности) и показателями функционального состояния индивида (малонапряженная работа эффекторов организма). Этот вывод, в свою очередь, предопределяет целенаправленный поиск способов и средств, повышающих адаптивные возможности курсантов в ходе профессионального обучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Анохин, П. К. Очерки по физиологии функциональных систем / П. К. Анохин. – М.: Медицина, 1975. – 447 с.

2. Березин, Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека / Ф. Б. Березин. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. – 270 с.

3. Булыко, В. И. Психофизиологические особенности личности, обеспечивающие успешность профессиональной деятельности в экстремальных условиях / В. И. Булыко [и др.] // Совершенствование системы боевой подготовки в учебных заведениях МВД России в свете реализации концепции многоуровневой подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров МВД РФ: тез. межвуз. науч.-практ. конф. – Орёл, 1996. – С. 107-109.

4. Воронин, Р. М. Физиологические аспекты оценки здоровья и адаптации к военной службе лиц призывного возраста: Дис. ... д-ра мед. наук / Р. М. Воронин; Ряз. гос. мед. ун-т. – Рязань, 2012. – 317 с.

5. Гербачевский, В. К. Оценка уровня притязаний // Практикум по экспериментальной и прикладной психологии / ред. А. А. Крылов. – Л.: Изд. ЛГУ, 1990. – С. 38-43.

6. Доскин, В. А. Тест дифференцированной самооценки функционального состояния / В. А. Доскин, Н. А. Лаврентьева, М. П. Мирошников // Вопросы психологии, 1973. – № 6. – С. 141-145.

7. Завьялов, А. В. Соотношение функций организма / А. В. Завьялов. – М.: Медици-

на, 1990. – 160 с.

8. Медведев, В. И. Взаимодействие физиологических и психологических механизмов в процессе адаптации / В. И. Медведев // Физиология человека. – 1998. – Т. 24. – № 4. – С. 7-13.

9. Медеяновский, А. Н. Функциональные системы, обеспечивающие гомеостаз / А. Н. Медеяновский // Функциональные системы организма / под ред. К. В. Судакова. – М., 1987. – С. 77-103.

10. Мягких, Н. И. Организация профессионального психологического отбора в органах внутренних дел и внутренних войсках МВД России: методические указания / Н. И. Мягких [и др.]. – М.: ГУК и КП, 1999. – 55 с.

11. Судаков, К. В. Общая теория функциональных систем / К. В. Судаков. – М.: Медицина, 1984. – 224 с.

12. Судаков, К. В. Функциональные системы / К. В. Судаков. – М.: Издательство РАМН, 2011. – 320 с.

13. Чирков, В. И. Методы оценки психического компонента функционального состояния учебной и трудовой деятельности / В. И. Чирков // Методы исследования и диагностики функционального состояния и работоспособности человека в экстремальных условиях. – М.: Институт психологии АН СССР, 1987. – С. 16-39.

**МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ М. Е. ЕВСЕВЬЕВА
РЕСПУБЛИКА МОРДОВИЯ, г. САРАНСК**

УДК 37.015.3:796.01:159.9

ББК 88.4

Педагогическая психология, психология спорта

**ПОДГОТОВКА ПЕДАГОГА-ТРЕНЕРА К РЕАЛИЗАЦИИ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СУБЪЕКТА
СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕШЕНИЯ***

**Доктор педагогических наук Ю. В. Варданян
О. М. Кувшинова**

В статье рассмотрена проблема психологической безопасности субъекта спортивной деятельности и обоснована актуальность ее решения путем совершенствования вузовского этапа подготовки педагогов-тренеров. Представлены результаты пилотажного исследования когнитивного компонента психологической безопасности спортсмена и педагога-тренера, намечены перспективы формирования их компетентности в области психологической безопасности.

Ключевые слова

Субъект спортивной деятельности, психологическая безопасность, психологическая компетентность, психологическая подготовка педагога-тренера

Анализируя состояние современного общества, необходимо обратить внимание на резкий рост неблагоприятных факторов, которые зачастую приводят к повышению количества стрессовых ситуаций в жизни каждого человека и накладывают отпечаток на психологическое состояние личности. Постоянное эмоциональное и психическое напряжение напрямую действует деструктивно на психологическое здоровье людей.

Данная ситуация распространяется на все сферы человеческой жизни, в том числе и спортивную деятельность, которая богата разнообразием психо-травмирую-

щих факторов. В настоящее время наметилась тенденция усложнения спортивной деятельности, в том числе – ее технологического и психологического аспектов (как на тренировочном этапе, так и во время соревнований). Успешное выступление на соревнованиях зависит не только от высокого уровня физической, технической и тактической подготовки спортсменов, но и от их психологической компетентности. Влияние психологических особенностей участников соревнований на уровень спортивных достижений определяет высокие требования к их психике. Это вызвано значительной обусловленно-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках Государственного задания ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева». Проект «Исследование стратегий формирования психологической безопасности субъекта спортивной деятельности».

стью устойчивости и качества преодолеваемых рубежей предсоревновательными состояниями мобилизационной готовностью к гибкой саморегуляции.

Однако в процессе тренировочной и соревновательной деятельности спортсмены подвергаются влиянию различных неблагоприятных факторов: физических (высокие нагрузки во время тренировок и соревнований, риск травматизма), природных (частая смена часовых и климатических поясов во время участия в соревнованиях в разных областях страны и за рубежом). Они приводят к уменьшению психологической защищенности. Вследствие этого начинают свое действие самые разнообразные источники психологической угрозы: «психологическое давление, манипулирование, ложь, шантаж, зомбирование, удар по репутации, отрицательное эмоциональное заражение, отчуждение, психосексуальные посягательства, умышленное распространение сфабрикованных порочащих слухов, морально-психологическая дискредитация личностных смыслов, девалоризация значимых для референтной группы ценностных ориентаций, агрессивное поведение и др.» [2. С. 72]. Все это может создать определенные предпосылки к ухудшению состояния психического здоровья спортсменов. Избегание этого – одна из основных задач современного педагога-тренера, которая реализуется в обеспечении психологической безопасности личности в процессе спортивной деятельности.

На современном этапе тренер является неоспоримым авторитетом для спортсменов, поэтому ему часто приходится выполнять работу психолога в отношении своих подопечных. Он влияет на психологический климат в команде, поддерживает уверенность спортсменов в своих силах и возможностях, мотивирует и вдохновляет их на новые достижения, психологически готовит к обоснованному поведению в ситуации победы или поражения. Конечно, в идеале в любой ком-

плексной подготовке спортсменов необходима помощь спортивного психолога, но зачастую данная специальность – редкая профессия. Так, несмотря на интенсивные темпы развития спортивной сферы жизни в Мордовии, во многих спортивных школах республики не задействованы профессиональные спортивные психологи. Это, безусловно, подтверждает необходимость качественной психологической подготовки студентов факультета физической культуры и спорта как будущих педагогов-тренеров.

Необходимость углубленного изучения и разработки новых форм достижения и/или сохранения/восстановления психологической безопасности субъектов спортивной деятельности в настоящее время обусловлена рядом противоречий. Во-первых, усиленное внимание к достижению высоких результатов в спорте зачастую оставляет в тени учет индивидуально-психологических характеристик субъекта спортивной деятельности, его потребностей и возможностей, ожиданий и ориентиров. Во-вторых, существует значительное несоответствие между потребностью современного спорта в психологически компетентных тренерских кадрах и уровнем их вузовской подготовки в области обеспечения психологической безопасности своих подопечных.

Несмотря на очевидную необходимость решения проблемы психологической безопасности спортсменов, в настоящее время существует мало работ, где она выступает самостоятельным предметом анализа. Очень часто психологическая безопасность рассматривается в контексте других проблем, таких как: психологическая защита, обеспечение национальной и информационно-психологической безопасности, безопасности образовательного пространства и ряда других (И. А. Баева [1], Э. И. Киршбаум [9], Т. И. Колесникова [8], Г. В. Грачев [5], Н. А. Вдовина [4] и др.).

В настоящее время отсутствует единое понимание сущности психологической бе-

зопасности. Так, под психологической безопасностью личности Т. И. Колесникова понимает определенную защищенность сознания от воздействий, способных против ее воли и желания изменять психические состояния, психологические характеристики и поведение, что может кардинальным образом влиять на человека вплоть до изменения его жизненного пути [6]. Г. В. Грачев отмечает, что психологическая безопасность – это «состояние защищенности психики от воздействия многообразных информационных факторов, препятствующих или затрудняющих формирование и функционирование адекватной информационно-ориентированной основы социального поведения человека и в целом жизнедеятельности в современном обществе, а также адекватной системы его субъективных (личностных, субъективно-личностных) отношений к окружающему миру и самому себе» [5. С. 33].

Следует отметить, что более точное определение психологической безопасности возможно лишь при ее рассмотрении в конкретной области (сфере) жизни человека. Так, под психологической безопасностью субъекта образования в наших исследованиях понимается «состояние его защищенности и психологического благополучия, достигаемое в результате владения им приемами нейтрализации и преодоления психологической опасности, наличия атмосферы психологической безопасности учебного заведения, созданной совместными усилиями всех участников образовательного процесса...» [3. С. 79].

Понятие «психологическая безопасность» широко используется при изучении целого ряда социальных явлений (чрезвычайные ситуации, профессиональная деятельность, подразумевающая работу с объектами высокого риска для здоровья и др.), однако в контексте физической культуры и спорта оно в основном не разработано: во-первых, не выделена отличительная сущность; во-вторых, отсутствуют критерии, параметры и показатели оценки.

Для более полной характеристики психологической безопасности спортсмена необходимо ее рассмотрение через призму самой спортивной деятельности.

Современные тенденции развития спорта и физической культуры, рост их престижа, спортивные зрелища и спортивная борьба за звание лучших обуславливают возникновение ряда негативных факторов, влияющих на повышение психологической напряженности субъектов спортивной деятельности. Поэтому в настоящее время многие исследователи выделяют психологическое сопровождение спортивной деятельности как одну из наиболее значимых проблем психологии спорта [7].

Внимание к данной проблеме обусловлено деятельностью специалистов психологической службы в спорте, направленной, в первую очередь, на обучение спортсменов приемам саморегуляции, обеспечивающим формирование особых психических состояний, которые способствуют оптимальному использованию резервных возможностей для наиболее эффективного выполнения деятельности, коррекции неадекватной нервно-психической активности и развитию самоконтроля. Это имеет большое социальное и моральное значение, служит основой формирования психически и физически здоровой личности. Психологическое сопровождение тренировочного и соревновательного процессов выступает важным механизмом формирования психологической безопасности спортсмена как субъекта спортивной деятельности.

В лаборатории «Развитие профессиональной компетентности педагога и психолога в системе непрерывного образования» при кафедре психологии ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева» развернуто исследование процесса подготовки педагога-тренера к проектированию и реализации стратегий формирования психологической безопасности субъекта спортивной деятельности [2; 3; 4; 10; 11;

12 и др.]. Согласно выработанной позиции, «субъект спортивной деятельности – это активный, самостоятельно мыслящий и действующий суверенный распорядитель собственных ресурсов, который в процессе тренировок и соревнований инициирует и применяет систему субъектных действий для преобразования самого себя и выполняемой деятельности с учетом ожидаемого спортивного результата» [2. С. 72]. К основным характеристикам субъекта спортивной деятельности относятся самостоятельность, инициативность, саморазвитие, способность к самоконтролю и саморегуляции поведения, осознанная оценка своих потенциальных возможностей и самоорганизация своей деятельности с целью достижения наивысших результатов в процессе тренировок и соревнований.

В нашем понимании, психологическая безопасность субъекта спортивной деятельности представляет собой состояние его защищенности и психологического благополучия, достигаемое в результате владения приемами профилактики, нейтрализации и преодоления опасностей и угроз. Е. В. Царева подчеркивает, что качество подобного результата зависит от «наличия атмосферы психологической безопасности (т. е. свободной от деструктивного влияния) социальной среды, способствующей сохранению целостности личности, ее развитию и нормальному функционированию» [12. С. 184].

Е. Н. Руськина выделяет в содержании структуры психологической безопасности субъекта деятельности следующие компоненты: когнитивный (знания о проблеме психологической безопасности, источниках угрозы психическому здоровью, приемах самозащиты и т. д.); аффективный (отношение к опасным ситуациям, эмоциональная устойчивость к негативным внутренним и внешним воздействиям и др.); поведенческий (умения применять полученные психологические знания на практике, навыки самозащиты и саморегуляции и т. д.) [11].

В процессе исследования доказано, что в ситуации, когда данные компоненты психологической безопасности находятся на недостаточном уровне сформированности, субъект спортивной деятельности характеризуется тем, что не обладает ресурсами, необходимыми для определения возможности возникновения психологических опасностей и угроз, профилактики их разрушительного действия, а в случае их реального возникновения – уменьшения или преодоления результата их деструктивного влияния [2].

Тренер наряду со спортсменом является субъектом спортивной деятельности. Психологическое состояние его воспитанников во многом зависит от его собственных психологических характеристик. Очевидно, что создать психологически безопасную среду сможет только тот тренер, который сам обладает психологическим здоровьем, имеет необходимые знания о способах защиты, владеет навыками психологической саморегуляции. Когнитивный компонент психологической безопасности выполняет роль фундамента, необходимого для поэтапного формирования аффективного и поведенческого компонентов. Наличие знаний о проблеме психологической безопасности, источниках угрозы психическому здоровью, приемах самозащиты – первичный показатель готовности тренера к обеспечению психологического сопровождения спортсменов на тренировочном и соревновательном этапах спортивной деятельности.

Для изучения содержательного наполнения и степени сформированности когнитивного компонента профессиональной подготовки будущих педагогов-тренеров к обеспечению психологической безопасности спортсменов было проведено пилотажное исследование студентов старших курсов факультета физической культуры и спорта ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева», из которых 43,5 % профессионально занимаются отдель-

ным видом спорта (футбол, спортивная гимнастика, биатлон, легкая атлетика, настольный теннис), 63,3 % имеют опыт работы в качестве тренера и учителя физической культуры, 20 % не занимаются профессионально спортом и не имеют опыта работы в качестве тренера. Основная цель данного опроса – выявление степени осведомленности студентов о психологическом здоровье и психологической безопасности субъектов спортивной деятельности.

Следует отметить, что студенты единогласно признают существование тесной взаимосвязи между уровнем результативности спортивной деятельности, устойчивостью достижений и психическим состоянием личности спортсмена (100 %).

Ранжирование полученных данных о понимании психологического здоровья личности показало: 34,1 % респондентов определили его как психологическую адекватность человека при взаимодействии с окружающей действительностью; 14,3 % связывают его с уравновешенностью личности, способностью к управлению эмоциональным состоянием и саморегуляции поведения; 11,3 % указывают на его связь с душевным равновесием; 10,6 % – со способностью мыслить и анализировать; 6,7 % – с общим состоянием свойств личности и их оптимальным поддержанием; 3,3 % – с отсутствием психологических нарушений. Затруднения в определении психологического здоровья личности возникли у 19,7 % опрошенных.

Студенты определили психологическую безопасность спортсмена многозначно, а именно как: умение спортсмена противостоять влиянию неблагоприятных внешних условий, манипулированию и давлению со стороны окружающих (28 %); ограничение влияния отрицательных факторов и условий на психику спортсмена (18,4 %); агрессию (13,6 %); психологическую готовность спортсмена к различным жизненным ситуациям, адаптивность в стрессовых ситуациях (8,7 %); сдержан-

ность и психологическую устойчивость спортсмена (5,3 %). Примерно четверть опрошенных студентов (26 %) не смогли определить понятие психологической безопасности спортсмена.

В качестве способов и техник психологической защиты личности опрашиваемые выделяют: нападение, беседу, переговоры (32 %); агрессию (вербальную и невербальную), уход и избегание (24 %); игнорирование чужого давления и влияния (11 %); ограничение негативной информации и неблагоприятных для психики факторов (6,7 %); отрицание, рационализацию, вытеснение, иронию, замещение (2,3 %). Назвать способы психологической защиты не смогли 24 % испытуемых.

Следует отметить, что к числу респондентов, у которых вызвали затруднения вопросы, связанные с психологическим здоровьем, психологической безопасностью и способами психологической защиты, в основном относятся студенты, которые не занимаются профессионально конкретным видом спорта и не имеют опыта работы в качестве тренера.

Респондентам предлагалось оценить степень своей готовности к поддержанию психологического здоровья спортсменов. Результаты распределились следующим образом: 13,2 % испытуемых считают, что их подготовка соответствует высокому уровню, 79,2 % – среднему уровню, 7,6 % – низкому уровню.

Испытуемые дали следующую оценку своей профессиональной подготовки к осуществлению психологической защиты спортсменов: 26 % – высокий уровень; 47,8 % – средний уровень; 26 % – низкий уровень.

Большинство студентов считают необходимым психологическое сопровождение тренировочной и соревновательной деятельности спортсменов (95,6 %) и усовершенствование психологической подготовки будущего тренера к профессиональной деятельности (91,3 %).

На основании данных проведенного

опроса можно сделать вывод о том, что значительная часть студентов, многие из которых в свободное от учебы время работают тренерами, не обладают достаточным уровнем знаний о психологической безопасности субъекта спортивной деятельности. Как следствие, мала вероятность того, что они без специальной целенаправленной подготовки смогут создать для своих воспитанников психологически комфортную и безопасную тренировочную и соревновательную атмосферу. Психологическая готовность к профессиональной деятельности представляет собой результат и закономерный итог психологической подготовки. Здесь можно говорить о целесообразности разработки новых форм и методов формирования у будущего педагога-тренера достаточного уровня знаний и умений, составляющих основу его компетентности в сфере психологической безопасности. Следовательно, особую актуальность приобретает разработка моделей развития психологической компетентности педагога-тренера из числа студентов факультетов физической культуры и спорта, его качественной подготовки к проектированию и реализации стратегий формирования психологической безопасности субъекта спортивной деятельности.

Если обратиться к существующей программе профессиональной подготовки студентов факультета физической культуры и спорта, можно заметить, что в основном они изучают дисциплину «Психология» (8-10 зачетных единиц), которая включает разделы общих основ психоло-

гии, а также некоторые аспекты возрастной, социальной и педагогической психологии. Занятия по указанным разделам, как правило, проводятся на младших курсах, в то время как методическая подготовка к тренерской деятельности – на средних и старших курсах, а также в период профессионально-педагогических практик.

Очевидно, что такая подготовка оставляет без должного осмысления сущность психологического сопровождения деятельности спортсмена и педагога-тренера, не предусматривает освоения психологических технологий (профилактических, диагностических, развивающих, коррекционных) влияния на ее мотивационно-ценностную, операционно-деятельностную, контрольно-регулирующую основу, что доказывают данные, полученные нами в ходе опроса. Таким образом, перспективным направлением работы выступает разработка новых дополнительных образовательных программ, курсов по выбору, нацеленных на углубление психологической подготовки будущих педагогов-тренеров на средних и старших курсах обучения. Важно довести уровень подготовки педагога-тренера к психологическому сопровождению спортсмена до функционального состояния, обеспечивающего владение технологией проектирования и реализации стратегий достижения психологической безопасности субъекта спортивной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Баева, И. А. Психологическая безопасность в образовании: монография / И. А. Баева. – СПб.: Союз, 2002. – 271 с.

2. Варданян, Ю. В. Проблемы исследования психологической безопасности субъекта спортивной деятельности и обоснование стратегий ее реализации / Ю. В. Варданян // Российский научный журнал. – 2012. – № 5(30). – С. 71-77.

3. Варданян, Ю. В. Субъектная и компетентностная обусловленность развития психологической безопасности в системе образования / Ю. В. Варданян, Е. Н. Руськина //

Интеграция образования. – 2011. – № 1(62). – С. 79-82.

4. Вдовина, Н. А. Модель развития профессионально-ценностных ориентаций субъекта психологической безопасности в образовательной среде / Н. А. Вдовина // Российский научный журнал. – 2012. – № 2(27). – С. 142-147.

5. Грачев, Г. В. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты / Г. В. Грачев. – М. : Изд-во РАГС, 1998. – 125 с.

6. Гулевич, А. А. Психологическая безопасность субъектов деятельности в процессе межличностного восприятия / А. А. Гулевич // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. – 2007. – № 2. – С. 28-31.

7. Ильин, Е. П. Психология спорта / Е. П. Ильин. – Питер., 2008. – 352 с.

8. Колесникова, Т. И. Психологический мир личности и его безопасность / Т. И. Колесникова. – М., 2001. – 314 с.

9. Киршбаум, Э. И. Психологическая защита / Э. И. Киршбаум, А. И. Еремеева. – М.: Смысл, 2005. – 86 с.

10. Майдокина, Л. Г. Психолого-педагогическая модель развития субъектности будущего педагога в условиях вуза / Л. Г. Майдокина // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 4(8). – С. 82-84.

11. Руськина, Е. Н. Психологическая безопасность личности: теории и технологии формирования / Е. Н. Руськина // Российский научный журнал. – 2011. – № 4(23). – С. 230-235.

12. Царева, Е. В. Развитие в вузе психологической безопасности субъекта спортивной деятельности: проблемы и опыт решения / Е. В. Царева // Российский научный журнал. – 2012. – № 5(30). – С. 182-188.

УДК 37.032:159.923
ББК 74.480
Педагогика

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕР¹

Доктор педагогических наук А. П. Орлова

Статья посвящена раскрытию одной из приоритетных проблем формирования единого европейского образовательного пространства: формированию этнической толерантности и этнопедагогической подготовке специалистов социальной и образовательной сфер. Акцентируется внимание на регионализации образования в контексте принципа поликультурности. Поликультурность образовательного пространства рассматривается в качестве среды непрерывного формирования нравственного здоровья социума, где формируется этническая толерантность. Подчеркивается важность синергетического метопринципа в этнопедагогической подготовке специалистов образовательной сферы в контексте принципа поликультурности. Принцип поликультурности определяет основы этнопедагогической подготовки, обеспечивающей эффективность формирования этнической толерантности личности, позволяющие современному специалисту органически войти в мировую цивилизацию и культуру.

Ключевые слова

Этническая толерантность, принцип поликультурности, регионализация подготовки специалистов, поликультурная среда вуза, этнопедагогическая подготовка

Согласно принятой ЮНЕСКО «Декларации Мехико по политике в области культуры» определяющим типом межкультурного образования в современном мире признаны отношения взаимодействия и взаимообогащения. Это согласуется с международными и государственными документами, ориентирующими на формирование толерантности в поликультурном социуме (См., напри-

мер, «Декларации принципов терпимости» ООН, «Программы по толерантности» ЮНЕСКО, Национальной стратегии содействия становлению гражданского общества «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе», национальной доктрине образования в Российской Федерации до 2025 года). Важнейшей задачей образования XXI века ста-

¹ Работа проводится при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ за счет средств ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы по теме: «Формирование культурно-толерантной личности в поликультурном социуме» (государственный контракт № 14.B37.21.2001).

новится подготовка человека к жизни в поликультурном мире. В связи с этим значимым и своевременным является объединение усилий ученых и практиков в решении проблемы формирования культурно-толерантной личности в поликультурной среде. В русле названного подхода перспективным в образовании можно рассматривать формирование этнической толерантности и этнопедагогической подготовки специалистов социальной и образовательной сфер.

Материал и методы. Материалом послужили труды ученых, в которых рассматриваются проблемы формирования этнической толерантности, поликультурности образования, регионализации образования, этнопедагогической подготовки. Использован комплекс методов педагогического исследования с акцентом на теоретические методы.

Результаты и их обсуждение. Современное мировое образовательное пространство предполагает усиление межэтнических контактов в поликультурном социуме, проецируя внимание на профессиональной компетентности современного специалиста в области формирования толерантности. В то же время профессиональная подготовка не обеспечивает получение будущими специалистами адекватных сложившейся ситуации знаний, умений и навыков и, в большинстве своем, не формирует толерантность как личностное качество профессионала в той или иной сфере деятельности.

Толерантность – важнейшая ценностная установка современного общества. Декларация принципов толерантности (1995) определяет толерантность как уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур современного мира, форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности.

Раскрывая педагогическую сущность понятия «толерантность», ученые утверждают, что толерантность – «сложное ка-

чество, новообразование личности, выражающее систему ее терпимых отношений к окружающему, миру (другому этносу, нации, религии, позиции, мнению и поведению другого человека); свойство общей культуры человека, путь к гражданскому согласию, необходимое условие соблюдения принципа человеческого общежития – свободы слова; принцип взаимодействия между людьми, ценностным ядром которого является выдержка и любовь человека к человеку; важнейшее профессиональное качество учителя, в основе которого лежит способность педагога адекватно оценивать реальную социально-педагогическую ситуацию, с одной стороны, и возможность позитивно ее разрешать – с другой; результат оптимальной педагогической стратегии и тактики, критерий социализации человека» (С. А. Герасимов, 2004).

Отдельные исследователи рассматривают толерантность как духовно-нравственное качество личности, выраженное в принятии «другого» как личности, независимо от национальности, языка, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным организациям, социального, имущественного и должностного положения, а также возраста, состояния здоровья, пола, расы (Е. Н. Третьякова, 2011). В целом, ученые рассматривают толерантность как основанную на ценностных ориентациях готовность субъекта к осознанным личностным действиям, направленным на выстраивание отношений с представителями иной социальной, нравственной, культурной среды на конструктивной основе; на достижение гуманистических отношений между людьми, обладающими неодинаковым мировоззрением и ценностной ориентацией, разным стереотипом поведения; на расширение собственного опыта путем приобщения к иным культурам, взглядам, окружающей среде, самому себе.

Мы считаем целесообразным обратить внимание на трактовку рассматриваемо-

го понятия и его сущности, предлагаемую исследователями проблемы воспитания этнической толерантности средствами народной педагогики: «Толерантность традиционно рассматривается, во-первых, в контексте ценностного отношения к людям вообще, и, во-вторых, в контексте ценностного отношения к людям как представителям этнических групп. Взяв за основу раскрытия понятия «толерантность» – терпимость, мы рассматриваем этническую толерантность как: 1) способность человека переносить неблагоприятное влияние того или иного фактора полиэтнической среды; 2) терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению. В структуру этнической толерантности входят следующие компоненты: а) уважение иных народов; б) уважение, принятие и понимание богатства многообразия национальных культур; в) взаимопомощь и добрососедство с представителями различных рас, народов, конфессий; г) культурный плюрализм; д) этнокультурный кругозор; е) знания в области культуры и прав другой нации; ё) чувство национальной исключительности, ж) терпимость к иным культурам; з) признание достоинства других народов; и) совместимость людей разных национальностей» (А. А. Мирзаянов, 2006).

Проблема толерантности представлена в работах представителей разных отраслей знаний с точки зрения философии (В. А. Васильев, Б. С. Гершунский, А. А. Деркач, В. М. Золотухин, Е. И. Касьянова, В. А. Лекторский, Е. В. Магомедова, Е. В. Селезнева, Е. Н. Третьякова), социологии (В. Д. Бакулов, А. О. Бороноев, А. И. Донцов, Е. Ю. Загорулько, В. Н. Лавриненко, В. Т. Лисовская, В. М. Соколов, А. Л. Темницкий, М. Б. Шестопал), политологии (М. А. Гулиев, Дж. Мерфи, В. В. Шалин) психологии (К. А. Абудьханова-Славская, А. Лазарус, Л. А. Лукаш, Н. В. Недорезова, Ю. А. Полищук, Б. Скиннер, Г. У. Солдатова) культурологии (Р. Р. Валитова, В. И. Гараджа, А. А. Гусейнов,

Е. И. Дворникова).

В психолого-педагогических исследованиях толерантность рассматривается в контексте социально-педагогических процессов и путей формирования образовательной среды (А. Г. Асмолов, В. В. Глебкин, П. Н. Ермаков, А. А. Реан, М. И. Рожков, Г. У. Солдатова, Л. А. Шайгерова, О. Д. Шарова). Исследуя проблему толерантности, ученые обращают внимание на комплексную систему психолого-педагогических условий при формировании толерантности школьников (Л. Л. Арабина, В. В. Константинов, О. Б. Скрыбина), педагогические средства воспитания толерантности у детей младшего школьного возраста (С. А. Герасимов), касаются различных сторон воспитания толерантной личности (В. И. Андреев, А. А. Бодалев, С. К. Бондырева, Л. П. Бучева, А. А. Вербицкий, А. Д. Вислова, Т. Г. Григорьева, Н. В. Гришина, М. С. Каган, А. А. Леонтьев, А. Ю. Панасюк, П. В. Степанов, Т. П. Усольцева). Ряд исследователей занимается разработкой программ по развитию толерантности, формированию толерантных установок и толерантного поведения (В. А. Вединяпина, А. Е. Дмитриева, Н. М. Лебедева, О. В. Лунева, В. С. Магун, М. Ю. Мартынова, Н. А. Степанова, Т. Г. Стефаненко, В. С. Чернявская).

Признание значимости и актуальности исследования проблемы толерантности подтверждается развернувшейся в научной среде дискуссией по данному вопросу. Это наглядно демонстрируют выступления ученых разных областей знаний на симпозиумах и конференциях разного уровня (Примером может служить I Международная научно-практическая конференция, посвященная Международному дню толерантности «Толерантность – залог успеха в профессиональной и образовательной деятельности» (Москва, 2009, РУДН)).

В первом десятилетии нового века выходит ряд работ методологического характера, рассматривающих толерантность в

системе ценностно-целевых приоритетов образования (Б. С. Гершунский, 2002), определяющих место толерантности в пространстве образования (Г. Ахкиямова, 2008), выдвигающих проблему формирования толерантности личности в разряд стратегических задач образования (А. Д. Вислова, 2008).

Вообще начало XXI века знаменует собой появление целого ряда исследований проблемы формирования толерантности. Появляются специальные учебно-методические пособия, направленные на подготовку специалистов к решению данной проблемы. И в этой связи нельзя не отметить «Введение в педагогику толерантности» А. М. Байбакова (2002), адресованную педагогам и студентам.

Ученые изучают толерантность студентов в образовательном процессе вуза (О. В. Исаева), проблему формирования толерантности студентов в поликультурной среде вуза (М. А. Викулина, Е. А. Пугачева), формирование коммуникативной толерантности у студентов (Е. Н. Бараева Т. А. Губарева, Ю. С. Яценко), взаимосвязь толерантности и профессиональной направленности (Ю. А. Полищук) в том числе толерантность и профстановление специалистов гуманитарной сферы (Л. А. Лукаш).

Особое место в ряде исследований, посвященных проблеме толерантности, занимают работы, акцентирующие внимание на формировании этнической толерантности (См., например, «Этническая толерантность в поликультурных регионах России» (Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко, 2002), «Толерантность как феномен индивидуальный и социальный» (М. С. Мирманова, 2004), «Культура. Идентичность. Толерантность» (Е. И. Дворникова, 2007). Этническая толерантность, которую в широком смысле слова следует понимать как наличие позитивного отношения к собственной и иной культуре, является одной из важнейших характеристик межэтнических отношений. Проблема

формирования этнической толерантности находится в сфере интересов представителей разных областей знаний. Значимый вклад в исследование проблемы этнической толерантности и идентичности внесли работы современных ученых разных отраслей знаний (А. Г. Асмолов, В. В. Гриценко, Н. М. Лебедева, А. А. Мирзаянов, Г. У. Солдатова, Е. Г. Стефаненко, Л. А. Шайгерова, Е. Н. Третьякова, Т. А. Губарева, Л. А. Лукаш, М. А. Викулина).

Следует обратить внимание на этнопедагогические исследования, где в качестве столпа формирования этнической толерантности выступает народная педагогика. Только в начале XXI века стали появляться специальные исследования, касающиеся отдельных вопросов воспитания этнической толерантности подрастающего поколения на основе народной педагогики (Г. Н. Волков, З. Г. Нигматов, Р. А. Низамов, Р. Г. Сибгатуллин, Я. И. Ханбиков, Р. Х. Шаймарданов). Среди фундаментальных исследований, затрагивающих эту проблему, следует назвать диссертации С. А. Герасимова (2004), останавливающего внимание на педагогических средствах воспитания толерантности у детей младшего школьного возраста (акцентируя внимание на устном народном творчестве, ученый включает данное средство народной педагогики в классификацию системы педагогических средств воспитания толерантности младших школьников) и А. А. Мирзаянова (2006), рассматривающего воспитание этнической толерантности учащихся средствами народной педагогики.

В основу формирования толерантности следует закладывать принцип поликультурности. Теоретическим базисом рассмотрения принципа поликультурности как условия формирования культурно-толерантной личности в поликультурном социуме выступают концепции гуманистического образования (И. И. Бецкий, К. Н. Вентцель, К. В. Гавриловец, О. С. Газман, Б. С. Гершунский, С. И. Гессен, В. Т. Кабуш, И. И. Казимирская, С. Д. Поляков,

Н. Л. Селиванова, Е. Н. Степанов, С. Л. Соловейчик); концепции культуросообразности образования (Е. А. Александрова, И. Е. Видт, Э. В. Загвязинская, Н. Б. Крылова, С. А. Пилюгина, Л. В. Школяр); концепция этнопедагогического образования и преемственности народной и научной педагогики (Г. Н. Волков, А. П. Орлова, М. И. Стельмахович, Е. И. Сявавко, И. Е. Ханбиков, А. Ф. Хинтибидзе, Е. Л. Христова); принцип поликультурности (В. П. Борисенков, О. В. Гукаленко, А. Я. Данилюк, Г. Н. Филонов); исследование межкультурного взаимодействия и этнокультурной компетентности (В. В. Гриценко, Л. П. Костикова, Н. М. Лебедева, Т. В. Поштарева, Е. Н. Резников, Т. Н. Смотров, Т. Г. Стефаненко, А. А. Татарко, Г. Г. Филиппук, Н. Е. Шустова).

В исследованиях ученых поликультурная среда рассматривается и как феномен культуры, и как механизм передачи социального опыта, и как парадигма образования XXI века, и как сфера педагогических ценностей и как часть педагогической культуры преподавателя (Е. В. Бондаревская, В. П. Борисенков, В. В. Гладких, О. В. Гукаленко, Ю. С. Давыдов, Ш. С. Демисенова, А. Н. Джурицкий, Г. Н. Казиков, М. Н. Кузьмина, Л. Л. Супрунова, Л. М. Сухорукова).

Качественно новый уровень понимания этнообразования в полиэтнической среде наблюдается в современных условиях. В основе этнообразования – этническая идентичность и культурная толерантность. Одним из ведущих методологических принципов является принцип поликультурности, что актуализирует взаимосвязь и взаимодействие полиэтнического и поликультурного образования. Принцип поликультурности и диалоговый подход к культуре позволяет разработать механизм проектирования поликультурного пространства, воссоздающего национальные культуры на основе принципа преемственности, т. е. взаимосвязи и взаимодействия культур. Поли-

культурность образовательного пространства при этом становится средой непрерывного формирования нравственного здоровья социума, где главным является формирование культурно-толерантной личности.

Проблема формирования этнической толерантности в поликультурной среде предполагает пристальное внимание ученых-исследователей к регионализации этнопедагогической подготовки специалистов социальной сферы. В условиях поликультурного мира и диалогового подхода к образованию появилась потребность сочетания традиционной и личностно-ориентированной парадигмы. Такой подход актуализировал проблему регионализации образования: реальная потребность разработки данной проблемы сфокусировала внимание педагогов-исследователей на вычленении ее в разряд приоритетных проблем современности.

Определяя понятийно-терминологический аппарат исследования регионализации образования, ученые особое внимание обращают на необходимость построения системы образования и индивидуальной профессионально-личностной траектории в соответствии с особенностями региона и общей установкой на построение образования на основе социального заказа общества. При этом акцент делается на социально-педагогический аспект, включающий этнопедагогический компонент, перспективный в свете личностно-ориентированного направления развития человека в современном обществе, а, следовательно, на формирование культурно-толерантной личности в поликультурном социуме.

Личностно-ориентированный подход в сочетании с гуманитаризацией образования в контексте социально-педагогического аспекта определяют вектор региональной интерпретации образовательного пространства. Традиционное понимание образовательного пространства сводилось к тому, что это определенная

траектория или линия, по которой должно осуществляться нормативное движение ученика. В рамках новой образовательной парадигмы ученые, в соответствие с социальным заказом общества, рассматривают образовательное пространство как место в социуме, где субъективно задаются множество отношений и связей, осуществляется специальная деятельность определенных систем по развитию личности и её социализации. В этом ключе понимается и формирование этнической толерантности.

Знаковость обращения к новому толкованию образовательного пространства определяется целым рядом обстоятельств: динамика социальной ситуации (новая социально-культурная, в том числе образовательная политика), ценностно-нормативная неопределенность и переоценка ценностей (размытость нравственного идеала, отсутствие нравственного стержня у отдельных представителей современной молодежи), внедрение западных ценностей и моделей развития, стихийность целеполагания педагогической деятельности и адекватной сложившейся ситуации стратегии образования. Здесь представлен ряд социально-педагогических условий, ставших факторами, стимулирующими реализацию понятия «образовательное пространство» в педагогическую науку и практику.

Рассмотрение идеи образовательного пространства в контексте новой образовательной ценности акцентирует внимание ученых на особенностях социокультурных условий, в которых осуществляется личностное и профессиональное развитие человека, формируются его специфические качества. Такой подход согласуется с потребностью вхождения в мировое образовательное пространство на основе принципов поликультурности и диалога культур и определяет приоритетность формирования культурно-толерантной личности.

Объективная реальность привела к не-

обходимости создания целостной системы профессиональной подготовки и переподготовки специалистов социальной сферы с целью обретения социально-педагогической компетентности. Речь идет об осуществлении непрерывной социально-педагогической подготовки данных специалистов с учетом региональной специфики и назревшей потребности вхождения в мировую цивилизацию и культуру, что возводит в ранг приоритетов задачу формирования этнокультурной толерантности в поликультурном социуме.

Синергетизм антропологического, культурологического, аксеологического и гуманистического метопринципов проявляется в духовно-нравственном самосовершенствовании объектов и субъектов социально-педагогического образования. Это дает возможность гармонично строить взаимодействие интересующих нас подсистем исходя из высокогуманных основ этнокультуры и общечеловеческих ценностей. Прогнозируемый результат такого взаимодействия – возможность формирования самодостаточного, самоорганизующегося, саморазвивающегося, самосовершенствующего специалиста. Главное достоинство социально-педагогического образования специалиста социальной сферы в свете синергетического подхода – формирование личностных и профессиональных качеств, позволяющих современному специалисту органически войти в мировую цивилизацию и культуру.

Социально-экономические и этнополитические изменения, происходящие на всем постсоветском пространстве в последние годы, повлекли за собой определенные трансформации в сознании и поведении молодых людей, что, несомненно, не могло не сказаться на построении их жизненных и профессиональных планов. В этой связи становится все более актуальным изучение условий, факторов и механизмов реализации профессионального становления будущего специалиста

в условиях поликультурной среды вуза, а также выявление универсального и специфического в воздействии поликультурной среды на данные процессы, что позволит прогнозировать социальное поведение молодежи как на рынке труда, так и в области социальных, в том числе межэтнических отношений.

Эффективность профессионализма специалистов социальной и образовательной сфер обеспечивается согласованием их профессиональной подготовки с решением актуальных педагогических задач. В частности, воспитание культурно-толерантной личности. Этнопедагогическая составляющая в профессионализме специалистов социальной и образовательной сфер предполагает формирование этнопедагогической компетентности, которую следует рассматривать как совокупность личностных качеств специалиста, позволяющих ориентироваться в динамично меняющемся социуме в соответствии со своей профессиональной деятельностью. Таким образом, речь идет о максимальном качественном использовании этнопедагогической подготовки в реализации своих профессиональных возможностей, адаптированных к запросам общества, где приоритетным является формирование толерантности.

Значимость и актуальность формирования культурной толерантности в системе этнопедагогической подготовки специалистов социальной и образовательной сфер определена целым рядом обстоятельств и в широком социологическом и педагогическом смысле обусловлена объективно существующей потребностью решения ряда противоречий:

– прогрессирующая интервенция западной субкультуры, изменившиеся условия жизнедеятельности человека, предопределенные сложившейся политической ситуацией в России и Белоруссии (новая экономическая политика, социальное разделение общества, переоценка нравственных ценностей), создают определенные труд-

ности в воспитании, формировании нравственного и физического здоровья подрастающего поколения. В то же время остается невостребованным богатейший потенциал народной педагогики, обладающей апробированным многовековой историей народа педагогическим опытом;

– современные социальные институты испытывают потребность в создании системы воспитания, основанной на этнокультурных традициях. В то же время отсутствует научно обоснованный подход к разработке такой системы; специалисты социальной и образовательной сфер не имеют целостной программы по внедрению народной педагогики в их профессиональную деятельность (речь идет о программе, обеспечивающей профессиональную компетентность специалистов социальной и образовательной сфер в реализации народной педагогики не только в учебно-воспитательной работе школы, но и в целом в практике формирования нравственного и физического здоровья подрастающего поколения в меняющемся социуме в рамках профессиональной деятельности специалистов данных сфер;

– сегодня представители науки, практические работники образовательной и социальной сфер, родители, широкая общественность признают, что эффективность воспитания, действенность формирования нравственного и физического здоровья подрастающего поколения во многом определяются взаимосвязью и взаимодействием народной и научной педагогики. Однако на нравственном и физическом здоровье нации, воспитательном процессе это существенно не отражается. Связано это с отсутствием достаточного уровня научных знаний в области этнопедагогики, неразработанностью путей ее реализации, а также имеющим место недостатком доступных общеметодических рекомендаций по возможности реализации народной педагогики в работе школы, в практической деятельности

врача, социального работника, психолога, работника культуры и др. представителей образовательной и социальной сфер;

– ставится вопрос о прогнозировании влияния народной педагогики на развитие социума и современной школы, о формировании профессионализма специалистов социальной и образовательной сфер на основе взаимосвязи и взаимодействия народной и научной педагогики. Отсутствие фундаментальных работ, обобщающих положительный опыт по реализации народной педагогики в данном направлении, не дает возможности правильно решить заявленную проблему.

Формирование личности, способной органически вписаться во всемирную культуру и цивилизацию, как правило, осуществляется путем опоры на этнокультурную основу. Для успешного решения поставленных задач воспитательная работа во всех звеньях системы непрерывного образования должна быть ориентирована на идеал, запечатленный в моральном кодексе народа, построена с учетом глубокого знания народной педагогики и особенностей преемственности народной и научной педагогики. При этом одним из ведущих принципов организации работы в данном направлении является принцип поликультурности образования.

Основанием для совершенствования этнопедагогической подготовки специалистов социальной сферы на основе принципа поликультурности может послужить теоретико-методологическое обоснование стратегии образования, а также его методическое обеспечение, дающее многовариантную картину реализации народной педагогики в соответствии со спецификой профессиональной деятельности данных специалистов. Таким образом, актуальность этнопедагогической подготовки современных специалистов безусловна: целенаправленная работа в рассматриваемом направлении будет способствовать повышению их профессио-

нальной компетентности в деле формирования этнокультурной толерантности; послужит организации и проведению более эффективной работы учреждений образования и социальной сферы по воспитанию культурно-толерантной личности на основе средств и методов народной педагогики.

Среди факторов, активизирующих реализацию народной педагогики в подготовке специалистов социальной и образовательной сфер в области формирования этнической толерантности, следует назвать:

– принятие ряда официальных документов законодательного характера, касающихся воспитания и образования, где четко прослеживается переход к созданию целостной воспитательной среды с ориентацией на использование региональных и локальных условий, воспитательных возможностей социума, местных традиций;

– всенародное обсуждение и законодательные акты, подтверждающие возможность обучения на родном языке;

– акцент на краеведческий уклон в организации работы в школе;

– целенаправленную профессиональную подготовку специалистов образовательной и социальной сфер к реализации народной педагогики в своей профессиональной деятельности, что обеспечивается:

а) введением курса «Этнопедагогика» в программу средних и высших учебных заведений, осуществляющих подготовку и переподготовку специалистов данного профиля;

б) появление ряда работ (учебных, научных, научно-популярных), касающихся проблемы народной педагогики;

в) создание экспериментальных площадок по реализации народной педагогики в современной действительности (напр., этносады, этношколы);

– широко развернувшуюся работу по сбору, изучению и пропаганде материалов народного творчества и народной педа-

гогики в средствах массовой информации, в том числе в педагогической печати, на телевидении, радио;

- работу учреждений образования и социальной сферы (детские сады, ясли, школы, Дома культуры, ремесел, народного творчества и т. п.), по возрождению народных традиций;

- функционирование музеев этнографии, фольклора, народного творчества;

- становление и развитие института социальной педагогики;

- активное развитие этнопедагогики как отрасли педагогических знаний, т. е. как науки о народной педагогике (Это подтверждено появлением целого ряда диссертационных исследований в данной области в постсоветский период на территории бывшего Союза);

- деятельность Международной ассоциации «Народная педагогика», включающей представителей разных отраслей знаний (педагогов, психологов, историков, фольклористов, этнографов, культурологов), а также общественность.

Таким образом, в настоящее время сложились оптимальные условия, способствующие этнопедагогической подготовке специалистов социальной сферы. Этнопедагогическая подготовка, обеспечивающая профессиональную компетентность специалистов, служит цели повышения эффективности реализации специалистами данной сферы деятельности народной педагогики в воспитании и формировании этнокультурной толерантности. Концепции воспитания и образования акцентируют внимание на народной педагогике. Однако следует помнить, что народную педагогику не следует рассматривать как панацею, способную радикально изменить общество и решить проблему формирования толерантности. Необходимо обдуманно целенаправленный подход к организации этнопедагогической подготовки специалистов по формированию этнокультурной толерантности. При этом, на наш взгляд, не следует игно-

рировать этнокультурный подход, а уметь сочетать этно- и поликультурность в образовании. Опора на этнокультурную основу, т. е. избрание за основу родного, идентичного внутренней природе личности в соответствии с национальной принадлежностью, дает каждой отдельной личности возможность безболезненно, ненавязчиво, легко (идя от близкого к далекому, от простого к сложному) перейти к пониманию общечеловеческого и в перспективе сформировать толерантность как важнейшее качество личности.

Объективная реальность привела к необходимости создания целостной системы профессиональной подготовки и переподготовки специалистов социальной и образовательной сфер с целью обретения этнопедагогической компетентности и обеспечения эффективности формирования этнической толерантности. Речь идет об осуществлении непрерывной этнопедагогической подготовки данных специалистов с учетом региональной специфики (профессиональная подготовка, начальное и среднее профобразование, вузовская подготовка, переподготовка кадров, обучение в магистратуре, аспирантуре и докторантуре). В организации системы этнопедагогического подготовки специалистов социальной и образовательной сфер особое место должны занять ведущие профильные вузы, а также региональные высшие учебные заведения, где возможно создавать центры этнопедагогического образования или этнопедагогической подготовки, переподготовки и повышения квалификации преподавателей и практикующих специалистов социальной и образовательной сфер. Подобный центр может иметь название – Этнопедагогическая научно-практическая школа.

Заключение. В настоящее время формирование этнокультурной толерантности в процессе этнопедагогической подготовки специалистов социальной и образовательной сфер становится в разряд

приоритетных направлений развития современного образования. Актуализация этнопедагогической подготовки является руководящим началом целенаправленной работы по разработке и внедрению системы этнопедагогического образования и служит основой решения проблемы формирования этнокультурной толерантности. Формирование этнокультурной толерантности в процессе этнопедагоги-

ческой подготовки на основе принципа поликультурности с учетом региональной специфики обеспечит решение трех важнейших задач в образовании, выдвинутых в рамках Болонской декларации и Пражского коммюнике: академическое качество; способность выпускников вузов найти работу на международном рынке труда в течение всей жизни; мобильность во всех смыслах – пространственная, временная (т. е. непрерывность образования и повышение квалификации), программная мобильность.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ахкиямова, Г. Подготовка педагога к воспитанию межнациональной толерантности / Г. Ахкиямова // Высшее образование в России. – 2008. – № 8. – С. 141-144.
2. Байбаков, А. М. Введение в педагогику толерантности : учебно-методическое пособие для педагогов и студентов / А.М. Байбаков. – Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2002. – 120 с.
3. Безюлева, Г. В. Толерантность в пространстве образования / Г. В. Безюлева, С. К. Бондырева, Г. М. Шеламова. – М.: МПСИ, 2005. – 152 с.
4. Борисенков, В. П. Поликультурное образовательное пространство России: история, теория, основы проектирования / В. П. Борисенков, О. В. Гукаленко, А. Я. Данилюк. – М.; Ростов-н/Д., 2004. – 576 с.
5. Викулина, М. А. Поликультурная среда вуза и формирование толерантности студентов / М. А. Викулина, Е. А. Пугачева. – Набережные Челны: НФ ГОУ ВПО НГЛУ, 2007. – 146 с.
6. Вислова, А.Д. Формирование толерантной личности – стратегическая задача образования / А. Д. Вислова // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – № 4. – С. 152-162.
7. Вульф, Б. З. Воспитание толерантности: сущность и средства / Б. З. Вульф // Внешкольник. – 2002. – № 6. – С. 12-16.
8. Герасимов, С. А. Педагогические средства воспитания толерантности у детей младшего школьного возраста: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / С. А. Герасимов. – Архангельск, 2004. – 269 с.
9. Гершунский, Б. С. Толерантность в системе ценностно-целевых приоритетов образования / Б.С. Гершунский // Педагогика. – 2002. – № 7. – С. 3-12.
10. Гладких, В. В. Формирование поликультурной среды вуза в рамках новой образовательной парадигмы: монография / В. В. Гладких. – Воронеж: Изд-во ВАИУ, 2011. – 115 с.
11. Губарева, Т. А. Воспитание культуры толерантного общения студентов университета: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Т. А. Губарева. – Оренбург, 2009. – 233 с.
12. Губогло, М. Н. Толерантность представлений и представления о толерантности / М.Н. Губогло // Этнополюс. – 2002. – № 3-4. – С. 58-71.
13. Гугнина, О. В. Метод проектов в воспитании толерантности / О.В. Гугнина // Преподавание истории в школе. – 2007. – № 3. – С. 18-24.
14. Дворникова Е. И. Культура. Идентичность. Толерантность: монография / Ред. Л. Л. Редько. – М.: Илекса, 2007. – 320 с.
15. Демисенова, Ш. С. Поликультурная среда как средство саморазвития студентов педагогического вуза: Автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – Челябинск, 2009.
16. Днепров Т. П. Национальная толерантность в биполярном отечественном об-

разовании / Т. П. Днепровы // Педагогика. – 2009. – № 2. – С. 26-31.

17. Исаева, О. В. Воспитание толерантности студентов в образовательном процессе вуза: Автореф. дис. ... канд. пед. наук / О. В. Исаева. – Оренбург, 1994. – 21 с.

18. Комаров, В. П. Толерантность в общении студенческой молодежи. Монография / В. П. Комаров, О. В. Исаева, Л. Ф. Гайсина, Н. А. Гамова. – Самара: Изд-во Сам. ГПУ, 2003. – 216 с.

19. Костикова, Л. П. Диалоговый подход к культуре и межкультурному образованию / Л. П. Костикова // Педагогика. – 2008. – № 6. – С. 28-35.

20. Лебедева, Н. М. Тренинг этнической толерантности для школьников: учебное пособие для студентов психологических специальностей / Т. Г. Стефаненко, О. В. Лунева, Н. М. Лебедева. – М.: Привет, 2004. – 358 с.

21. Лукаш, Л. А. Социально-психологические особенности развития толерантной личности психолога в процессе профессионального становления: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Л. А. Лукаш. – М., 2011. – 232 с.

22. Мирзаянов, А. А. Воспитание этнической толерантности учащихся средствами народной педагогики: Автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – Йошкар-ола, 2006.

23. Мириманова М. С. Толерантность как феномен индивидуальный и социальный: монография. – М.: Прометей, 2004. – 256 с.

24. Поштарева, Т. В. Формирование этнокультурной компетентности / Т. В. Поштарева // Педагогика. – 2005. – № 3. – С. 35-41.

25. Профессиональное становление будущего специалиста в поликультурной среде вуза: реализация индивидуальной траектории: монография / Отв. ред. В. В. Гриценко, А. П. Орлова. – Смоленск: Универсум, 2011. – 220 с.

26. Рожков, М. И. Воспитание толерантности у школьников / М. И. Рожков, Л. В. Байбародова, М. А. Ковальчук. – Ярославль: Гос. пед. ун-т, 2003. – 192 с.

27. Скрыбина О.Б. Педагогические условия формирования коммуникативной толерантности у старшеклассников: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.06 / О. Б. Скрыбина. – Кострома, 2000. – 206 с.

28. Слободчиков, В. И. О понятии образовательной среды в концепции развивающего образования / В.И. Слободчиков. – М.: Экопсицентр РОСС, 2000. – 230 с.

29. Супрунова, Л. Л. Поликультурное образование в современной России: поиск стратегии / Л.Л. Супрунова // Magister. – 2000. – № 3. – С. 77-81.

30. Ткач, Л. Т. Подготовка будущего педагога к деятельности в поликультурном образовательном учреждении: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Ткач Л. Т. – Ростов-на-Дону, 2002. – 185 с.

31. Третьякова, Е. Н. Толерантность как духовно-нравственное качество личности: Автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.13 / Е. Н. Третьякова. – СПб, 2011. – 18 с.

32. Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная моногр. / Отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 542 с.

33. Этническая толерантность в поликультурных регионах России / Отв. ред. Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко. – М.: Изд-во РУДН, 2002. – 296 с.

34. Яценко Ю. С. Воспитание толерантности студентов в процессе межкультурной профессиональной коммуникации: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – Ростов-на-Дону, 2007. – 196 с.

психология

УДК 159.923.4

ББК 88.372

Психология

ОСОБЕННОСТИ ТЕМПЕРАМЕНТА ПЕДАГОГОВ ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Доктор психологических наук Н. А. Фомина
Е. С. Матюкина

В статье представлены особенности активности, эмоциональности и регуляции психической активности как свойств темперамента педагогов дошкольных образовательных учреждений. Описана специфика проявлений данных свойств у педагогов с различными типами темперамента.

Ключевые слова

Личность, педагоги ДОО, темперамент, активность, эмоциональность, регуляция психической активности, холерический, сангвинический, меланхолический и флегматический типы темперамента

Личность формируется в процессе жизнедеятельности человека на базе индивидуальных свойств, к которым относятся морфологическая и биохимическая конституция, нейродинамические особенности нервной системы, функциональная асимметрия полушарий головного мозга и темперамент.

Значительные психические различия между людьми, выражающиеся в скорости, интенсивности протекания психических процессов и т. д., связаны с темпераментом. Кроме того, от него зависят формирование свойств личности человека, связанных с динамическими и эмоциональными характеристиками, а также предрасположенность к тому или иному виду деятельности, в том числе профессиональной, и ее успешность.

Как известно, высокие требования предъявляются к представителям педагогической профессии: они должны быть ак-

тивны, лабильны, общительны, способны к эмпатии, сопереживанию, эмоционально «положительно заряжены», но при этом терпеливы, сдержанны и корректны. Огромное значение эти качества имеют для педагогов, работающих в дошкольных образовательных учреждениях, которые закладывают основы личности ребенка в важнейший период, когда он начинает осознавать свое «Я», активно познает мир, у него формируются высшие психические функции, познавательные способности, навыки, умения, свойства характера и т. д.

Эти профессионально важные качества их личности во многом определяются такими особенностями темперамента, как скорость и интенсивность реакции, активность, регуляция психической активности, эмоциональная чувствительность.

В связи с этим одной из задач нашего исследования является изучение особенностей темперамента педагогов ДОО. В дан-

ной статье представлены особенности активности, эмоциональности и регуляции психической активности как свойств темперамента 118 педагогов дошкольных образовательных учреждений г. Рязани.

С помощью методики Г. Айзенка у них была определена выраженность экстраверсии (направленности на внешний) или интроверсии (направленности на свой внутренний мир) и эмоциональная устойчивость [2].

На основании анализа полученных результатов у педагогов был определен доминирующий тип темперамента. Треть (35%) педагогов были отнесены к группе лиц с доминирующими чертами *меланхолического типа* темперамента с низким уровнем психической активности, быстрой утомляемостью, высокой эмоциональной чувствительностью к происходящим с ними событиям, глубиной и устойчивостью эмоций при слабом их внешнем проявлении и преобладании среди них эмоций отрицательных, повышенной тревожностью и др. Пассивность, низкая работоспособность, отрицательный эмоциональный фон и повышенная тревожность, бесспорно, затрудняют работу этих педагогов. Почти у трети (29%) из них были обнаружены доминирующие черты *холерического типа* темперамента: высокий уровень психической активности, быстрый темп реакций и движений, энергичность, стремительность, порывистость, а также вспыльчивость, нетерпеливость, резкая смена настроения, эмоциональные срывы, проявления агрессии, не способствующие успешности их профессиональной деятельности. 18,5% педагогов были отнесены к группе лиц с доминирующим *сангвиническим типом*, отличающимся высокой психической активностью, стремительностью и живостью движений, работоспособностью, общительностью, легкой и быстрой отзывчивостью на происходящие события, разнообразием мимики, быстрой речью, частой и быстрой сменой впечатлений, настроений при преобладании положительных эмоций и значит, более подходя-

щим для представителей педагогической профессии. 17,5% педагогов продемонстрировали доминирующие черты *флегматического типа* темперамента с низким уровнем психической активности, медлительностью, трудностями переключения с одного вида деятельности на другой и приспособления к новой обстановке, невыразительностью мимики при постоянстве чувств и настроений, также во многом затрудняющие осуществление педагогической деятельности.

Для более полного и точного анализа проявлений активности, эмоциональности и регуляции психической активности как свойств темперамента в различных (психомоторной, коммуникативной и интеллектуальной) сферах жизнедеятельности был использован Тест «Темперамент» А. И. Крупнова [3]. У педагогов с доминированием различных типов темперамента были определены особенности трех базовых компонентов темперамента: активационно-эргического, к которому относятся энергичность-аэнергичность (сила, интенсивность стремлений, реакций и действий или их слабости) и пластичность-ригидность (легкость и скорость переключения с одних программ поведения на другие); эмоционально-аффективного, который выражается в доминирующих эмоциях (стеничности-астеничности), а также в эмоциональной чувствительности и реактивности, и регуляторно-селективного, который свидетельствует о внутренней или внешней направленности психической активности (интроверсии-экстраверсии) и степени произвольности – непроизвольности в регуляции поведения (рефлексивности – импульсивности) (см. рис. 1-3).

Как видно из рис. 1, в *активационно-эргическом компоненте* темперамента педагогов с доминирующим *меланхолическим типом темперамента*, как и у лиц с сангвиническим и холерическим типами, доминируют психомоторная и интеллектуальная энергичность и психомоторная пластичность. Это значит, они постоянно

испытывают тягу к новым впечатлениям и знаниям, чувствуют в себе достаточно сил и энергии для выполнения различных дел, в том числе физической работы и решения интеллектуальных задач, работают с полной отдачей сил, не считаясь со временем, любят разнообразить свою деятельность, легко обучаемы. Значимых различий между показателями коммуникативной энергичности и аэнергичности, а также

ригидности и пластичности в различных сферах не обнаружено. При этом заметна некоторая тенденция к активности в коммуникативной сфере, хотя она менее выражена, чем психомоторная и интеллектуальная, а также тенденция к ригидности, неподвижности в процессе коммуникации, что, возможно, связано с их излишней обидчивостью, ранимостью, и как следствие избирательностью в процессе обще-

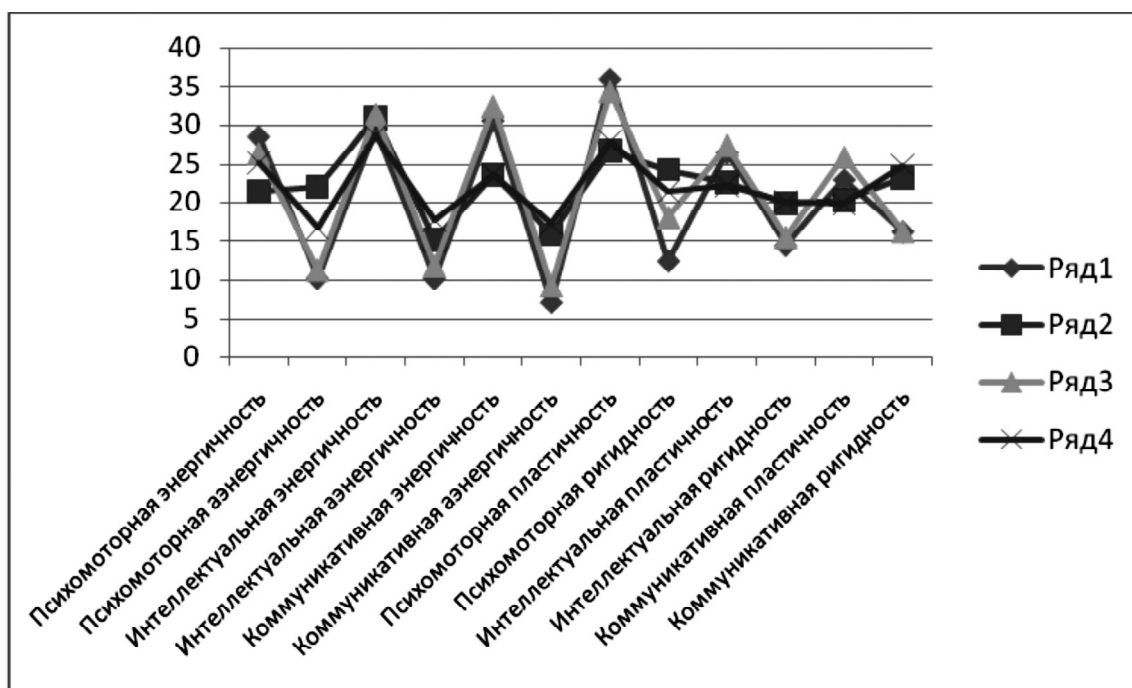

Рис. 1. Особенности активационно-эргического компонента темперамента педагогов с сангвиническим (ряд 1), флегматическим (ряд 2), холерическим (ряд 3) и меланхолическим (ряд 4) его типами.

ния.

В активационно-эргическом компоненте темперамента педагогов с доминирующим холерическим типом доминируют психомоторная, интеллектуальная и коммуникативная энергичность и пластичность. Это свидетельствует о том, что они испытывают потребность в деятельности, чувствуют в себе избыток сил, энергии, интеллектуальной активности, с удовольствием занимаются физическим трудом, часто ощущают потребность в новой информации, тягу к новым впечатлениям, оказываются лидерами, так как чувствуют себя в коллективе свободно и непринужденно,

без труда находят контакт с детьми, родителями и коллегами. Педагоги данной группы легки на подъем, всегда подвижны в действиях, легко обучаются разным делам, всегда легко переключаются с решения одной проблемы на другую, для решения известных проблем стараются найти новые решения, настраиваются на выполнение нового интеллектуального задания, легко выполняют работу, связанную с широким кругом общения, высказывают свои мысли в присутствии незнакомых людей, задают им вопросы. В активационно-эргическом компоненте темперамента педагогов с доминирующим сангвиническим ти-

ном, как и холерическим, преобладают энергичность и пластичность в психомоторной, интеллектуальной и коммуникативной сферах жизнедеятельности, причем психомоторная и интеллектуальная эргичность и психомоторная пластичность в 3 раза, а коммуникативная эргичность в 4 раза превышают соответствующие агармонические переменные. При этом у них, по сравнению с холериками, менее выражены агармонические составляющие. Это значит, что они испытывают потребность в движении и деятельности, легко и непринужденно выполняют любую работу, даже при наступлении усталости. Часто ощущают потребность в новой информации, не считаются со временем ради решения интеллектуальных задач, всегда работают с полной отдачей умственных сил. Первыми начинают разговор с другими людьми, испытывают потребность поделиться своими впечатлениями с ними, поэтому имеют много друзей и знакомых. Кроме того, они любят разнообразить свою деятельность, могут одновременно выполнять несколько умственных задач, легко пересматривают свои решения и принимают новые, быстро и без труда переключаются с одного дела или решения проблемы на другие, легко обучаются. У педагогов с *флегматическим типом* темперамента в *активационно-эргическом* его компоненте, как и у лиц с сангвиническим и холерическим типами, интеллектуальная и коммуникативная эргичность доминируют над аэргичностью. Следовательно, они тоже испытывают тягу к общению с людьми, проявляют инициативу в процессе общения, познавательную активность при выполнении интеллектуальной деятельности, всегда работают с полной отдачей умственных сил. Вместе с тем отсутствие значимых различий между показателями психомоторной эргичности и аэргичности, а также пластичности и ригидности во всех сферах жизнедеятельности (психомоторной, интеллектуальной и коммуникативной) свидетельствуют о том, что они, все-

гда находясь при деле, не проявляют активности, инициативы, предпочитают работу, не требующую быстрых движений, выполняют ее медленно и спокойно, старыми, привычными способами; в свободное время любят пообщаться с другими людьми, но чаще поддерживают разговор, чем начинают его, не стремятся найти новые темы для обсуждения и новых собеседников, утомляются от частого общения; медленно усваивают новую информацию и овладевают новыми знаниями.

Как видно из рис. 2, в *эмоционально-эффективном компоненте* темперамента педагогов с доминирующим *меланхолическим типом темперамента* доминируют положительные эмоции в процессе коммуникации: удовлетворение и радость от нахождения в окружении других людей, от процесса общения, признательность окружающим за понимание и эмоциональная чувствительность, выражающаяся в том, что они принимают все близко к сердцу, часто испытывают волнение по пустякам, могут расчувствоваться до слез, что негативно сказывается на успешности их педагогической деятельности. Отсутствие значимых различий между показателями психомоторной и интеллектуальной стеничности и астеничности указывает на то, что они переживают радостное волнение, энтузиазм, оптимизм перед выполнением намеченных дел, прилив сил, удовлетворение, гордость при удачно решенных задачах и неудовлетворение, разочарование, обиду, когда не удастся осуществить намеченное дело, сильное волнение, неуверенность в своих силах при выполнении сложных интеллектуальных заданий и т. п.

В *эмоционально-эффективном компоненте* темперамента представителей доминирующего *холерического типа темперамента* доминируют психомоторная, интеллектуальная и коммуникативная стеничность (ее значения в полтора раза превышают соответствующие показатели астеничности) и эмоциональная чувствительность. Это свидетельствует о том, что

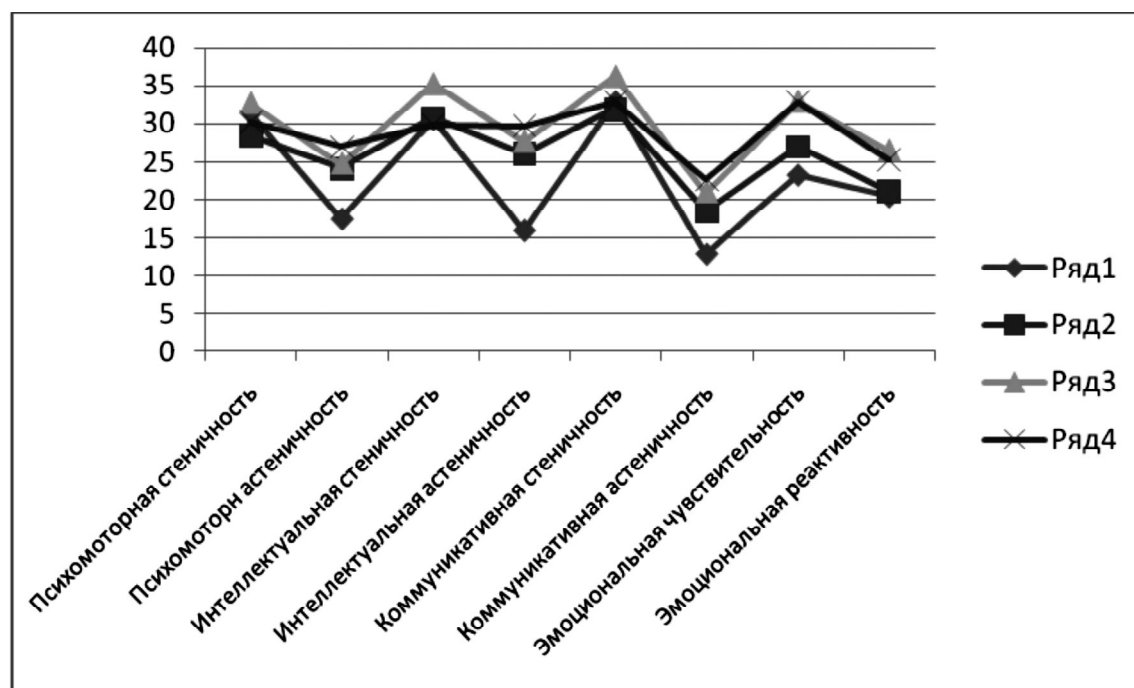

Рис. 2. Особенности эмоционально-эффективного компонента темперамента педагогов с сангвиническим (ряд 1), флегматическим (ряд 2), холерическим (ряд 3) и меланхолическим (ряд 4) его типами.

они испытывают радостные эмоции от самого процесса выполнения физической и умственной работы, приятное волнение при возможности испытать себя в трудном деле, прилив сил от удачно выполненных дел, радость и восторг от получения новой информации, процесса общения с людьми. При этом они, как меланхолики, часто испытывают волнение даже по пустякам, принимают все близко к сердцу, не переносят сильных и резких раздражителей, что, конечно, негативным образом сказывается на успешности педагогической деятельности. В *эмоционально-эффективном компоненте* темперамента педагогов с доминирующим *сангвиническим типом*, как и холерическим, значительно преобладает стеничность в психомоторной, интеллектуальной и коммуникативной сферах жизнедеятельности (ее показатели в два раза превышают показатели астеничности в соответствующих сферах). Это подтверждает, что они испытывают стенические радостные эмоции от предстоящих дел и завершённой работы, от процесса общения с детьми и родите-

лями. Отсутствие значимых различий между показателями эмоциональной чувствительности и реактивности свидетельствует о том, что они принимают все близко к сердцу и легко «заряжаются» настроением окружающих. В *эмоционально-эффективном компоненте* темперамента педагогов с доминирующим *флегматическим типом* более выражена коммуникативная стеничность. Они, как сангвиники и холерики, испытывают радость от общения с детьми и их родителями, удовлетворение от того, что находятся в окружении людей (детей, родителей, коллег), в центре их внимания. Однако отсутствие статистически значимых различий между показателями стенических и астенических эмоций в психомоторной и интеллектуальной сферах их деятельности, как у меланхоликов, указывает на то, что, с одной стороны, они испытывают радостное волнение при возможности испытать себя в трудном деле, находятся в постоянной готовности к решению интеллектуальных проблем, с другой, – раздражаются, когда не удастся осуществить на-

меченное, преувеличивают свои неудачи и тревоги, связанные с умственной деятельностью и т. п. Почти одинаковая выраженность эмоциональной чувствительности и реактивности, как у сангвиников, свидетельствует о том, что они часто испытывают волнение даже по пустякам, не могут сохранить спокойствие при возникновении различных неприятностей.

Как видно из рис. 3, в *регуляторно-селективном компоненте* темперамента педагогов с доминирующим *меланхолическим типом*, более выражена рефлексив-

ность (как и у всех остальных) и интровертированность (в отличие от представителей других типов темперамента). При общих для всех склонности к рефлексии, самоанализу, тщательному продумыванию намерений и поступков они более замкнуты, живут своим внутренним миром и переживаниями, часто испытывают чувства тревожности, неуверенности в себе, беспокойства о том, что они хуже других, поэтому нуждаются в людях, которые могут одобрить и утешить их. В процессе педагогической деятельности это может оказы-

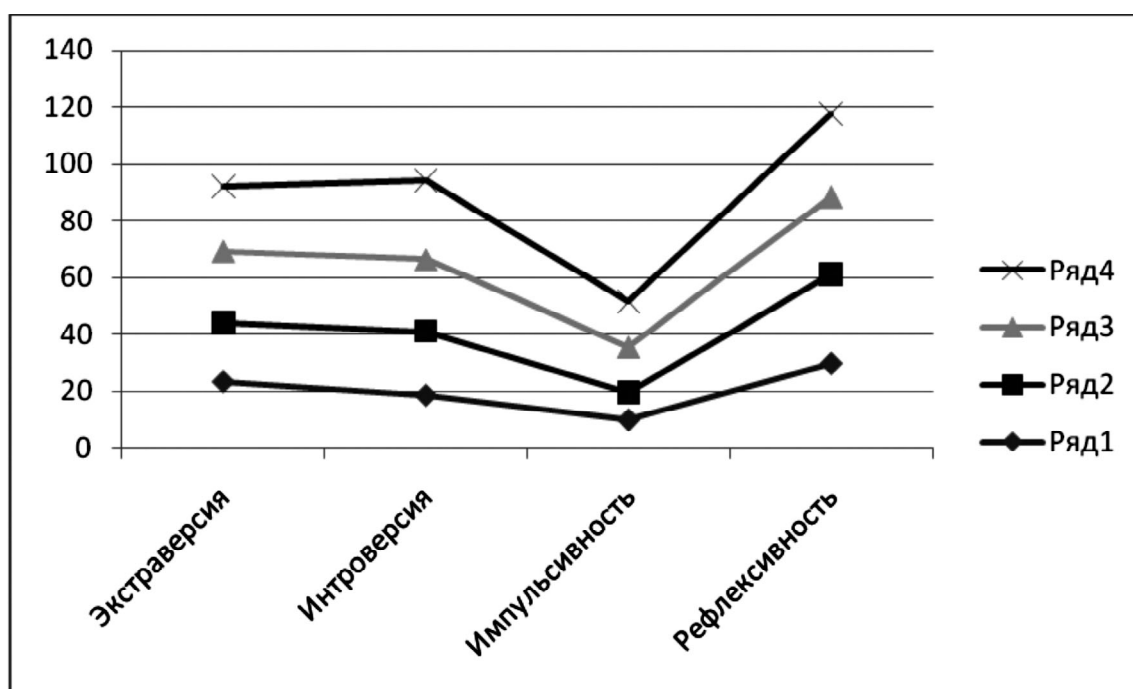

Рис. 3. Особенности регуляторно-селективного компонента темперамента педагогов ДОУ с сангвиническим (ряд 1), флегматическим (ряд 2), холерическим (ряд 3) и меланхолическим (ряд 4) его типами.

вать негативное воздействие и на детей, и на их родителей, и на них самих.

В *регуляторно-селективном компоненте* темперамента педагогов с доминирующим *холерическим типом* доминирует рефлексивность, указывающая на устойчивость интересов и намерений, рациональность и сдержанность поступков, стремление к самоанализу и способствующая продуктивному педагогическому общению. Между внешней экстравертированной и внутренней интровертиро-

ванной направленностью психической активности статистически значимых различий не обнаружено. В *регуляторно-селективном компоненте* темперамента педагогов с доминирующим *сангвиническим типом*, как и холерическим, значительно преобладает рефлексивность, которая почти в три раза превышает импульсивность. Они спокойны, сдержанны в своих поступках, рассудительны, рациональны, тщательно обдумывают все до мелочей прежде, чем приступить к работе, что

помогает им выстраивать эффективное общение с воспитанниками и их родителями, достигая успешности в педагогической деятельности. При этом у них, как и у холериков, не обнаружено значимых различий между показателями экстраверсии и интроверсии, однако заметна некоторая тенденция к большей экстравертированности, т. е. направленности на окружающий мир. Это значит, что они испытывают тягу к тому, чтобы встряхнуться и испытать новое возбуждение, повеселиться. В *регуляторно-селективном компоненте* темперамента представителей группы с доминирующим *флегматическим типом*, как и у других, доминирует рефлексивность, причем ее средний показатель выше, чем у сангвиников, холериков и меланхоликов. Интроверсия чуть выше экстраверсии, но различия между ними не являются статистически значимыми.

Таким образом, у 2/3 педагогов дошкольных образовательных учреждений выявлены доминирующие черты меланхолического и холерического типов темперамента. Высокая эмоциональная чувствительность, сензитивность к событиям, происходящим с ними и окружающими людьми, способности к сопереживанию, сочувствию, достаточная психическая активность в поведении и интеллектуальной деятельности, психомоторная подвижность способствует успешности педагогической деятельности *педагогов-меланхоликов*, а слабость нервной системы, быстрая утомляемость, чрезмерная эмоциональность при слабом внешнем проявлении эмоций, преобладание среди них эмоций отрицательных, прежде всего повышенной тревожности, некоторое ограничение коммуникации, ригидность в интеллекту-

альной и особенно, провоцируют проблемы в процессе педагогического общения. Такие особенности темперамента представителей *холерического типа*, как сила нервной системы, энергичность, быстрый темп реакций и движений, высокий уровень психической активности в различных сферах жизнедеятельности, пластичность, вариативность поведения обеспечивают эффективность их педагогической деятельности, а вспыльчивость, нетерпеливость, резкая смена настроений, возможные эмоциональные срывы и проявления агрессии, а также интеллектуальная и коммуникативная ригидность, проявляющаяся в трудностях перехода с одних форм умственной деятельности и общения на другие, особенно новые, затрудняют ее. Эффективной работе *педагогов-сангвиников* по обучению и воспитанию детей способствуют сила и уравновешенность нервной системы, высокие психическая активность и пластичность везде и всегда, инициативность, общительность, любознательность, работоспособность и т. д.

Представителям доминирующего *флегматического типа* темперамента помогают осуществлять педагогическую деятельность интеллектуальная и коммуникативная эргичность, т. е. активность, а затрудняют этот процесс замедленная скорость и темп реакций, медлительность поведения, малая вариативность и пластичность, т. е. трудности переключения с одного вида деятельности на другой и приспособления к новой обстановке в различных сферах.

Педагоги должны хорошо знать «достоинства» и «недостатки» своего типа темперамента, а также стремиться и уметь управлять его проявлениями с помощью эмоционально-волевой саморегуляции в целях оптимизации педагогической деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Батаршев А. В. Темперамент и характер: Психологическая диагностика. – М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2001. – 336 с.
2. Ежова Н. Н. Справочник практического психолога. – Р-на-Д: Феникс, 2011. – 380 с.
3. Крупнов А. И. Психологические проявления в структуре темперамента: Учебное пособие. – М.: Изд-во РУДН, 1992. – 78 с.

УДК 159.923

ББК 88.372

Психология

психология

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛЯТОРНО-РЕФЛЕКСИВНОГО КОМПОНЕНТА ТЕМПЕРАМЕНТА ЛИЦ С ПРЕОБЛА- ДАНИЕМ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ СИГНАЛЬНЫХ СИСТЕМ

М. А. Мирчетич

Доктор психологических наук Н. А. Фомина

В статье представлены специфические особенности регуляции как свойства темперамента студентов с различным соотношением сигнальных систем.

Ключевые слова

Темперамент, регуляция, импульсивность, рефлексивность, экстраверсия, интроверсия, сигнальные системы

Личность как социальная сущность человека, как известно, формируется на базе индивидуальных психофизиологических характеристик, в том числе особенностей сигнальных систем и темперамента.

Одной из самых общих особенностей индивида, от которой зависят почти все динамические и процессуальные характеристики психики человека, считается принадлежность к тому или другому специально человеческому типу по соотношению сигнальных систем [3, 61]. Как известно, первая сигнальная система представляет собой врожденную структуру органов чувств и мозга животного и человека, а вторая сигнальная система, возникающая на базе первой, являющаяся социально приобретенной и обладающая знаковостью, свойственна только человеку. Зона мозга второй сигнальной системы, названная «зоной речи», диалектически снимает результаты деятельности первой сигнальной системы, «захватывая» их

в логику значений слов, суждений, умозаключений, понятий [1, 58, 70]. Одни ученые, например, Сперри Р. (1974) и его последователи, связывают разные формы речевой деятельности: чтение, счет, абстрактное мышление – с левым, а опознание изображений предметов, узнавание лиц, эмоции, ориентацию в пространстве и т. п. – с правым полушариями; другие, например, Ушакова Т. Н., Шустова Л. А. и Свидерская Н. Е. (1983) говорят не о специализации функций того или иного полушария, а об активации левого полушария в вербально-продуктивном, правого – в наглядно-мыслительном и об отсутствии доминирования одного из полушарий в вербально-репродуктивном процессах; третьи (Глезерман Т. Б., 1983; Симерницкая Э. Г., 1978; Ротенберг В. С. и Бондаренко С. М., 1989) считают, что в осуществлении любой психологической функции участвуют оба полушария мозга человека, однако каждое полушарие характеризуется специфическими принципами

обработки поступающей информации, в частности, в левом полушарии преобладают аналитические процессы, а в правом – синтетический, целостный способ обработки информации, в связи с чем специфика «правополушарного» мышления заключается в готовности к целостному «схватыванию», к одномоментному восприятию многих предметов и явлений мира в целом со всеми их составными элементами, в то время как «левополушарного» – в способности к последовательному, ступенчатому познанию. Благодаря правому полушарию как бы сам по себе складывается целостный образ мира во всем его многообразии и сложности, а левое постепенно и кропотливо собирает модель мира из отдельных, но тщательно изученных деталей, которые связаны друг с другом многочисленными, зачастую трудноуловимыми связями. «Левополушарная» и «правополушарная» стратегии действуют как взаимодополняющие компоненты мышления, т. к. мозг человека функционирует как единое целое. Интересно заметить, что в первые годы жизни доминирует правое полушарие, ответственное за целостное восприятие, за быстрое «схватывание» всех аспектов ситуации для принятия экстренного решения еще до детального анализа, однако к концу подросткового возраста становится особенно выраженным сдвиг асимметрии в сторону относительного преобладания левого полушария, чему, по-видимому, в значительной степени способствует и наша система обучения и воспитания, которая направлена прежде всего на развитие логического мышления [7, 13], несмотря на то, что существуют индивидуальные природные предпосылки к доминантному развитию право– или левополушарной стратегии, которые, естественно, могут реализоваться при адекватных условиях индивидуального развития [6].

По мнению различных исследователей, своеобразие соотношения сигнальных систем, являющееся физиологической

основой различных типов саморегуляции, находит отражение не только в приеме и переработке поступающей в мозг первичной информации (Иваницкий А. М., 1976), сложных динамических проявлениях познания, воли, эмоциональности (Малахова А. Д., 1981; Кепалайте А. П., 1982; Санникова О. П., 1984 и др.), активности или инертности индивидов (Печенков В. П., 1976; Игнатович Г. С., 1978) и некоторых других формально-динамических проявлениях личности (Куранов В. П., Русалов В. М., 1984), в сфере зрительной памяти (Борисова М. Н., 1956), в тревожности (Аминов Н. А., 1975), но и в различных способностях: математических (Крутецкий В. А., 1968), литературных (Ягункова В. П., 1962) и языковых (Кабардов М. К., 1983) [6].

Особенности соотношения первой и второй сигнальных систем напрямую связаны с индивидуальным стилем овладения неродным языком. Беляевым Б. В. (1965) были выделены интуитивно-чувственный и рационально-логический типы владения иностранным языком. По его мнению, лицам с рационально-логическим типом легче дается рецептивное или пассивное владение им (слушание и чтение, восприятие и понимание чужой речи), необходимы теоретическое осмысление особенностей изучаемого языка, специальное заучивание лексико-грамматических средств и грамматический анализ как воспринимаемой чужой речи, так и собственного высказывания, а лицам с интуитивно-чувственным типом более доступно продуктивное или активное владение иностранным языком, легкость его усвоения в ходе практической тренировки в иноязычно-речевой деятельности, интуитивное накопление необходимых языковых средств в ходе коммуникативной деятельности. Коммуникативно-речевые параметры в овладении иностранным языком в большей мере связаны с функционированием правого полушария, а когнитивно-лингвистические – левого [5, 9,

19, 15, 21]. М. К. Кабардовым выделены коммуникативный тип (позже названный им коммуникативно-речевым), который находит большее воплощение в динамической характеристике речи и отличается коммуникативной активностью и успешностью в обучении, и некоммуникативный (некоммуникативно-лингвистический), теснее связанный с логико-грамматическим строем языка и характеризующийся использованием системы некоммуникативных приемов усвоения языковых средств, т. е. лингвистической направленностью и меньшей успешностью в иноязычно-речевой деятельности. Основой коммуникативного типа освоения неродного языка является выраженность первосигнальной системы регуляции (более непосредственной, произвольной, с преобладанием образно-действенного стиля мышления), а основой некоммуникативного типа – преобладание второсигнальных функций, связанных с произвольной регуляцией, опосредованием, вербальностью мышления [2, 173].

Нами исследованы особенности доминирования первой или второй сигнальных систем и свойств темперамента, под которыми понимают природно обусловленные психодинамические свойства человека как базы для формирования речевой деятельности студентов на родном и иностранном языках.

В исследовании приняли участие 100 студентов института иностранных языков РГУ имени С. А. Есенина в возрасте 19-21 года.

С помощью методики Кадырова Б. Р. [3, 61], по мнению которого особенности соотношения сигнальных систем в наибольшей степени проявляются в общих динамических особенностях, выступающих в активности и саморегуляции, таких общеличностных чертах, как эмоциональность и воля, а также особенностях познавательных процессов: памяти, воображения и мышления, у студентов, изучающих иностранный язык, было определено со-

отношение сигнальных систем. У 32 % студентов было обнаружено преобладание первой сигнальной системы с более высокими значениями показателей активности, т. е. выраженности стремлений к повышенной нагрузке, к длительному напряжению в умственной и психомоторной сферах, а также способности управлять своим поведением и деятельностью; эмоциональности, легкости возникновения и спада эмоций (эмоциональной подвижности), яркости и живости эмоциональных реакций, впечатлительности; воображения, расположенности к мечтательности на общеповеденческом и когнитивном уровнях и, естественно, обобщенного показателя первосигнальности. 23 % студентов продемонстрировали доминирование второй сигнальной системы с более развитыми саморегуляцией – способностью к спокойно-разумному обдумыванию, анализу своих действий, четкости и порядку в делах, умением управлять собой, доводить начатое дело до конца, завершать его в срок, предвидеть события и т. п.; волей, проявляющейся в склонности к преодолению разнообразных трудностей, препятствий при совершении целенаправленных действий, и аналитическим мышлением и более высоким обобщенным показателем второсигнальности. У 45 % студентов отсутствовало явное доминирование какой-либо из систем.

После этого у студентов выделенных 3-х групп были исследованы активность, эмоциональность и саморегуляция как свойства темперамента в рамках функционально-компонентной модели, предложенной В. Д. Небылицыным (1976) и дополненной А. И. Крупновым (1992). В соответствии с этими свойствами были выделены составляющие или три базовых компонента темперамента: активационно-эргический, эмоционально-аффективный и регуляторно-селективный, которые, взаимодействуя друг с другом, обеспечивают оптимальный уровень поведения человека, характер регуляции и произ-

вольного распределения психической активности и эмоциональности по различным психическим модальностям и сферам жизнедеятельности: психомоторной, интеллектуальной и коммуникативной. Активационно-эргический компонент темперамента определялся по эргичности – аэргичности (силе, интенсивности стремлений, реакций и действий) и пластичности – ригидности (легкости и скорости переключения с одних программ поведения на другие). Эмоционально-аффективный компонент выражался в стеничности, т. е. устойчивости к различным помехам, способности к длительной непрерывной деятельности, или астеничности – повышенной утомляемости, возбудимости, а также в эмоциональной чувствительности (активной реакции на раздражители) и реактивности (способности контролировать свои реакции на какие-либо раздражители). Регуляторно-селективный компонент характеризовался внутренней или внешней направленностью психической активности (интроверсией – экстра-

версией), а также степенью произвольности – непроизвольности в регуляции поведения (рефлексивностью – импульсивностью) [4].

В данной статье представлены особенности регуляторно-рефлексивного компонента темперамента у лиц с преобладанием различных сигнальных систем.

Как видно из таблицы 1, у лиц с доминированием первой сигнальной системы показатели импульсивности выше, чем у студентов с доминированием второй сигнальной системы, а это значит, что они поспешны в принятии решений, действуют, не думая о возможных последствиях, и непоседливы. Отсутствие значимых различий между показателями экстраверсии и интроверсии указывает на то, что в одних случаях их психическая активность направлена внутрь себя, в других – вовне. При этом заметна некоторая тенденция к большей выраженности экстравертированности, которая говорит о том, что они общительны, активны, жизнерадостны, склонны к фантазированию.

Таблица 1

Особенности регуляторно-рефлексивного компонента темперамента лиц с преобладанием первой сигнальной системы

Переменные	Средние значения	t-критерий Стьюдента	Уровень значимости различий
Импульсивность	31	5,901	,000
Рефлексивность	16		
Экстраверсия	35	3,531	-
Интроверсия	30		

Примечание: Прочерк означает отсутствие значимых различий.

А у лиц с доминированием *второй сигнальной системы*, напротив, более выражена рефлексивность, чем импульсивность (см. табл. 2). Это свидетельствует об их рациональности и сдержанности, тщательном обдумывании всего до мелочей, анализе каждого шага, устойчивости

в интересах и намерениях.

В то время как между показателями экстраверсии и интроверсии отсутствуют значимые различия (при наличии тенденции к большей выраженности экстравертированности), как и у лиц с доминированием первой сигнальной системы.

Таблица 2

Особенности регуляторно-рефлексивного компонента темперамента лиц с преобладанием второй сигнальной системы

Переменные	Средние показатели	t-критерий Стьюдента	Уровень значимости различий /p/
Импульсивность	12	-4,857	,000
Рефлексивность	31		
Экстраверсия	24	1,724	-
Интроверсия	21		

Примечание: Прочерк означает отсутствие значимых различий.

В результате сравнительного анализа средних значений всех показателей регуляторно-рефлексивного компонента темперамента у представителей двух сравниваемых групп были обнаружены значимые различия между выраженностью всех четырех переменных (см. таблицу 3).

Так, у студентов с преобладанием второй сигнальной системы рефлексивность не только доминирует над импульсивностью (в отличие от лиц с преобладанием с первой сигнальной системы, о

чем было сказано выше), но и выражена вдвое сильнее.

А у студентов с преобладанием 1-ой сигнальной системы показатели импульсивности в 2,5 раза выше соответствующих показателей у лиц с преобладанием 2-ой сигнальной системы.

Кроме того, им более свойственны и интровертированность, и экстравертированность, что может быть доказательством их большей психической активности в целом.

Таблица 3

Сравнительный анализ выраженности переменных регуляторно-рефлексивного компонента темперамента у лиц с преобладанием первой и второй сигнальных систем

Переменные	Средние значения у лиц с доминированием 1-ой С. с.	Средние значения у лиц с доминированием 2-ой С. с.	t-критерий Стьюдента	Уровень значимости различий /p/
Импульсивность	31	12	7,090	,000
Рефлексивность	16	31	-6,063	,000
Экстраверсия	35	24	4,213	,000
Интроверсия	30	21	4,177	,000

Примечание: Значимые различия выделены жирным шрифтом.

Таким образом, представленный в статье анализ результатов исследования регуляторно-рефлексивного компонента темперамента студентов с доминированием различных сигнальных систем позволяет сделать вывод о различиях регуляции их психической деятельности, которые выражаются в доминировании у лиц с преобладанием первой сигнальной

системы быстрых, необдуманных слов, действий, решений, а также большей выраженности психической активности, направленной как внутрь себя самих, так и на окружающий мир и людей, а у лиц с преобладанием второй сигнальной системы – в большей рефлексивности поведения и деятельности, их планировании и анализе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Видинеев Н. В. Природа интеллектуальных способностей человека. – М.: Мысль, 1989.
2. Кабардов М. К. Роль индивидуальных различий в успешности овладения иностранным языком (на материале интенсивного обучения): Дис. ... канд. психол. наук. – М., 1983.
3. Кадыров Б. Р. Уровень активации и некоторые динамические характеристики психической активности // Вопросы психологии. – 1990. – № 4. – С. 61-62.
4. Крупнов А. И. Целостно-функциональный подход к изучению свойств личности / Системные исследования свойств личности. – М.: Изд-во РУДН, 1995.
5. Малешина М. С. Индивидуально-типологические предпосылки овладения иностранным языком: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 1992.
6. Мирошкина Н. А. Типы саморегуляции и индивидуальные различия в речевой деятельности студентов: Дис. ... канд. психол. наук. – М., 1992.
7. Рейнвальд Н. И. Психология личности. – М.: УДН, 1987.

УДК 378
ББК 74.48
Педагогика

ПОКАЗАТЕЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА СТРУКТУРЫ СИСТЕМ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА ВУЗОВ¹

Кандидат педагогических наук Н. В. Герова
В. В. Андреев

В статье рассматриваются принципы стандартизации, обеспечивающие качество продукции, процессов, услуг, в том числе и в сфере образования. На основе сравнительного анализа структур систем менеджмента качества российских вузов обоснованы показатели деятельности субъектов образовательного процесса – профессорско-преподавательского состава и студентов.

Ключевые слова

База данных, показатели деятельности, образовательный стандарт, профессиональное образование, рейтинг, система менеджмента качества

В современных условиях модернизации системы высшего профессионального образования все большее внимание уделяется проблемам качества, что обусловлено наличием конкурентной среды. В Концепции национальной политики Российской Федерации в области качества образовательных услуг справедливо подчеркивается, что главной задачей отечественного образования в XXI веке является рост конкурентоспособности экономики за счет роста качества подготовки выпускников учебных заведений.

Проблемы исследования, разработки и внедрения организационных структур управления нашли широкое отражение в трудах зарубежных (Альберт М., Ансофф

И., Виссем Х., Друкер П., Лэнд П., Мескон М., Хедоури Ф. и др.) и отечественных ученых (Алавердов А. Р., Бандурин А. В., Веснин В. Р., Герчикова И. Н., Глущенко В. В., Ильенкова С. Д., Лапуста М. Г., Лебедев О. Т., Румянцева З. П., Старобинский Э. Е. и др.). Однако большинство авторов в своих публикациях лишь в обобщенном виде передают зарубежный опыт. В этих работах недостаточно уделено внимания вопросам прикладного характера, возникающих при модернизации российского высшего профессионального образования и его структурных организаций – высших учебных заведений. Таким образом, возникает необходимость разработки конкретных технологий созда-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания высшим учебным заведениям регистрационный номер НИР: 8.1950.2011.

ния, отображения, анализа и внедрения организационных структур управления учебным процессом, реализация которых в российских вузах содействовала бы эффективной работе субъектов образовательной деятельности.

Важным элементом системы менеджмента качества высших учебных заведений является стандартизация, представляющая собой нормотворческую деятельность, которая позволяет определить наиболее рациональные нормы, а затем и закрепить их в нормативных документах (стандарты, инструкции, методики и требования) к результатам деятельности субъектов образовательного процесса. Таким образом, стандартизация в системе высшего профессионального образования (ВПО) является одним из важнейших элементов современного механизма управления качеством. Согласно определению международной организации по стандартизации, стандартизация есть установление и применение правил с целью упорядочения деятельности в определенных областях на пользу и при участии всех заинтересованных сторон, в частности для достижения всеобщей оптимальной экономии при соблюдении функциональных условий и требований техники безопасности.

Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) представляют собой совокупность требований, обязательных при реализации основных образовательных программ начального общего, основного общего, среднего (полного) общего, начального профессионального, среднего профессионального и высшего профессионального образования образовательными учреждениями, имеющими государственную аккредитацию [8].

Общей целью стандартизации в области образования является защита интересов потребителей и государства по вопросам качества образовательных услуг. Государственная стандартизация в области образования обеспечивает:

- единство образовательного про-

странства Российской Федерации;

- преемственность основных образовательных программ на различных ступенях непрерывного образования;

- стандартизированные способы учета показателей деятельности субъектов образовательного процесса (оценка личных достижений студентов и профессорско-преподавательского состава);

- основу для сравнения и оценки деятельности образовательных учреждений, реализующих образовательные программы высшего профессионального образования.

Современная стандартизация базируется на принципах системности, повторяемости, вариантности и взаимозаменяемости.

Принцип системности обеспечивает создание стандартов в системе ВПО, взаимосвязанных между собой и предполагающих взаимную согласованность, непротиворечивость, унификацию и исключение дублирования требований.

Принцип повторяемости предполагает определение круга субъектов образовательного процесса, которые обладают одним общим свойством – повторяемостью во времени (срок обучения, курс, семестр, модуль и т. п.) и в пространстве (вузы, факультеты, кафедры, профессорско-преподавательский состав и др.).

Принцип вариантности означает создание рационального многообразия стандартных элементов, входящих в стандартизируемый объект.

Принцип взаимозаменяемости в системе ВПО предусматривает возможность признания результатов образовательных программ, освоенных в различных вузах.

В условиях реформирования системы образования РФ осуществляется переход к комплексной оценке деятельности вузов (лицензирование, аттестация и государственная аккредитация); создаются и внедряются внутривузовские системы менеджмента качеством (СМК) в соответствии с требованиями международных стандартов серии ISO 9000 («Системы менеджмента качества. Основные положения и

словарь»). Серия стандартов ГОСТ Р ИСО 9000 является российским аналогом международных стандартов серии ISO 9000, где определено понятие СМК (quality management system) как «системы менеджмента для руководства и управления организацией применительно к качеству», а понятие «качество» как «степень соответствия присущих объекту характеристик установленным требованиям» [5].

Согласно стандартам качества разработка СМК осуществляется на основе процессного подхода к системе управления вузом и не предполагает единообразия, то есть структура СМК разных вузов могут отличаться друг от друга. Целью внедрения СМК в вузах является управление образовательной деятельностью и улучшение качества образовательных услуг.

Анализ моделей современных СМК в образовании в РФ показал, что в основу положен процессный подход, который базируется на требованиях международного стандарта ISO 9000-2000 и его российского аналога ГОСТ Р ИСО 9001-2008. Типовая структура образовательного учреждения представляет собой единый учебный, научный и производственный комплекс, включающий различные по характеру деятельности подразделения. Процессный подход подразумевает стандартизацию типовых видов деятельности и единого реестра процессов. Модель процессов СМК университета состоит из процессов жизненного цикла, поддерживающих процессов, процессов менеджмента и системных процессов. Управление деятельностью образовательного учреждения осуществляется по процессам в соответствии с определением и документированием ответственности, полномочий, ресурсов, контролем и анализом результатов, с возможностью мониторинга, измерения и анализа процессов/подпроцессов. Управление деятельностью по каждому идентифицированному процессу представляется в документированных процедурах. Для реализации СМК целе-

сообразно корректно выделить набор показателей деятельности субъектов образовательного процесса среди их огромного многообразия и осуществлять обработку с использованием информационных технологий, в частности, автоматизированных информационных систем, что позволит упростить выполнение алгоритмов типовых процессов и исключить возможность произвольного (несанкционированного) изменения данных в рамках выбранного процесса.

Под процессом будем понимать различные виды деятельности, использующие ресурсы вуза, которые после преобразования входных данных приводят к новому продукту на выходе и направлены на достижение определенного результата, имеющего ценность для вуза, потребителя и всех заинтересованных сторон. Использование взаимосвязанных процессов для управления деятельностью и ресурсами вуза представляет собой «процессный подход», положенный в основу СМК. Процесс может быть представлен текстовым, табличным, графическим, символьным описанием или их взаимосвязанной совокупностью. В СМК вуза можно выделить следующие виды процессов: процессы менеджмента; системные процессы; процессы жизненного цикла; поддерживающие процессы. Управление деятельностью вузом по каждому идентифицированному процессу представляется в документированных процедурах, что обеспечивает соответствие установленным требованиям и достижение уровня необходимой подготовки участников образовательного процесса.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что качество образовательного процесса в системе высшего профессионального образования необходимо планировать, контролировать и постоянно улучшать, причем, понятие «качество» может рассматриваться как степень соответствия присущих субъектам образовательного процесса характеристик установленным

требованиям [4].

В 1988 году по инициативе президентов четырнадцати ведущих европейских компаний был основан Европейский фонд по менеджменту качества – *European Fond Quality Managment (EFQM)*. В 1991 году в сотрудничестве с комиссией Европейского сообщества и Европейской организацией по качеству – *European Organization for Quality (EOQ)* была разработана европейская модель делового совершенства *EFQM*. Применительно к системе высшего профессионального образования основной целью модели *EFQM* является управление образовательной деятельностью, достижение планируемых результатов деятельности субъектов образовательного процесса и создание условий для управления качеством процессов на базе системного подхода.

Развитие и совершенствование учреждений высшего профессионального образования в соответствии с моделью *EFQM* базируется на следующих принципах:

- *ориентированность на конечный результат* за счет системной модернизации вуза, сбалансированности и удовлетворения интересов субъектов образовательного процесса, к числу которых относятся внутренние (профессорско-преподавательский состав, студенты, учебно-вспомогательный состав и др.) и внешние (министерство образования и науки РФ, образовательные учреждения, работодатели, заказчики, родители, абитуриенты и др.) потребители;

- *сосредоточенность на интересах потребителя* – обеспечивает удержание авторитета и интереса со стороны внешних и внутренних потребителей за счет активного влияния на формирование научного, экономического, инновационного и социокультурного потенциала региона;

- *лидерство руководства и постоянство целей* – обеспечивают социально-экономическую устойчивость и конкурентоспособность вуза, ясность и единство

целей внутри организации и во внешнем окружении;

- *объективность информации* – обеспечивает: принятие управленческих решений на основе надежных данных; учет интересов всех заинтересованных сторон, что способствует более эффективному функционированию вуза; мотивацию к профессиональному росту профессорско-преподавательского состава; развитие целостной системы воспитательной работы со студентами;

- *вовлечение потребителей в деловую жизнь вуза, региона, отрасли* – обеспечивает реализацию потенциала субъектов образовательного процесса вуза наиболее полно с помощью создания климата доверия и делегирования ответственности и полномочий;

- *непрерывность обучения* – обеспечивает: расширение знаний, умений и навыков субъектов образовательного процесса; внедрение инновационных образовательных технологий и программ дистанционного обучения; использование интерактивных методов получения знаний; совершенствование учебного процесса и т. п.;

- *интеграция взаимодействия* – предполагает выстраивание взаимовыгодных отношений руководства вуза с внешними и внутренними потребителями, построенных на доверии, обмене опытом и информацией.

В различных странах Европы модель *EFQM* была адаптирована для системы высшего образования, при этом, структура модели не изменялась, а изменялись только подкритерии, учитывающие специфику процессов и результатов деятельности образовательных учреждений. Например, в основе модели Ассоциации университетов Нидерландов (*VSNU*) лежит идея разделения всей деятельности университета на три основных бизнес-процесса: образовательная деятельность; научные исследования; услуги, предлагаемые обществу. В основе модели Центра исследований политики в области выс-

шего образования (CHEPS) университета Твенте (Нидерланды), которая в наибольшей степени коррелирована с показателями государственной аккредитации образовательных учреждений, лежит руководство по проведению самообследования, разработанное в рамках проекта сотрудничества между CHEPS и научно-информационным центром государственной аккредитации Российской Федерации.

Для оценки СМК университетов в Австралии используется модель эталонного тестирования качественных и количественных показателей работы университета и предназначено: для предоставления высшему руководству университета инструментов для определения тенденций развития и проведения непрерывного совершенствования деятельности; для структурных подразделений университетов, желающих сравнить качество различных видов своей деятельности; для определения конкурентоспособности университета. Основными целями разработки руководства по эталонному тестированию является идентификация наиболее важных аспектов и процессов деятельности современного университета в изменяющемся обществе и их сравнение с «лучшими практиками». Во внимание принимаются как количественные, так и качественные аспекты деятельности университетов.

В Российских вузах в систему оценки качества образовательных услуг входят: система внешних оценок (определяется внешней средой) и система внутренних оценок (определяется структурой управления учебного заведения). ИКТ являются основой комплексной системы управления вузом содержащей ИАСУ и систему управления инженерным оборудованием образовательного учреждения. Основой современных педагогических технологий является наличие и функционирование учебного оборудования, в состав которого входят и технические средства обучения. Независимая (внешняя) оценка – это оценка, полученная в результате не-

зависимых от образовательного учреждения процедур, стандартизированных и универсальных для всей системы (независимые эксперты, инструментарий оценки и т. д.). На уровне образовательного учреждения (внутренняя оценка) оценка качества профессионального образования представлена двумя процедурами: государственной итоговой аттестацией выпускников и промежуточной и текущей аттестацией студентов в рамках внутренней системы контроля качества образовательных услуг.

Анализ моделей современных СМК в высшем профессиональном образовании показал, что в основу положен процессный подход, который базируется на требованиях международного стандарта ISO 9000-2000 и его российского аналога ГОСТ Р ИСО 9001-2008. Типовая структура образовательного учреждения представляет собой единый учебный, научный и производственный комплекс, включающий различные по характеру деятельности подразделения. Процессный подход подразумевает стандартизацию типовых видов деятельности и единого реестра процессов. Модель процессов СМК вуза состоит из процессов жизненного цикла, поддерживающих процессов, процессов менеджмента и системных процессов. Управление деятельностью образовательным учреждением осуществляется по процессам в соответствии с определением и документированием ответственности, полномочий, ресурсов, контролем и анализом результатов, с возможностью мониторинга, измерения и анализа процессов/подпроцессов. Управление деятельностью по каждому идентифицированному процессу представляется в документированных процедурах.

Рассмотрим процесс жизненного цикла, который включает образовательную (учебный и воспитательный процессы), научно-исследовательскую деятельность и процесс непрерывного образования.

Учебный процесс содержит следующие

подпроцессы: проектирование и разработка образовательных программ, отвечающих требованиям, ресурсам вуза и потребностям рынка труда; организация и реализация учебного процесса в соответствии с требованиями ФГОС ВПО и заинтересованных сторон. Воспитательный процесс предполагает создание воспитательного пространства, направленного на обеспечение условий для развития личности студента, его профессионального становления как будущего специалиста. Научно-исследовательский процесс предполагает проведение фундаментальных и прикладных научных исследований в различных областях знаний. Процесс непрерывного образования предполагает проектирование и реализацию программ дополнительной подготовки для абитуриентов, студентов, профессорско-преподавательского состава и специалистов из внешних организаций в соответствии с требованиями заказчика. Таким образом, каждый из подпроцессов определяет результат и вид деятельности внутренних и внешних потребителей (субъектов образовательного процесса). Основными внутренними потребителями процесса жизненного цикла являются студенты и профессорско-преподавательский состав вуза.

Обучаясь в вузе, студенты обязаны осваивать основные образовательные программы, в обязательном порядке посещать все виды учебных занятий, проходить аттестацию, а также, имеют право принимать участие в спортивных и культурных мероприятиях, научно-исследовательской работе и т. д. Исходя из большого разнообразия видов деятельности (учебная, научно-исследовательская, творческая, спортивная, общественная) в период обучения в вузе студент накапливает определенные результаты, которые представляют собой показатели его деятельности. К показателям учебной деятельности отнесем: посещаемость аудиторных занятий; выполнение лабораторных, курсовых и выпускных квалификационных работ; сда-

чу отчетов, коллоквиумов, рефератов, эссе и т. п.; прохождение промежуточной и итоговой аттестации. К показателям научно-исследовательской деятельности относятся: участие в грантах, конференциях, симпозиумах, олимпиадах, конкурсах, инновационных проектах; публикации; получение патентов и свидетельств. К показателям творческой деятельности отнесем: участие в культурно-массовых мероприятиях вуза, города, региона и т. д. К показателям спортивной деятельности отнесем: участие в спортивных соревнованиях вуза, города, региона, страны и международного уровня; выполнение нормативов и получение спортивных званий. К показателям общественной деятельности относятся: участие в жизни группы, факультета, вуза, города и т. п.

Иными словами, все достижения студентов в процессе обучения в вузе могут быть представлены в виде портфолио. Под термином «портфолио» будем понимать продукт, позволяющий фиксировать, накапливать, специальным образом структурировать и оценивать материалы, отражающие результаты индивидуальных достижений студента вуза, его усилия и динамику развития за определенный период. Отличием данного метода оценивания от других является то, что обучающиеся частично сами выбирают состав портфолио, что является стимулом к устранению пробелов в знаниях, профессиональному росту и самосовершенствованию. Формирование портфолио студента в вузе предоставляет обучаемому «возможность выделять и размышлять над своими сильными и слабыми сторонами, используя формирующую обратную связь» [7]. В перспективе портфолио может стать альтернативой традиционным формам оценивания, так как, в отличие от экзаменов, ставит своей целью не проверку уровня усвоения информации и алгоритмических знаний и умений, а развитие познавательной активности и творческой самостоятельности личности.

Однако о применении данной технологии в российских вузах говорят лишь отдельные документы и факты, имеющие скорее проектный характер. До сих пор не разработаны в достаточной степени механизмы внедрения портфолио студента как в учебный процесс в целом, так и в рамках отдельного предмета. Отчасти это обусловлено тем, что портфолио студента представляет собой сложную открытую динамическую систему, содержащую определенную набор информации, которая постоянно обновляется за счет постоянной смены содержательного наполнения разделов и рубрик [6].

Портфолио студента представляет собой совокупность индивидуальных образовательных достижений студента (артефактов), снабженных комментариями. Под артефактом будем понимать определенным образом оформленную информацию о конкретном достижении студента в какой-либо предметной области. Артефакт представляет собой: официальный документ (диплом, сертификат, свидетельство); пример работы (фотография, программа, эссе); анализ проделанной работы, отзыв со стороны о проделанной работе; список используемой литературы; ссылку на внешний ресурс в сети Интернет; постановку целей и задач личностного роста; анализ собственных достижений и результатов проделанной работы. Кроме того, портфолио студента дополняет основные контрольно-оценочные средства знаний, принятые в учебном заведении, и позволяет учитывать не только уровень профессиональных компетентностей студента, но и уровень всесторонней самореализации студента в образовательной среде.

В условиях информатизации образования использование возможностей программно-технических средств позволяет создавать электронное портфолио студента. Основной целью формирования электронного портфолио студента является накопление, сохранение и документальное подтверждение личных достижений студен-

та в процессе его обучения. Портфолио позволяет студенту профессионально подойти к оценке собственных достижений и выстроить личностно-творческую траекторию успешности. В дальнейшем портфолио может служить основой для назначения повышенных, именных стипендий во время обучения в вузе, награждения, организации отдыха и т. д.; составления резюме выпускника при поиске работы и трудоустройстве, при продолжении образования и др. [2].

Другим субъектом образовательного процесса является профессорско-преподавательский состав: ассистенты; старшие преподаватели; доценты; профессора. Эффективность деятельности профессорско-преподавательского состава вуза зависит от множества факторов, в том числе и от организации труда. Документальное оформление процессов в СМК вуза представляет собой систему взаимосвязанных звеньев, деятельность каждого из которых оформляется определенным документом. Основой такой системы является штатное расписание вуза, который является обязательным документом с точки зрения действующего законодательства [1].

Потребность в персонале организации определяется кругом обязанностей каждого структурного подразделения и квалификацией его сотрудников. При организации труда используются положения о структурных подразделениях, должностные инструкции и рабочие регламенты. В вузе должностные инструкции профессорско-преподавательского состава определяют функциональные обязанности, круг поручений, права и ответственность сотрудника при осуществлении им профессиональной деятельности в должности ассистента, старшего преподавателя, доцента, профессора и др.

С юридической точки зрения наличие должностной инструкции не является обязательным, однако ее положения позволяют оценить качество работы сотрудников. Должностная инструкция profes-

сорско-преподавательского состава содержит: общие положения; должностные обязанности; права; ответственность и заключительные положения.

Для обоснования показателей деятельности профессорско-преподавательского состава обратимся к содержанию должностных инструкций. Общие положения содержат следующие пункты: непосредственная подчиненность работника; порядок замещения должности; условия конкурсного отбора и освобождения от должности; порядок утверждения в должности; квалификационные требования. В этом разделе сформулированы профессиональные качества, знания и умения, которыми должен обладать преподаватель, а также перечень нормативно-правовой документации, которой руководствуется работник в своей деятельности.

В соответствии с должностными обязанностями профессорско-преподавательский состав должен: в полном объеме выполнять свой индивидуальный план: вести учебную, учебно-методическую и воспитательную работу в соответствии с утвержденными планами на высоком научно-методическом уровне; вести научную работу в соответствии с тематическими планами кафедры, факультета/института, руководить научной работой студентов; быть дисциплинированным и исполнительным, выполнять Правила внутреннего распорядка и соблюдать Устав университета; повышать свою педагогическую и научную квалификацию, не менее одного раза за пять лет пройти повышение квалификации или стажировку в организациях по профилю своей работы; эффективно использовать в учебном процессе оборудование лабораторий, информационные и коммуникационные технологии; работать над диссертацией, участвовать в научно-исследовательской работе кафедры; участвовать в научных и методических конференциях и семинарах, публиковать научные и методические работы и т. д.

Учитывая вышеизложенное, приведем показатели деятельности субъектов образовательного процесса для составления рейтинговой карты.

Рейтинговая карта студента содержит следующие показатели:

1. учебная деятельность: посещаемость аудиторных занятий; выполнение лабораторных, курсовых и выпускных квалификационных работ; сдачу отчетов, коллоквиумов, рефератов, эссе;

2. научно-исследовательская деятельность: участие в грантах, конференциях, симпозиумах, олимпиадах, конкурсах, инновационных проектах; публикации; получение патентов и свидетельств;

3. творческая деятельность: участие в культурно-массовых мероприятиях вуза, города, региона;

4. спортивная деятельность: участие в спортивных соревнованиях вуза, города, региона, страны и международного уровня;

5. общественная деятельность: участие в жизни группы, факультета, вуза, города [3].

Показатели деятельности профессорско-преподавательского состава:

1. учебно-методическая работа: издание учебников, учебных и учебно-методических пособий, методических рекомендаций; разработка электронных образовательных ресурсов (электронные учебники, тесты, дистанционные учебные курсы, программы-тренажеры и т.д.); руководство выпускными квалификационными работами;

2. организационно-методическая работа: членство в советах университета, факультета, ректорате, в учебно-методическом совете; подготовка комплекта документов к лицензированию новых направлений подготовки; разработка и реализация программ профессиональной переподготовки; участие в группах по СМК; работа в экспертных группах или члена жюри;

3. научная работа: публикация монографий; подача заявок на участие в конкурсах федерального уровня по ФЦП,

грантов РГНФ, РФФИ, других научных фондов и во внутривузовских конкурсах; получение патентов; объем привлеченных средств на НИР; публикация статей (рецензий) в журналах и сборниках (международных; рецензируемых ВАК; российских; региональных; внутривузовских); публикация тезисов докладов на конференциях: международных, российских, региональных, внутривузовских; наличие аспирантов, соискателей защитивших диссертации; участие в работе диссертационных советов; написание отзывов и рецензий на диссертации; руководство студентами, опубликовавшими статьи;

4. повышение квалификации: защита диссертации (докторская, кандидатская); повышение квалификации; стажировка (зарубежная; российская);

5. воспитательная работа: кураторство в студенческих группах; работа со студентами в общежитии; руководство студенческим объединением (исследовательским, научным, творческим и т.п.);

6. спортивно-массовая работа: кура-

торство факультета по спортивно-массовой работе; организация и проведение спортивных праздников; подготовка спортсменов; преподаватели, получившие спортивные звания; преподаватели, получившие тренерские категории;

7. оказание дополнительных образовательных услуг: в системе дополнительного профессионального образования; создание лабораторий, центров, технопарков, бизнес-инкубаторов.

В заключении отметим, что создание базы данных рейтинговых показателей деятельности субъектов образовательного процесса позволит: осуществлять оценку деятельности студентов и профессорско-преподавательского состава для совершенствования процесса управления вузом; стимулировать виды деятельности профессорско-преподавательского состава, способствующих повышению рейтинга вуза на разных уровнях; повысить мотивацию преподавателей к профессиональному совершенствованию; проводить анализ и корректировку работы кафедр, факультетов, вуза.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Герова, Н. В. Использование электронного портфолио применительно к профессорско-преподавательскому составу / Н. В. Герова, В. В. Андреев // Программные продукты и системы. – 2011. – № 4, – С. 183-186.

2. Герова, Н. В. Принципы использования электронного портфолио обучающихся / Н. В. Герова, В. В. Андреев, В. Е. Лихачев // Психолого-педагогический поиск. – 2011. – № 4(20).

3. Герова, Н. В. Этапы создания базы данных автоматизированной информационной подсистемы «Электронный портфолио студента вуза» / Н. В. Герова, В. В. Андреев // Ученые записки ИИО РАО. Сборник. – Вып. 41. – М.: ФГНУ РАО, 2012. – С. 20-27.

4. ГОСТ Р ИСО 9000-2001.

5. ГОСТ Р ИСО 9000-2008. «Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь».

6. Иванова, Л. А. Новые формы оценивания учебных достижений студентов педагогических специальностей: web-портфолио // Вестник Иркутского регионального отделения Академии наук высшей школы России. – 2010. – №1(16). – С. 70-75.

7. Смолянинова, О. Г. Электронный портфолио в системе оценки образовательных достижений студента // Материалы VI Международной научной конференции «Педагогика развития: Образования и социализация личности в современном обществе». – Красноярск, 2009. – С. 149-162.

8. <http://минобрнауки.рф>

УДК 37.036.5
ББК 74.005.11
Педагогика

ТВОРЧЕСТВО КАК ЦЕЛЬ ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОКРАТИЧЕСКОГО ИНФОРМАЦИОННОГО МИРА¹

Кандидат педагогических наук В. Е. Дерюга

В работе исследуется проблема влияния современного технического мира и информационного пространства на образование Человека. Производится сравнительный анализ двух сторон образования: технической и творческой. В статье выделяются основные принципы гуманистических ценностей, которые являются стержнем сохранения и развития Личности.

Ключевые слова

Человек, личность, образование, творчество, культура

Современный Человек живет в условиях стремительно развивающегося материального и информационного культурного пространства. Каждый день он сталкивается с техническими новинками, сеть Интернет предоставляет необычайные возможности виртуального мира. Появляются новые системы услуг (банков, Интернет-магазинов, туристических агентств и т. п.), и даже роботы становятся естественным явлением современной жизни.

В этих условиях на образования возлагаются все более сложные задачи. Однако его роль двояка. С одной стороны, образование должно развить у Человека необходимые способности для того, чтобы он мог грамотно управлять миром материальной и информационной культуры.

Это техническая (практическая, прагматическая) сторона и задача образования. Мы должны владеть компьютером, понимать назначение банковской карты, знать правила дорожного движения точно также как и наши предки должны были знать, как использовать лук и стрелы.

Кроме этой технической, образование имеет еще одну более значимую задачу - творческую. Она заключается в том, чтобы сформировать внутренний культурный стержень Личности и подготовить Человека к творческой самореализации. Это фундаментальная задача образования, решая которую оно выступает средством защиты целостности Личности.

Реализация этих двух задач образования (технической и творческой) одинаково необходима для развития Человека.

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках проекта «Формирование культурно-толерантной личности в поликультурном социуме» ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. (гос. контракт 14.B37.21.2001).

Так, например, профессиональный музыкант может раскрыть свой потенциал при хорошей технической подготовке. Однако если он будет хорошим исполнителем в техническом плане и не сможет выразить свое «Я» с помощью техники, то будет постоянно ощущать собственную нереализованность.

Очевидно, что современные реформы образования направлены на решение первой технической задачи и практически не затрагивают вторую. В систему образования вводятся новые методики обучения, информационно-коммуникативные технологии (ИКТ), которые позволяют за наименьший срок обучения с наименьшей потерей энергии добиться лучшего результата. Однако эта техническая сторона образования стала единственной целью образования, оттеснив идею Личности, целостность которой призваны охранять гуманистические ценности. Обозначенный перекося уже раскрывает нам свои последствия – он проявляется в деградации идеи Человека и потере ценностных ориентиров нового поколения.

Почему же стремительное развитие цивилизации требует усиленной духовной работы Человека над собой? Почему техническая сторона образования разрушительна без творческой? Почему последняя опирается на гуманистические ценности? Какую роль играют духовные ценности в образовании Личности?

Культура	Ценности Личностные: научные, художественные, нравственные, религиозные
	Ценности социальные: правовые, государственные
	Ценности материальные: хозяйственные, технические

Система ценностей культуры иерархична по своему устройству. Материальные ценности (хозяйственные, технические), а также ценности социальные (пра-

вовые и государственные) лежат в основе (являются фундаментом) всего «здания» Культуры. Однако было бы ошибкой считать, что фундаментальность определяет высшее назначение и является целью. Это не так. На основе внешних материальных и социальных ценностей формируются и получают развитие ценности внутреннего культурного мира Человека, которые оформляются в его отношении к миру внешнему. Это означает, что низший уровень ценностей является основой для высшего, а высший должен определять направление развития для низшего.

Данные уровни культуры блестяще представлены русским педагогом-эмигрантом С. И. Гессеном как виды образования. В «Основах педагогики» он писал: «Всесторонне развитый человек – это не тот, у которого развиты зрение, слух, осязание, обоняние, но прежде всего тот, кто приобщился ко всем ценностям культуры, т. е. владеет методом научного мышления, понимает искусство, чувствует право, обладает хозяйственным складом деятельности» [1].

Эти виды образования имеют свои «маяки» (цели) определяющие направления «культурного плавания», которые можно представить в следующей схеме (читайте снизу вверх).

Разностороннее и целостное образование означает приобщение ко всем направлениям мира Культуры, ее интериоризацию (перевод из внешнего во внутренний духовный мир) и последующее развитие, что выражается в творческой деятельности в широком смысле этого слова. «Приобщить к творческому потоку – не больше – и составляет задачу подлинного образования. <...> Поэтому наше нравственное и правовое образование имело целью не навязать определенные нравственные и правовые убеждения, но наставить на путь, которым таковые только и могут быть выработаны. Поэтому наше научное образование имело своей целью не передать учащимся определенную систему знания,

Направления (виды) образования в соответствии с уровнями культуры	Цели и задачи
Религиозное	Развитие религиозного внутреннего чувства, отношения к смерти и Жизни.
Нравственное	Укрепление Свободы, Творчества, Любви как основных ценностей, способствующих сохранению и развитию внутреннего культурного мира Человека.
Художественное	Формирование вкуса к искусству в широком смысле этого слова (искусству жить, отдыхать, работать, творить, учиться, слушать и т.д.).
Научное	Формирование научной картины мира и Человека в нем .
Правовое	Развитие правового сознания, понимания общественных отношений и государственного мировоззрения.
Хозяйственное	Овладение хозяйственно-технической деятельностью, умением управлять материальным миром природы и культуры.

но приобщить их к методу научного мышления, порождающего и низвергающего научные системы. И точно также художественное образование должно не прививать образы нашего художественного вкуса и определенного художественного стиля, но вовлечь их в поток художественного творчества, причастность к которому только и может повести к созданию нового искусства, подлинного искусства будущего. Поэтому наше образование и не имеет своей задачей воспроизведения в новом поколении предыдущего во всей ограниченности уготованной ему судьбы. Если у нас нет права создавать других людей по нашему образу и подобию, то у нас есть право уничтожить себя в идущем нам на смену поколении» [2].

Этими словами С. И. Гессен подчеркивает созидательность творческой задачи образования и разрушительность техниче-

ской без духовного укрепления Личности.

Почему же именно духовные гуманистические ценности являются главной задачей образования?

Во-первых, они сложны и противоречивы в своем восприятии, а это значит, что они требуют более интенсивной работы для их формирования.

Во-вторых, ценности нематериального плана легко утрачиваются Человеком. Подвергается коррозии отношение к этим ценностям. Например, как использовать вилку по назначению ясно будет и без особого духовного образования. А сохранить и укрепить на протяжении всей жизни понятие совести, понять смысл любви, доброты, справедливости – все это требует интенсивной духовной работы над собой.

В-третьих, высшие непреходящие ценности пронзают «светом правды» внутренний мир Человека, делая его стойким к внешним вызовам культуры. Такой мир

получает своего рода иммунитет от культурной коррозии Личности. В противном случае, как писал С. И. Гессен, при отсутствии должных центростремительных сил внутреннего мира Личности внешние центробежные силы культуры «разрывают» его на части.

В результате (в-четвертых) при утрате высших ценностей, внутренний культурный мир становится «слабым», неспособным на защиту звания «Человек». Это в конечном итоге всегда приводит к нигилистическому отношению и к предательству идеи Человека и всего живого, а значит, ведет к гибели всего мира.

Нет необходимости давать определение гуманизму и перечислять гуманистические ценности. Кроме того, как подчеркивал Э. Фромм, Человек может рационализировать свои действия гуманистическими установками, а объективной причиной (внутренним мотивом) может быть как раз направленность Личности на разрушение другого (садизм) или самого себя (мазохизм). Важнее понять, что именно в ценностях культуры гуманно, а что антигуманно. Для этого выделим основные принципы (критерии) гуманизма.

1. Направленность на конкретного Человека, или принцип персонализма. Гуманизм всегда персоналистичен, то есть направлен на отдельно взятого Человека. Это означает, что поступать гуманно (в данном случае справедливо), означает вслушиваться во внутренний культурный мир (душу), принимать участие в его (духовном) развитии. Принцип персонализма не означает отрыва от социального, но и не означает растворения индивидуального в общем (объективном, материальном, социальном). Любые состояния общества (социократия, демократия, автократия, технократия) убийственны потому и тогда, когда отвергают идею Личности. Персонализм означает преодоление природной и социальной необходимости Личности перед природой и обществом и выход на уровень

культурных свободных и созидательных отношений с окружающим материальным и социальным миром.

2. Направленность на конструктивное развитие, или принцип созидательности. Направленность на конструктивное развитие означает выработку у Человека понимания, что деструктивная деятельность допустима в случаях, когда та или иная проблема развития не может быть решена конструктивными созидательными средствами. Деструктивность оправдана лишь в случае защиты Жизни и не должна становиться самоцелью. Однако отметим, что разрушительные действия (например война) являются результатом неправильного ведения конструктивного диалога. Не случайно, проиграв в шахматах наступает не тогда, когда ставится мат, а задолго до этого. Поэтому чтобы избежать деструктивного поведения, Человек должен обладать умением прогнозировать действия и события на несколько «шагов» вперед, быть настроенным на созидание и помнить, что на чужом горе собственного счастья не построить. Кроме того, Человек должен обладать высокой степенью рефлексии, чтобы объективно оценивать свои действия и не оправдывать взращенную жажду разрушения выдуманными гуманными целями.

3. Направленность на поступательное развитие, или принцип оптимальности. Задача оптимального образования – помочь Человеку полноценно (а не на износ) функционировать как целостной и иерархичной системе. Одним из критериев оптимального движения является рефлексия, как возможность Человека впитывать и отражать происходящее вокруг и внутри себя. При максимальной загрузке у людей не остается времени и сил осознать, что происходит с ними, с близкими, с людьми, с обществом и страной, они просто функционируют как часть целого механизма, забывая свое «Я». Образование как раз призвано найти место Чело-

века в культурной жизни сообразно возможностям и потенциальным способностям, развить их, сосредоточив на главной цели жизни – созидательной и творческой реализации Личности.

4. Направленность на творческую реализацию, или принцип продуктивной активности. Образование будет положительным для развития только при условии активности самого субъекта и результативности процесса. Результат культурной жизни выражается в создании продуктов деятельности. «Слово «продуктивная» в том смысле, в котором оно здесь употребляется, относится не к способности создавать что-то новое или оригинальное, то есть не к творческой способности, какой может обладать, например, художник или ученый, – писал известный мыслитель XX века Э. Фромм. – Оно относится также и не к результату моей активности, а к ее качеству. Картина или научный трактат могут быть совершенно непродуктивными, бесплодными; напротив, тот процесс, который происходит в людях с глубоким самосознанием, или в людях, которые действительно «видят» дерево, а не просто смотрят на него, или в тех, кто, читая стихи, испытывает те же движения души, что и поэт, выразивший их словами, этот процесс может быть очень продуктивным, несмотря на то что в результате его ничего не «производится» [11]. Творческая самореализация – это лучшая «прививка» от ослабления и распада личности. Такую «прививку» нужно делать еще в детстве посредством правильно организованного воспитания и образова-

ния.

5. Направленность на самостоятельное «культурное плавание», или принцип духовной свободы. Целью образования всегда должна быть свобода, которая выражается в устойчивом, самобытном, творческом движении Человека к поставленным задачам, в их достижении, ответственности за свои действия и результаты деятельности. Противоречие между свободой и принуждением наиболее ярко проявляется в образовании. Оно заключается в том, что Человек может стать свободным только тогда, когда научится преодолевать принуждение. Правильно разрешить данную антиномию, использовать принуждение для развития свободы – сложная и необходимая задача, которая стоит перед каждым педагогом.

6. Направленность на развитие Жизни в Человеке, или принцип Блага. Гуманизм ориентирован на Жизнь и «воспевает оду» Жизни. По-настоящему гуманный Человек всегда наполнен жизненной энергией и готов ей делиться. Такая открытость не просто свойство личности – она есть результат стремления к обмену (Жизнью, знаниями, информацией, чувствами и мыслями, состояниями души и т. д.). Быть гуманным означает развивать жизнь, то есть поступать в соответствии с благом для себя и окружающих, преодолевать разрушительные силы и укрепляя созидательные связи. Благо как центральный критерий гуманности объединяет вышеизложенные принципы. Благо направлено на оптимальное и созидательное развитие Личности, ее свободы и творческой активности, что в конечном итоге оп-

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гессен, С. И. Основы педагогики [Электронный ресурс] / С. И. Гессен. – Режим доступа: <http://nkozlov.ru/library/pd/d4447/?full=1> / 01.10.2011.

2. Гессен, С. И. Основы педагогики [Электронный ресурс] / С. И. Гессен. – Режим доступа: <http://nkozlov.ru/library/pd/d4464/?full=1> / 01.10.2011.

3. Фромм, Э. «Иметь» или «быть» [Электронный ресурс] / Э. Фромм. – Режим доступа: http://lib.ru/PSIHO/FROMM/haveorbe.txt_with-big-pictures.html / 01.10.2011

**МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ М. Е. ЕВСЕВЬЕВА
РЕСПУБЛИКА МОРДОВИЯ, г. САРАНСК**

УДК 37.034:94(470)"1672/1725'
ББК 86.372.24-67+63.3(2)511-37
Педагогика

**К ВОПРОСУ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ
ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ
В ЦАРСТВОВАНИЕ ПЕТРА I¹**

Кандидат исторических наук В. И. Лаптун

В статье подробно анализируется проект организации духовного образования в России, разработанный епископом Феофаном (Прокоповичем).

Ключевые слова

Русская православная церковь, духовный регламент, Святейший Синод, духовное образование, академия, семинария, учебный процесс

В последние годы наблюдается повышенный интерес исследователей к истории дореволюционного образования, причем не только светского, но и духовного. Под духовным образованием в данном случае мы понимаем образование, получаемое в учебных заведениях Русской Православной Церкви (РПЦ), а именно: в духовных академиях, семинариях и училищах, а также в епархиальных женских училищах.

Общепризнанно, что духовно-учебные заведения Православной Церкви, как сословно-профессиональные образовательные учреждения, берут свое начало с 1721 года, то есть с момента упразднения патриаршества и создания государственного органа управления церковными делами – Святейшего Синода. Если раньше открытие подобных учебных заведений при архиерейских домах носило лишь рекомендательный характер, то с этого времени от лица вер-

ховной власти Духовный Регламент безапелляционно требовал: «чтоб всяк епископ имел в доме своем школу для детей священнических, или и прочих, в надежду священства определенных» [2, 34].

Сразу же следует отметить, что у правительства Петра I долгое время не было никакого более или менее четкого плана организации духовного образования в стране. Поэтому его политика в данной области не отличалась последовательностью, а издававшиеся законодательные акты зачастую противоречили друг другу. Между тем, грядущая церковная реформа заставила правительство обратить самое пристальное внимание на профессиональное образование духовенства и приступить к разработке концепции организации системы духовного образования в масштабах всей страны. Ее автором стал Феофан Прокопович, один из самых близких и верных помощников Петра I в про-

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках проекта «Формирование культурно-толерантной личности в поликультурном социуме» ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. (гос. контракт 14.В37.21.2001).

ведении церковной реформы.

Воспитанник Киевской духовной академии, епископ Псковский Феофан (Прокопович) переехал в Петербург в 1716 году, где по поручению царя и при его непосредственном участии разработал проект учреждения Духовной коллегии «дабы удобнее такие великие дела исправлять было возможно» [4].

Проект под названием «Духовный Регламент», упразднявший патриаршество и провозглашавший создание государственного органа управления церковными делами, был внесен на обсуждение Сената 23 февраля 1720 года. Затем он был предложен вниманию освященного Собора, участники которого, подписав документ, заверили, что все «учинено изрядно». В течение года собирались подписи, не участвовавших в Соборе архиереев, а также архимандритов и игуменов важнейших российских монастырей. После того, как все процедуры были соблюдены, 25 января 1721 года Петр I издал манифест об учреждении «Духовной коллегии, то есть Духовного соборного правительства», а 14 февраля после молебна в Троицком соборе Александро-Невской лавры состоялось торжественное открытие новой коллегии, переименованной вскоре в Святейший Правительствующий Синод.

Его первым президентом стал, теперь уже бывший патриарший местоблюститель митрополит Стефан (Яворский). Спустя полтора года, 11 мая 1722 года, указом императора была учреждена должность обер-прокурора Святейшего Синода, на которую назначался «из офицеров добрый человек», которому надлежало быть в Синоде «оком государя и стряпчим по делам государственным». А должность президента была упразднена в том же году, сразу после смерти митрополита Стефана.

Таким образом, с утверждением Духовного Регламента и учреждением Святейшего Синода, Русская Православная Церковь (РПЦ) ставилась полностью в зависимость от государства, точнее сказать, от

императора. «Получилась новая схема административного государственного дуализма, – пишет А. В. Карташев. – Два высших органа под единой главой государя, «крайнего Судии», как для Сената, так и для Синода, как для дел государственных, так и церковных. Через это церковь становилась только «Ведомством» в государстве» [3].

В Духовном Регламенте, главном законодательном акте Святейшего Синода, наряду с основными предначертаниями правительства относительно нового строя церковного управления, важнейшее место отводилось правилам организации духовного образования. Подробнее остановимся на некоторых его принципах.

Как известно, все действовавшие до учреждения Святейшего Синода архиерейские школы, открывались исключительно по инициативе местных духовных властей. Однако подавляющее большинство архиереев были равнодушны к школе вообще и к образованию духовенства в своих епархиях, в частности. На наш взгляд, это объяснялось тем, что все пожелания правительства относительно «умножения» архиерейских школ носили лишь рекомендательный характер. Теперь же, Духовный Регламент от лица верховной власти предписывал: «... чтоб всяк Епископ имел в доме, или при доме своем школу для детей священнических, или и прочих, в надежду священства определенных» [5, п. 9].

Кроме того, автор «Регламента» обращал особое внимание епископов на профессиональную, точнее педагогическую, подготовку учителя. Для него крайне важно, чтобы учитель не только учил читать и писать, но и воспитывал, ибо «развращенный» ученик не должен быть достоин духовного звания: «А в школе той был бы учитель умный и честный, который бы детей учил не только чисто, ясно и точно в книгах честь, но учил бы честь и разуметь» [там же].

Вместе с тем, «Регламент» предписывал епископам «производить на священство» только обучившихся в епархиальной

духовной школе лиц. И здесь же следовало предупреждение: «А если Епископ неученого во оной школе человека поставить в Священники, или в монашеский степень, минув ученаго, и без вины правильной: то подлежит наказанию, яковое определено будет в Духовном Коллегиуме» [там же, п. 10]. Таким образом, духовная служба ставилась в прямую зависимость от школы, точнее от уровня подготовки, полученной в ней и одновременно становилась недоступной для тех, кто не прошел через духовную школу. Конечно же, для того, чтобы реализовать данный принцип на практике потребовалось время, так как нелегко было в одночасье отказаться от многолетней традиции. Но, тем не менее, со временем архиереи все-таки подчинились этому правилу.

Согласно «Регламенту», епархиальные духовные училища должны были содержаться на средства архиерейских домов и доходов с монастырских земель, для чего был установлен достаточно высокий натуральный налог: «...подобает, чтоб ученики и кормлены и учены были туне и на готовых книгах Епископских. А чтоб сие могло стать, о сем рассуждение есть таковое: от знатнейших в Епархии монастырей брать всякого хлеба 20 долю, да от земель церковных, где суть, всякого же хлеба брать 30 долю... А самого учителя или учителей довольствовал бы Епископ кормом и денежною ругою из Архиерейской казны, как по рассуждению места определит Духовный Коллегиум» [там же, п. 11].

Ни для кого не было секретом, что организация школьного дела, безусловно, требовала значительных расходов. Поэтому, предвидя «роптание» архиереев по поводу неизбежных убытков, составитель «Регламента» призывал их к экономии: «...чтоб лишних служителей не держали, и нужных строений не делали, (разве строения прибыльные, например, мельницы и прочая); тако ж священного себе одеяния и всего платья, над подобающую чести своей потребу, не умножали» [там же, п. 13].

Разъяснив, таким образом, епископам их обязанности относительно открытия и содержания архиерейских школ, Феофан Прокопович представил подробный проект образцовой духовной школы – Академии, а также связанного с ней Семинария «для учения и воспитания детей». Кратко остановимся на некоторых, на наш взгляд, наиболее важных пунктах данного проекта.

Итак, согласно «Регламенту» учебный план Академии включал в себя следующие группы предметов: 1) грамматика совместно с географией и историей; 2) математика (арифметика и геометрия); 3) логика и диалектика; 4) риторика и пиитика; 5) физика; 6) политика; 7) богословие. На первые шесть предметов отводилось по одному году, а на богословие – два [там же, п. 10]. Таким образом, срок обучения в Академии составлял восемь лет. Кроме того, к основному курсу добавлялись языки: прежде всего, латинский, а также греческий и еврейский «если будут учителя».

Представленный в «Регламенте» курс Академии существенно отличался от киевского образца и, прежде всего тем, что на четыре года сокращалась его общая продолжительность. Так, курс Киевской академии до богословия обычно составлял восемь лет, здесь же Феофан Прокопович отводил на него только шесть. Вместе с тем, сам курс богословия был сокращен им в два раза – с четырех до двух лет. «Но особенно важно, – отмечает С. В. Рождественский, – что в проекте Феофана резче выступают светские науки, тонувшие дотоле в пучинах схоластической философии: история и география, математика, физика, политика» [6, 54].

Достоверно известно, что в Киевской академии первой половины XVIII века история и география не являлись самостоятельными предметами преподавания. В основном, исторические и географические сведения давались студентам лишь в целях общей эрудиции, а также они были необходимы им для риторических упражнений. Как правило, эти сведения при-

обретались ими путем самостоятельного чтения и только в редких случаях излагались преподавателем. В проекте Феофана Прокоповича статус этих предметов значительно повышается, им придается, до некоторой степени, систематический характер, но все-таки, они пока не выделяются в самостоятельные предметы курса («грамматика купно с географиею и историею»).

Как мы уже отмечали выше, в проекте математика (арифметика и геометрия) и физика выделены в отдельные предметы. В Киевской академии преподавание математики, входившей в курс естественной философии, попросту опускалось. Также дело обстояло и с преподаванием физики. Феофан Прокопович, будучи в свое время ректором Киевской академии, постарался объединить в один самостоятельный курс отдельные части математики, а также придать физике, более научный характер. Вероятно, этот опыт оправдал себя и поэтому был перенесен в разработанный им.

Необычным в курсе проектируемой Академии являлось и совместное изучение риторики со «стихотворным учением». Как отмечает С. В. Рождественский, «Феофан, несомненно, имел в виду совершенную им и в постановке этого предмета важную реформу, имевшую целью поставить его на научное основание и сообщить ему более живой, общественный интерес» [там же].

И, наконец, последнее. По выражению отдельных исследователей, «совершенной новостью» оказалось появление в курсе духовной школы такого предмета, как «политика». Правда, за этим следовала оговорка, что, возможно, она «присовокупится к Диалектике».

Большую роль в учебном процессе Феофан отводил библиотеке, считая, что без нее «как без души Академия». По его мнению, «довольную» библиотеку в то время можно было приобрести за две тысячи рублей. Преподаватель был обязан контролировать посещение библиотеки учеником, а также следить, «которого он автора чтет, и

что прочел, что писал; а если чего не уразумел, то б ему объяснил учитель» [5, п. 8]

Административное управление Академией возлагалось на ректора и префекта, которые снискали себе известность не только педагогической деятельностью, но и «учеными трудами». В «Регламенте» кратко излагались их основные обязанности, а именно: «тщательным быть в деле своем... смотреть должны, ходят ли всегда в школу учителя, и так ли учат, как подобает. И должны Ректор и Префектом посетить в неделю две школы, а в другую неделю другие две, и так и прочия кругом. А когда в школу придут, учитель при них учить будет, а они слышати, хотя чрез полчаса; тако ж и вопросами отведовать учеников, знают ли, что уже должно бы им знать» [там же, п. 11].

В случае же недобросовестного исполнения ректором и префектом своих обязанностей, им грозило наказание в виде «подпадания» под суд в Духовном Коллегиуме.

На наш взгляд, этот пункт «Регламента» требует одного уточнения. Говоря об обязательном посещении ректором и префектом в течение недели двух школ, составитель «Регламента», скорее всего, подразумевал не какие то другие учебные заведения, а классы (курсы) Академии. Дело в том, что в те времена было принято называть классы (курсы) «школами».

Относительно набора учеников в Академию в «Регламенте» отмечалось, что в ней должны обучаться все дети священнослужителей, но при этом добавлялось следующее: «можно тоже указать и градским лучшим приказным людям, а о дворянах, как собственная воля будет Царского Величества» [там же, п. 14]. Именно эти слова были восприняты исследователями неоднозначно.

Так, например, профессор М. Ф. Владимирский-Буданов увидел в них выражение надежды, что «та же профессия (духовная – В. Л.) привлечет и лиц из других классов». Но вместе с тем, он выражал сомнения, что «если каждый класс обще-

ства, точно так же, как и духовный, будет требовать от своих сочленов непрямого приобретения образования по своей профессии» [1, 101], то вряд ли этим надеждам суждено будет сбыться. Следует признать, что в действительности дело обстояло именно так. Прежде всего, это объяснялось сословной замкнутостью различных классов российского общества, которые фактически сформировались уже к началу 1720-х годов, среди них: класс городских, торговых и ремесленных людей, а также классы дворян и крестьян.

Постепенно стало отделяться от других сословий и замыкаться духовенство. В первую очередь, это было связано с тем, что духовная школа становилась обязательной и доступной только для детей духовенства. Единственным классом «посторонних людей», по словам профессора П. В. Знаменского, которых Духовный Регламент находил еще возможным привлекать к духовному образованию и службе [2, 59], были «градские лучшие приказные люди». Таким образом, он разделяет тезис М. Ф. Владимирского-Буданова относительно возможности привлечения к духовной профессии лиц из других классов общества. Однако при этом П. В. Знаменский говорит о конкретном классе – о классе приказных людей, который к тому времени еще не был сословно замкнут. Именно в этом он и видел причину привлечения их к духовному образованию и службе.

Вместе с тем следует отметить, что в том же 1721 году, то есть в год издания Духовного Регламента, начал «замыкаться» и этот класс, ибо изданный 10 сентября правительственный указ повелевал: «учинить школу, где учить подьячих их делу, куда бы приказные люди детей своих повинны были отдавать, также и с стороны, кто похочет быть приказным» [5].

Свою точку зрения по этому вопросу высказал и профессор С. В. Рождественский. В словах Феофана Прокоповича относительно привлечения к духовной профессии лиц из других сословий он увидел ничто иное, как

«выражение традиции, по которой высшая духовная школа представлялась, вместе с тем, и школой общеобразовательной, открытой для всех сословий» [6, 53].

На наш взгляд, Феофан умышленно оставлял доступ в духовную школу представителям из других классов общества. Как нам представляется, делалось это с целью компенсации недостатка в светских учебных заведениях. Вероятно, поэтому и учебная программа будущей высшей духовной школы, в отличие Киевской академии, носила «более научный и более светский характер». Другими словами, проектируемая Академия «должна была приспособиться к новым государственным интересам» [там же, 56].

В связи с этим, трудно не согласиться с мнением профессора П. В. Знаменского, считавшего, что, вводя духовное образование, правительство по-прежнему держало в уме мысль о возможности использования учеников духовных школ, в случае необходимости, для государственной службы на разных поприщах [там же]. Действительно, в отдельных пунктах «Регламента» эта мысль прописана вполне определенно.

Так, например, в одном из них говорится: «Всем повсюду известно буди, что где будет человек ученый в Академии, и от Академии освидетельствованный, того на степень духовная или *гражданские* (курсив мой – В. Л.) чести не может упредить не ученый с великим штрафом на власти оные, которые бы инако сделали» [5, п. 16]. Или другой пример. По завершении обучения, когда семинарист «придет в совершенный разум», он был обязан в церкви, в присутствии всей братии дать присягу на верность Царскому Величеству и Его Наследнику в том, что «*готов к службе, до которой угоден есть и позван будет указом Государевым* (курсив мой – В. Л.)» [там же, п. 22/24].

И еще об учениках. Каждого поступающего в Академию должны были подвергать испытанию: «отведать память и остроумие; а если покажется весьма туп, не

принимать..., ибо лета потеряет, а ничего не научится; а обаче возымеет о себе мнение, что он мудрый и от таковых несть горших бездельников» [там же, п. 17]. Однако хорошая память и остроумие еще не гарантировали студенту его пребывание в Академии. Если вдруг выяснялось, что он «непобедимой злобы, свирепый, до драки скорый, клеветник» и никакие увещания и наказания на него не действуют, рекомендовалось такого ученика отчислять из Академии, «чтоб бешеному меча не дать».

Кроме того, Феофан, вероятно, руководствуясь собственным опытом, обращал внимание ректора и префекта на то, чтобы они не принимали всех подряд студентов «на поденные деньги Государевы», так как, по его словам, многие из них приходят не учиться, а лишь получать жалование «нищетною нуждою влекомы». Другие же, несмотря на то, что способны к учебе, живут при Академии сколько пожелают, а «когда и куда похотят, отходят». «Что ж с того добра? – вопрошает составитель Духовного Регламента. – Только суетный убыток» [там же, п. 21]. В связи с этим, он предлагал следующее: чтобы все поступившие в Академию ученики давали своего рода расписку в том, что они «до конца учений пребудут во Академии под великим штрафом, если бы обета своего не исполнили без крайней нужды» [там же].

В свою очередь, ректору строго запрещалось «отпускать их от школы» без разрешения Духовной Коллегии. В случае же, если кто-то из администрации Академии «за поданную мзду» предпринимал попытку нарушить это правило, того ожидало жестокое наказание.

При Академии Феофан предполагал открыть особое закрытое учебно-воспитательное заведение – Семинариум (семинария), «для учения и воспитания детей, какие вымышлено не мало во иноземных странах». Для размещения семинаристов рекомендовалось построить дом «образцом монастыря», который, в свою очередь,

планировалось разделить на несколько отдельных помещений («изб»). В каждом из них предполагалось размещать «по осьми или по девяти» человек одинакового возраста. Бедные ученики должны были находиться на даровом казенном содержании, а более состоятельные вносили определенную плату за корм и одяние.

Для учеников же, которые не пожелают жить в семинарии, разрешалось построить «несколько жилья» вне его стен и пустить в наем студентов. В семинарию разрешалось принимать детей в возрасте от 10 до 15 лет. Считалось, что именно в этом возрасте педагогические меры еще могли иметь силу. Допускался прием детей и старше 15 лет, но лишь в том случае, если за них поручались «честные лица» [там же, п. 22/14].

Правила пребывания в семинарии отличались чрезмерной строгостью и даже суровостью. Фактически с момента поступления в нее у семинариста совершенно прекращалась, как минимум на три года, связь с внешним миром «пока не обыкнет и не ощутит знатной пользы такого воспитания» [там же, п. 22/10]. По истечение трех лет, ему разрешалось навестить родителей или родственников, но не более двух раз в год и не более, чем на семь суток. Однако все это время с ним постоянно должен был находиться «честный» человек – инспектор или наблюдатель, который по возвращении в семинарию «давал бы рапорт Ректору, что деялось». Кроме того, с разрешения ректора допускался проезд родственников семинариста непосредственно в распоряжение учебного заведения. Необходимо отметить, что составитель «Регламента» сам понимал чрезмерную строгость режима интерната, но при этом был уверен, если «кто обыкнет так жить, хотя через один год, тому весьма сладко будет» [там же, п. 22/13].

А чтобы пребывание в семинарии не казалось молодым людям «житием стужительным и заключением пленническому подобным», Феофан предлагал устраивать для семинаристов некоторые развлечения.

Так, например, свои прогулки (на это предполагалось два часа – час до обеда и час до ужина) семинаристам рекомендовалось совмещать с играми «честными и телодвижными»: летом – в саду, а зимой – в помещении, «ибо сие и здравью полезно есть и скуку отгоняет». Предполагались и такие развлечения, которые «с потехою подают полезное некое наставление», среди них: «водное на регулярных судах плавание, геометрические размеры, строение регулярных крепостей и прочая» [там же].

Приведенные выше отдельные фрагменты режима семинарии, на наш взгляд, лишний раз свидетельствуют о том, что она предназначалась не только для воспитанников, готовившихся исключительно к церковной службе, но и для представителей других классов российского общества.

Итак, анализ плана организации духовного образования в России, изложенной Феофаном Прокоповичем в Духовном Регламенте, позволяет нам сделать вывод о том, что оно выстраивалось с учетом конкретных исторических условий, в которых в то время находилось государство. Прежде всего, требования времени отразились, как мы уже отмечали выше, на определении самого курса духовных школ, носившего «научный и светский» характер. В свою очередь, это повлекло за собой возможность допуска в них представителей

других классов общества, а также привлечение на светскую службу представителей духовного сословия. Другими словами, правительство всячески стремилось извлечь из духовных школ как можно больше выгоды для своих собственных нужд. Но, несмотря на это, «принцип специальности и сословного значения духовных школ», по словам П. В. Знаменского, «оказался достаточно сильным на первых же порах и успешно стал развиваться на практике при самом же Петре» [2, 75].

Действительно, с самого начала своего существования Духовное ведомство стало строго придерживаться этого принципа. Для него на первом плане стояло воспитание людей для церковной службы, так как тратить церковные средства на обучение в архиерейских школах «посторонних людей» Святейшему Синоду было просто невыгодно. Как известно, эти учебные заведения содержались исключительно на сборы с духовенства, не получая при этом никакой помощи со стороны правительства. Не выгодно ему было отпускать и своих лучших воспитанников в «иные службы», так как РПЦ сама испытывала острую нужду в квалифицированных духовных кадрах. Поэтому неудивительно, что вновь созданный орган управления церковными делами сразу же высказался в пользу «специальной и сословной» постановки духовного образования в стране.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Владимирский-Буданов М. Ф. Государство и народное образование в России XVIII века. – Ч. 1. – Ярославль, 1874. – 256 с.
2. Знаменский П. В. Основные начала духовно-училищной реформы при Александре I. – Казань, 1878. – 506 с.
3. Знаменский П. В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. – СПб.: Летний Сад; Коло, 2001. – 800 с.
4. Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Репринтное воспроизведение. – Париж: YMCA-PRESS, 1959. – Т. 2. – Ч. 1. – М.: Наука, 1991. – 436 с.
5. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). – Т. V. – № 3239. – СПб., 1830. – 1380 с.
6. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). – Т. VI. – № 3718. – СПб., 1830. – 1242 с.
7. Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII-XIX веках. – Ч. 1. – СПб., 1912. – 382 с.

УДК 159.9
ББК 88.4
Педагогическая психология

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ КУРСАНТА ВОЕННОГО ВУЗА

Кандидат психологических наук А. С. Марков

В статье рассматриваются современные требования к военному образованию. Дается характеристика модели специалиста. Показано, что в разработке модели подготовки специалиста необходимо участие психолога. Предложена модель профессионального становления курсанта военного вуза, в русле которого автором разработана концепция психолого-педагогического сопровождения.

Ключевые слова

Психолого-педагогическая модель, профессиональное становление, психодидактический подход, образовательная среда, психолого-педагогическое сопровождение, формирование личности

На совещании по вопросам совершенствования подготовки военных кадров, которое Министр обороны РФ генерал армии Сергей Шойгу провел 7 декабря 2012 года на базе Военного учебно-научного центра Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооруженных Сил РФ», было сказано: «...реформа Вооруженных Сил невозможна без организации качественной системы военного образования. При этом необходимо пересмотреть основные критерии профессиональной подготовки офицеров» [8].

Таким образом, с методологической точки зрения Министром обороны РФ ставится задача разработки современной модели профессионального становления курсанта военного вуза, как будущего офицера.

Философский словарь определяет, что

«модель (от лат. *modulus* – мера, образец, норма) в логике и методологии науки – аналог (схема, структура, знаковая система) определенного фрагмента природной или социальной реальности, порождения человеческой культуры, концептуально-теоретического образования и т. п. – оригинала модели. Этот аналог служит для хранения и расширения знания об оригинале, конструирования оригинала, преобразования или управления им» [7. С. 382].

Заслуженный профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор психологических наук Н. Ф. Талызина отмечала, что эффективное решение задач по подготовке специалистов с высшим образованием связано с проблемами учебно-воспитательного процесса как главного звена. [6]. Она писала: «Качество профессиональной подготовки специалистов любого профи-

ля зависит от степени обоснованности трех основных узлов: цели обучения (для чего учить), содержания обучения (чему учить) и принципов организации учебного процесса (как учить)» [6. С. 5].

Другой выдающийся отечественный психолог А. К. Маркова отмечала, что различают модель специалиста (работающего, функционирующего) и модель подготовки специалиста. «Модель подготовки специалиста исходит из модели специалиста и включает виды учебной и познавательной деятельности по овладению профессиональной деятельностью, учебные планы и программы, воспитательные меры, формы связи с производством, квалификационные характеристики специалистов. Надо уметь построить модель специалиста и переводить ее в модели подготовки специалиста» [4. С. 21].

По мнению А. К. Марковой: «В целом модель специалиста может включать следующие компоненты: 1) профессиограмму как описание психологических норм и требований к деятельности и личности специалиста; 2) профессионально-должностные требования (ПДТ) – описание конкретного содержания деятельности специалиста, определяющего, что и как он должен делать при решении профессиональных задач в условиях конкретной должности; 3) квалификационный профиль – сочетание необходимых видов профессиональной деятельности и степени их квалификации» [4. С. 22].

При этом она подчеркивает, что «из трех названных компонентов модели специалиста составление профессиограммы в особой мере требует участия психолога. Другие компоненты – должностные требования, квалификационные разряды – усугубляются за пределами психологии, в рамках соответствующей отрасли» [Там же].

Разрабатываемая нами концепция психолого-педагогического сопровождения курсантов военных вузов основывается на психодидактическом подходе В. И. Пано-

ва, примененном к построению образовательной системы высшей военной школы. (Панов В. И., 2007).

В процессе обучения в военном вузе происходит формирование целого ряда психологических структур, необходимых современному офицеру для успешного осуществления профессиональной деятельности. Например, умение стрелять требует специфической психологической структуры действий: выбрать позицию, занять исходное положение, подготовить оружие, определить цель, поймать цель в прицел оружия, задержать дыхание, плавно нажать на спусковой крючок, удерживать спуск положенное время, наблюдать результат стрельбы, подготовиться к поражению следующей цели.

В отличие от гражданских вузов обучение в военном вузе представляет подготовку будущего офицера как субъекта военной профессии. При этом курсант проходит три этапа развития субъектности: как одиночный боец, отвечающий только за себя; как младший командир, руководящий малой социальной группой (отделением, расчетом, экипажем), и как офицер, командир и воспитатель, отвечающий за выполнение боевых задач и судьбу вверенных ему людей, большой социальной группы (рота, дивизион, полк). Каждый этап включает пять стадий. И, по нашему мнению, в ходе обучения и воспитания защитников Отечества на каждом этапе необходимо обеспечивать психолого-педагогическое сопровождение развития субъектности. Каждый этап включает в себя 5 стадий.

Первая стадия – это стадия восприятия готового образца предстоящей деятельности. На этой стадии курсант должен репрезентировать четкий образ конкретного действия, входящего в состав предстоящей военно-профессиональной деятельности. Критерием успешности прохождения этой стадии является демонстрация умения точно доложить, что и как необходимо делать, то есть навык экстернизации

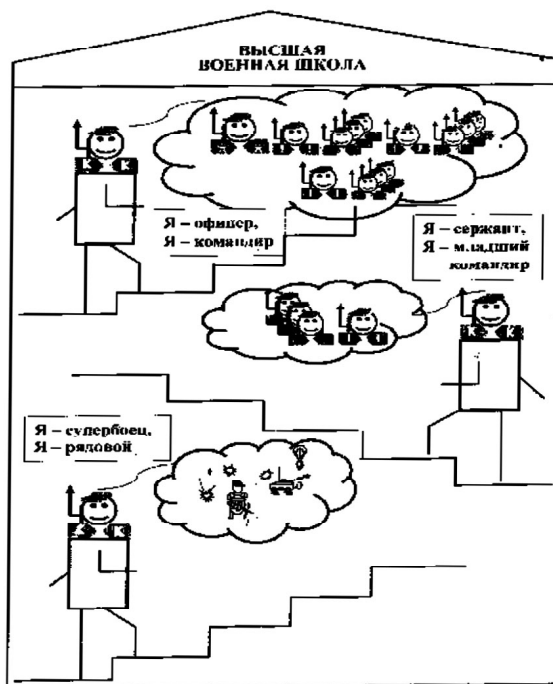

Рис. 1. Психолого-педагогическая модель профессионального становления курсанта военного вуза

предстоящей деятельности (проговаривание вслух всех предстоящих действий). Если у курсанта не будет сформирован необходимый образ воинской деятельности, то, став командиром, он не сможет четко поставить задачу подчиненным, не сможет внятно объяснить, что от них требуется. Такой командир будет раздражаться на «бестолковость» своих подчиненных и кричать на них: «Не можете прочитать инструкции! Не хотите изучать приказы!?»

Следствием успешного прохождения этой стадии является развитие способности лучше понимать приказы, наставления, инструкции. Умелый командир способен осуществить декомпозицию любой деятельности, которой хочет обучить подчиненных. Он будет способен все разложить «по полочкам», разбить на элементарные команды: «Делай раз!», «Делай два!», «Делай три!» У такого командира солдатам учиться легко, поэтому необходимый навык формируется быстрее и прочнее. Кроме того, успешное усвоение каждой стадии является предпосылкой того, что эта стадия на следующем этапе

будет пройдена с меньшим напряжением и тоже успешно. В ходе развития субъектности каждая предыдущая стадия представляет собой фундамент для прохождения последующей.

Вторая стадия – стадия подражания образцу. На этой стадии курсанту следует научиться копировать действия инструктора. Курсант на этой стадии является субъектом подражания, он учится выполнять действия за инструктором точно и качественно. Тот командир, который в свое время не прошел до конца стадию подражания, не сможет сказать, как принято в русской армии: «Делай, как я!». Он будет кричать на подчиненных: «Смотри в руководство! Смотри в альбом схем! Что, сам не можешь сообразить!»

Критерием освоения этой стадии служит умение четко продемонстрировать образец исполнения. В начале этой стадии курсант копирует образец, который находится у него перед глазами, а в конце выполнение заданного действия идет по образцу, который удерживается в памяти. Это означает, что осуществлен переход действия во внутренний план: образца уже нет перед глазами, он находится в памяти. Инструктор для показа уже не нужен, так как обучающийся может извлечь из памяти, вспомнить образец выполнения заданного действия.

Офицер, умеющий лично демонстрировать образцы классного выполнения упражнений по вождению боевых машин, стрельбе из различных видов вооружения, искусству маскировки, десантирования и т. п., всегда пользуется большим авторитетом у подчиненных и добивается лучших результатов в обучении воинов, чем тот, кто учит по принципу: «Делай, как я сказал!»

Для рядового бойца этих двух стадий обучения обычно достаточно. В мирное время такой солдат в состоянии будет действовать только по заученному образцу. Однако у него отсутствует гибкость действий, и в нестандартной ситуации совре-

менного боя, где имеется много непредвиденных обстоятельств, он теряется. Военнослужащий, освоивший только две первые стадии, не может свободно применять усвоенный ранее образец к изменившимся условиям.

Третья стадия – стадия произвольной активности. На этой стадии при внешнем контроле со стороны преподавателя (инструктора) курсант становится субъектом произвольной активности при совместно-распределенной деятельности с преподавателем, то есть курсант становится со-субъектом произвольного контроля. Здесь происходит тот же процесс, что описан у Л. С. Выготского, когда в ходе обучения осуществляется помощь взрослого ребенку. Ту часть совместной деятельности, которую в данный момент не может сделать ребенок самостоятельно, берет на себя взрослый. Например, функции планирования и контроля деятельности.

В военном вузе так же на этой стадии преподаватель (инструктор) берет на себя функции планирования и контроля, которые курсант временно самостоятельно выполнить еще не может, но именно поэтому для формирования самоконтроля ему необходима помощь преподавателя (инструктора). Таким образом, в этой совместной учебной деятельности происходит трансляция опыта волевой регуляции. В начале этой стадии курсанту необходим внешний контроль преподавателя. В процессе обучения будущий офицер получает примеры внешнего контроля, а в конце стадии он уже осваивает функцию контроля. Теперь курсант оказывается готовым к переходу на четвертую стадию, где будет осуществляться внутренний контроль.

Выдающийся отечественный психолог Л. И. Божович отмечала, что для воспитания произвольности учебной деятельности необходимо формирование у обучающихся интереса к получаемым знаниям, привитие им любви к интеллектуальному напряжению и преодолению интеллектуальных трудностей. (Божович Л. И.,

1995).

Рубежный и итоговый виды контроля, осуществляемые преподавателем (инструктором), позволяют квалифицировать уровень достижения курсанта по тому или иному предмету и выступают в качестве предикторов уровня профессионализма будущего офицера, его возможности работать грамотно и самостоятельно в осваиваемых видах воинской деятельности.

Пройдя первые три стадии развития субъектности, воин может стать мастером своего дела, но это все еще одиночный боец. Для того чтобы стать хорошим командиром, прохождение первых трех стадий еще недостаточно. Ведь так как командир взвода лично обучает и воспитывает подчиненных, то для формирования твердых управленческих навыков ему необходимо пройти еще две стадии развития субъектности.

Четвертая стадия – стадия внутреннего контроля произвольной деятельности. На этой стадии курсант становится субъектом внутреннего самоконтроля (интериоризованной функции произвольной регуляции). Именно на этой стадии развития субъектности у курсанта как профессионального военного появляется возможность творческих вариаций выполнения воинской деятельности, проявляется и развивается креативность, которую в армейской среде принято называть «военной смекалкой». Успешное прохождение этой стадии способствует формированию творческой личности военного профессионала, и, напротив, при низком уровне достижений на четвертой стадии, деятельность командира будет отличаться шаблонностью, скованностью и боязнью всякой инициативы как своей, так и тем более подчиненных. Если у будущего командира слабо сформирован внутренний контроль произвольной деятельности, то он не будет замечать и не захочет признавать собственных ошибок, а следовательно, не сможет их исправлять. У такого офицера снижена критичность по отноше-

нию к себе и к своей профессиональной деятельности.

Пятая стадия – стадия контроля деятельности других лиц. На этой стадии у курсанта формируется способность контролировать правильность не только своей деятельности, но и деятельности, выполняемой другими (равными по должности и/или подчиненными). Именно на этой стадии курсант экстериоризирует освоенную ранее функцию контроля, следя за правильностью выполнения деятельности другими военнослужащими, корректируя при необходимости и тем самым помогая молодым воинам актуализировать их зону ближайшего развития.

В своей профессиональной деятельности офицер регулярно осуществляет командирскую функцию контроля, в частности, проверяет состояние личного оружия подчиненных, порядок в казарме и караульном помещении и т. п., в его обязанности входит проверка, в ходе которой он указывает подчиненным на допущенные недостатки и предоставляет время на их устранение. Только тот офицер, который в своей профессиональной деятельности достиг высокого уровня на стадии внешнего контроля, может качественно обучать и воспитывать своих подчиненных. В случае несформированности на должном уровне функции военного управленца командир тяготеет требовать что-либо с подчиненных. Ему проще выполнить работу самому, чем обучать солдат, руководить ими, контролировать профессиональную деятельность военнослужащих и отвечать за ее результаты. Такой командир не доверяет другим людям, потому что не научился, будучи курсантом, контролировать подчиненных. «Лучше я все сделаю сам!» Но так как все сделать один он не может, то даже при большом старании и невероятной трудоспособности, его, не прошедшего на хорошем уровне пятую стадию, ждут нервные срывы и профессиональные неудачи. Офицер должен уметь управлять большим воинским кол-

лективом. Он обязан уметь обучать подчиненных, планировать и организовывать их деятельность, делегировать часть своих функций солдатам, сержантам и младшим офицерам и, что субъективно тяжелее всего, отвечать за результаты воинского труда всего воинского коллектива. Не прошедший пятую стадию развития субъектности может быть хорошим специалистом, просто виртуозом своего дела, как боец-одиночка, асом-водителем боевых машин, непревзойденным снайпером, мастером-парашютистом, но при этом не станет хорошим офицером-командиром.

Парадокс прохождения указанных стадий субъектности заключается в том, что если кто-то достиг наивысшего уровня на какой-либо стадии, то ему это может так понравиться, что дальше двигаться не захочется. Может пропасть мотивация переходить на следующую стадию. Такому офицеру всегда легче что-то мастерски сделать самому, получить удовлетворение и удовольствие от хорошо сделанной работы, заслужить одобрительные отзывы окружающих и благодарность начальства, чем обучать «тупых», заставлять и организовывать «ленивых» и отвечать за «нерадивых» подчиненных. Командная, воспитательная, организационная работа офицера требует большого напряжения эмоциональной, поведенческой и когнитивной сфер психики.

Курсанту необходимо вовремя переходить на следующую стадию развития субъектности. Для этого мы предлагаем технологию психолого-педагогического сопровождения, облегчающую преодоление указанных психологических барьеров на пути формирования субъектности будущих офицеров. Эта технология предполагает тесное и продуктивное взаимодействие военных психологов, командиров и преподавателей, с целью создания оптимальных условий для самообучения, самовоспитания и самосовершенствования курсантов как будущих офицеров. Командир совместно с психологом определяет,

какие личностные качества и профессиональные компетенции должны формироваться у курсантов в каждый конкретный период обучения. Психолог выявляет психологические трудности, с которыми сталкиваются молодые люди в это время. Преподаватель, учитывая пожелания командира и предупреждения психолога, подбирает соответствующий дидактический материал и педагогические технологии, обеспечивающие выполнение комплексной задачи по обучению и воспитанию достойных защитников Отечества.

Как уже упоминалось выше, в ходе подготовки будущих офицеров курсант наряду со стадиями развития субъектности по отдельным видам осваиваемой воинской деятельности (четыре обязательных и пятая факультативная) проходит три этапа развития собственной субъектности в соответствии с тремя различными Я-концепциями:

– 1-й этап (Я-концепция одиночного бойца) начинается с момента зачисления вчерашнего школьника в военный вуз и завершается, когда курсант полностью ос-

воит военную специальность в качестве одиночного бойца;

– 2-й этап (Я-концепция младшего командира) связан с освоением сержантских обязанностей, умениями младшего командира руководить малой социальной группой (отделением, расчетом, экипажем), заканчивается освоением обязанностей заместителя командира взвода;

– 3-й этап (Я-концепция старшего командира) предполагает освоение обязанностей офицера, командира и воспитателя, отвечающего за выполнение боевых задач и судьбу вверенных ему людей, большой социальной группы (рота, дивизион, полк). Этот этап завершается получением выпускниками военного вуза первичного офицерского звания.

Рассматриваемая нами технология предусматривает оптимальный темп прохождения всех стадий развития субъектности. Перескакивание стадий, преждевременный переход на следующую или «застревание» на одной из них тормозит полноценное формирование командирских качеств будущего офицера.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Володарская, И. А. Формирование профессионализма у курсантов-артиллеристов в процессе обучения электротехнике / И. А. Володарская, А. С. Марков. – Коломна: ВАУ ФК, 2004. – 152 с.

2. Марков, А. С. Влияние образовательной среды на формирование личностных качеств будущего специалиста // Российский научный журнал. – 2009. – № 5 (12). – С. 95-103.

3. Марков, А. С. Образовательная среда военного вуза – школа служения Родине // Известия Российской академии образования. – 2012. – № 2(22). – С. 1580-1590.

4. Маркова, А. К. Психология профессионализма / А. К. Маркова. – М.: МГФ «Знание», 1996. – 308 с.

5. Панов, В. И. Психодидактика образовательных систем: теория и практика / В. И. Панов. – СПб.: Питер, 2007. – 352 с.

6. Талызина, Н. Ф. Пути разработки профиля специалиста / Н. Ф. Талызина, Н. Г. Печенюк, Л. Б. Хихловский. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 176 с.

7. Философский словарь / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.

8. Шойгу решил пересмотреть основные критерии профподготовки офицеров // <http://www.rosbalt.ru/main/2012/12/07/1068487.html>

9. Ясвин, В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию / В. А. Ясвин. – М.: Смысл, 2001. – 365 с.

психология

УДК 159.922.76

ББК 88.41

Психология, психология развития, акмеология

ОСОБЕННОСТИ САМОСОЗНАНИЯ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В СЕМЬЯХ С РАЗЛИЧНЫМ СТИЛЕМ ВОСПИТАНИЯ

Кандидат психологических наук Е. А. Поляков

В статье представлены результаты исследования личностных особенностей и системно-психологической диагностики межличностных отношений детей с ограниченными возможностями здоровья и их семей. Выявлена ведущая роль стиля семейного воспитания в формировании самосознания ребенка-инвалида, его социальной адаптации, социализации.

Ключевые слова

Инвалидность, ограниченные возможности здоровья, самосознание, идентичность, стиль воспитания, авторитарность, гиперопека, смысложизненные ориентации, системный подход, социализация, адаптация

Вступление

В нашей стране, как и во всем мире, наблюдается тенденция роста числа детей-инвалидов. Ежегодно в стране рождается около 30 тысяч детей с врожденными наследственными заболеваниями, среди них 70-75% являются инвалидами. Согласно Декларации о правах инвалидов (ООН, 1975 г.) инвалид – это любое лицо, которое не может самостоятельно обеспечить полностью или частично потребности нормальной личной и (или) социальной жизни в силу недостатка, будь то врожденного или нет, его (или ее) физических или умственных возможностей. Сегодня наряду с понятием «инвалид», используют также такие понятия, как «ограничение возможностей здоровья», «особые дети». Проблемы инвалидности не могут быть поняты вне социокультурного окружения человека – семьи, дома-интер-

ната и т. д. Большое значение социальной обусловленности развития, как нормального, так и аномального придавал Л. С. Выготский. Он писал, что «социальное воздействие, в частности педагогическое, составляет неиссякаемый источник формирования высших психических функций, как в норме, так и в патологии» [4]. Действительно, процесс естественного развития ребенка в условиях физической недостаточности обретает качественно иной характер протекания, что приводит в свою очередь к формированию личностного своеобразия развивающегося субъекта. Это своеобразие личности больного ребенка можно обозначить как психологический компонент инвалидизации. Своеобразие личной идентичности инвалида или так называемый психологический компонент инвалидизации имеет большое значение в развитии больного ребенка и его станов-

лении как личности. Вообще успешность адаптации человека с дефектом в здоровом обществе во многом определяется тем, идентифицирует ли он себя полноправным членом этого общества. Один из лидеров функциональной психологии, Энджел Джеймс, указывал, что человек думает о себе в двух плоскостях и, что главное назначение столь сложной структуры самосознания: аккомодация к новому, выживание в окружающей среде. Так выделяются два аспекта идентичности, один из которых личный, создающий личную самоидентифицированность, другой – социальный, где формируется многообразие социальных «Я» индивида. Однако социальная составляющая психологической инвалидизации не только имеет место быть, но порой является преобладающей (Князева А. П., Корнеева Е. Н.).

Все многообразие социальных «Я» индивида формирует социальный аспект идентичности, который обеспечивает окружение ребенка-инвалида. Прежде всего, этим окружением является семья. Семья играет исключительно важную роль в формировании и развитии личности ребенка. Под руководством родителей ребенок приобретает свой первый жизненный опыт, элементарные знания об окружающей действительности, умения и навыки жизни в обществе (Лидерс А. Г., 2004.). Семья, в которой живет больной ребенок, оказывается особой группой, которой соответствует присущая только для нее атмосфера межличностных отношений. И, если у ребенка имеются отклонения в развитии, именно от семьи во многом зависит успешность адаптации и интеграции ребенка в общество (Выготский Л. С., 1983). Оценки родителей и их отношение интериоризируются ребенком и становятся частью его личного знания о себе. В результате тесного взаимодействия социального и личного аспектов идентичности трудно провести границы, где кончается личное знание о себе и начинается знание, отраженное от других людей. А.

Адлер говорит о том, что фундамент личности и стиль жизни закладывается с раннего детства. Родившись, ребенок сразу попадает в мир социальных отношений – мир отношений между людьми, в котором каждый играет не одну, а множество ролей. Осваивая их, он социализируется, становится личностью и от того, в каких отношениях с окружающей средой он находится, зависит формирование самосознания личности. Для гармоничного развития ребенка большое значение имеет и психологический микроклимат в семье, и отношения между супругами, как определяющими ту атмосферу, в которой растет и развивается ребенок. Однако, когда в семье появляется «особый ребенок», меняется повседневная жизнь членов семьи, их психологическое состояние, их контакты с внешней средой и т. д. Семья начинает страдать от накладывающихся медицинских, экономических и социально-психологических проблем (Полухина Е. А., 2009). А это в свою очередь приводит к ухудшению качества жизни семьи, могут возникать разногласия и ссоры. Ряд исследований фиксирует их явное неблагополучие: от 30% до 60% семей распадаются (Янушанец Н. Ю., 2006; Ермолаева Ю. Н., 2008; Кузнецова О. В., 2008), часть семей существует с искаженными межличностными отношениями (30%), сохраняя семью формально – «ради ребенка» (Безух С. М., Лебедева С. С., 2006). В повседневной жизни родители детей-инвалидов сталкиваются со множеством трудностей. С одной стороны, они испытывают трудности при выборе воспитательных и образовательных средств воздействия на своих детей, а с другой – глубокие, внутренние психологические проблемы, обусловленные рождением в семье больного ребенка (Ткачева В. В., 1998, Полухина Е. А., 2009). Именно это не позволяет им оптимально организовать межличностные отношения внутри семьи (как между членами семьи, так и отдельно между супругами), правильно адаптировать, соци-

ализировать своего больного ребенка. Большинство родителей, пройдя за первые годы жизни ребенка все доступные методы лечения, «остывают» к лечению, не приступив при этом к социализации, так упускается наиболее ценное для развития психики время, период формирования самосознания ребенка и его адаптации к окружающей среде (Холопенко Н. А., 2011). Правильное воспитание ребенка с ограниченными возможностями здоровья в семье вероятно только в том случае, если родителям, особенно матери, удастся сохранить душевное равновесие в условиях повышенной стрессогенности.

К большому сожалению, в психологии мало проведено исследований, изучающих взаимосвязь личностной и социальной составляющих «Я-концепции» детей с ограниченными возможностями здоровья, особенности семей воспитывающих ребенка-инвалида. В связи с этим проблема поиска адекватных методов психологической диагностики как личностных особенностей, так и особенностей системы межличностных отношений детей-инвалидов, представляется весьма актуальной. Учитывая это, целью настоящего эмпирического исследования явилось изучение особенностей самосознания детей с ограниченными возможностями здоровья в семьях с различным стилем воспитания.

Методика и организация исследования

Эмпирическое исследование системных особенностей личности и межличностных отношений детей-инвалидов и их родителей, проводилось нами на протяжении 4-х последних лет, на базе ЦПМСС, реабилитационных центров, общеобразовательных школ города Москвы и Московской области. В экспериментальную группу вошли дети-инвалиды и их семьи, в контрольную группу здоровые дети и их родители. Всего в экспериментально-психологическом исследовании

приняли участие более 125 семей испытуемых.

Методологической базой исследования послужили системно-психологический подход, культурно-историческая концепция Л. С. Выготского, идеи функциональной психологии Э. Джеймса, психолого-педагогическая модель семейного воспитания А. Адлера, работы А. Е. Личко и Э. Г. Эйдемиллера, посвященные изучению детско-родительских отношений, а также представления о формировании стиля семейного воспитания А. И. Захарова, А. Я. Варги, А. Г. Лидерса, Е. Н. Спиревой.

Для проведения исследования нами были использованы следующие методы: анкетирование, анализ документов, тестирование с использованием стандартных психодиагностических методик. Исследование проходило в три этапа. Первый этап был посвящен исследованию личностных особенностей родителей, их отношению к детям. Исследование проводилось с родителями детей с нормативным и нарушенным развитием. Использовались методика «Тест-опросник родительского отношения А. Я. Варги и В. В. Столина», модифицированная методика «Т. Дембо-С. Я. Рубинштейн», тест «Смыслжизненных ориентаций» (СЖО). Все методики проводились с родителями строго индивидуально. В соответствии с полученными результатами родители детей-инвалидов были разделены на две группы по степени авторитарности в их стиле воспитания. Испытуемые, набравшие более 69 % и менее 53,87% по шкале авторитарности.

На втором этапе диагностическая работа проводилась с детьми, исследовались особенности смысловжизненных ориентаций, самооценка.

На третьем этапе был проведен анализ наличия корреляций результатов тестирования внутри экспериментальной и контрольной групп. Определение статистической значимости различий между группами проводилось с помощью U-кри-

терия Манна-Уитни. Для обработки данных был использован статистический пакет STATISTICA 6.0, а также SPSS 12.0.

Результаты исследования

На рисунке 1 представлены полученные результаты, где видно, что у родителей детей с ограниченными возможностями здоровья по всем параметрам методики СЖО показатель снижен.

Различия между исследуемыми группами статистически верные: по 1 шкале «Цели в жизни» (при $p \leq 0,01$), 2 шкале «Процесс жизни» ($p \leq 0,05$), 3 шкале «Результативность жизни» (при $p \leq 0,01$), 4 шкале «Локус контроля – я» (при $p \leq 0,05$) и 5 шкале «Локус контроля – жизнь» (при $p \leq 0,05$) теста СЖО.

Статистически достоверные различия были установлены и в структуре семейного стиля воспитания между исследуемыми группами по методике «Тест-опросник родительского отношения А. Я. Варги и В. В. Столина». Так, различия по шкале 1 «Принятие-отвержение» достоверны при $p \leq 0,05$ и по шкале 5 «Маленький неудачник» при $p \leq 0,01$. На рисунке 2 наглядно показано, что у родителей детей экспериментальной группы результаты по этим шкалам выше, чем у контрольной. Родители с преобладающим авторитарным стилем воспитания воспринимают своего ребенка, как правило, плохим, неприспособленным, неудачливым, стремятся инфантилизировать ребенка, приписать ему личную и социальную несостоятельность (Кашеварова Ю. Е., Ефимова И. Н., 2012).

Родители с низким показателем авторитарности склонны считать своих детей успешными, приспособленными к жизни. Такие родители симпатизируют своим детям. Им нравится их ребенок таким, какой он есть на самом деле. Такие родители способны находить реальные возможности действий, создавать из них иерархию в соответствии со своими ценностями и, таким образом, приходиться к персо-

нально обоснованным решениям. Считают себя в силах контролировать свои формальные и неформальные отношения с другими людьми, вызывать к себе уважение и симпатию. А так же считают, что большинство важных событий в их жизни является результатом их собственных действий, что они могут ими управлять, и, таким образом, они чувствуют свою собственную ответственность за эти события и за то, как складывается их жизнь в целом (Кашеварова Ю. Е., Ефимова И. Н., 2012). Родители детей-инвалидов склонны отвергать своих детей, их интересы и желания, а так же склонны инфантилизировать и инвалидизировать их. Ребенок им кажется неприспособленным к жизни, неуспешным, неудачливым. Таким образом, дети-инвалиды испытывают дискомфорт в семейных отношениях. Ребенок-инвалид в таких семьях испытывает двойную нагрузку: неприятие обществом и подверженность феномену отчуждения в собственной семье (Холопенко Н. А., 2011). С другой стороны, приписывая ребенку личную и социальную несостоятельность, инфантилизируя его, родители строят воспитание по типу сверхопеки – «ребенок-кумир» с чрезмерным обереганием. В итоге, такой компенсации родительского чувства вины у большинства детей-инвалидов действительно вырабатывается инфантильное отношение к окружающим и/или сверхэгоизм. Нами было проведено определение статистической значимости различий между группами, а так же корреляционный анализ внутри каждой группы, который показал положительные и отрицательные связи между родительским отношением к детям и их личностными особенностями, самосознанием и др.

Анализируя полученные экспериментальные данные, можно сделать следующее заключение: особенности самосознания, ценностные, смысложизненные ориентации у детей-инвалидов существенным образом отличаются от таковых у здо-

ровых детей. Выявленные результаты статистически достоверны (при $p < 0,01$). Деформации самосознания детей / подростков-инвалидов обуславливают становление негативных поведенческих паттернов: так показатели агрессивных поведенческих реакций в ситуации фрустрации у них достоверно выше значений по этому параметру в экспериментальной группе (при $p < 0,01$). В протоколах бесед с подростками-инвалидами агрессивные высказывания зафиксированы в 64% случаев. В большинстве случаев эта агрессия направлена на насыщенные отрицательным содержанием образы значимых других, но имеют место и аутоагрессивные тенденции, вплоть до суицидальных намерений. Например: «Лучше б умереть, чем быть таким как Я – крокодилом», «Жить не хочу, ведь Я – обуза», «Я сам – это ничто». Экспериментально-психологические исследования выявляют преобладание в мотивационной сфере ребенка-инвалида мотива подчинения взрослому, что оказывает тормозящее влияние на формирование собственных активных личностных установок. Проявляется отчетливая тенденция к формированию низкого уровня притязаний, сочетающегося с избирательно завышенной самооценкой в отношении здоровья (70% из них отнесли себя к здоровым), что, по-видимому, является защитным механизмом, амортизирующим чувство собственной неполноценности. Среди основных особенностей самосознания детей-инвалидов, чьи родители придерживаются авторитарного и гиперопекающего стиля в ущерб другим воспитательным стратегиям, наиболее характерными являются состояние «выученной беспомощности» и чувство низкой «самоэффективности».

«Выученная беспомощность» – понятие, введенное М. Селигманом, – в общих чертах сводится к тому, что ребенок-инвалид, который в условиях гиперопеки часто сталкивается с ограничениями собственного контроля в различных жизнен-

ных ситуациях, перестает стараться влиять на результат своих усилий не только в этих конкретных ситуациях, но также и в тех новых ситуациях, в которых он может обходиться без посторонней помощи. У детей-инвалидов, воспитывающихся по типу гиперопеки, формируется три вида личностного дефицита: мотивационный, когнитивный и эмоциональный. Сначала у ребенка-инвалида редуцируется мотив попытаться справиться с возникающими трудностями, поскольку ситуация всегда контролируется родителями или педагогами. Редуцированный мотив преодоления трудностей приводит к снижению когнитивных способностей оценки жизненных ситуаций, что делает ребенка-инвалида беспомощным в непривычной среде обитания, в которой нет родительского или педагогического контроля. Осознание своей навязанной (родителями) ограниченности в способностях самостоятельно совершать даже посильные поступки приводит к развитию сниженного эмоционального фона настроения и даже депрессии. Даже если у ребенка сформированы доступные, адекватные его состоянию и необходимые для самостоятельной жизни навыки и умения, главной детерминантой их практического использования будет именно представление об ожидаемой эффективности их применения. В условиях гиперопеки эти представления не формируются, поскольку обучение навыкам и умениям носит «тепличный» характер, не соответствующий характеристикам реальных ситуаций, в которых оказывается ребенок-инвалид (в реальных ситуациях проблемы за него стремятся разрешать именно родители). Вследствие переживания чувства неполноценности у ребенка-инвалида присутствуют характерные признаки деформации самосознания, смысложизненных ориентаций личности. Имеет место возникновение психогенных реакций, которые в случае гиперкомпенсации формируются в двух направлениях: пассивно-

оборонительном и агрессивно-защитном, что также находит отражение в своеобразии личной идентичности инвалида, составляет так называемый психологический компонент инвалидизации.

Заключение

Опираясь на результаты проведенного исследования, можно сделать следующие выводы: Прежде всего, поведенное экспериментально-психологическое исследование показало, что основное разделение родителей в данной выборке может быть произведено по показателю авторитарности. Корреляционный анализ показал связь стиля воспитания в семье с личностными особенностями ребенка-инвалида. Родители с преобладающим авторитарным стилем воспитания склонны инфантилизировать своего ребенка, приписывать ему личную и социальную несостоятельность. Они не доверяют своему ребенку, досадуют на его неуспешность и неумелость. В связи с этим стараются оградить ребенка от трудностей жизни и строго контролировать его поступки. По большей части родитель испытывает к ребенку злость, досаду, раздражение, обиду, не принимая его таким, какой он есть. При этом действия авторитарных родителей подчинены жесткому регламенту, в которых отсутствует свобода выбора и спонтанность. Они испытывают трудности в межличностных интеракциях. Полагают, что все происходящие события с ними, являются результатом внешних источников – случая, других людей и т. д. У родителей детей инвалидов низкий уровень удовлетворенности собой и своими достижениями в семейном воспитании. У них мало перспектив и целей на будущее, они не удовлетворены своей жизнью, которая эмоционально приглушена и не насыщена, не верят в свои силы и способность контролировать события в собственной жизни, считая, что жизнь человека неподвластна сознательному контролю, что свобода выбора иллюзорна и бес-

смысленно что-либо загадывать на будущее. Согласно системной семейной теории, члены семьи – элементы одной системы, и если меняется один член, все остальные также претерпевают изменения, в свою очередь обратно влияя на первого (Бейкер К., Варга А. Я., 2008). Такие установки родителей находят отражение в самосознании ребенка-инвалида, определяя своеобразие его личной идентичности, формируя психологический компонент инвалидизации.

Таким образом, сегодня в психологии вообще и прежде всего в таких ее отраслях как, психология развития, специальная психология, психология семьи, реабилитационная и клиническая психология, особое место занимает проблема отношения к своему расстройству или дефекту ребенка-инвалида. По мнению А. Адлера «Физический недостаток вовсе не является основной причиной неприятных последствий, прежде всего за них ответственно отношение ребенка к своим недостаткам» [1]. В заключение хочется заметить, что имеет значение не только установка ребенка имеющего физический дефект, но и установка его родителей. Скорее всего, эти различия обусловлены не столько эндогенными факторами, сколько особенностями воспитания и отсутствием должного психолого-педагогического коррекционного и реабилитационного сопровождения. Этот вывод подтверждается меньшим количеством достоверных различий между выборками контрольной группы и частью экспериментальной группы, а именно детей/ подростков-инвалидов курируемых психологами и другими специалистами центров реабилитации, психолого-педагогического и медико-социального сопровождения. Таким образом, только адекватное и своевременное проведение реабилитационных мероприятий может предотвратить патологическое формирование личности у детей-инвалидов, что будет способствовать более успешной их социальной адаптации, социализации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Адлер А. Наука жить. – Киев: Научная мысль, 1997. – 254 с.
2. Бодалев А. А., Столин В. В. Семья в психологической консультации. – М.: Педагогика, 1989. – 258 с.
3. Варга А. Я. Структура и типы родительского отношения: Дис. ... канд. псих. наук. – М., 1987. – 170 с.
4. Выготский Л. С. Собрание сочинений в 6 томах. – Т. 5. – Москва: Просвещение, 1983. – 517 с.
5. Райгородский Д. Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие. – Самара: БАХРАХ-М, 2011. – 672 с.
6. Реан А. А. Практическая психодиагностика личности: Учеб. пособие. – СПб: Изд-во СПб ун-та, 2001. – 224 с.
7. Рыжов Б. Н., Сенкевич Л. В., Янышева В. А. Системно-психологический подход к проблеме асоциальной групповой активности подростков // Вестник ГУУ: Социология и управление персоналом. – 2008. – № 2 (40). – С. 148-153.

УДК 159.913
ББК 88.742.1
Психология

психология

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ СТРАТЕГИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ АЛКОГОЛЕЗАВИСИМОГО ПОВЕДЕНИЯ

Кандидат психологических наук Е. Е. Радюкин
О. А. Морозова

Данная статья посвящена анализу стратегий психологической профилактики алкоголезависимого поведения. Рассмотрены различные формы психопрофилактической работы, которые подразделяются по содержанию, уровню и особенности воздействия на алкоголезависимое поведения. Изложено и описано содержание психологической превенции аддиктивного поведения.

Ключевые слова

Репрессивная стратегия, стратегия минимизации, стратегия ресоциализации, психологическая профилактика алкоголезависимого поведения

Современные исследователи отмечают многообразие подходов к проблеме, а также сложность проблемы и недостаточную разработанность психологических технологий воздействия на личность аддикта (Е. В. Змановская, К. С. Лисецкий, В. Д. Менделевич и др.) [11-14].

По мнению отечественных исследователей и, особенно в научных работах по социальной, военной, клинической, медицинской, юридической психологии, превентивной и военной педагогике, это обусловлено междисциплинарным характером проблемы и очевидной сложностью определения зависимого поведения [1-13]. Особо подчеркивается недостаточная разработанность проблемы алкоголезависимого поведения в военной психологии [9, 16, 17].

В научных трудах обычно выделяют следующие основные стратегии психоло-

гической профилактики алкоголезависимого поведения:

– **репрессивная стратегия** как социально-психологическое давление социума, в том числе и военного, на алкоголезависимую личность с применением табу (строгих запретов), стигматизации (развешивание ярлыков), психологических санкций, ограничений в социальном лифтинге (карьерном росте) и др.;

– **стратегия минимизации** риска и снижения вреда здоровью и личности с помощью клинических медико-психологических процедур в условиях социально-психологической изоляции с разрывом нежелательных контактов, так называемый прагматический подход;

– **стратегия ресоциализации** (социально-психологической реабилитации) для коррекции или восстановления существенных сил алкоголезависимой личности в ходе процедур психологической по-

мощи и поддержки (Б. В. Братусь, С. Л. Евенко, Е. В. Змановская, К. С. Лисецкий, В. Д. Менделевич, И. Н. Пятницкая, Ш. И. Спектр, Л. К. Фортова и др.) [2, 9, 11-15, 18, 19].

В специальной литературе подчеркивается, что термин **зависимое поведение** используется исследователями проблемы наряду со следующими понятиями – **аддиктивное, отклоняющееся и девиантное** поведение как специфическая форма индивидуальной активности (Б. В. Братусь, С. Л. Евенко, Е. В. Змановская, К. С. Лисецкий, В. Д. Менделевич и др.) [2, 9, 11-14].

По мнению Е. В. Змановской под отклоняющимся, зависимым поведением следует понимать «...устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией» [11]. «В то же время, при определенных условиях отклоняющееся поведение может переходить в патологическое. Например, зависимое поведение может перерасти в системное заболевание – алкоголизм, наркоманию. Таким образом, личность с отклоняющимся поведением может занимать любое место на психопатологической оси «здоровье – предболезнь – болезнь» [11].

Е. В. Змановская полагает, что для отклоняющегося, зависимого поведения, как проявления индивидуальной активности, характерны следующие основные признаки.

«1. Отклоняющееся поведение личности – это поведение, которое не соответствует общепринятым или официально установленным социальным нормам. Иначе говоря, это действия, не соответствующие существующим ... традициям и социальным установкам.

2. Девиантное поведение и личность, его проявляющая, вызывают негативную оценку со стороны других людей. Негативная оценка может иметь форму обще-

ственного осуждения или социальных санкций... Прежде всего санкции выполняют функцию предотвращения нежелательного поведения. Но, с другой стороны, они могут приводить к такому негативному явлению, как стигматизация личности – навешивание на нее ярлыка.

3. Особенностью отклоняющегося поведения является то, что оно наносит реальный ущерб самой личности или окружающим людям. Это может быть ... ухудшение здоровья. В крайних своих проявлениях девиантное поведение представляет непосредственную угрозу для жизни, например ... употребление «тяжелых» наркотиков. Психологическим маркером ущерба является страдание, переживаемое самим человеком или окружающими людьми.

4. Рассматриваемое поведение преимущественно можно охарактеризовать как стойко повторяющееся (многократное или длительное)» [11].

По мнению Е. В. Змановской, отклоняющееся, зависимое поведение также характеризуют и такие психологические признаки:

- «духовные проблемы – отсутствие или утрата смысла жизни, несформированные нравственные ценности, редуцированные высшие чувства (совесть, ответственность, честность), внутренняя пустота, блокировка самореализации;

- деформации в ценностно-мотивационной системе личности – девиантные ценности, ситуативно-эгоцентрическая ориентация, фрустрированность потребностей, внутренние конфликты, малопродуктивные механизмы психологической защиты;

- эмоциональные проблемы – тревога, депрессия, негативные эмоции, трудности понимания и выражения эмоций;

- проблемы саморегуляции – нарушение способности ставить цели и добиваться их выполнения; неадекватная самооценка, чрезмерный или недостаточный самоконтроль, низкая рефлексия, мало-

продуктивные механизмы совладания со стрессом, низкие адаптивные возможности, дефицит позитивных ресурсов личности;

– когнитивные искажения – дисфункциональные мысли, стереотипы мышления, ограниченные знания, мифы, предрассудки, неадекватные установки;

– негативный жизненный опыт – отрицательные привычки и навыки, девиантный опыт, ригидные поведенческие стереотипы, психические травмы, опыт насилия» [11].

Переход зависимого поведения в патологическое, как отмечается в современных исследованиях, приводит к саморазрушению личности в процессе аутодеструктивного поведения. «Аутодеструктивное (саморазрушительное поведение) – это поведение, отклоняющееся от медицинских и психологических норм, угрожающее целостности и развитию самой личности. Саморазрушительное поведение ... выступает в следующих основных формах: ... химическая зависимость (злоупотребление психоактивными веществами) и др..

Спецификой аутодеструктивного поведения ... в подростковом возрасте является его опосредованность групповыми ценностями» [11].

Считается, что степень выраженности зависимого поведения может быть различной: практически нормальное поведение, вредные привычки и выраженная тяжелая форма физической зависимости, например алкоголизм как клиническая форма зависимости. «Выбор личностью конкретного объекта зависимости отчасти определяется его специфическим действием на организм человека. Как правило, люди отличаются по индивидуальной предрасположенности к тем или иным объектам аддикции. Особая популярность алкоголя во многом обязана широкому спектру его действия – он может с одинаковым успехом использоваться для возбуждения, согревания, расслабления, лечения простудных заболеваний, повыше-

ния уверенности и раскованности» [11].

Современная психологическая литература дает следующие стадии формирования зависимого поведения:

«1. ... под влиянием молодежной субкультуры происходит знакомство с наркотиком на фоне эпизодического употребления, положительных эмоций и сохранного контроля.

2. ... формируется устойчивый индивидуальный ритм употребления с относительно сохранным контролем. Этот этап часто называется стадией психологической зависимости, когда объект действительно помогает на непродолжительное время улучшать психофизическое состояние ...

3. Для следующей стадии характерно учащение ритма употребления при максимальных дозах, появление признаков физической зависимости с признаками интоксикации, синдромом отмены и полной утратой контроля. ... Все это сопровождается ... изменениями личности (вплоть до психического расстройства) и выраженной социальной дезадаптацией.

4. В исходе – социальная изоляция и ... заболевания, несовместимые с жизнью» [11, с. 91].

Для алкоголезависимого поведения характерна цикличность со следующими фазами:

«– наличие внутренней готовности к аддиктивному поведению;

– усиление желания и напряжения;

– ожидание и активный поиск объекта аддикции;

– получение объекта и достижение специфических переживаний;

– расслабление;

– фаза ремиссии (относительного покоя).

Далее цикл повторяется с индивидуальной частотой и выраженностью» [11, с. 91].

Сущность алкоголезависимого поведения, по мнению Е. В. Змановской, заключается в следующем. «Зависимое (аддик-

тивное) поведение это аутодеструктивное поведение, связанное с зависимостью от употребления какого-либо вещества ... в целях изменения психического состояния. Субъективно оно переживается, как невозможность жить без объекта аддикции, как непреодолимое влечение к нему. Это поведение носит выраженный аутодеструктивный характер, поскольку неизбежно разрушает организм и личность» [11, с. 91].

Считается что для предупреждения и преодоления алкоголезависимого поведения, необходима эффективная многоуровневая организованная система психологической профилактики. При этом под рассматриваемой профилактикой понимают систему специальных мероприятий по различным направлениям: медицинскому, социально-психологическому, психологическому, педагогическому и другим (Б. В. Братусь, С. Л. Евенко, Е. В. Змановская, К. С. Лисецкий, В. Д. Менделевич, И. Н. Пятницкая, Ш. И. Спектр, Л. К. Фортова и др.) [2, 9, 11-15, 18, 19].

Следует отметить, что в научной литературе наряду с понятием психологическая профилактика также используется тождественное понятие психологическая превенция, означающее опережающую профилактику и предупреждение алкоголезависимого поведения [11-13].

Обычно в исследованиях выделяют первичную, вторичную и третичную профилактику психологическую профилактику алкоголезависимого поведения (Е. В. Змановская, К. С. Лисецкий, В. Д. Менделевич и др.) [11-14].

Е. В. Змановская полагает, что «Первичная профилактика направлена на устранение неблагоприятных факторов, вызывающих определенное явление, а также на повышение устойчивости личности к влиянию этих факторов. Первичная профилактика может широко проводиться среди подростков.

Задача вторичной профилактики – раннее выявление и реабилитация нервно-

психических нарушений и работа с «группой риска», например подростками, имеющими выраженную склонность к формированию отклоняющегося поведения без проявления такового в настоящее время.

Третичная профилактика решает такие специальные задачи, как лечение нервно-психических расстройств, сопровождающихся нарушениями поведения. Третичная профилактика также может быть направлена на предупреждение рецидивов у лиц с уже сформированным девиантным поведением» [11, с. 120].

Похожая трактовка дается К. С. Лисецким – «...профилактику принято разделять на первичную, вторичную и третичную. В подростковой наркологии первичная профилактика – это предотвращение аддиктивного (зависимого от психоактивных веществ) поведения подростков. Вторичная – предотвращение рецидивов после лечения ранних форм алкоголизма и наркомании. Третичная – реабилитация в случаях неоднократных рецидивов и безуспешного лечения» [13, с. 2].

В отечественных исследованиях выделяются следующие основные принципы психопрофилактической работы алкоголезависимого поведения:

- добровольное участие аддикта в мероприятиях;
- системный подход, как организация воздействия на личность аддикта на различных уровнях (социально-психологическом, психологическом, психофизиологическом) и на различных этапах: первичном, вторичном и третичном с использованием различных форм и методов работы;
- индивидуальный подход с учетом возрастных, гендерных и психологических особенностей личности аддикта;
- конфиденциальность психологической профилактики;
- превентивность мероприятий (опережающий характер) для минимизации негативных последствий;
- личная активность и ответственность

участников;

– обратная связь с аддиктами для предупреждения рецидивного поведения (С. Л. Евенко, Е. В. Змановская, К. С. Лисецкий, В. Д. Менделевич, Ш. И. Спектр, Л. К. Фортова и др.) [9, 11-14, 18, 19].

В исследованиях выделяются различные и многообразные формы психопрофилактической работы, которые обычно подразделяются по содержанию, уровню и особенности воздействия на алкоголезависимое поведение, а также по способу организации работы. По способу организации психопрофилактическую работу подразделяют на: индивидуальную, семейную и групповую профилактику зависимого поведения.

По содержанию и особенности воздействия на алкоголезависимое поведение обычно в научных трудах выделяются следующие основные формы психопрофилактической работы.

«Первая форма – организация социальной среды. ... Воздействие может быть направлено ... через создание негативного общественного мнения по отношению к отклоняющемуся поведению. Объектом работы также может быть семья, социальная группа (школа, класс) или конкретная личность.

Вторая форма – информирование. ... Суть подхода заключается в попытке воз-

действия на когнитивные процессы личности с целью повышения ее способности к принятию конструктивных решений...

Третья форма – активное социальное обучение социально-важным навыкам. Данная модель преимущественно реализуется в форме групповых тренингов...

Четвертая форма – организация деятельности, альтернативной девиантному поведению. Эта форма работы связана с представлениями о заместительном эффекте девиантного поведения...

Пятая форма – активизация личностных ресурсов...

Шестая форма – минимизация негативных последствий девиантного поведения. ... Она направлена на профилактику рецидивов или их негативных последствий» [11, с. 120-121].

Основными методами психопрофилактической работы, по мнению исследователей, считаются: информирование, консультирование, групповые дискуссии, тренинговые упражнения, ролевые игры, моделирование эффективного социального поведения и специальные психотерапевтические методики [9, 11-13].

Содержание, формы и методы и особенности психологической профилактики алкоголезависимого поведения зависят от подходов к проблеме.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Братусь Б. С. Аномалии личности. – М.: Мысль, 1988. – 302 с.
2. Братусь Б. В., Сидоров П. И. Психология, клиника и профилактика раннего алкоголизма. – М.: Медицина, 1984. – 144 с.
3. Гишинский Я. И. Социология девиантного поведения и социального контроля / Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Институт социологии РАН, 1998. – С. 587-609.
4. Грязнов А. Н. Социальная психология аддиктивной личности / А. Н. Грязнов. – Казань: Медицина, 2007. – 350 с.
5. Губочкин П. И. Социально-психологические факторы и коррекция алкогольной зависимости: Автореф. дис. ... канд. психол. наук / Губочкин Петр Иванович; [Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова]. – Ярославль, 1998. – 25 с. – [Спец. 19.00.05 «Соц. психология»].
6. Гулина М. А. Терапевтическая и консультативная психология. – СПб.: Речь, 2001. – 356 с.

7. Давыдов А. В. Профилактика алкоголизма подростков: Автореф. дис. ... канд. пед. наук / Давыдов Алексей Валерьевич; [Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова]. – Ярославль, 2008. – 24 с. – [Спец. 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования»].
8. Евенко С. Л. Диагностика и профилактика употребления спиртных напитков военнослужащими ВВ МВД РФ // Сб. науч. тр. – Вып. 12. – М.: Академия права и управления, 2008. – С. 127-132.
9. Евенко С. Л. Психология отклоняющегося поведения военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Евенко Сергей Леонидович; [Военный ун-т]. – М., 2009. – 46 с. – [Спец. 19.00.05 – соц. психология].
10. Евенко С. Л., Жуков А. М. Диагностика и профилактика отклоняющегося поведения военнослужащих: Монография / Под ред. А. Г. Караяни. – М.: ВУ, 2009. – 235 с.
11. Змановская Е. В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения): Учеб. пособие для студ. высших уч. зав. – М.: Изд. центр «Академия», 2004. – 288 с.
12. Змановская Е. В. Психология девиантного поведения: структурно-динамический подход: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Змановская Елена Валерьевна; [С.-Петерб. ун-т МВД России]. – СПб., 2006. – 49 с. – [Спец. 19.00.06 «Юрид. психология»].
13. Лисецкий К. С. Психологические основы профилактики наркотической зависимости личности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Лисецкий Константин Сергеевич; [РГГУ]. – М.: 2008. – 46 с. – [Спец. 19.00.07 «Педагогическая психология (психологические науки)»].
14. Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения. – СПб.: Речь, 2008. – 445 с.
15. Пятницкая И. Н., Шаталов А. И. Девиантное поведение подростков. – М.: Анахарсис, 2004. – 112 с.
16. Радюкин Е. Е., Морозова О. А. Психологическая профилактика алкогольной аддикции военнослужащих: Монография. – СПб.: ВИТИ, 2010. – 116 с.
17. Разуванов К. А. Педагогическая профилактика пьянства и алкоголизма у военнослужащих частей железнодорожных войск Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. пед. наук / Разуванов Константин Андреевич; [Военный ун-т]. – М., 2001. – 27 с. – [Спец. 13.00. 01 «Общ.педагогика, история педагогики и образования»].
18. Спектр Ш. И. Научное обоснование системы комплексной профилактики наркомании и алкоголизма в субъекте федерации: Автореф. дис. ... д-ра мед. наук / Спектр Шлема Ицкович; [ГУ ННИИ общественного здоровья РАМН]. – М., 2008. – 42 с. – [Спец. 14.00.33 «Общественное здоровье и здравоохранение»].
19. Фортова Л. К. Социально-педагогические основы профилактики алкоголизма и наркомании среди детей и подростков: Автореф. дис. ... д-ра. пед. наук / [Моск. гос. обл. ун-т]. – М., 2002. – 46 с. – [Спец. 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования»].

УДК 159.9
ББК 88.8
Психология

ПСИХОЛОГИЯ

НЕКОТОРЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ И ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ АГРЕССИВНОСТИ РАБОТНИКОВ ОСНОВНЫХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ

Кандидат психологических наук И. Н. Рахманина
М. В. Мельникова

В статье рассматриваются результаты исследования некоторых особенностей личностного адаптационного потенциала и его взаимосвязи с агрессивностью личности у работников основных энергетических профессий одной из крупных энергетических компаний г. Астрахани. Выделяются психологические особенности профессиональной деятельности и профессиональной деформации работников энергетического комплекса. Проводится сравнение выраженности некоторых характеристик адаптационного потенциала и агрессивности респондентов с учетом их социально-демографических характеристик.

Ключевые слова

Агрессивность, агрессивное поведение, надежность профессиональной деятельности, личностный адаптационный потенциал

В последние десятилетия интерес к проблеме человеческой агрессии носит глобальный характер. Современные условия профессиональной деятельности, характеризующиеся информационными, интеллектуальными и эмоциональными перегрузками стимулируют рост агрессивности. Это может привести к профессиональной деформации. Нахождение же оптимального уровня сочетания профессионально важных качеств, способствует повышению эффективности профессиональной деятельности [3].

Любая профессия инициирует образование профессиональных деформаций личности. Характер, степень выраженности профессиональных деформаций зависят от характера, содержания деятельнос-

ти, престижа профессии, стажа работы и индивидуально-психологических особенностей личности. Часто встречаются следующие деформации: авторитарность, агрессивность, консерватизм, социальное лицемерие, поведенческий трансфер, эмоциональная индифферентность [8].

Профессиональные деформации могут проявляться на четырех уровнях: *общепрофессиональные деформации*; *специальные профессиональные деформации*, возникающие в процессе специализации по профессии (любая профессия объединяет несколько специальностей и каждая специальность имеет свой состав деформаций); *профессионально-типологические деформации* (обусловленные наложением индивидуально-психологических осо-

бенностей личности – темперамента, способностей, характера – на психологическую структуру деятельности и в результате складываются профессионально и личностно обусловленные комплексы); *индивидуализированные деформации* (обусловленные особенностями работников самых различных профессий).

В процессе многолетнего выполнения профессиональной деятельности, психологического сращивания личности и профессии отдельные профессионально важные качества, как, впрочем, и профессионально нежелательные, чрезмерно развиваются, что приводит к возникновению сверхкачеств, или акцентуаций. Это могут быть сверхответственность, суперчестность, гиперактивность, трудовой фанатизм, профессиональный энтузиазм. Данные деформации можно назвать «профессиональным кретинизмом» [9].

Степень выраженности деформации определяется стажем работы, полом, содержанием профессиональной деятельности и индивидуально-психологическими особенностями личности [6].

Исследованию агрессивности и агрессивного поведения уделяется значительное внимание во всех основных психологических направлениях. Проблемы психофизиологической надежности профессиональной деятельности и сохранения здоровья персонала энергетических предприятий становятся все более актуальными.

Энергетический комплекс характеризуется с одной стороны высокой сложностью технологических систем и высокой ценой ошибки в деятельности персонала, а с другой стороны самым большим разнообразием неблагоприятного воздействия на персонал опасных и вредных производственных факторов, обусловленных физическими, климатогеографическими, психофизиологическими, химическими, и другими особенностями среды, в которой осуществляется деятельность.

Если большинство угроз для жизни воздействуют на человека соответствующи-

щими образами опасности (шум, высокие температуры, вибрация и т. п.), запуская бессознательные программы осторожности, то энергетические процессы никак себя не обнаруживают. Психика человека не выработала для них адекватных образов опасности, ориентировка персонала психологически неполноценна, лишена «чувственной» опоры и проходит исключительно в символической форме (электрические схемы, законы, абстрактные физические представления), забывая о присутствии невидимой угрозы – электрического тока. [Руководство по организации и проведению психофизиологических обследований персонала. Рук. 80380011-ИА-ИСМ 001-2010].

В процессе своей деятельности оперативный персонал подвергается воздействию гелио-метеорологических и геофизических факторов, которые, многократно суммируясь, усиливают свое неблагоприятное воздействие. В результате чего происходят резкое снижение профессиональной работоспособности и психофизиологических профессионально-важных качеств: страдают функции внимания, происходит ухудшение показателей оперативной памяти, значительно замедляются различные сенсомоторные реакции и процессы логического мышления. При длительных перегрузках физиологические реакции в ответ на кратковременные стрессоры исчезают сразу же, как только ситуация меняется. Более длительные нагрузки приводят к стойкой адаптации физиологической системы, которая сопровождается повышением сопротивляемости организма. Однако организм имеет ограниченные резервы адаптационных возможностей, и чрезмерные по силе и длительности нагрузки способствуют их истощению. Процессы психофизиологических и соматических реакций не совпадают с ритмом социальной и производственной жизни, и в итоге возникает социально-биологическая аритмия (С. В. Лазарев). Следует учитывать, что адапта-

ционный процесс характеризуется для личности высокой и экстремальной сложностью.

Следствием всех этих особенностей профессиональной деятельности персонала энергетических предприятий являются психическая напряженность, конфликты, кризисы, снижение продуктивности профессиональной деятельности личности, неудовлетворенность жизнью и социальным окружением [6].

Однако в современной психологии прослеживается тенденция, в соответствии с которой многие исследователи отказываются от абсолютизации какого-либо одного фактора, детерминирующего человеческую агрессию. Преобладающим становится подход, согласно которому предпочитается многофакторное понимание причин агрессии и учитываются различные ее детерминанты.

Среди факторов агрессивного поведения рассматривают *социально-психологические* факторы; *микросоциальные* факторы, которые определяются характеристиками родительской семьи (ее состава, качества воспитания, благоприятными или неблагоприятными условиями воспитания), самого индивида (социальное и имущественное положение, уровень образования, трудовой статус), особенностями межличностного взаимодействия (формальный, неформальный статус индивида, мера индивидуальной адаптации, коммуникативные предпочтения и проч.); *макросоциальные* факторы, обеспечивающие связь агрессии с наиболее общими тенденциями развития популяции в целом (социальными, экономическими, демографическими процессами); *личностно-психологические* факторы, т. е. качества личности, формирующиеся в процессе социализации на уровне отдельного индивида и так или иначе связанные с его агрессивностью; *биолого-психологические* факторы, т. е. формирующиеся в процессе онтогенеза (индивидуального развития человеческого организма) и определяю-

щие поведение индивида на биологическом уровне. К ним относятся генетические, гормональные, нейромедиаторные, нейроанатомические и половые факторы.

Феномен агрессии и ее связь с адаптацией часто выступает предметом теоретического анализа в классических трудах по психологии. Одни исследователи (такие как К. Хорни, К. Роджерс, А. Маслоу) утверждают, что агрессия – это проявление не адаптивных характеристик невротической личности. Другие (З. Фрейд, К. Лоренц) утверждают, что агрессия является проявлением наследственно заложенных программ, и, следовательно, изначально несет в себе адаптивную функцию. Несколько иной подход можно встретить у Э. Фромма, который считает, что, что агрессия может носить как адаптивный характер («доброкачественная» агрессия), так и дезадаптивный («злокачественная» агрессия). Доброкачественная агрессия определяется тем, что проявляется лишь в ситуации фрустрации и не сохраняется после завершения ситуации.

Агрессивность имеет качественную и количественную характеристику. Как и всякое свойство, она имеет различную степень выраженности, от почти полного отсутствия до его предельного развития. Каждая личность должна обладать определенной степенью агрессивности. Отсутствие ее приводит к пассивности, ведомости, конформности и т. д. Чрезмерное развитие ее начинает определять весь облик личности, которая может стать конфликтной, неспособной на сознательную кооперацию и т. д. Сама по себе агрессивность не делает субъекта сознательно опасным, так как, с одной стороны, существующая связь между агрессивностью и агрессией не является жесткой, а с другой – сам акт агрессии может не принимать сознательно опасные и неодобряемые формы. В житейском сознании агрессивность является синонимом «злонамеренной активности». Однако само по себе де-

структивное поведение «злонамеренностью» не обладает, таковой его делает мотив деятельности, те ценности, ради достижения и обладания которыми активность разворачивается. Внешние практические действия могут быть сходны, но их мотивационные компоненты прямо противоположны [14].

Значение фрустрационных теорий агрессии заключается в том, что в них вводится другой фактор для объяснения поведения – ситуационный. С этой точки зрения агрессия выступает как реакция на фрустрацию, внешние причины провоцирующие агрессивные действия (Д. Доллард, Н. Миллер).

Теории социального научения, рассматривают агрессивность как явление социальное, которое формируется в течение жизни, в частности в процессе социализации. Решающая роль в процессе формирования навыков агрессивного поведения отводится наблюдению за образцом, в качестве которого могут выступать члены референтной группы (А. Бандура, А. Басс). В теории социального научения также рассматриваются когнитивные модели агрессии, рассматривающие эмоциональные, волевые и когнитивные процессы, лежащие в основе этого типа поведения (Л. Берковиц, Д. Зильманн).

До сих пор остается неоднозначным нравственное значение понятие «агрессивность». Представители этико-гуманистического подхода (А. Маслоу, К. Роджерс, В. Франкл), рассматривают агрессию, как деструктивный элемент, который не свойственен человеческой природе и не способствует эффективной деятельности. Ученые эволюционно-генетического подхода утверждают, что агрессия является неотъемлемой частью человеческой натуры и помогает нам выжить не только физически, но и психологически (К. Лоренц, З. Фрейд, Э. Фромм) [10].

Таким образом, агрессивность человека неоднородна, варьирует от слабой до крайней степени, различна по своей мо-

дальности и назначению.

Нами также была предпринята попытка исследования ряда детерминант агрессивного поведения, а так же взаимосвязи адаптационных ресурсов личности и агрессивности личности. В нашей работе мы исходили из позиций комплексного, интегрального подхода рассмотрения агрессивности как сложного, многоуровневого, системно организованного феномена, который биологически обусловлен и социально зависим.

Выборку данного исследования составили работники энергетической компании в возрасте от 25 до 45 лет в количестве 257 человек (12 женщин, 245 мужчин). Средний возраст респондентов – 42 года. 22% имели высшее образование, 28% – среднетехническое, 28% – средне-специальное и 22% – полное среднее.

Работа в сложных, а иногда в экстремальных условиях, в которые попадают работники данного профиля деятельности, предполагает наличие определенных личностных качеств индивидуума, пластичности нервной системы, адаптационных возможностей, обеспечивающих высокий уровень поддержания гомеостатических функций нейрогуморальных систем организма, быстрой реакции и умения принимать решения в условиях дефицита времени. Степень выраженности и продолжительности процессов профессиональной адаптации в ее социальном аспекте определяются характеристиками самого адаптируемого человека (Н. Г. Максимова).

Исследование проводилось с помощью специального устройства «Психофизиолог», которое было разработано для обеспечения многоуровневого контроля различных психофизиологических характеристик персонала, позволяющее исследовать, в том числе параметры агрессивности, импульсивности, общий индекс адаптивности и ряд личностных характеристик обеспечивающих адаптивность личности в социальной среде. позволяю-

ший оценить функциональное состояние человека, наличие и выраженность акцентуаций, широкий спектр операторских качеств, личностные особенности адаптантов, которые определяются психологическими спецификами, обуславливающими успешное выполнение профессиональных задач.

В работе использовались следующие методики: «Вариационная кардиоинтервалометрия», «Простая зрительно-моторная реакция», «Сложная зрительно-моторная реакция», «Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность», «Шкала тревожности Спилбергера-Ханина».

Для выявления демографических и социально-психологических характеристик использовались социально-демографические данные респондента (возраст, образование, стаж работы, служба в армии, семейное положение, должность и карьерный рост, вредные привычки, хобби). Анкетирование не было анонимным и проходило в рамках планового психофизиологического обследования. Также в качестве метода исследования выступали наблюдение и анализ алгоритмов работы. Полученные результаты подвергались количественному и качественному анализу.

Анализ взаимосвязи ряда социально-психологических характеристик с усредненными показателями агрессивности и импульсивности у обследуемых показал, что импульсивность несколько выше у тех работников, которые не состоят в браке, курят и служили в армии, при этом агрессивность выше у тех, кто не состоит в браке, не курит и служил в армии.

Нами также было установлено, что связь между агрессивностью и некоторыми личностными параметрами зависит от уровня и характера образования. В ходе исследования испытуемые были условно разделены на 4 группы с учетом характера и уровня образования (высшее, среднее техническое, среднее специальное и среднее).

Выявлена корреляционная связь между

параметром «импульсивность» и тревожность (мнительность) у всех испытуемых.

Установлена связь между абстрактным мышлением, и импульсивностью у испытуемых с разным уровнем образования, за исключением испытуемых имеющих среднее техническое образование. Импульсивность черта характера, выражающаяся в склонности действовать без достаточного сознательного контроля, под влиянием внешних обстоятельств или в силу эмоциональных переживаний. При этом люди, имеющие так называемый технический склад ума в меньшей степени, чем другие подвержены эмоциональным импульсам, что на наш взгляд объясняет полученные результаты (учитывая взаимовлияние многих составляющих системы «Человек-техника-среда»).

Вместе с тем у работников этой группы выявляется связь между экстраверсией и импульсивностью. Характеризуя типичного экстраверта, Г. Айзенк отмечает его общительность, широкий круг знакомств, импульсивность, оптимистичность, слабый контроль над эмоциями и чувствами.

Выявлено наличие связи между показателями активность, поверхностность у работников, имеющих среднее специальное образование.

Установлена отрицательная связь между импульсивностью и поведенческой регуляцией у специалистов со средним образованием, т. е. чем ниже уровень поведенческой регуляции, тем выше уровень импульсивности. Возможно, такие работники способны совершать действия без учета последствий, давая непосредственные реакции на ситуацию.

Показано также, что моральная нормативность может способствовать самоконтролю и тормозить проявления импульсивности у респондентов имеющих среднее специальное и среднее техническое образование.

У работников, имеющих высшее образование, прослеживается связь между им-

пульсивностью и психотическими реакциями. «Психотическая личность» (не патологическая) характеризуется Г. Айзенком как эгоцентрическая, эгоистическая, бесстрастная, неконтактная.

Из таблицы мы видим, что связи между теми же параметрами и агрессивностью у обследуемых работников не обнаружено. Исключение составляет параметр дезадаптивные проявления, Установлена

отрицательная связь между агрессивностью и дезадаптированными проявлениями у работников, имеющих высшее образование. Следовательно, чем выше уровень агрессивности, тем ниже дезадаптация. Возможно, именно в этом случае мы имеем дело с так называемой доброкачественной агрессией.

Полученные результаты представлены в таблице.

Таблица

Связь показателей агрессивности и личностного адаптационного потенциала с уровнем образования у обследуемых респондентов

Параметры	Образование			
	высшее	среднее техническое	среднее специальное	среднее
Дезадаптивные проявления	-0,4019	-0,2429	-0,1555	0,0152
Сенситивность	0,2634	0,2275	-0,0909	-0,1001
Тревожность, мнительность	0,4961	0,4517	0,4898	0,3789
Абстрактность мышления	0,5205	0,3203	0,5748	0,7307
Активность, поверхностность	0,3046	0,2441	0,3873	0,1557
Интроверсия-экстраверсия	0,0783	0,4945	0,0414	-0,1437
Психотические реакции	0,3504	-0,2745	-0,1754	-0,2488
Поведенческая регуляция	0,1106	-0,0298	-0,1155	-0,3344
Моральная нормативность	0,1095	-0,3342	-0,3323	-0,1261
Дезадаптивные проявления	-0,2482	-0,3212	-0,2786	-0,2551

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет сделать вывод о том, что специфической особенностью деятельности работников основных энергетических профессий является высокая степень эмоционального напряжения, обусловленная необходимостью принятия и реализации решений, зачастую в условиях острого дефицита времени, выпол-

нением одновременно нескольких операций, необходимостью восприятия больших объемов информации. При этом нужно учитывать взаимовлияние многих составляющих системы «Человек-техника-среда». Тогда как профессиональная адаптация работника выступает интегральной производной, критерием эффективности использования профессионального комп-

лекса.

В нашей работе мы рассмотрели агрессивность как сложный, многоуровневый, системно организованный феномен, который биологически обусловлен и социально зависим. Мы определили агрессивность как типичную характеристику субъекта деятельности персонала энергетических профессий, которая связана с его индивидуально-психологическими особенностями и условиями профессиональной деятельности. В результате проведенных нами теоретических и практических исследований можно заключить, что формы проявления агрессивности чрезвычайно сложные и многообразные.

Агрессивность, выступая психологической характеристикой личности и про-

фессиональной деятельности оперативного персонала основных энергетических профессий, может иметь как негативный, так и позитивный эффект, что зависит от уровня ее проявления, а также наличия определенных личностных качеств индивидуума, пластичности нервной системы, адаптационных возможностей, обеспечивающих высокий уровень поддержания гомеостатических функций нейрогуморальных систем организма, быстрой реакции и умения принимать решения в условиях дефицита времени.

В целом, проведенная нами работа, показала эффективность примененной технологии и необходимость продолжения серии подобных исследований и наметила их перспективные направления.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Авилов А. В. Новый взгляд на деятельность руководителя // Проблема теории и практики управления. – 2000. – № 3. – С. 110-115.
2. Айрапетян С. Г. Возникновение, развитие и основные сферы использования понятия «адаптация» / С. Г. Айрапетян. – Ереван: Ин-т народного х-ва, 1984. – 58 с.
3. Батаршев А. В. Психология личности и общения: Пособие для студ. вузов и слуш. курсов повышения квалификации / А. В. Батаршев. – М.: ВЛАДОС, 2004. – 243 с.
4. Бодалев А. А. Психология о личности: Монография / А. А. Бодалев; Рец.: Е. А. Климов, Б. Ф. Ломов. – М.: Московский университет, 1988. – 191 с.
5. Бэрн Р. Агрессия = Human Aggression: Учебное пособие для студентов и аспирантов психологических факультетов, слушателей курсов психологических дисциплин на гуманитарных факультетах вузов / Р. Бэрн, Ричардсон Д.; Пер. с англ.: С. Меленевская, Д. Викторова, С. Шпак; УМО ун-ов России по психологии; УМО ун-ов России. – СПб.: Питер, 1999. – 351 с.
6. Змановская Е. В. Девиантология: Психология отклоняющегося поведения: Учеб. пособие для студ. вузов, изучающих психологию, социальную работу и социальную педагогику / Е. В. Змановская; Рец.: С. А. Кулаков, М. М. Решетников; УМО вузов России по образованию в области социальной работы. – М.: Академия, 2006. – 288 с.
7. Конопкин О. А. Зависимость скорости приема информации человеком от индивидуальной выраженности основных свойств нервной системы // Вопросы профессиональной пригодности оперативного персонала энергосистем. – М.: Просвещение, 1966. – С. 195-218.
8. Кричевский Р. Л. Если Вы руководитель. Элементы психологии менеджмента в повседневной работе / Р. Л. Кричевский. – М.: Дело, 2000. – 348 с.
9. Кузьмин Е. С. Руководитель и коллектив / Е. С. Кузьмин, И. П. Волков, Ю. Н. Емельянов. – Л.: Лениниздат, 1999. – 178 с.
10. Лачугина Ю. Н. Агрессивность в структуре личности и профессиональной деятельности руководителя: Автореф. дис. ... канд. психол. наук / Ю. Н. Лачугина. – Улья-

новск, 2003. – 24 с.

11. МаксUTOва Н. Г. Психологические факторы профессиональной адаптации диспетчеров экстренных служб: Автореф. дис. ... канд. психол. наук / Н. Г. МаксUTOва. – Москва, 2007. – 25 с.

12. Налчаджян А. А. Социально психическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии) / А. А. Налчаджян. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1988. – 263 с.

13. Подмарков В. Г. Введение в промышленную социологию / В. Г. Подмарков. – М.: Мысль, 1973. – 318 с.

14. Рогов Е. И. Настольная книга практического психолога: Учебное пособие: В 2 кн. – Кн. 1: Система работы психолога с детьми разного возраста / Е. И. Рогов. – М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. – 384с.

15. Руководство по организации и проведению психофизиологических обследований персонала. Рук. 80380011-ИА-ИСМ 001-2010. ОАО «МРСК-Юга». – Ростов-на-Дону, 2011. – 73 с.

16. Шадриков В. Д. Деятельность и способности / В. Д. Шадриков. – М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. – 285 с.

17. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – М.: АСТ, 2006 – 640 с.

УДК 378
ББК 74.480
Педагогика

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ

Кандидат педагогических наук Е. А. Рассолова

В статье рассмотрены основные направления деятельности педагога по формированию правовой культуры у студента гуманитарного вуза с целью ее проявления в будущей профессиональной деятельности.

Ключевые слова

Вуз, студент, педагог, правовая культура, педагогическая деятельность

В обществах с демократическими режимами одной из важнейших целей образования является формирование у молодежи правовых ценностей. Система высшего профессионального образования обладает большим потенциалом в формировании у студентов правовой культуры. Она через проведение особых педагогических мероприятий, разработку специфических педагогических программ, коммуникативных технологий создаст для личности наиболее благоприятные условия для формирования у нее положительной Я-концепции, представляющей собой комплекс всех знаний личности об обществе, самом себе, о важности адекватной оценки правовых норм и соответствующего им поведения.

В этом аспекте отдельного рассмотрения требует вопрос особенностей студенческого возраста с точки зрения наличия предпосылок для формирования этого качества личности. Главной характеристикой этого периода является устремление студентов на свое будущее, на свою профессию, ведущей деятельностью для студенчества является

профессионально-познавательная. Основные новообразования этой стадии становления личности заключаются в социальной зрелости, самостоятельности, взрослости, определении смысла и стиля жизни, определении личностно-профессиональной позиции, профессиональном самоопределении, правовой убежденности и др.

Основным средством усвоения студентами правовой культуры является приобретение правовых знаний в процессе обучения или самообразования, а высокий уровень правовой культуры личности проявляется в развитости ее правовой сознательности, что означает достаточную степень овладения личностью правовыми знаниями. Их наличие ей не только уважать право, но и критически, творчески относиться к нему. Важность знания норм права заключается в том, что человек, получивший определенные правовые знания, должен осознавать объективную необходимость соблюдения правовых норм в данных обстоятельствах. Это должно выразиться в его потребностях в правомерном поведении. Однако, правовые знания яв-

ляются лишь начальным этапом в формировании правовой культуры студенчества.

Важно понимать, что студенты, обучающиеся в вузе, находятся на этапе своего профессионального, социального и личностного становления и некоторым из них не хватает целеустремленности, самостоятельности, ответственности, может повлечь за собой правонарушающее поведение.

Необходимость сформировать нравственную личность, снабдить ее жизненными ориентирами, привить позитивную реакцию на «хорошие» ценности и негативную – на «плохие» и на этом фоне сформировать правовую культуру – одна из основных задач образования и воспитания.

В статье нами обосновываются значимость и необходимость формирования правовой культуры у студентов в процессе их профессиональной подготовки в вузе; выявляются предпосылки и возможности для ее развития, заключающиеся в особенностях деятельности педагога по формированию правовой культуры студентов.

Как отмечает Е. А. Соболева, успешность профессиональной подготовки во многом зависит от «развивающего характера взаимодействия» главных субъектов учебно-воспитательного процесса в вузе. Каждый из вступающих во взаимодействие не просто «содействует развитию другого», но именно в этом находит условия для собственного личностного развития. Теоретическими предпосылками данного утверждения могут являться концепция личности как субъекта идеальной представленности и продолженности человека в другом человеке и идеи педагогики сотрудничества [4. С. 81].

Развивающее взаимодействие зависит от характера направленного и ненаправленного воздействия, которое проявляется в образовательном процессе, когда не только организованный процесс, но и личность самого преподавателя играет важную роль. Данная роль определяется «уровнем мастерства преподавателя, его педагогической культурой, стилем педаго-

гического общения и активной жизненной позицией» [там же].

Практика показывает, что вчерашние школьники, сегодняшние студенты, завтрашние профессионалы владеют определенными стереотипами педагогической деятельности, которые сложились под влиянием восприятия учителей в процессе совместной учебно-воспитательной работы школ. И, как отмечает в диссертационном исследовании Н. А. Масюков [3], для студентов педагогическое общение с преподавателем – образ их будущего взаимодействия с другими. Они «примеривают» на себя его поведение, усваивают методику преподавания, отношение к науке и творчеству (Н. В. Кузьмина, Ю. В. Шаронин, Л. М. Фридман и др.). Это неизбежно вызывает потребность студента в самовоспитании и постоянном самоосознании себя как будущего профессионала (С. Б. Елканов, И. А. Зазюн, А. И. Щербаков и др.).

По мнению В.К. Дьяченко, суть процесса обучения заключается в общении обучающего и обучаемого, в ходе которого происходит передача социального опыта одного поколения другому. Между двумя социальными группами в процессе взаимодействия обучающего с обучающимися и обучаемых между собой автор выделяет четыре основные организационные формы обучения:

- индивидуальная, если преподаватель обучает одного студента;
- групповая, когда преподаватель обучает одновременно несколько групп обучаемых;
- коллективная, когда обучение происходит в виде общения в динамических парах или как диалог между всеми участниками учебного процесса [2].

Воспитательная деятельность преподавателя является центральным звеном учебно-воспитательного процесса. Однако, практика показывает, что педагогическая деятельность преподавателей не всегда в полной мере отвечает предъявляемым требованиям. Это проявляется, преж-

де всего, в следующем:

- целью и смыслом преподавательского труда часто выступает не обучающий и его учебная деятельность, а исполнение репродуктивных функций передатчика информации без учета того, как она усвоена;

- педагоги не ставят задачи по повышению качества правовой культуры студентов, предполагается, что это личная проблема самого обучающегося;

- занятия не всегда выполняют свою главную, человекоформирующую функцию;

- зачастую оценка выставляется обучающемуся за знания и способность их воспроизводить, а не за способность к творческому их осмыслению и применению и т. д.

Эта деятельности педагога не способствует раскрытию творческого и профессионального потенциала будущего специалиста, обучение не приносит удовлетворение обучающемуся, не развивает его познавательную активность.

Результаты исследования показывают, что причины, порождающие такое состояние педагогической практики, разнообразны.

Например, анализ учебно-воспитательного процесса в вузе показывает, где педагоги стремятся организовать активную учебную деятельность студентов, привлекают различные формы, методы и средства, эффективно формирующие правовую культуру, делают все возможное, чтобы вовлечь обучающегося в созидательный учебный процесс, там достигается наивысший результат: у студентов проявляется стремление самостоятельно «добывать» знания, размышлять, применять эти знания на практике. Такой учебный труд требует усилий, напряжения всех внутренних сил, но он же доставляет радость и удовлетворение, приносит позитивные результаты.

Наиболее позитивное влияние на развитие правовой культуры студента оказывает такой учебный процесс, в котором преподаватель стремится включить в свою педагогическую деятельность эле-

менты новаторской педагогики. Этому способствуют:

- построение взаимоотношений между педагогом и студентом на позициях сотрудничества, сотворчества, взаимодоверия, взаимоуважения и взаимопомощи;

- отказ от принудительного обучения, стремление развить познавательный интерес обучающихся к правовой тематике;

- обеспечение активной и успешной работы каждого студента на каждом занятии и др.

Именно это в конечном итоге и обеспечивает позитивное влияние педагогов на повышение качества правовой воспитанности студентов и формирование личностной культуры, в том числе правовой.

Мы отмечаем, что процесс изменений в уровне эффективности воспитания правовой культуры студентов непосредственно связан с ростом активности и качества воспитательной деятельности преподавателей, которые выражаются: в обновлении и актуализации содержания применяемого в ходе занятий учебного материала, в систематизации используемых материалов, в интенсификации и индивидуализации обучения, в применении технологий, развивающих навыки проявления правовых знаний и др. Первоначально прирост качества деятельности преподавателей идет за счет совершенствования методической стороны преподавания, затем он захватывает содержательную сферу обучения и только потом переходит на воспитательную сферу. При повышении качества воспитательного влияния на обучающихся изменяется учебная результативность студентов, а с ростом качественной составляющей воспитательной деятельности наблюдается и рост удовлетворенности преподавателей и студентов проводимыми занятиями.

Развитие процесса формирования у студентов правовой культуры зависит от уровня и направленности воспитательной деятельности педагога, а именно от проявления мотивационного компонента, т. е. устойчи-

ности социальных и профессиональных мотивов: убежденность в необходимости улучшить качество подготовки студентов; стремление принести своей деятельностью наибольшую пользу; быть не хуже других; завоевать авторитет у студентов и коллег и др. Иногда в воспитательной деятельности педагога доминирующими являются мотивы социальной идентификации или желание избежать неприятностей в работе и критики со стороны руководства и др.

Процесс повышения эффективности формирования у студентов правовой культуры начинается, как правило, с поиска методических приемов, обеспечивающих успешное освоение учебной программы, чему способствуют применяемые на занятиях правовые разминки, анализ практических ситуаций, индивидуальные и групповые задания по решению проблемных ситуаций, задачи и другие формы. Немаловажную роль играет готовность преподавателей к эффективному решению педагогических задач, по мере роста которой они стремятся перейти от поиска «своего стиля» преподавания к совершенствованию программы обучения и к пониманию воспитательной роли дисциплины по отношению к правовой воспитанности личности.

Развитие процесса формирования у студентов правовой культуры во многом зависит от направленности исследовательской деятельности преподавателей, активности участия в научной работе. Практика показывает, что преподаватели, владеющие навыками научной работы, более эффективно участвуют в поиске новых более эффективных приемов, методов воспитания студентов, вносят более существенные и значимые предложения в обновление учебных программ и технологии учебно-воспитательной деятельности.

Исследование нами проблемы формирования правовой культуры позволило выявить факторы, влияющие на результативность протекания данного процесса, среди которых мы отметим педагогические, определяющие уровень профессио-

нальной готовности преподавателя к осуществлению эффективной деятельности по формированию у студентов вузов правовой культуры, и социально-психологические, характеризующие взаимоотношения между студентом и преподавателями и господствующую в коллективе морально-психологическую атмосферу, влияющую на заинтересованность или безразличие к правовым знаниям.

На основании вышеизложенного, к основным педагогическим путям и условиям повышения эффективности формирования правовой культуры у студентов вузов мы относим:

- разработку и реализацию современных технологий педагогической деятельности преподавателей по формированию готовности студентов к проявлению полученных правовых знаний на практике в профессии;
- организацию продуктивного диагностирования студентов с целью выявления на начальном этапе фактического уровня правовой культуры, а на заключительном – результативного осуществления индивидуально-воспитательных и групповых воздействий на сформированность правовой культуры;
- проектирование тем и способов общения с обучающимися;
- конструирование учебной информации профессионального характера;
- коррекцию плана действий в случае выявления каких-либо отклонений в уровнях сформированности правовой культуры студентов;
- построение взаимоотношений с обучающимися на основе сотворчества, взаимоуважения, взаимодоверия, доброжелательности, взаимопомощи;
- обеспечение максимальной индивидуализации, интенсификации процесса обучения;
- создание благоприятных условий для усвоения знаний и целостного развития личности студента.

Среди названных условий уделим внимание процессу диагностики уровней пра-

вовой культуры студентов. Под диагностированием мы понимаем разработку системы научно обоснованных действий, связанных с применением диагностических методов исследования личности обучающегося в интересах эффективного формирования у него правовой культуры, а также критериев и показателей проявления этих качеств личности. Например, исходным критерием развития правовой культуры студентов является критерий достаточности правовых знаний, а также правильное употребление ими основных понятий и терминов права и пр. Другим показателем данного критерия является наличие у них знаний по анализу, прогнозированию, программированию и планированию в будущей профессиональной деятельности правовоспитательной работы с учащимися.

Таким образом, под формированием у студентов правовой культуры в процессе обучения в вузе понимается: профессионализм преподавателя, транслирующего правовые знания студентам; специально организованная и управляемая со стороны преподавателя система действий обучающихся, ведущая к их личностному развитию, формированию у них правовых знаний и убеждений, устойчивости в преодолении возникающих сложностей; развитие творческих задатков студентов, способности к проявлению на практике полученных знаний, а также готовность педагогов к проведению этой работы. Преподаватель несет не только систему знаний, но и передает студентам свое мотивационно-ценно-

стное отношение к этим знаниям, а также личностную ориентированность педагога на проявление правовой культуры. Педагог-мастер предлагает студентам такие формы работы, которые незаметно вовлекают всех в полезную целенаправленную деятельность. Увлеченность педагога предметом переходит на уровне подсознания студента в свою манеру, в свою собственную увлеченность. Когда преподаватель передает учебный материал через призму своего восприятия, своего личного опыта, своего ценностного отношения к праву, то он моделирует и определенное отношение студентов к этому материалу.

Собственная увлеченность педагога предметом вызывает у студентов ответное желание «раскрыться». От педагога требуется искренность подачи материала, педагогическое чутье, эмоциональный настрой [1].

Таким образом, в учебно-воспитательном процессе проявляются особенности деятельности педагога в вузе, способствующие формированию у студентов осознанного отношения к правовым ценностям, чувства уважения к закону, убежденности в необходимости и социальной значимости укрепления правовой основы государственной и общественной жизни. Это, в свою очередь, является предпосылкой дальнейшего развития у студентов потребности соблюдать, исполнять и использовать правовые нормы, необходимым условием формирования ценностно-правовой ориентации на правомерное социально значимое поведение, трансляцию своих знаний учащимся в своей бу-

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Генишер Э. З. Педагогические условия формирования правовой культуры студентов: Дис. ... канд. пед. наук. – М., 2003.
2. Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А. Психология высшей школы (Особенности деятельности студентов и преподавателей вуза). – Мн., 1978.
3. Масюков Н. А. Формирование профессионального самосознания студентов педагогических специальностей: аксиологический подход: Дис. ... канд. пед. наук. – Краснодар, 2001.
4. Соболева Е. А. Становление субъектной позиции студента в процессе профессиональной подготовки // Студент как субъект образовательного процесса: Материалы межрегион. научно-практич. конференции. – Краснодар, 2005.

МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ М. Е. ЕВСЕВЬЕВА
РЕСПУБЛИКА МОРДОВИЯ, г. САРАНСК

УДК 37.032:159.923

ББК 74.005.1

Педагогика

**ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ: ПОИСК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ
ОСНОВАНИЙ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНО-
ТОЛЕРАНТНОЙ ЛИЧНОСТИ¹**

Кандидат педагогических наук И. Г. Рябова

Кандидат педагогических наук Т. Н. Приходченко

В статье рассмотрены теоретико-методологические основания проблемы формирования культуры межнациональных отношений. Показана значимость воспитания культурно-толерантной личности в контексте традиционной культуры различных этносов. Приводятся результаты исследования проблемы межэтнических отношений, которые характеризуют уровень поликультурного воспитания в современной школе.

Ключевые слова

Межнациональные отношения, культура межнациональных отношений, поликультурный регион, поликультурное воспитание, толерантная личность, формирование культурно-толерантной личности

В связи с новыми социально-экономическими условиями изменилось содержание межнациональных отношений. В этой связи особо актуальной задачей, стоящей перед обществом и педагогической наукой является формирование культуры межнациональных отношений. Эта задача становится ещё более актуальной в свете происходящих межэтнических конфликтов, имеющих вооружённый характер.

История отечественной педагогики включает в себя многочисленные поиски путей формирования положительного отношения к представителям разных наци-

ональностей, но, несмотря на это проблема изучена ещё недостаточно.

Анализ литературы показал, что значительный вклад в разработку проблемы знакомства детей с народами разных национальностей внёс А. С. Макаренко. Он считал, что из детей необходимо вырастить людей грамотных, честных, высококультурных, а главное – стремящихся к единству с другими народами. Являясь основателем теории воспитательного коллектива, педагог предложил эффективные средства для преодоления националистических предрассудков среди детей разных национальностей и сплочения дружбы и

¹ Работа проводится при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ за счет средств ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы по теме: «Формирование культурно-толерантной личности в поликультурном социуме» (государственный контракт № 14.В37.21.2001).

товарищеской взаимопомощи.

О важности и необходимости воспитания культуры взаимоотношений между различными народами писал и В. А. Сухомлинский, отмечая связь ребёнка с Отечеством и народами его населяющими.

В 30-е годы был накоплен интересный опыт по формированию культуры межнациональных отношений. При этом ряд учёных (Л. Раскин, Н. Дюжакова-Главная, К. Дружницкая и др.) отмечали, что эта работа должна иметь длительный, повседневный и систематический характер. Одними из первых, кому принадлежит попытка определить задачи, принципы и содержание работы в данном направлении, были Л. И. Красногорская, А. С. Фредгейм. Они раскрыли основное содержание этой работы, отметив, что она должна носить активный характер, пронизывать весь воспитательный процесс, воспитательные дела должны воспитывать у детей дружелюбное отношение к людям разных национальностей.

Заслуживает особого внимания исследование Е. И. Родиной, проведённое в 40-50-е годы. Она провела работу по отбору и систематизации конкретного материала, относящегося к жизни и деятельности разных народов. По мнению автора, детей надо знакомить в первую очередь с трудом и бытом людей той национальности, к которой они принадлежат. Только после этого можно давать им сведения об особенностях других национальностей.

В эти же годы появились работы А. П. Усовой, в которых рассматривалось значение народного творчества в формировании любви, уважения и дружеского отношения к людям разных национальностей.

В 60-х годах большой вклад в разработку проблемы межнациональных отношений внесла Р. И. Жуковская. Она разработала принципы формирования дружеского отношения детей к людям разных национальностей, воспитания положительно-го отношения к представителям разных национальностей. Разработанные Р. И. Жуковской подходы получали дальнейшее раз-

витие в 70-е-80-е годы в работах Л. И. Богомоловой, Э. К. Сулова и других учёных. При этом отмечалось, что культура межнациональных отношений формируется при общении с детьми разных национальностей, когда создаются условия для конкретного проявления гуманного, уважительного отношения к ним.

В 80-90-е годы передовые педагоги остро осознали необходимость планомерного воспитания у детей культуры межнациональных отношений (Н. Позднякова, В. Кугина, Ф. Каллагова, В. Утехина и др.). В этот период появляется новая концепция воспитания – миротворческое воспитание, в основе которого лежат идеи мира, взаимопонимания, сотрудничества. Реализация данной концепции призвана побуждать учащихся выражать своё отношение к глобальным проблемам человечества, к проблемам, касающимся непосредственного окружения (национальная рознь, конфликты, нарушение прав человека и др.). Развитию современных подходов к миротворческому воспитанию способствует международное общественное движение «Педагоги за мир и взаимопонимание», призванное содействовать воспитанию человека, способного жить в гармонии с природой, нациями, людьми, самим собой.

Современный этап развития общества ознаменовался своего рода взрывом этничности. Сегодня, в пору оживления этнических процессов, проблемы межнациональных отношений вызывают огромный интерес, ибо от их стабильности зависит устойчивость социальной системы не только зоны конфликта, но и всего международного сообщества.

Экономическое, социальное расслоение общества оказало влияние на состояние взаимоотношений между нациями, этносами, которые в большей степени стали зависеть от социокультурных факторов: усиления национализма, национальной неприязни, низкой культуры общения, недружелюбия. В последнее время актуализируется проблема углубления взаимодействия

народов и их культур, толерантности, уважения друг к другу, к людям иной конфессиональной принадлежности.

Проблема межкультурных отношений коснулась многих поликультурных регионов нашей страны, на территории которых проживают представители различных национальностей: русские, мордва, татары, армяне, азербайджанцы, цыгане, грузины, узбеки, таджики и др. Поэтому в современных условиях необходимо воспитание и обучение в духе толерантности к культуре различных этносов.

Россия – страна многонациональная. В ее состав входит более 120 этносов, при этом только 74 % из них могут быть названными коренными. В названии всех национально-административных единиц закреплено имя так называемого титульного народа (исключение составляет Дагестан, где титульными считаются 10 наиболее крупных этносов). Таким образом, к титульным народам относится в совокупности 41 этнос. Остальные, в том числе и сами русские, принадлежат к нетитульным.

Отметим, что все национально-территориальные единицы России реально являются сегодня национально-смешанными территориями. В большинстве случаев титульный этнос не составляет большинства населения данной территории, более того – не является в ней наиболее многочисленным, уступая русским. С точки зрения этногенеза коренные российские этносы принадлежат:

- к различным расовым и этническим группам (индоевропейской, северокавказской, уральской, алтайской, чукотско-камчатской, эскимосско-алеутской и некоторым другим);
- к нескольким большим языковым семьям (индоевропейской, финно-угорской, тюркской, кавказской, палеоазиатской и др.);
- к различным религиозным и культурным зонам и традициям (христианской, мусульманской, буддистско-ламаистской, локальным шаманистским культам).

Эта сложность и мозаичность реальной языковой и этнокультурной ситуации предопределяет объективные трудности в организации системы образования и воспитания.

С целью исследования проблемы межэтнических отношений, которые характеризуют уровень поликультурного воспитания в школе, нами проводилось анкетирование учителей. В исследовании данной проблемы приняло участие 97 учителей из разных городов и регионов Российской Федерации: Москвы, Санкт-Петербурга, Ульяновской области, Смоленска, республики Чувашия, республики Мордовия (г. Саранск, Чамзинский район, Лямбирский район, Ичалковский район, с. Атемар) и др. Профессиональный стаж учителей составляет от 2-х до 37 лет.

Представим анализ результатов анкетирования.

На вопрос анкеты «Существует ли в школе, в которой Вы работаете, проблема межэтнических отношений между учащимися» только 4% учителей ответили, что есть такая проблема. 96% считают, что в школе такой проблемы нет.

Проблема межэтнических отношений по степени новизны для 44% является знакомой, встречалась раньше на практике; 8% респондентов ответили, что данная проблема по степени новизны является нестандартной; 48% затруднились дать ответ на этот вопрос.

По степени сложности проблема межэтнических отношений между учащимися для 4% опрашиваемых является очень сложной; 22% ответили, что данная проблема для них довольно сложная, 30% – несложная и 44% не ответили на этот вопрос.

На вопрос, «Каким способом Вы решаете эту проблему в своей профессиональной деятельности» 26% выбрали ответ «интуитивно», столько же (26%) ответили, что изучают дополнительную литературу; (22%) обращаются за помощью к специалистам; 15% обращаются за помощью к коллегам. «Иное» указали 7% учителей.

Способ решения данной проблемы они видят в системно организованной работе по межэтническим отношениям. 9 % опрошиваемых учителей не смогли сформулировать ответ.

Большинство опрошенных (30%), этап, на который приходится основные трудности в процессе разрешения проблемы межэтнических отношений в школе, считают этап «в ходе принятия решения»; 19% – «в ходе анализа ситуаций»; 4% – «в ходе выполнения принятого решения». 47% на этот вопрос не ответили.

Возникающие проблемы межэтнических отношений школьников удается разрешать 33% учителей; 15% удается разрешать возникающие проблемы межэтнических отношений школьников частично. Ответ «не удастся» не выбрал никто. 52% респондентов затруднились ответить на данный вопрос.

41% удовлетворены предпринимаемыми действиями в разрешении проблем межэтнических отношений в школе. Ответ «нет» не выбрал никто; затруднились с ответом 4%, не ответили на данный вопрос 55% учителей.

Учителями отмечены следующие способы, которые использовались для повышения эффективности разрешения проблемы межэтнических отношений между учащимися: большинство учителей (37%) использовали «изучение специальной литературы»; 30 % использовали собственный опыт и столько же (30%) – «консультацию со специалистами»; 7% учителей обращаются за помощью к коллегам.

Для осуществления воздействия на проблему межэтнических отношений в школе были выбраны следующие средства: совместные мероприятия; доступные жизненные ситуации и примеры; беседы; диспуты; классный час, технологии поликультурного образования; интерактивные формы работы; игры. В качестве приемов были отмечены следующие: использование примеров из художественной литературы, из жизни; опросы, дискуссии; опосредованное влияние; переключение вни-

мания с принадлежности к национальности к личным достижениям; добрые, человеческие отношения; изучение культуры других народов.

На вопрос «Каким Вам видится способ оптимального разрешения проблемы межэтнических отношений в школе» были получены следующие ответы: создание в школе социокультурной среды; проведение работы с учащимися и родителями по вопросу культуры других народов; сотрудничество с детьми; развитие школьного образовательного пространства как территории толерантных взаимоотношений в системе «ученик-учитель-родители»; доброжелательные отношения, взаимопонимание между всеми участниками образовательного процесса; воспитательная работа; включение всех детей в совместную учебную и внеурочную деятельность; создание «ситуации успеха» для каждого ребенка; перевод межэтнической проблемы в другую плоскость; воспитание толерантности учащихся; недопустимость доведения дела до конфликта; беседы, знакомство с культурой разных народов, проведение праздников, экскурсий; проведение данной работы в системе урочной, внеурочной деятельности; сотрудничество с детьми, родителями; активное совместное участие учащихся в различного рода проектах, направленных на формирование этнокультурной компетентности; освоение родной и неродной этнокультур; формирование адекватной модели поведения; духовное совершенствование личности, милосердие.

По результатам анкетирования можно сделать вывод о том, что в целом педагоги понимают важность и сложность изучаемой проблемы. Между тем достаточно большое количество (около 40 %) респондентов не смогли оценить степень сложности проблемы межэтнических отношений между учащимися и удовлетворенность от действий в разрешении межэтнических конфликтов в школе. Данные педагоги не видят адекватных способов решения этой проблемы в собственной профессиональной деятельно-

сти. Анализ анкет позволил выявить, что большой процент учителей не дают никакого ответа на поставленные вопросы. В связи с этим можно констатировать тот факт, что поликультурное воспитание в многонациональной школе пока не стало приоритетом образования. Современные педагоги слабо ориентированы на диалог культур.

Сегодня система образования должна отразить интересы не только государства, но и остальных общественных субъектов, в том числе и интересы этноса. Школьное воспитание происходит при межэтническом и межкультурном взаимодействии больших и малых народов. В этой ситуации особо остро стоит проблема воспитания толерантности, которая, как считают специалисты, непосредственно отражает процесс взаимодействия и взаимовлияния культур в рамках одного государства.

В последние годы в России выполнялись федеральная и региональная программы, исследовательские проекты Академии образования РФ по изучению и внедрению воспитания толерантности в многокультурной и многоэтнической школе. Российские педагоги выявили многозначность воспитания в духе толерантности, а также сформулировали некоторые педагогические определения этого феномена [1-2]. Так, Т. В. Архипова предложили считать толерантностью миролюбивость, терпимость к этническому, религиозному, политическому, конфессиональному, межличностным разногласиям, признание возможности равноправного существования «другого». П. В. Степанов рассматривает толерантность как ценностное отношение человека к людям, выражающееся в признании, принятии и понимании им представителей иных культур. Р. Г. Дмитриев важным свойством толерантности считает принятие, уважение и утверждение культурных различий – толерантность предполагает осознание того, что мир является многомерным.

Среди основных направлений формирования толерантности выделяется «развитие

межкультурной толерантности, воспитание в духе открытости и понимания других народов, многообразия их культур и истории. В разные эпохи данная проблема приобретала специфические оттенки. Права на сохранение своего языка, своих культурных ценностей, традиций, имен предъявлялись как фундаментальные требования и защищались этносами на разных уровнях. Современное общество ставит свои задачи, устанавливает нормы, делает свои новые акценты в содержании понятия толерантности на всех уровнях и во всех аспектах, в том числе отношений. В настоящее время каждый человек включен в систему этносодержащих отношений как носитель культурных традиций, системы связей своего этноса. Толерантность, таким образом, – объективная необходимость в процессе многочисленных контактов человека с другими этносами в полиэтническом мире, где человек, относящийся к определенному этносу, изначально принадлежит всей совокупности полиэтнического сообщества.

Много работ посвящено вопросам методики воспитания толерантности у школьников. Как правило, центральное место в них отводится следующим аспектам:

а) введение в содержание образования специального этнокультурного материала, дающего школьникам информацию о различных культурах;

б) ознакомление школьников с традициями дружбы, взаимопомощи и добрососедства представителей различных рас, народов, конфессий;

в) формирование представлений учащихся о правах и свободах человека.

Воспитание толерантности в многонациональном классе постепенно становится неотъемлемой частью образовательного процесса. Это предполагает пересмотр учебных программ. Поликультурность должна пронизывать все школьные предметы и прежде всего дисциплины гуманитарного, эстетического циклов. При этом особое внимание следует уделять программам по изучению языков, литературы, искусства, истории.

Литературу, искусство следует преподавать, избегая монокультурных подходов, приобщая учащихся к особенностям культуры разных этнических групп. В программы музыкального воспитания надлежит включать произведения, отражающие духовный склад тех или иных этносов, выражающие чувства любви к своему народу, культуре, быту. Погружение в музыкальные богатства разных культур и народов воспитывает уважительное отношение к их самобытной духовности. Программы по истории должны показывать связь народов и культур, становление величайших цивилизаций в результате межкультурного взаимодействия.

Однако проблему воспитания толерантности личности еще нельзя признать изученной в достаточной мере.

Во-первых, мало исследован вопрос о том, как педагогу работать с такими сдерживающими развитие толерантности явлениями, как социальные стереотипы, культуроцентризм, ксенофобия. Признавая воспитывающее значение процесса ознакомления детей с различными культурами, мы все же считаем, что не следует отводить этому ведущую роль в процессе воспитания толерантности. Как отмечает В. А. Тишков, интеллектуальность вовсе не усиливает и не гарантирует толерантность.

Во-вторых, не исследован возрастной контекст воспитания толерантности. В каком возрасте складываются наиболее благоприятные предпосылки для формирования этого личностного качества? Какой возраст является наиболее сензитивным к воспитанию толерантности?

В-третьих, недостаток многих предлагаемых путей воспитания толерантности в том, что они ориентированы на дополнительные спецкурсы, факультативы, учеб-

ные модули. Школьные программы часто являются перегруженными. Возникает потребность разработки таких методик, применение которых было бы возможным в рамках обычной школьной программы, на обычных уроках и внеклассных занятиях со школьниками.

Сформулируем ряд условий, при которых система формирования этнокультурной толерантности будет эффективна: развитие в учениках гордости за этническую культуру, которую они унаследовали (язык, традиции, сказания, песни и т. д.); включение полиэтнического материала во всех аспектах обучения и воспитания; принятие и уважение этнических форм и отличий; создание атмосферы, в которой ученики не боялись бы рассказать о своих проблемах, переживаниях и оскорбленных чувствах; проведение в жизнь идеи равенства всех этносов без выделения какого-либо из них. Следует показать всем учащимся, независимо от того, являются ли они представителями большинства или меньшинства, что их образование нельзя считать законченным, если они не способны решать проблемы этнокультурного разнообразия, межнациональной и межкультурной толерантности.

Таким образом, анализ теоретических источников показал, что за годы развития педагогики по проблеме воспитания уважительного отношения к людям разных национальностей сделаны важные теоретические обобщения, найдены научные подходы к отбору содержания, средств, методов воспитания с учетом возрастных особенностей. Данные обобщения являются весьма ценными и востребованными в свете реализации одного из приоритетных направлений воспитания – формирования чувства уважения к совместно проживающим и соседним народам, их языку и обычаям, воспитание терпимости, культуры межнационального общения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Джуринский, А. Н. Воспитание в многонациональной школе: пособие для учителя / А. Н. Джуринский. – М.: Просвещение, 2007. – С. 45-53.
2. Степанов, П. В. Воспитание толерантности у школьников: теория, методика, диагностика / под ред. Л. И. Новиковой. – М.: АПК и ПРО, 2003. – 84 с.

УДК 159.922.8

ББК 88.352

Психологические науки, психология развития, акмеология

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ, СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Кандидат психологических наук Л. В. Сенкевич

Кандидат психологических наук Д. А. Донцов

Данная научная статья посвящена всестороннему анализу психологических и социальных особенностей очень интересного и важного возрастного этапа в развитии личности, – периода юношеского возраста. Описаны социальная ситуация развития, специфика ведущей деятельности и психологические новообразования юношеского возраста. Рассмотрены особенности интеллектуального развития и эмоционально-личностного развития личности в юности.

Ключевые слова

Возрастные психологические особенности, студенческий возраст, юношеский возраст, социально-психологические характеристики, развитие личности, социальная ситуация развития, ведущий вид (тип) деятельности, сфера общения, психические новообразования, интеллектуальное развитие, эмоциональное развитие, развитие мотивов, профессиональное развитие, профессиональное становление

Юношеский («студенческий») возраст, – период юности в развитии личности (16-17 – 22-23), – это, как правило, – социально-психологическое («социализационное») начало самостоятельной, взрослой жизни человека [1-3, 5, 9, 11, 14, 17-19, 21].

16-17 лет – 22-23 года, – это, в широком смысле, целостный юношеский возрастной и социально-психологический этап развития личности человека.

Наряду с этим, в юности выделяются следующие возрастные периоды: 16-17 лет, – ранняя юность (по И. С. Кону и др.), 17-21 год, – собственно (в узком смысле) юность, 22-23 года, – поздняя юность. Эти

возрастные периоды имеют свою специфику, но, при этом, обладают и многими общими характеристиками [1-3, 5, 9, 11, 12, 14, 17-19, 21].

Основными социально-психологическими и возрастными характеристиками и факторами любого периода развития личности являются: социальная ситуация развития личности, ведущий вид деятельности, сфера общения, психические новообразования, параметры интеллектуального развития, эмоциональные качества личности [1-5, 7-9, 11, 12, 14, 17-19, 21, 23, 26].

Социальная ситуация развития личности в юности характеризуется в первую

очередь тем, что юношам и девушкам предстоит во многом самостоятельно (автономно) выйти на путь трудовой деятельности и определить своё место в обществе (следует заметить, что эти процессы весьма вариативны). В связи с этим, существенно меняются в сторону заметного возрастания социальные требования к юношам и девушкам (что явно видно по сравнению с подростками), изменяются общественные условия, в которых происходит их личностное формирование: они должны быть подготовлены к труду, к семейной жизни, к выполнению гражданских обязанностей [1-5, 7-9, 11-19, 21-26].

Юность для юношей и девушек – это время выбора жизненного пути, учеба в ВУЗе, обучение и работа по выбранной специальности (включая поиск её), создание семьи, для юношей, вероятно, – служба в армии.

Юношество, в современный период социально-экономического и политического развития нашего общества и государства, оказалось в условиях продолжающейся ценностной нестабильности общественного сознания. В текущий период времени нет востребованных идеалов в прошлом, но и в настоящем ещё не определены новые, адекватные происходящим в стране и в мире переменам ориентиры для предстоящего развития, – социального, профессионального, личностного самоопределения. Поэтому, сегодня, юношеству очень трудно выделить и усвоить нормы взрослой жизни. Отсюда – смятение в мыслях и неуверенность в завтрашнем дне у многих и многих лиц юношеского возраста.

Помимо этого, современный этап социального развития общества «сдвинул» в психологическом и «деятельностном» планах (смыслах, значениях) границы всех возрастов в сторону более раннего наступления зрелости (в том числе – социальной зрелости). Данный процесс происходит по многим экономико-политико-социальным направлениям, но, вместе с этим, парадоксально усиливается социальный инфантилизм среди юношества и моло-

дёжи. Тем не менее, в отличие от сравнительно недавнего прошлого, к лицам молодого возраста, «только что» закончившим ВУЗы, обществом сегодня применяется термин (и подход) «уже взрослые люди» и возрастают общественные ожидания по отношению к студенческой молодёжи. В этой связи, на современном этапе в целом возрастает значимость юношеского возраста как для успешного формирования личности юношей и девушек, так и для продуктивного социального развития общества.

С усложнением жизнедеятельности в юношеском возрасте происходит не только количественное расширение диапазона конвенциональных (социальных) ролей и интересов, но и качественное их изменение. В современный период общественного развития на юношеском («студенческом») возрастном этапе «появляются» всё больше «взрослых» социальных ролей, – с вытекающей отсюда большей мерой самостоятельности и социальной ответственности юношей и девушек.

В современный период, в 14 лет (ранее в 16 лет) подростки (фактически – уже юноши и девушки) получают паспорт ГРАЖДАНИНА РФ; в 18 лет юношество законодательно получает активное избирательное право и возможность вступать в брак; с 14 лет подростки (практически – уже социально ответственные личности) становятся ответственными за тяжкие уголовные преступления, с 16 лет – почти за все уголовные преступления, в полном объёме «взрослая» уголовная ответственность наступает, по закону, с 18 лет. Практически все юноши и девушки интенсивно думают о выборе профессии и «деятельностно» выбирают её, включая учёбу по выбранной специальности, очень многие уже начинают трудовую деятельность в студенческом возрасте и т. д. Все указанные параметры представляют собой элементы т. н. взрослого социально-экономического статуса лиц юношеского (студенческого) возраста.

Ведущая деятельность в юношеском возрасте, в общем и целом, – учебно-профессиональная. Социальные мотивы, связанные с личностным будущим, начинают активно побуждать учебную деятельность в юношеском (студенческом) возрасте. В юности проявляется большая избирательность к учебным дисциплинам. Основной мотив познавательной деятельности в юности, – это стремление приобрести социально значимую и престижную профессию [1-5, 7-9, 11-19, 21-26].

Психологическую базу для профессионального самоопределения в юности составляет, прежде всего, социальная потребность юношей и девушек занять позицию взрослого человека, осознать себя в качестве члена общества, определить себя в мире, т. е. понять себя и свои возможности наряду с пониманием своего места и назначения в жизни.

Другим важнейшим фактором, составляющим психологическую базу профессионального самоопределения и обеспечивающим готовность юношества к вступлению во взрослую жизнь, является наличие способностей и потребностей, которые позволяют с возможной полнотой реализовать себя на гражданском поприще, в труде, в будущей семейной жизни. Это, во-первых, потребность в общении и овладение способами его построения; во-вторых, теоретическое мышление и умение ориентироваться в различных формах теоретического познания (научном, художественном, этическом, правовом), что выступает в виде сложившихся основ научного и гражданского мировоззрения, а также развитой рефлексии, с помощью которой обеспечивается осознанное и критическое отношение к себе; в-третьих, потребность в труде и способность трудиться, овладение трудовыми навыками, позволяющими включиться в производственную деятельность, осуществляя её на творческих началах.

Общие мировоззренческие поиски «заземляются» и конкретизируются юноше-

ством в жизненных планах. Чем старше юноша и девушка, тем насущнее становится необходимость жизненных выборов развития. Из множества воображаемых, фантастических или абстрактных возможностей постепенно «проступает» несколько наиболее реальных и приемлемых вариантов, между которыми и предстоит выбирать. Понятно, что многое в юности вырисовывается лишь в самом общем виде. Самым важным, неотложным и трудным делом становится для юношества выбор профессии. Психологически устремлённый в будущее и склонный даже мысленно «перепрыгивать» через незавершённые этапы, юноша хорошо понимает, что содержание этой будущей жизни, прежде всего, зависит от того, сумеет ли он правильно («лично верно») выбрать профессию. Каким бы беззаботным, легкомысленным и беспечным ни выглядел(а) внешне юноша (девушка), выбор своей профессии, – это его(её) главная и постоянная «деятельностная» забота.

Сфера общения в юношеском возрасте имеет большое значение для развития личности, что выражено в высокой значимости, для юношей и девушек, именно качественных характеристик процесса коммуникации. Начав в отрочестве («подростничестве») планомерное созидание своей личности, начав сознательно строить способы общения, очень молодой человек продолжает этот путь совершенствования значимых для себя качеств в юности. Юноша, стремясь к самоидентификации, продолжает открывать через постоянные внутриличностные рефлексии свою ускользающую сущность. Он остаётся легкоранимым – ироничный взгляд, меткое саркастическое слово другого, особенно, более старшего по возрасту и авторитетного человека, – могут разом «обезоружить» молодого человека и «сбить» с него так часто демонстрируемый им «на публику» (для самоутверждения) социальный апломб [1-5, 7-9, 11-19, 21-26].

Серьёзное, глубокое влияние на восприятие мира юношами и девушками ока-

зывает то социальное пространство (микросоциум, мезосоциум и макросоциум), в котором они живут и действуют. Здесь, в живом общении, познается жизнь и деятельность взрослых, состоявшихся в профессии людей.

Тем не менее, семья остается тем микросоциумом, где юноши и девушки себя чувствуют наиболее спокойно и уверенно. С родителями обсуждаются жизненные перспективы, главным образом – профессиональные. Жизненные планы юноши и девушки обсуждают и с преподавателями, и со своими взрослыми знакомыми, чье мнение для них важно, и, конечно, друг с другом.

Большое значение для развития личности в юношеском возрасте имеет общение со сверстниками. Общение со сверстниками в юношеском возрасте – это специфический канал информации, особый вид межличностных отношений, а также один из видов эмоционального контакта. В юношеском возрасте почти совсем преодолевается свойственная предшествующим этапам психоонтогенеза психологическая зависимость от взрослых, происходит утверждение социально-психологической самостоятельности личности, чему способствует насыщенная коммуникация со сверстниками. В отношениях со сверстниками, наряду с сохранением коллективно-групповых «подростнических» форм общения, нарастает значение индивидуальных контактов и привязанностей.

В юношеском возрасте становится важным и актуальным поиск спутников жизни и единомышленников, возрастает потребность в сотрудничестве с людьми, укрепляются связи со своей социальной группой, появляется чувство интимности во взаимодействии с некоторыми людьми. Юношеская дружба уникальна, она занимает исключительное место среди других привязанностей. Однако, потребность в психологической (эмоционально-чувственной) интимности в юности практически «ненасытаема», удовлетворить её

крайне трудно. Повышаются требования к дружбе, усложняются её критерии. Юность считается «привилегированным» возрастом дружбы, но сами юноши и девушки полагают настоящую дружбу редко встречающейся. Эмоциональная напряжённость дружбы в юношеском возрасте снижается при возникновении любви. Юношеская любовь предполагает существенно большую степень эмоциональной интимности, нежели чем дружба, но любовь в юности, что характерно именно для этого возраста, как бы включает в себя дружбу.

К концу юношеского возрастного периода заканчиваются процессы физического созревания человека. В юности происходит т.н. завершающая гормональная перестройка, сопровождающая полное половое созревание, что приводит к усилению сексуальных переживаний. Для большинства юношей и девушек характерен резкий рост интереса к сексуальным вопросам. Наблюдается существенное возрастание сексуальных форм поведения. Большое значение юношами и девушками придается «деятельностной» выраженности их принадлежности к вполне определённой полу. Развитие половой идентификации в юности представляет собою психосоциальный процесс полномасштабного усвоения человеком своей половой социальной роли и признания этой его роли обществом.

В юношеском возрасте, наряду с отмеченным выше, отмечаются две несколько противоположные тенденции в области общения и взаимодействия с другими людьми: расширение сферы общения с одной стороны, и растущая индивидуализация, обособление от социума с другой стороны.

Первая тенденция проявляется в стремлении к идентификации (уподоблению) с другими людьми. Это явление внешне проявляется в увеличении времени, которое расходуется именно на «чистое», «лицом к лицу» общение (повсеместно, – 3-4

часа в сутки в будни, 7-9 часов, – в выходные и праздничные дни), в существенном расширении социального пространства (охвата) общения, и, наконец, в особом феномене, получившем название «ожидание общения», т. е. в самом поиске его, в постоянной готовности к контактам. Высокий уровень потребности в общении, проявляющийся в расширении его сферы и общих интересов, объясняется активным физическим, умственным и социальным развитием юношей и девушек и, в связи с этим, увеличением круга их познавательных интересов по отношению к окружающим людям и к окружающему миру в целом. Важным обстоятельством в этом вопросе является и возросшая в юношеском возрасте потребность в совместной деятельности (взаимодействии) – она во многом и находит своё удовлетворение в общении. В юности особенно возрастает необходимость и в новом опыте и в признании, в защищённости, в эмоциональной интимности. Это также определяет рост потребности юношей и девушек в общении с окружающими людьми, рост потребности быть принятыми социумом, потребности быть признанными обществом (здесь мы даже не рассматриваем общение в социальных сетях, не рассматриваем разнообразные активные Интернет-коммуникации юношей и девушек).

Вторая закономерность, которая проявляется в общении в юности, это психологическое стремление к индивидуализации и к социальному обособлению. Об этой тенденции свидетельствует строгое разграничение юношеством природы (характера) взаимоотношений с окружающими людьми, высокая избирательность в дружеских привязанностях, подчас максимальная требовательность к общению в диаде. Стремление к обособлению – это желание оградить свой внутриличностный уникальный мир от психологического вторжения сторонних, и, даже, близких людей, для того, чтобы укрепить своё «чувство личности», чтобы сохранить свою индивидуальность, реализовать

свои притязания на признание. Обособление как средство удержания психологической дистанции при взаимодействии с другими людьми, позволяет юношеству «сохранять свое лицо» на эмоциональном и рациональном уровнях общения в социальном мире.

Говоря о социально-психологических потребностях в уподоблении и в обособлении, надо так же меть в виду, что развитие личности (особенно в юности) можно рассматривать как процесс двуединый. С одной стороны, это уподобление (сличение с кем-то) себя другим людям в процессе общения (социально-психологическая идентификация), а с другой, – отличие (отделение, отчуждение) себя от других в чём-то, в каких-то аспектах, происходящее в результате процесса обособления. Причём, в общении уподобление и обособление протекают, в юности, в тесном единстве.

Психические новообразования юношеского возраста имеют ярко выраженную возрастную психофилогенетическую специфику, и, разумеется, подвержены психоонтогенетическим особенностям. Юность – завершающая стадия психологического этапа персонализации, периода нахождения самоидентичности. Главные психические новообразования (приобретения) юношеского возраста: глубокая рефлексия; развитое осознание собственной индивидуальности; формирование конкретных жизненных планов; готовность к самоопределению в профессии; установка на сознательное построение собственной жизни; постепенное вращение (вхождение) в различные сферы жизни и деятельности; развитие самосознания; активное формирование мировоззрения [1-5, 7-9, 11-19, 21-26].

В юношеский возрастной период довольно напряжённо происходит формирование нравственного сознания, осуществляется выработка и формирование ценностных ориентаций и идеалов, устойчивого мировоззрения, гражданских качеств

личности. Юность – решающий этап формирования мировоззрения личности. Мировоззрение – это не только система знаний и опыта, но и система убеждений, переживание которых в юности сопровождается чувством их истинности (юношеский максимализм), правильности. Поэтому, в юности формирование мировоззрения связано с решением т.н. смысловых проблем. Явления действительности интересуют юношу и девушку не сами по себе, а в связи с собственным отношением к ним. Мировоззренческий поиск в юности включает в себя социальную ориентацию личности, осознание себя в качестве частицы социальной общности (социальной и/или профессиональной, культурной группы, нации и/или этноса и т. п.). Юношеством осуществляется осознанная ориентация на своё будущее социальное положение (выбор социально-профессионального статуса), осмысливаются способы его достижения.

Психологическое содержание юношеского этапа развития личности, наверное, в большей степени связано именно с развитием самосознания как психического образования, с решением задач профессионального самоопределения и со вступлением во взрослую жизнь. К 16-17 годам (ранняя юность по И. С. Кону и др.) уже возникает особое психическое измерение в структуре самосознания, которое обозначается термином самоопределение. С точки зрения развития самосознания субъекта, в юношеском возрасте самоопределение характеризуется осознанием себя в качестве члена общества и конкретизируется в новой, общественно значимой позиции. С 17 до 20 лет (собственно юность, юность «в узком смысле») самосознание личности всё больше развивается, усложняется, структурируется, приобретая системно (но не во всех деталях) законченный вид к поздней юности, – к 22-23 годам.

В юности активно формируются познавательные и профессиональные интересы, потребность в труде, способность строить

жизненные планы, общественная направленность личности. Становление устойчивого самосознания и стабильного «Образа Я» – возможно, центральное психологическое новообразование юношеского возраста. В юности практически окончательно складывается система представлений человека о самом себе, сформировывается некое обобщённое представление о себе, которое, независимо от того, истинно оно или нет, представляет собой психологическую реальность, влияющую на поведение, порождающую те или иные переживания. При этом, в самосознание активно входит психологический фактор времени, юноша и девушка начинают «жить будущим».

Центральным фокусом значимости всех мировоззренческих проблем в юности становится проблема смысла жизни («Для чего я живу?», «Как мне жить?», «Что мне сделать для того, чтобы жить так, как я хочу?»). Юношество ищет глобальную и универсальную формулировку своего самовыражения: «служить людям» (работать с людьми, приносить пользу людям); «познавать людей», «познавать себя». Наряду с этим, юношество остро интересуется не столько вопрос «Кем быть?», сколько «Каким быть?», а также гуманистические ценности, в чём ярко проявляется общественная направленность личности в юношеском возрасте. Этому возрасту специфичны свойственны сложная рефлексия и глубокий самоанализ как проявления психологической смысловой ориентации в контексте экзистенциального самопознания.

Самоопределение, как личностное, так и профессиональное, – характерная черта юношества (студенчества). Выбор профессии упорядочивает и приводит в систему соподчинения все разнообразные мотивационные тенденции в юности (студенчестве), идущие как от непосредственных интересов личности, так и от других многообразных мотивов, порождаемых условиями социально-профессионального выбора.

Интеллектуальное развитие в юности имеет так же свою специфику. Появля-

ются повышенная склонность к самоанализу и потребность систематизировать, обобщать свои знания о себе (разбираться в своем характере, своих чувствах, действиях, поступках). Происходит соотношение (соотнесение) себя с неким идеалом, активизируется возможность самовоспитания. Мышление в юности (студенчестве) приобретает личностный эмоциональный характер. Появляется некоторая познавательная страстность к теоретическим и мировоззренческим проблемам (активно развиваются интеллектуальные чувства). Эмоциональность проявляется в особенностях переживаний по поводу собственных возможностей, способностей и личностных качеств (интеллектуальное измерение самооценки). Интеллектуальное развитие выражается в тяге к обобщениям, поиску закономерностей и принципов, стоящих за частными фактами. В юности (студенчестве) возрастают концентрация внимания, объём памяти, увеличивается т. н. логизация учебного (познаваемого) материала (усваиваемой информации). В юности (студенчестве) так же активно формируется (на завершающей стадии развития данной высшей психической функции) абстрактно-логическое мышление. В юношеском (студенческом) возрасте выражено проявляется познавательное умение самостоятельно разбираться в сложных (т. н. многопричинных) вопросах. У людей юношеского (студенческого) возраста мышление становится более систематическим и критическим по сравнению с отрочеством. При этом, когнитивные процессы юношей и девушек весьма подвержены эмоциям и чувствам. Юноши и девушки требуют доказательств и обоснования тех утверждений, которые они слышат от преподавателей, окружающих их и близких им людей. Они любят поспорить, нередко увлекаются остроумными выражениями, красивыми фразами, оригинальной и творческой формой выражения своих мыслей по разным учебным предметам [1-5, 7-9, 11-19, 21-26].

Происходит в юношеские (студенческие) годы и совершенствование (развитие) памяти. Это относится не только к тому, что увеличивается вообще объём памяти, но и к тому, что в значительной мере меняются способы запоминания (активно применяются т. н. мнемические приёмы запоминания). Наряду с активизирующимся произвольным запоминанием, у юношества (студенчества) наблюдается широкое применение рациональных приемов произвольного запоминания материала.

Эмоциональные личностные свойства в юности также активно развиваются и усложняются. Происходит существенная перестройка эмоциональной и волевой сферы, проявляется самостоятельность, решительность, критичность и самокритичность, выражено неприятие лицемерия, ханжества, грубости. Юношеский возраст характеризуется повышенной эмоциональной возбудимостью (неуравновешенностью, резкая смена настроения, тревожность и т. п.). В то же время, чем старше юноша и девушка, тем сильнее выражено у них улучшение общего эмоционального состояния, так как у них прошёл кризис ранней юности. Развитие эмоциональности в юности тесно связано с индивидуально-личностными свойствами человека, с его самосознанием (что было раскрыто выше), с его самооценкой. Все это детерминировано (обусловлено) усилением личностного контроля, самоуправленения, новой стадией развития интеллекта (что так же раскрывалось выше), открытием своего внутреннего мира. Открытие своего внутреннего мира, его эмансипация от взрослых – может быть, главное приобретение юности. Внешний мир начинает восприниматься «через себя». Возрастает волевая регуляция (развивается внутренний локус контроля). У юношества ярко проявляется сильно выраженное стремление к самоутверждению [1-5, 7-9, 11-19, 21-26].

В юности происходит самооценка (и эмоциональная переоценка, сравнитель-

но с подростковым возрастом) своей внешности (особенно у девушек). Юноши и девушки остро переживают замечаемые ими у себя самих признаки реального или мнимого избыточного веса, а так же слишком большого или слишком маленького, как им кажется, роста, достаточно остро переживаются и другие элементы своей внешности, – в этом так же выражается эмоциональное измерение самооценки.

Одна из самых важных психологических эмоциональных характеристик юности – самоуважение (принятие, одобрение себя или непринятие себя, неудовлетворённость собой). Здесь в юности (студенчестве) наблюдается заметное расхождение между «Идеальным Я» («Желаемым Я») и «Реальным Я» («Социальным Я»).

Копинг-стратегии (стратегии преодоления, стратегии совладания) являются наиболее актуальными в данный возрастной период поведенческими способами справиться с возникающими социальными трудностями или со специфическими внешними и внутренними требованиями, которые воспринимаются индивидом в качестве психологического напряжения или превышают его психологические возможности.

Взаимосвязь стратегий преодоления, механизмов психологической защиты и личностных особенностей во многом является психической и деятельностной базой для поведенческих, эмоциональных и личностных изменений, что, в свою очередь, существенно определяет развитие личности в период юношеского возраста.

Однако, эмоциональные трудности и несколько психологически болезненное протекание юношеского возраста – побочные и не всеобщие свойства юности. Существует, по-видимому, закономерность, действующая в психофилогенезе и в психоонтогенезе, согласно которой вместе с возрастанием уровня самоорганизации и саморегуляции индивида повышается эмоциональная чувствительность, но одновременно, возрастают и возможности

психологической защиты.

Круг факторов, способных вызывать у человека эмоциональное возбуждение (эмоциональную реакцию), в юношеском возрасте расширяется. Разнообразнее становятся способы выражения эмоций, увеличивается продолжительность эмоциональных реакций, вызываемых кратковременным эмоциональным раздражением. Вместе с этим, в юности происходит усложнение и развитие механизмов психологической защиты и форм поведения личности в конфликтных ситуациях.

Эмоциональные изменения в период юности во многом определяются механизмами психологической защиты, которые используют юноши и девушки в качестве способа адаптации к меняющемуся внешним и внутренним условиям. Это – рост социальной ответственности, необходимость следовать социальным нормам, увеличение потребностей на фоне недостатка возможностей их удовлетворения, смена приоритетов в мотивационной сфере и т. д.

Лишь к концу юношеского возраста молодой человек начинает реально овладевать психологическими защитными механизмами, которые не только позволяют ему внешне защищать себя от стороннего вторжения, но и укрепляют его внутренне. Рефлексия (самоанализ) помогает предугадать возможное поведение другого человека и подготовить встречные действия, которые отодвинут безапелляционное вторжение; занять такую внутреннюю позицию, которая может защитить больше, чем физическая сила.

На современном этапе, именно в течение юношеского (студенческого) периода жизни, человек, по большому счёту, решает, как именно он приложит свои способности для реализации себя в труде и в самой жизни. Юноши и девушки активно испытывают себя в различных сферах трудовой деятельности. Таким образом, значимость возраста юности на текущий период развития нашего общества и государства явно возрастает в экономико-социальном и политико-административном плане.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абрамова Г. С. Возрастная психология: Учеб. пособие для студ. вузов. – 6-е изд. – М.: Академический проект; Альма Матер, 2006. – 702 с.
2. Возрастная психология. Детство, отрочество, юность. Хрестоматия. Сост. и науч. ред.: В. С. Мухина, А. А. Хвостов. – М.: Академия, 2003. – 624 с.
3. Волков Б. С. Психология юности и молодости. Учебное пособие. – М.: Академический проект, Гаудеамус, 2006. – 256 с.
4. Выготский Л. С. Психология развития человека. – М.: Смысл, Эксмо, 2005. – 1136 с.
5. Дарвиш О. Б. Возрастная психология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. В. Е. Ключко. – М.: Владос-Пресс, 2004. – 264 с.
6. Дольто Ф. На стороне подростка. – М.: Рама Паблишинг, 2010. – 423 с.
7. Ермолаева М. В. Основы возрастной психологии и акмеологии: Учебное пособие. – М.: Ось-89, 2003. – 414 с.
8. Каменская Е. Н. Психология развития и возрастная психология. – Ростов на Дону: Феникс, 2007. – 224 с.
9. Кон И. С. Психология юношеского возраста. – М.: Просвещение, 1989. – 259 с.
10. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. – 10-е изд. – СПб.: Питер, 2010. – 940 с.
11. Кулагина И. Ю., Колюцкий В. Н. Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека. Учеб. пособие для студ. вузов. – М.: ТЦ Сфера, 2005. – 464 с.
12. Мухина В. С. Возрастная психология. Феноменология развития. Учебник для студентов гуманитарных вузов. – М.: Академия, 2009. – 608 с.
13. Нартова-Бочавер С. К. Введение в психологию развития: учеб. пособие / С. К. Нартова-Бочавер, А. В. Потапова. – М.: Флинта; МПСИ, 2005. – 216 с.
14. Обухова Л. Ф. Возрастная психология. Учебник для вузов. – М.: Высшее образование, 2009. – 460 с.
15. Психология развития: Учеб. для студ. высш. психол. учеб. заведений / Под ред. Т. Д. Марцинковской. – М.: Академия, 2005. – 528 с.
16. Психология развития / Под ред. А. К. Болотовой и О. Н. Молчановой. – М.: ЧеРо, 2005. – 524 с.
17. Психология человека от рождения до смерти. Полный курс психологии развития / Под редакцией акад. РАО А. А. Реана. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2005. – 656 с.
18. Практикум по возрастной психологии. Учеб. пособие / Под ред. Л. А. Головей, Е. Ф. Рыбалко. – СПб.: Речь, 2006. – 694 с.
19. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. – СПб.: Питер, 2000. – 624 с.
20. Реан А. А. Психология подростка. Учеб. – М.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. – 512 с.
21. Сапогова Е. Е. Психология развития человека. Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 460 с.
22. Стреленко А. А. Психология развития. – УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2010. – 167 с.
23. Фельдштейн Д. И. Психология развития человека как личности. Избр. тр. в 2 т. – Т. 2. – М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2005. – 455 с.
24. Хухлаева О. В. Психология подростка. – 3-е изд. – М.: Академия, 2008. – 160 с.
25. Шаповаленко И. В. Возрастная психология. – М.: Гардарики, 2009. – 349 с.
26. Эльконин Б. Д. Психология развития. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 2-е изд., стер. – М.: Академия, 2005. – 144 с.

УДК 377.12
ББК 74.58
Педагогика

ФОРМИРОВАНИЕ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ТАНЦУ В ЕВРОПЕ В XV – XVII ВЕКАХ. ПЕРВЫЕ УЧИТЕЛЯ И ПЕРВЫЕ ТРАКТАТЫ

Кандидат педагогических наук П. А. Силкин

В статье рассматриваются труды первых учителей танца, осуществляющих попытки фиксации отдельных элементов, а также композиций танца. Первые авторы заложили основы науки о танце, который имеет длительную по времени историю, но короткую по его научной разработке.

Ключевые слова

Итальянское Возрождение, учителя танцев, трактаты о танце, шкала ритмов, естественные и искусственные движения

Первые учителя и первые трактаты о танцевальном искусстве появились в эпоху Ренессанса. Именно итальянскому Возрождению хореографическое искусство обязано появлению литературы о танце, в которой преследовались преимущественно педагогические цели. Как раз там общественный танец впервые получил теоретическую разработку, принял условные, ученые формы, свою терминологию, как результат многолетнего опыта танцмейстеров в качестве преподавателей и организаторов придворных празднеств.

Красовская В. М. привела высказывание немецко-американского музыковеда Курта Сакса, исследовавшего проблемы танца, что профессиональное обучение возникло, прежде всего, в Северной Италии: «Раньше профессиональные танцовщики были бродячими мимами и презренными жонглерами, североитальянский учитель танцев занимал почетное поло-

жение. Он был спутником принцев, иногда – наперсником; на венецианских свадьбах, где существовал обычай представлять невесту в молчаливом танце, он мог выступать вместо отца» [1. С. 29]. Начиная с XV века, встречаются имена учителей танцев, занимающих такое положение при дворах владетельных князей Италии.

Кроме того, первые теоретики-учителя танцев оказались и первыми хореографами. Обращаясь к народному творчеству, они вводили его стихию в берега, а также слагали свои танцы. Учителя танцев разрабатывали танцы для светских балов, сами танцевали и обучали, состоящих при принцессах танцовщиков.

Одним из первых учителей танцев был **Доменико да Пьяченца** (известный также как Доменико или Доменикино да Феррара) на рубеже XIV – XV веков он сочинил трактат «**Об искусстве пляски и танца**» (**De Arte Saltandi & Choreas Ducendi**). Трактат состоял из двух частей.

Первая часть – посвящена танцу в целом, и определяла пять его элементов:

1) мера, т. е. ритм, главный принцип связи медленных и быстрых движений с музыкой;

2) манера держаться, освобождение танца от неподвижных, устарелых форм;

3) деление площадки – существенно для композиции группового танца;

4) память – поскольку автор обучает не только традиционным, но и им самим созданным танцам;

5) элевация, понимаемая как подвижность и рассчитанная на развитие техники танца.

Доменико ввел шкалу ритмов, положенных данному танцу. Он писал о том, что необходимо соблюдать порядок, присущий каждой мере в пространстве и темпе, призывал учиться разделять все меры: из двух тактов пивы делать один такт бассданса, а из одного такта бассданса – два такта пивы¹.

Вторая часть трактата устанавливала категории основных движений. Из них девять движений автор называл естественными, а пять – искусственными.

Естественные движения: простой и двойной шаг, благородная поза, поворот и полуповорот, поклон и прыжок.

Искусственные: удары ног, семенящий шаг и прыжок с переменой ног – предшественники *battement de pied*, *pas couru*, *changement de pied*. Эти движения в лексиконе классического танца дошли до наших дней.

В 1463 году Гульельмо Эбрео написал «Трактат об искусстве танца» (*De Praicha Seu Arte Tripudii Vulgare Opusculum*). Это учебник бального танца, украшенный изящными рисунками.

Он считался наследником Доменико да Пьяченцы и великим учителем танцев и хореографом итальянского возрождения. О танце этого замечательного учителя имеются такие сведения: «Его танец выше

человеческих возможностей, в нем есть какое-то божественное знание, а его музыка так гармонична, движения так легки, что, видя его танец, сам Катон влюбился бы в него» [2. С. 119]. Вслед за Доменико да Пьяченца Гульельмо Эбрео также советовал согласовывать движения с мерой, устанавливаемой музыкой. Им был введен термин *contro tempo* (против темпа), которому надо подчиняться, чтобы преуспеть в ученом танце, выдвинул понятие арии (ариозо), подразумевающее возможность двигаться между темпами.

Эбрео отталкивался от музыки, которая предписывала танцу следовать за ее открытиями. Практики и теоретики ученого танца шли в русле музицирования, опираясь на опыт вокально-инструментального творчества. (Метод вариационности в сольных танцах и сохранение единства ансамбля в передвижениях групп – фигурный танец). Таким образом, можно сказать, что танец подвергается стилизации, приводится в систему. Устанавливается связь танца с музыкой, зависимость танца от музыки.

В эту эпоху Милан стал центром и школой танца для всей Италии.

Миланский поэт и учитель танцев **Антонио Корнацано**, в 1465 году, отметил в своем трактате «**Книга об искусстве танцевания**» (*Libro Dell'arte Del Danzare*), что в Италии стали модны балеты. (В то время в Милане правили Сфорца и в Ферраре при герцоге д'Эсте). Красовская привела слова Корнацано, что балеты: «Это композиции в различных ритмах, которые могут включать в себя все девять видов танца, даже те, что как будто противоречат один другому...» [3. С. 33]. Хотя справедливости ради отметим, что Красовская поместила цитату исследовательницы танцев Испании и Италии XV – XVI веков М. Долмеш о том, что «Название «балет» (*Balletto*) первоначально применил Доменико да Пьяченца к сюите контраст-

¹ Пива – староитальянский танец веселого характера. Музыкальный размер 3/4.

ных танцевальных темпов, соединенных в форме одного танца, который он ввел при дворе Феррары в начале XV века: этот тип танца и есть отдаленный предок Балета наших дней. Составные части такого Балета – Интрада, Конрапассо, Сальтарелла, и Гальярда, повторяющиеся и завершающиеся в Финале и уходе» [1. С. 30]. Итак, слово балет произнесено, оно даже модно, и обозначает ходовые стереотипы танца, пока еще не несет в себе известного нам понятия. Его принципы, как искусства зреют и развиваются в недрах всевозможных искусств, как составная их часть.

Дальнейшее развитие искусства танца зафиксировали два знаменитых итальянских мастера XVI века: **Фабрицио Карозо** и **Чезаре Негри**, учебники которых обрисовали состояние техники танца рубежа XVI – XVII веков. Оба они оставили по солидному фолианту с описанием данных классификации танцев и правилах их исполнения. С. Н. Худеков (балетоман) автор известной работы «Всеобщая история танца» писал: «Появилась хореографическая грамматика и литература. Главными пионерами были итальянцы Карозо и Негри...» [3. С. 331].

Книга Карозо – «**Танцовщик**» (**Il Ballarino**) увидела свет в Венеции в 1581 году. Л. Д. Блок оценивала труд Карозо как «прекраснейшую книгу, свидетельствующую очень ясно о его достоинстве и славе» [2. С. 121]. По словам Красовской, американская исследовательница С. Д. Коэн отмечала, что «руководство Карозо предназначалось для бального танца, но сценические танцы того времени явно следовали тем же правилам, хотя в них преобладали более представительные *pas*. В обоих случаях танцовщиками были придворные» [1. С. 36].

Вслед за предшественниками Карозо использовал вариационность танца с разнообразием музыкальных ритмов. Кроме того, он уже пользовался близкими первой, третьей и четвертой позициям совре-

менного нам классического танца, движениями *plié*, *battement tendu*, *passé*, *pas de bourrée*, *demi-rond de jambe par terre*, *relevé*, *soupiré*, а также пируэттами и различными видами прыжков, включая заноски. Однако Красовская отмечала: «Прием *en dehors* еще был неполным, ноги разворачивались наружу не от бедра, от колена. Это затрудняло и связывало исполнителей, которые, тем не менее, добивались виртуозного блеска. Техника танца включала в себя акробатические приемы, позже исчезнувшие, например: в *saut de noeud* (прыжок узлом) исполнитель так перекрещивал ноги, что создавалось впечатление вывешиваемого ступнями узла» [1. С. 37].

Ч. Негри в книге «**Милости любви**» (1602) (**Le Gratie d'amore**), переизданной в 1604 году в Милане под названием «**Новые изобретения балета**» (**Nuove inventioni di balli**) обозначил дальнейший этап обучения танцу. Автор классифицировал сначала сложный раздел пируэтов и кабриолой (термин этот подразумевал тогда многие виды прыжков), а затем предлагал менее сложный раздел партерного танца для мужского и женского исполнительства. Танцовщики были одеты в тяжелые одежды, со шпагами, но их техника превосходила технику танцовщиц. Туры в воздухе и заноски, придавая блеск танцу, не включали понятия полета. Негри, вводя комбинации прыжков и туров, предлагал повороты в воздухе, с каждым туром повышая высоту прыжка. Такая виртуозность требовала уже выворотности ног, и Негри настаивал на выворотности при вытянутых коленях.

Не давая определения, Негри применял уже все пять позиций.

Учебник Негри более пространный, чем у Карозо, и в нем приведены зарисовки некоторых приемов и *pas*. Например, в частности, он предписывал своим ученикам держать ноги на расстоянии двух дюймов одну от другой, носки чуть врозь; при шаге носок не опускается, т. е. не вытягивается, а, напротив, идет вверх.

Говоря о *plié*, Негри указывал, что должно слегка раздвинуть колени. Эти *demi-plié* ему были нужны для прыжков, здесь явно в манеру и технику балльных танцев входит техника профессиональная.

Прыжки и туры Негри описывает подробно и долго – отражение профессиональной техники. Исполнялись прыжки (с подготовкой) в один темп гальерды, т. е. на два такта по 3/4. Прыжки Негри делил на 4 группы, которые воспроизведены в книге Л. Д. Блок «Классический танец. История и современность»:

1. *Прыжки с кистью* – разновидность прыжков, во время которых надо было коснуться носком ноги до кисти, висющей в воздухе на высоте метра и более. (В книге приведен рисунок, где изображен танцовщик, пытающийся достать носком своей ноги кисть, висющую на высоте одного метра от пола).

2. *Туры en lair* – в этой группе Негри описывает такой прыжок, как *assemblé en tournant*, которые называл – прыжки на оборот. Он описывал девять разновидностей туров, которые можно свести к четырём: простые туры, туры с заносками, с одной ногой, пригнутой к колену, с подогнутыми обеими ногами. *Assemblé en tournant* – в пяти разновидностях, с прямыми и подогнутыми ногами.

3. *Кабриоли entrechats*. Кабриоль, в понимании Негри, сильно отличается от современного понятия. В этой кабриоли быстро болтают ногами взад и вперед, проводя одну ногу мимо другой. Ноги на некотором расстоянии друг от друга, и каждая делает три, четыре, пять или шесть движений. Кабриоли делаются прямо и с поворотом. Интересная деталь, чтобы их выучить, Негри советовал держаться сначала за стол и кресло. Вполне можно предположить, что палка на уроках еще не применялась в XVII веке.

Вторая разновидность виртуозных па – *пируэты*. Негри перечислил десять видов пируэтов, описание которых воспроизведено в указанной выше книге Л. Д.

Блок. Прежде всего, предпосылалось «указание, как делать туры вообще: стать ровно на обе ноги, левая нога немного впереди правой, подняться слегка на носок и в то же время поднять правую руку, поворачивая корпус налево, затем повернуть его обратно на место и слегка открыть колени (*demi-plié*); после этого приблизить к левой правую ногу, вытянутую и с поднятым вверх носком (*sic*) и вертеться налево, упираясь в землю только *petto* левой ноги (полупальцы). Опустить обе руки по швам, слегка поддерживая локти, вертеть три, четыре раза и более, «кто сколько может», и закончить на *demi-plié*. Держать во время туров корпус и голову надо прямо и опустить глаза, не поступать, как некоторые неуклюжие, которые сначала поворачивают корпус, потом голову или отстраняются, разиня рот и глядя в воздух».

Это и есть *первый* вид пируэта.

Второй также *en dedans* налево, начинается с *soupiré* на левую ногу; в остальном подобен первому.

Третий такой же с открыванием и закрыванием правой ноги.

Четвертый с правой ногой, скрещивающейся у колена с левой.

Пятый начинается с выбрасывания правой ноги вперед, так делается один тур, потом она скрещивается у колена с левой.

Шестой с *rond de jambe*ами правой ноги.

Седьмой с четырьмя *battements sur le cou de pied*.

Восьмой попеременно *en dehors* и *en dedans* на левой и правой ноге.

Девятый по одному туру, опускаясь всякий раз на правую ногу впереди и отдаваясь все с большей быстротой до десяти или двенадцати раз.

Десятый состоит из трех *sissonnes en tournant* с правой ногой *sur le cou de pied* сзади, заканчиваемых каждый раз приземлением на обе ноги; в заключение *salto tondo* с одинаковыми ногами [2. С. 152-154].

Л. Д. Блок, по ее признанию, представила только общие черты. В то время как запас виртуозных движений был многочислен и достаточно труден для исполнения.

Поиски теоретических подходов к системе академического танца продолжились во Франции.

Франция раскрыла двери перед многими деятелями итальянского искусства, в числе которых были и хореографы – учителя танцев. Зрелищам, бытовавшим в то время во Франции, с машинерией, декоративными конструкциями, выходами персонажей в костюмах и масках, не хватало драматического единства, а танцам – профессиональной школы. Итальянцы принесли во Францию фигурные танцы, то есть массовые танцы, в которых танцующие образовывали различные фигуры: квадрат, треугольник, круг. Итальянские танцмейстеры привезли во Францию готовую школу, но ученики, осваивая развитую технику танца и постановочные приемы, вносили в иноземную поступь особенности своего национального характера. Среди знаменитых итальянских танцовщиков, служивших французским королям, Чезаре Негри выделял Помпео Диобано, которого привезли из Милана.

В XVI веке разница между старинной манерой французских учителей и их итальянских соперников значительна. При сравнении зарисовок Туано Арбо с зарисовками Карозо и Негри видны особенности. Шаг, принятый у Арбо гораздо шире, это большой простой шаг нормальной походки; у Карозо и Негри он уложен в узкие границы, определяемые Негри «в четыре дюйма». В реверансе у Арбо кавалер держит ногу совсем выворотно, и во всех зарисовках его ноги имеют определенную склонность к повороту *en dehors*. Корпус на рисунках Арбо непринужденный, руки свободно отвечают на движение. У Негри корпус и руки, как и ноги, – это убористая, очень замкнутая манера, ренессансная уравновешенность, которая и легла в осно-

ву хореографии французов, вытеснив их собственную, более натуральную.

Интересный труд оставил каноник **Туано Арбо** (1519 – 1595). Это была первая попытка записи танца, что свидетельствует о ценности книги. Она называется **«Оркесография, или трактат в форме диалогов, по которому все могут легко освоить и практиковать честные занятия танцами» (Orchésographie)** [7]. Опус вышел в 1588 году в Лангр. Любопытны детали жизни этого человека.

Туано Арбо – (псевдоним или, скорее, анаграмма: настоящее имя автора Жан Табуро), родился в Дижоне в 1519 году. С детских лет был крепкого сложения и ревностно упражнялся в танцах. Мальчику прочили блестящее будущее артиста, но внезапно он заболел так сильно, что родители, по традициям и суевериям того времени обещали, в случае выздоровления, посвятить своего единственного сына богу, т. е. посвятить в духовный сан. Так оно и случилось. В 1574 году Жан был уже каноником. Увлечение священными античными танцами побудили Туано Арбо написать книгу о танце.

Автор книги, тогда шестидесятилетний старик, ведет диалог с воображаемым собеседником – юношей Каприо-лем, который расспрашивает его о танце. В труде описываются военные и праздничные танцы, говорится о музыкальных инструментах и музыке его эпохи; объясняется манера исполнения бассданса, альманды, морески, вольты, танца буффионов. В книге Арбо классифицированы бытующие танцы, народные и придворные: павана, гальярда, 24 версии бранля, (среди которых двойной бранль, простой бранль, веселый бранль, бургундский бранль и др.) [4, 5, 6]. А труды итальянских танцмейстеров давали кодекс профессионального танца.

Итак, мы рассмотрели труды первых учителей танцев, давших толчок для изучения и фиксации техники танца последующим поколениям мастеров этого вида

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Красовская В. М. Западноевропейский балетный театр: Очерки истории: От истоков до середины XVIII века. – М.: Искусство, 1979.
2. Блок Л. Д. Классический танец. История и современность. – М.: Искусство, 1987.
3. Худеков С. Н. Всеобщая история танца. – М.: ЭКСМО, 2009.
4. Худеков С. Н. Искусство танца. История. Культура. Ритуал. – М.: ЭКСМО, 2010.
5. Новерр Ж. Ж. Письма о танце и балетах. – Л.-М.: Искусство, 1965.
6. Agnes de Mille. L'ame de la danse. Editions des Deux Coqs d'Or. – Paris, 1964.
7. Туано Арбо Оркесография. Перевод и публикация П. Райгородского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.opentextnn.ru/music/epoch%20/?id=1811&txt=1> (дата обращения 16.12.2011).

УДК 377.5
ББК 74.479.0
Педагогика

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ КОЛЛЕДЖЕ

Г. И. Абрамова

В статье раскрываются вопросы организации воспитания учащейся молодёжи, рассматриваются структурные компоненты системы воспитательной работы педагогического колледжа, необходимые для её становления и развития.

Ключевые слова

Педагогический колледж, система воспитания, воспитательная система, система воспитательной работы, воспитание в учебной и внеучебной деятельности, психологический климат

Важнейшим условием функционирования педагогического колледжа является система воспитательной работы, выполняющая консолидирующую роль в целостном педагогическом процессе.

Анализ исследований Е. Н. Барышниковой, Е. В. Бондаревской, Л. К. Гребенкиной, Л. Д. Гуткиной, Н. А. Жокиной, В. А. Караковского, И. А. Колесниковой, В. В. Краевского, Т. К. Крикуновой, Л. М. Лузиной, Н. В. Мартишиной, А. В. Мудрика, Л. И. Новиковой, М. И. Рожкова, Н. Л. Селивановой, В. П. Сергеевой, С. А. Смирнова, Е. Н. Степанова, И. И. Фришман, Н. Е. Щурковой, посвященных проблемам воспитания и воспитательной работе, сложившийся опыт позволяют выделить сущностные черты, структуру, содержание системы воспитательной работы и её основных структурных компонентов.

В философском понимании система, в частности система социальная, представляет собой соединение системообразующих элементов, находящихся в отношениях и связях между собой, образующих целостность и единство, основными элементами которых являются люди, их нормы, связи.

В педагогической науке применительно к сфере воспитания термин «система» употребляется для характеристики понятий «система воспитания», «воспитательная система», «система воспитательной работы». Замечание Н. Л. Селивановой в одной из аналитических статей о том, что «к сожалению, имеет место смешение понятий» [8. С. 111], побуждает нас ещё раз обратиться к их толкованию.

По определению Селивановой Н. Л. *система воспитания* – это совокупность оригинальных теоретических положений и выстраиваемых на их основе воспита-

тельных стратегий и тактик, разработанных и применяемых либо отдельным педагогом, либо в рамках какой-то социальной организации, либо в пределах целого государства на определённом этапе его развития [8. С. 111].

В междисциплинарном словаре по педагогике *воспитательная система* определена как целостная социально-педагогическая организация всей деятельности образовательного учреждения, возникающая в процессе объединения основных взаимосвязанных компонентов воспитания (цель, субъекты воспитания, их деятельность и общение, отношения, жизненное пространство, управление) и выступающая мощным и постоянно действующим фактором воспитания [2. С. 45].

В педагогическом словаре Б.М. Бимбада отмечается, что *система воспитательной работы* является подсистемой воспитательной системы и представляет собой комплекс мероприятий, адекватных поставленной цели [1. С. 44].

При сопоставлении определений становится очевидным, что названные понятия в значительной степени отличаются по масштабности их существования: охват системы воспитания – социум, педагогическая культура; воспитательной системы – конкретное образовательное учреждение; система воспитательной работы – это опыт деятельности конкретного педагога.

При изучении содержания понятия «система воспитательной работы» мы обратили внимание, что ученые единодушны в определении структурного местоположения системы воспитательной работы в системе воспитания и рассматривают её как подсистему воспитательной системы, но, в то же время, единого подхода к раскрытию сущностной характеристики данной дефиниции нет. Наиболее ёмким по содержанию, на наш взгляд, является определение, данное Л. К. Гребенкиной. Ученый считает, что система воспитательной работы – это способ органи-

зации совместной жизнедеятельности взрослых и детей, включающий воспитание учащихся в процессе обучения и внеучебной деятельности, в ходе которых решаются проблемы коллективного и индивидуального воспитания [4. С. 42]. Опираясь на исследования Л. К. Гребенкиной, мы выявили сущностные черты системы воспитательной работы педагогического колледжа, представили её структуру, интерпретировали её содержание применительно к условиям педагогического колледжа и с учётом подготовки специалистов социально-педагогического профиля.

Система воспитательной работы в педагогическом колледже складывается из следующих структурных компонентов и взаимодействия между ними: воспитание в процессе обучения; стиль, тон отношений между преподавателями и студентами, морально-психологический климат в коллективе колледжа; внеучебная деятельность, которая в свою очередь включает внеклассную воспитательную работу, воспитательную работу в социуме и с семьями обучающихся. Все составляющие находятся в тесной взаимосвязи, дополняя и обогащая друг друга, поэтому отсутствие или недостаточная реализация одного из структурных компонентов может приводить к снижению результатов жизнедеятельности всей системы воспитательной работы. Рассмотрим особенности каждого структурного компонента.

Воспитание в процессе обучения – явление комплексное, оно пронизывает всю урочную и внеурочную учебную деятельность. Воспитательное значение урока трудно переоценить, поскольку уроки являются ключевым элементом профессионального образования, в котором формируются знания, умения и навыки, в итоге влияющие на поведение обучающихся в социуме. Студенты учатся самостоятельному нравственному применению знаний и умений в практической деятельности. Содержание изучаемых в педагогическом колледже учебных дисциплин формирует

общую и профессиональную культуру студентов, их мировоззрение; преподаватель вооружает обучающихся знаниями и умениями, помогающими понять смысл жизни, найти свое место в мире, разрешать личные проблемы, разумно преодолевать конфликты, устанавливать контакты с разными людьми, в конечном итоге студенты учатся адекватно воспринимать и приумножать накопленные человечеством ценности. Воспитывающий характер имеет содержание предметов психолого-педагогического цикла, методы преподавания и организации учебно-воспитательного процесса, а также культура личности преподавателя, – всё это формирует нравственные качества будущего педагога, его положительные привычки поведения. Значительную часть времени студенты проводят на уроках, которые в реальной педагогической практике колледжа дополняются целым рядом других форм организации обучения. Воспитанию будущего специалиста во многом способствуют различные формы внеурочной деятельности: консультации, факультативные занятия, практикумы, психолого-педагогические конференции, семинары по проблемам воспитания и защите прав ребенка, встречи с учителями школ, воспитателями детских садов, методистами управления образования, викторины, олимпиады, конкурсы профессионального мастерства, смотры педагогических копилки, олимпиады, соревнования, выставки, экспедиции и т. п.

Другим существенным компонентом, способствующим формированию системы воспитательной работы педагогического колледжа, является *стиль, тон отношений, морально-психологический климат в коллективе*. Субстанция морально-психологического климата, его материализация проявляется во всех формах отношений: в словах, жестах, мимике, пластике, ритмике, поступках, одежде, интерьере и т. д. С одной стороны, кажется, что морально-психологический климат – что-

то неуловимое и трудно фиксируемое. С другой стороны, он легко распознается через внешние показатели: внешний вид обучающихся, их речь, общий рисунок поведения, реакции на события. Лучшим образом психологический климат «открывается» во время совместной деятельности с обучающимися. Психологический климат складывается из разнопорядковых отношений: и тех, что утвердились в общественной среде и воспроизводятся через средства коммуникации, и тех, что ежедневно воспроизводятся в семье, и тех, которые свойственны региону расположения учебного заведения. Благоприятность психологического климата в системе воспитательной работы обуславливает *стиль, тон отношений*, доминирующих в образовательном учреждении. Своё восприятие другого человека, определённую установку, которая реализуется в общении, можно рассматривать как проявление стиля отношений. Н. А. Жокина выделяет пять стилей отношений педагога с конкретным учеником, классом: устойчиво-положительный, ситуативно-положительный, неустойчивый, ситуативно-отрицательный, устойчиво-отрицательный [6. С. 41]. И. И. Фришман, систематизируя типы взаимоотношений взрослых и детей в коллективе, выделяет четыре вида: отрицательный, пассивно-безразличный, неустойчиво-ситуативный, устойчиво-положительный [7. С. 122]. Очевидно, что среди названных стилей и типов есть такие, что приводят к результативному взаимодействию и способствуют поддержанию положительного психологического климата в коллективе, но есть и такие, которые свидетельствуют о психологических барьерах в общении и разрушительно действуют на психологическую атмосферу образовательного учреждения. Предпочтительным является устойчиво-положительный стиль или тип взаимоотношений, которому присущи такие характеристики как цельность, единство, сплочённость. Так можно определить отношения

членов коллектива, в котором каждый чувствует себя уверенно, имеет возможность для самовыражения, где не чувствуется противоречий между личными и общественными интересами. Цельность отношений проявляется в их независимости от сложившихся обстоятельств, так как сформировались они на прочной основе доверия, уважения и понимания друг друга. Единство позитивных отношений характеризуется общностью целей деятельности, высокой согласованностью действий и высокой оценкой значимых для коллектива факторов окружающей среды. Сплоченность отношений заметна в совместных переживаниях коллективных успехов и неудач, в стремлении всегда быть вместе и в том, что в трудные минуты отношения становятся еще более устойчивыми.

В системе воспитательной работы наряду с учебной деятельностью соотносится понятие *внеучебная деятельность*. Как и любая другая деятельность она имеет свои цели и задачи: воспитание нравственной, духовно развитой и физически здоровой личности – гражданина новой России, способной к качественной профессиональной деятельности и моральной ответственности за принимаемые технологические решения; формирование у студентов культурных ценностей и потребностей, этических норм и общепринятых правил поведения в обществе; создание условий для творческой самореализации личности и для проведения значимого для развития личности студентов досуга; создание полноценной социально-педагогической воспитывающей среды. В условиях педагогического колледжа эти задачи решаются в процессе осуществления разнообразных видов внеучебной коллективной деятельности: проведении культурно-массовых, физкультурно-оздоровительных, трудовых общественно-значимых, научно-просветительских мероприятий, организации работы творческих, спортивных, научных объединений, со-

действии работе студенческих общественных организаций; реализации проектов и программ по профилактике правонарушений, наркомании и ВИЧ-инфекции учащейся молодёжи, по оказанию психологической поддержки и консультационной помощи студентам, по пропаганде физической культуры и здорового образа жизни, по укреплению взаимосвязи с семьёй; обеспечении занятости студентов (трудовой, социально значимой); поддержке и развитии студенческих средств массовой информации.

Как отмечалось выше, внеучебная деятельность складывается из внеклассной воспитательной работы и воспитательной работы в социуме. Обратимся к анализу данных структурных элементов.

По определению С. А. Смирнова, *внеклассная воспитательная работа* – это организация педагогом различных видов деятельности учащихся во внеучебное время, обеспечивающих необходимые условия для социализации личности [5. С. 397]. Внеклассная воспитательная работа в педагогическом колледже содержит в себе большие возможности воздействия на личность студента. Она способствует более полному раскрытию творческого потенциала обучающихся, их индивидуальных способностей, склонностей, интересов, помогает преодолеть стереотипы в восприятии учащихся, способствует самореализации, повышению самооценки, приобретению уверенности в себе, содействует формированию значимых профессионально-личностных качеств будущих педагогов. Внеклассная воспитательная работа обогащает личный опыт студентов: формирует педагогические знания о различных формах внеклассной работы и развивает практические умения и навыки по организации внеклассной воспитательной работы в школе. Она способствует развитию у молодежи интереса к общественно-значимой деятельности, желания активно участвовать в жизни общества по преобразованию окружающей

действительности, формирует устойчивый интерес к труду, учит самостоятельно организовывать свою собственную деятельность. Во многом благодаря внеклассной воспитательной работе студенты учатся жить в коллективе, сотрудничать друг с другом, что обогащает опыт коллективного взаимодействия, способствует выработке такого важного профессионального качества как умение совместно работать, тем самым подготавливает студентов к самостоятельной профессиональной педагогической деятельности. Вполне закономерным является, что содержание внеклассной воспитательной работы не может быть одинаковым во всех профессиональных образовательных учреждениях, что объясняется влиянием следующие факторов: региональные особенности местонахождения учреждения; профессиональная направленность образования; специфика приобретаемой специальности и квалификации; традиции и особенности образовательного учреждения; особенности возраста и индивидуальности студентов; готовность педагога к организации внеклассной деятельности, его профессиональные интересы и личностные качества. В связи с этим отличаются и формы внеклассной работы как способы реализации содержания.

Немаловажным элементом внеучебной деятельности является *воспитательная работа вне колледжа*, которая осуществляется через участие студенчества в различных молодежных объединениях и организациях, целью деятельности которых является создание условий для включенности молодежи в интересные и важные для них социально значимые отношения, предоставление каждому ее члену возможностей для самореализации, развитие самоуправления. Главные составляющие данной цели соответствуют основным социальным функциям человека в жизни и сводятся к формированию у членов молодежных организаций готов-

ности к цивилизованным экономическим отношениям, к политическим отношениям на основе норм демократической культуры, к отношениям в духовной сфере на базе общечеловеческих ценностей [7. С. 22].

Значимым звеном в системе внеурочной деятельности является *взаимодействие колледжа с семьей* учащейся молодежи. Как отмечается в Приложении к письму Минобразования России от 31 января 2001 г. № 90 / 30-16 «О взаимодействии образовательного учреждения с семьей», образовательное учреждение было, есть и останется одним из важнейших социальных институтов, обеспечивающих воспитательный процесс и реальное взаимодействие ребенка, родителей и социума. Взаимодействие педагогического колледжа с семьей развивается в условиях противоречивой ситуации. С одной стороны, статус студента дает основание считать его человеком взрослым, независимым, отвечающим за свои поступки. С другой стороны, студенты колледжа – это в основном несовершеннолетние дети, ответственность за которых в первую очередь несут родители. Следовательно, успешно решать проблему развития и воспитания личности студента можно только в процессе позитивного взаимодействия родителей и педагогов. В педагогической науке подробно рассматриваются формы сотрудничества школы и семьи (В. П. Сергеева, Н. Е. Щуркова, Н. А. Жокина, М. И. Рожков, Л. В. Байбородова); специфика взаимоотношений профессионального образовательного учреждения с семьей изучена недостаточно, поэтому при организации воспитательной работы в ссузе в направлении взаимодействия с семьей важно учитывать, что в колледже, в отличие от школы, обучаются дети из разных районов области и других регионов. По этой причине непосредственный контакт с родителями таких студентов очень ограничен, а иногда просто невозможен. Отсюда, необхо-

дим постоянный поиск и обновление видов взаимодействия, развитие дистанционных форм общения, индивидуализации взаимоотношений. Слова А.С. Макаренко о том, что «особенным вопросом в педагогах должен стоять вопрос о семье, структуре семьи, методике воспитания в семье и о средствах педагогической помощи семье» [3. С. 171], звучат сегодня по-прежнему актуально и адресованы всем образовательным учреждениям, в том числе педагогическому коллективу колледжа.

Характерной особенностью внеучебной деятельности педагогического колледжа является *организация взаимодействия в социуме*. Открытость учебного заведения для сотрудничества с социокультурными и образовательными учреждениями способствует, с одной стороны, обогащению духовной жизни студентов, с другой стороны, в результате такого взаимодействия происходит насыщение и обогащение содержания воспитательного пространства колледжа новыми ценностями. Учитывая такие региональные факторы малого города как отдаленность от областного центра, немногочисленный состав населения, количественная ограниченность культурных учреждений, пло-

дотворно функционирующая система воспитательной работы педагогического колледжа способна превратить образовательное учреждение в своеобразный культурного центр. В то же время организация взаимодействия в социуме, привлечение к участию студентов в культурной деятельности общественных учреждений является одним из важнейших факторов успешной социализации молодежи.

Таким образом, из всего вышесказанного следует вывод, что особенности становления и развития системы воспитательной работы в педагогическом колледже обусловлены наличием в структуре системы следующих составляющих: решение задач воспитывающего и развивающего обучения, осуществление разнообразных видов внеучебной совместной деятельности, обеспечение благоприятного морально-психологического климата в коллективе педагогического колледжа и социуме. Интеграция данных структурных компонентов обеспечивает успешность функционирования системы воспитательной работы, позволяет эффективно решать воспитательные задачи, что приводит к повышению результативности воспитательного процесса в условиях среднего профессионального педагогического образования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бим-Бад Б. М. Педагогический энциклопедический словарь. – М., 2002.
2. Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. Словарь по педагогике. – Москва: ИКЦ «Март»; Ростов н/Д: Изд. центр «Март», 2005.
3. Макаренко А. С. О воспитании. – М., 1988.
4. Методика воспитательной работы / Гребенкина Л. К. и др. – М.: Академия. 2007.
5. Педагогика: педагогические теории, системы, технологии / С. А. Смирнов и др. – М.: Академия, 1998.
6. Путь к мастерству: Психолого-педагогический практикум / Л. К. Гребенкина, Н. А. Жокина и др. – Рязань, 2004.
7. Разноцветный мир детства: Детские общественные организации / И. И. Фришман, Л. В. Байбородова, А. В. Волохов, М. И. Рожков и др. – М.: Издательский центр «Академия», 1999.
8. Селиванова Н. Л. До шабаша ещё далеко. К вопросу о современном состоянии теории и практики воспитательных систем // Научно-методический журнал заместителя директора школы по воспитательной работе. – 2006. – № 3.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ
КАФЕДРА НЕЙРО- И ПАТОПСИХОЛОГИИ

УДК 159.9.018
ББК 88.2
Психология

ФЕНОМЕН КРОССМОДАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ В ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Е. В. Андреева

На сегодняшний день остается открытым вопрос о механизмах кроссмодального взаимодействия, объединения различных модальностей в единый перцепт. В статье проводится анализ зарубежных исследований, посвященных данной проблеме, раскрывается содержание феноменов «кроссмодальных интеракций», «мультисенсорной интеграции», рассматриваются возможные подходы и методы исследования, перспективы развития изучаемой проблемы.

Ключевые слова

Кроссмодальные взаимодействия, мультисенсорная интеграция

В настоящее время в нейронауке по-прежнему остро стоит вопрос понимания условий, при которых мозг интегрирует различные сенсорные течения и механизмов, лежащих в основе кроссмодальных взаимодействий [6. С. 191, 26. С. 513, 20. С. 265, 37. С. 147].

Применяя новые техники изучения и методологические подходы, мы приблизились к пониманию мозговых основ мультисенсорной интеграции, осознавая, насколько она повышает точность, значимость и надежность воспринятого. Однако, несмотря на большое количество исследований, многие вопросы относительно механизмов объединения сенсорной информации далеки от разрешения. Данная работа посвящена обзору последних достижений в этой области.

О существовании кроссмодальных взаимодействий известно давно. Например,

более чем 80 лет назад Эдвард Сапир обнаружил существование кроссмодальных ассоциаций между размером объекта и звуками /a/ и /i/. Он также обнаружил, что большинство людей ассоциируют выдуманные слова «mal» и «mil» с большими и маленькими объектами соответственно [32. С. 974].

В то же время Köhler заметил, что когда предъявляются две фигуры разной формы, большинство людей скорее ассоциируют округлую с бессмысленным словом «балума» («малума»), а угловатую со словом «такетэ». Исследования звукового символизма популярны и сейчас [33. С. 290].

За последнее десятилетие интерес к поиску нейрофизиологической базы мультисенсорной обработки информации значительно возрос, и появилось огромное количество различных методологических подходов к данной проблеме. Приоритет-

ное направление исследований – как сенсорные системы объединяют разномодальные характеристики объекта и формируют единый перцепт.

Исследователи этой области используют большое количество различных терминов для описания наблюдаемых феноменов: полимодальный, метамодальный, мультимодальный, интермодальный, мультисенсорный, кроссмодальный, бимодальный и т. д. В большинстве исследований данные термины используются как синонимы, однако некоторые авторы склонны их различать, так Calvert [5. С. 1110] отмечает необходимость выделения различных уровней описания кроссмодальных взаимодействий и, в соответствии с чем, предлагает следующее терминологическое разделение:

– термин «одномодальный»/«кроссмодальный» (межмодальный) предлагается использовать для описания поведенческого уровня, обозначения задач (кроссмодальная интеграция, идентификация), для решения которых требуется участие одного или нескольких органов чувств, соответственно.

– термин «гетеромодальный» предлагается использовать для обозначения нейроанатомических областей, которые принимают участие в интеграции информации, поступающей от разных аналитических систем.

– термин «сенсорноспецифичный»/«мультисенсорный» предлагается использовать для описания кроссмодальных взаимодействий на уровне активности нейронов.

В литературе также можно встретить разделение терминов «кроссмодальное взаимодействие» и «мультисенсорная интеграция». «Кроссмодальное взаимодействие» обычно используется по отношению к ситуации, когда презентация стимула в одной сенсорной модальности оказывает влияние на наше восприятие или способность дать ответ на стимул, представленный в другой модальности. Тер-

мин «мультисенсорная интеграция» изначально использовался нейрофизиологами для описания взаимодействий, наблюдаемых на клеточном уровне, когда стимулы предъявляются в различных сенсорных модальностях (в основном, в исследованиях, проведенных на животных), в настоящее время все больше исследований демонстрируют эффекты интеграции и на поведенческом уровне как у животных, так и у людей. Также термин «мультисенсорная интеграция» может быть использован для описания ситуаций, в которых некоторые, обычно рядом расположенные, разномодальные стимулы объединяются [11. С. 11]. Некоторые авторы считают, что «кроссмодальное взаимодействие» более широкий термин и включает в себя эффекты «мультисенсорной интеграции» [11. С. 12].

Кроссмодальные взаимодействия зафиксированы между различными парами сенсорных модальностей: визуальной и тактильной [31. С. 167, 2. С. 143], слуховой и тактильной [38. С. 561], вкусовой/обонятельной и слуховой [8. С. 1994, 9. С. 417]. Также некоторые исследователи отмечают кроссмодальные ассоциации между цветом и запахом [3. С. 1016]. Кажется правдоподобным предположение Spence о том, что кроссмодальные взаимодействия существуют между всеми возможными парами сенсорных модальностей [32. С. 975].

Традиционно предполагалось, что интеграция такой разрозненной информации на корковом уровне решается специализированными, высокоорганизованными ассоциативными областями неокортекса. И исследования были нацелены на поиск таких регионов мозга, нейроны которых принимают афферентную информацию от нескольких органов чувств.

Следует отметить, что для определения региона мультисенсорной конвергенции в зависимости от подхода используют различные критерии. Исследования анатомических трактов обычно изучают

связи между сенсорно-специфичными областями для разных модальностей. Физиологические исследования работы клеток учитывают наличие ответа нейрона на более чем одну модальность, при отдельной стимуляции и/или ответы на мультисенсорную стимуляцию, по сравнению с унисенсорной. Наконец, нейровизуализация, по сути, оценивает только «макро» уровень крупных нейронных популяций, поэтому необходимо учитывать возможность того, что области мозга, казалось бы, отвечая на многомодальную стимуляцию, могут включать различные взаимосвязанные нейронные популяции, каждая из которых отвечает только на одну модальность.

В качестве мультисенсорных областей называют височную [27. С. 72, 11. С. 33], теменную [18. С. 1], теменно-височно-затылочную кору [24. С. 1994, 2. С. 144], также отмечают влияние лобных отделов [27. С. 64], подкорковых образований (базального ганглия, например [25. С. 921]).

Однако результаты поиска нейрофизиологических механизмов мультисенсорных мозговых зон в целом противоречивы. Например, многие авторы в качестве области, объединяющей визуальную и слуховую информацию, называют височную извилину [11. С. 33]. Однако в эксперименте Hocking и Price [16. С. 2446], при контроле ряда факторов, было показано, что активация данного региона при кроссмодальном и одномодальном сравнении одинакова, и авторами был сделан вывод о том, что данная зона, несомненно, принимает некоторое участие в процессе взаимодействия двух модальностей, однако ее активация не отражает формирование интегрированной аудио-визуальной репрезентации.

Кроме того, в последние несколько лет существующее представление о корковой организации со строгим разделением на унисенсорные, мультисенсорные (ассоциативные) и несенсорные регионы было поставлено под сомнение результатами,

свидетельствующими о наличии взаимосвязей сенсорных модальностей уже на ранних этапах кортикальной обработки [30. С. 456, 17. С. 128]. Некоторые исследователи даже предложили смелую гипотезу о том, что неокортекс весь, по существу, мультисенсорный [14. С. 278], и корковые зоны могут быть нагружены разномодальной информацией по-разному в зависимости от задачи и контекста [29. С. 21].

В качестве отдельной проблемы рассматривается вопрос о том, является ли мультисенсорный объект восприятия результатом обучения или врожденным. Было продемонстрировано большое количество феноменов, начиная от возможности мультисенсорной обработки в раннем возрасте и заканчивая случаями, в которых маленькие дети в возрасте до 8 лет не могут интегрировать сигналы разных модальностей. Такие различные результаты позволяют предположить, что, по крайней мере, некоторые аспекты мультисенсорных объектов восприятия усваиваются в течение жизни [11. С. 56].

Исследователи также фокусируются на понимании условий, воздействующих на кроссмодальные интеракции. Сообщается, что ряд факторов имеет большое влияние на механизмы взаимодействия, например, пространственно-временное соответствие [35. С. 746, 36. С. 173]. Влияние этих факторов, чаще всего, объясняется восприимчивостью мультисенсорных нейронов в подкорковых и корковых структурах.

Также отмечается влияние на кроссмодальные процессы смыслового контекста, семантической [11. С. 99, 10. С. 136, 21. С. 405] и синестетической [12. С. 2, 13. С. 1191] конгруэнтности.

К синестетической конгруэнтности относятся соотношения между базовыми характеристиками стимула (тон, освещенность, размер) в различных модальностях. Термин синестетическая конгруэнтность обычно относится к соотношениям меж-

ду несводимыми друг к другу атрибутами стимула или измерениями, общим для многих людей [32. С. 972]. Так Е. Лупенко [1. С. 12] в своем исследовании пришла к выводу, что в основе переживания субъективного сходства объектов разной модальности (интермодальной общности ощущений), лежат модально-неспецифические процессы, связанные с глубинным, эмоционально-насыщенным и генетически более ранним уровнем категоризации.

К семантической конгруэнтности обычно обращаются в ситуациях, когда пары слуховых и зрительных стимулов рассматриваются с точки зрения идентичности значения. Эффект семантической конгруэнтности обычно оценивается измерением последствий презентации соответствующих/несоответствующих друг другу предметных изображений и звуков (например, лай и изображение собаки или кошки; [15. С. 7882] или зрительно предъявленных букв и соответствующих или несоответствующих звуков речи [34. С. 272]. Также существуют исследования изучающие соответствие голоса и пола изображенного человека [35. С. 745].

Выгоду от семантической конгруэнтности продемонстрировали Laurienti и коллеги [21. С. 405], изучавшие эффект конгруэнтности для кроссмодальных (аудиовизуальных пар) стимулов по сравнению с одномодальными (визуальными парами). Было обнаружено меньшее время реакции для конгруэнтных кроссмодальных пар по сравнению с унимодальной стимуляцией, для неконгруэнтных стимулов различий для кроссмодальных и унимодальных условий выявлено не было.

Эффекты, найденные Korpen et al. [19. С. 536] в эксперименте на определение модальности, продемонстрировали меньшую выгоду от семантической конгруэнтности, чем в эксперименте на целевое обнаружение Laurienti. Предполагалось, что идентификация заданного целевого стимула часто требует более высокий уровень обработки объекта, которая могла бы

быть повышена за счет избыточной информации от второй модальности. Напротив, определение стимулированной модальности, в принципе, может быть осуществлено при отсутствии смысла стимула и, что и было продемонстрировано в эксперименте, возможно даже негативное влияние одновременного предъявления семантически соответствующих стимулов во второй сенсорной модальности.

Lehmann и Murray [22. С. 328] в своем эксперименте исследовали факторы мультисенсорного опыта, повышающего производительность памяти, они показали, что мультисенсорные следы памяти доступны для последующей обработки входящих стимулов и увеличивают производительность последующего узнавания визуальных объектов по сравнению с унисенсорными следами памяти. Более того, только семантически конгруэнтные пары (при первоначальной презентации) оказывали положительное влияние на последующую точность узнавания изображений. Авторы предполагают, что репрезентация в памяти встречавшихся ранее визуальных объектов, скорее всего, усиливается при семантически конгруэнтном аккомпанементе звукового раздражителя, это, возможно, означает, что мультисенсорное кодирование приводит к более богатой и надежной репрезентации объекта.

В работах последних лет все чаще подчеркивается неразрывность концептуальной и перцептивной информации по отношению к различным модальностям [23. С. 27]. Отмечается, что способность образовывать понятия, основанные на сенсорной и мультисенсорной информации, в сочетании с развитием семантической системы, совместно строят чувство материальной реальности и осознание мира вокруг нас [7. С. 66], а изучение роли семантической информации в протекании мультисенсорных процессов выделяется в качестве приоритетного направления будущих исследований.

В когнитивных теориях познания предполагается, что семантическая информация может быть, в конечном счете, закодирована в тех же нейронных сетях и путях, которые используются для восприятия [4.С.634]. Характеристики понятий представляются в виде клеточных ансамблей в сенсорных и моторных областях, активация этих модально-специфичных ансамблей происходит как снизу вверх - путем опознания слов и объектов, так и сверху вниз – мысленно. Доступ к понятиям включает в себя частичное восстановление мозговой активности, наблюдаемой при восприятии и действиях [28. С. 578].

Проблема семантического уровня обработки мультисенсорной информации, как отмечают Doehrmann и Naumer [10. С. 136], – важное направление будущих исследований, в котором новые экспериментальные методы должны сочетаться с разработками проблем семантической памяти, значений объектов.

Постараемся подвести некоторые итоги. Изучение кроссмодальных взаимодействий является актуальной областью исследований, поскольку в реальных ситуациях часто стимулируется несколько на-

ших органов чувств одновременно (мы можем увидеть и почувствовать объект в нашей руке, или видеть и слышать собеседника или движение автомобиля), восприятие и последующие процессы обработки информации носят мультисенсорный, мультимодальный характер.

Несмотря на большое количество различных по своим целям и теоретической направленности исследований вопрос о механизмах, опосредующих взаимодействие модальностей, остается открытым.

Частично это связано с методологическими трудностями, разными пониманиями самого феномена, затрудняющими сравнение результатов исследований между собой.

Разномодальные стимулы изучаются как в терминах базовых характеристик (временных, пространственных, валентностных), так и в терминах когнитивного значения.

Мы только начали понимать, каким образом мозг способен извлекать значение из стимулов и как это в свою очередь влияет на последующую обработку стимула, однако, несомненно, сочетание различных экспериментальных методов с разработкой концептуальных теорий – важное направление будущих исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лупенко Е. А. Психологическая природа интермодальной общности ощущений: Автореф. дис. ... канд. псих. наук. – М., 2008.
2. Amedi A. Cortical activity during tactile exploration of objects in blind and sighted humans / A. Amedi // *Journal of Restorative Neurology and Neuroscience*. – 2010. – Vol. 28. – N 2. – PP. 143-156.
3. Auvray M. The multisensory perception of flavor / M. Auvray, C. Spence // *Consciousness and Cognition*. – 2008. – Vol. 17. – Is. 3. – PP. 1016-1031.
4. Barsalou L. W. Grounded Cognition / L. W. Barsalou // *Annual Review of Psychology*. – 2008. – Vol. 59. – PP. 617-645.
5. Calvert G. A. Crossmodal Processing in the Human Brain: Insights from Functional Neuroimaging Studies / G. A. Calvert // *Cerebral Cortex*. – 2001. – Vol. 11. – PP. 1110-1123.
6. Calvert G. A. Multisensory integration: methodological approaches and emerging principles in the human brain / G. A. Calvert, T. Thesen // *Journal of Physiology*. – 2004. – V. 191. – PP. 191-205.
7. Craig A. D. How do you feel: now? The anterior insula and human awareness / A. D. Craig // *Nature reviews. Neuroscience*. – 2009. – Vol. 10. – N 1. – PP. 59-70.

8. Crisinel A. As bitter as a trombone: Synesthetic correspondences in nonsynesthetes between tastes/flavors and musical notes / A. Crisinel, C. Spence // *Attention, perception & psychophysics*. – 2010. – Vol. 72. – N 7. – PP. 1994-2002.
9. Crisinel A. A sweet sound? Food names reveal implicit associations between taste and pitch / A. Crisinel, C. Spence // *Perception*. – 2010. – Vol. 39. – N 3. – PP. 417-425.
10. Doehrmann O. Semantics and the multisensory brain: How meaning modulates processes of audio-visual integration / O. Doehrmann, M. J. Naumer // *Brain Research*. – 2008. – Vol. 1242. – N 25. – PP. 136-150.
11. Doehrmann O. Objects meaning, and the brain: Neuroimaging studies on the impact of semantics on cortical integrative processing / O. Doehrmann. – Maastricht: Datawyse/ Universitaire Pers Maastricht (cumulative Ph. D. thesis), 2009.
12. Evans K. K. Natural cross-modal mappings between visual and auditory features / K. K. Evans, A. Treisman // *Journal of Vision*. – 2010. – Vol. 10. – N 1. – PP. 1-12.
13. Gallace A. Multisensory synesthetic interactions in the speeded classification of visual size / A. Gallace, C. Spence // *Attention, perception & psychophysics*. – 2006. – Vol. 68. – N 7. – PP. 1191-1203.
14. Ghazanfara A. Is neocortex essentially multisensory? / A. A. Ghazanfara, C. E. Schroeder // *Trends in cognitive sciences*. – 2006. – Vol. 10. – Is. 6. – PP. 278-285.
15. Hein G. Object Familiarity and Semantic Congruency Modulate Responses in Cortical Audiovisual Integration Areas / G. Hein et al. // *The Journal of Neuroscience*. – 2007. – V. 27(30). – PP. 7881-7887.
16. Hocking J. The Role of the Posterior Superior Temporal Sulcus in Audiovisual Processing / J. Hocking, C. J. Price // *Cereb. Cortex*. – 2008. – V. 18 (10). – PP. 2439-2449.
17. Kayser C. Do early sensory cortices integrate cross-modal information? / C. Kayser, N. K. Logothetis // *Brain structure and function*. – 2007. – Vol. 212. – N 2. – PP. 121-132.
18. Konen C. Multisensory parietal cortex contributes to visual enhancement of touch in humans: a single-pulse TMS study / C. Konen, P. Haggard // *Cerebral Cortex*. – 2012. – doi: 10.1093/cercor/bhs331
19. Koppen C. Semantic congruency and the Colavita visual dominance effect / C. Koppen, A. Alsius, C. Spence // *Experimental brain research*. – 2008. – Vol. 184. – N 4. – PP. 533-546.
20. Lalanne, C. Crossmodal integration for perception and action / C. Lalanne, J. Lorenceau // *Journal of Physiology*. – 2004. – PP. 265-279.
21. Laurienti P. J. Semantic congruence is a critical factor in multisensory behavioral performance / P. J. Laurienti et al. // *Experimental brain research*. – 2004. – Vol. 158. – N 4. – PP. 405-414.
22. Lehmann S. The role of multisensory memories in unisensory object discrimination / S. Lehmann, M. Murray // *Cognitive Brain Research*. – 2005. – Vol. 24. – Is. 2. – PP. 326-334.
23. Mahon B. Z. Concepts and Categories: A Cognitive Neuropsychological Perspective / B. Z. Mahon, A. Caramazza // *Annu Rev Psychol*. – 2009. – Vol. 60. – PP. 27-51.
24. Mancini F. Cross-modal processing in the occipito-temporal cortex: a TMS study of the Müller-Lyer illusion / Mancini et al. // *Journal of Cognitive Neuroscience*. – 2011. – Vol. 23. – N 8. – PP. 1987-1997.
25. Nagy A. Multisensory integration in the basal ganglia / A. Nagy et al. // *European Journal of Neuroscience*. – 2006. – Vol. 24. – PP. 917-924.
26. Nakashita, S. Tactile-visual integration in the posterior parietal cortex: a functional magnetic resonance imaging study / S. Nakashita // *Brain research bulletin*. – 2008. – PP. 513-525.
27. Noesselt T. Coding of multisensory temporal patterns in human superior temporal sulcus / T. Noesselt et al. // *Frontiers in Integrative Neuroscience*. – 2012. – Vol. 6. – PP. 64- 78.
28. Pulvermüller F. Brain mechanisms linking language and action / F. Pulvermüller // *Nature*

Reviews Neuroscience. – 2005. – Vol. 6. – PP. 576-582.

29. Rothkopf C. Computational Modeling of Multisensory Object Perception / C. Rothkopf, T. Weisswange, J. Triesch // Multisensory object perception in the primate brain. – 2010. – Part 1. – PP. 21-53.

30. Schroeder C. Multisensory contributions to low-level, 'unisensory' processing / C. E. Schroeder, J. Foxe // Current Opinion in Neurobiology. – 2005. – Vol. 15. – Is. 4. – PP. 454-458.

31. Simner J. The color of touch: a case of tactile-visual synaesthesia / J. Simner, V. U. Ludwig // Neurocase. – 2012; – V. 18. – N 2. – PP. 167-180.

32. Spence C. Crossmodal correspondences: A tutorial review / C. Spence // Attention, perception & psychophysics. – 2011. – Vol. 73. – N 4. – PP. 971-995.

33. Spence C. Tasting shapes and words / C. Spence et al. // Food Quality and Preference. – 2011. – Vol. 22. – PP. 290-295.

34. Van Atteveldt N. Integration of Letters and Speech Sounds in the Human Brain / N. vanAtteveldt et al. // Neuron. – 2004. – Vol. 43. – Is. 2. – PP. 271-282.

35. Vatakis A. Crossmodal binding: Evaluating the «unity assumption» using audiovisual speech stimuli / A. Vatakis, C. Spence // Attention, perception & psychophysics. – 2007. – Vol. 69. – N 5. – PP. 744-756.

36. Vatakis A. Temporal recalibration during asynchronous audiovisual speech perception/ A. Vatakis et al. // Experimental brain research. – 2007. – Vol. 181. – N 1. – PP. 173-181.

37. Woods A.T. Visual, haptic and cross-modal recognition of objects and scenes/ Andrew T. Woods, Fiona N. Newell // Journal of Physiology. – 2004. – PP. 147-159.

38. Yau J. M. Temporal Frequency Channels Are Linked across Audition and Touch / J. M. Yau et al. // Current biology. – 2009. – Vol. 19. – Is. 7. – PP. 561-566.

психология

УДК 159.923

ББК 88.352

Психология, психология развития, акмеология

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОРА СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ У ЛИЦ ЮНОШЕСКОГО И ЗРЕЛОГО ВОЗРАСТОВ

И. Н. Базаркина

В статье представлены результаты исследования влияния особенностей самореализации на уровень стрессоустойчивости у лиц в юношеском, молодом и зрелом возрасте. Рассмотрена зависимость выраженности различных личностных ресурсов как фактора, влияющего на уровень стрессоустойчивости, от возраста и социокультурных особенностей регионов и стран, в которых проживают респонденты.

Ключевые слова

Молодость, зрелость, критическая ситуация, самореализация, смысложизненные ориентации личности, оптимизм, активность, жизнестойкость, вовлечённость, контроль, принятие риска, культурно-исторические традиции.

Одной из задач представляемого здесь исследования являлось выявление особенностей личностных ресурсов как фактора стрессоустойчивости у людей юношеского, молодого и зрелого возраста, живущих в разнообразных географических регионах и странах (государствах) с разными культурно-историческими традициями.

В исследовании приняли участие респонденты из различных регионов России (г. Москва и г. Грозный, Чеченская республика), Армении (г. Ереван) и Италии (г. Рим) – всего 321 человек в возрасте от 17 до 50 лет. Поскольку все обследованные нами москвичи отнесли себя к этническим русским, по этническому признаку были сформированы четыре выборки: соответственно – русская, чеченская, армянская и итальянская. Мы условно подели-

ли респондентов на две возрастные группы: лица молодого возраста (от 17 до 23 лет) и лица среднего, зрелого возраста (от 28 до 50 лет).

Обследование респондентов проводилось по следующим методикам: сокращенный вариант Самоактуализационного теста (САТ) (адаптированной Ю. Е. Алешиной, Л. Я. Гозманом, М. В. Загика, М. В. Крозом версии Personal Orientation Inventory (POI) Э. Шострома), Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) (адаптированная Д. А. Леонтьевым версия Purpose-in-Life Test (PIL) D. Crumbaugh, L. Maholick), Тест жизнестойкости (автор С. Мадди, адаптация Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой), Шкала оптимизма и активности (авторы И. Шуллер, А. Комуниани, адаптация Н. Е. Водопьяновой и М. В. Штейна).

Математическая обработка получен-

ных данных осуществлялась при помощи статистического пакета SPSS 17.0; для выявления различий в исследуемых параметрах между четырьмя региональными и двумя возрастными выборками применялся критерий Крускала-Уоллиса.

Структурные особенности теста САТ позволяют использовать независимые друг от друга шкалы для исследования большого числа показателей, не увеличивая объем теста. Исходя из целей и задач исследования, мы использовали сокращённый вариант теста: шкалы самопринятия, самоуважения и шкалу представлений о природе человека.

Шкала «самопринятие» показывает степень принятия человеком себя таким, какой он есть, вне зависимости от оценки своих достоинств и недостатков. Самые высокие показатели по данной шкале выявлены у респондентов-москвичей, самые низкие – в чеченской выборке. Зафиксированные различия значимы ($p \leq 0,05$), однако между выраженностью этого показателя у респондентов других регионов статистически значимой разницы не выявлено, так же, как и между возрастными подгруппами респондентов. Это позволяет говорить о том, что русские москвичи более лояльны по отношению к себе по сравнению с представителями Чечни. Отчасти это связано с большей значимостью для чеченцев традиционно принятых норм и правил поведения при взаимодействии с другими людьми, накладывающих определенные ограничения, в том числе и на степень принятия себя вне зависимости от выраженности достоинств и недостатков. Поведение чеченцев во всех областях жизнедеятельности основывается на множестве стереотипов. Эти стереотипы базируются на строгом соблюдении национальных традиций и обычаев. Для чеченского народа (особенно для его представителей, живущих в своей традиционной культурной среде) приверженность традициям носит гипертрофированный характер, что объясняет-

ся особенностями воспитания с раннего детства. В то же время, высокие показатели по шкале самопринятия у молодых и зрелых москвичей могут объясняться и специфическими особенностями Москвы как мегаполиса, где ритм жизни и постоянное действие стрессовых факторов способствуют тому, что люди становятся менее требовательными к себе, склонными к тому, чтобы себя жалеть.

По шкале «самоуважение», показывающей способность субъекта ценить свои достоинства, положительные свойства характера, уважать себя за них, наибольший результат также зафиксирован в московской выборке. Обе шкалы – самопринятия и самоуважения – являются дополняющими друг друга и представляют собой блок самовосприятия, характеризующий отношение респондентов к себе, но, хотя в целом показатели теста представляют собой субъективную оценку респондентами себя, первая из названных шкал показывает в известном смысле степень «любви» к себе, тогда как вторая – степень «уважения», т. е. претендует на большую объективность при взгляде на себя, предлагая человеку как бы взглянуть на себя «со стороны». В целом, по данной шкале в ответах респондентов из разных регионов сохраняются те же тенденции, что и в показателях по первой шкале, однако, стоит отметить, что разница между выраженностью рассматриваемого показателя в московской и чеченской выборках меньше, чем разница в показателе самопринятия, и статистически незначима. Мы объясняем это тем, что «взгляд со стороны», который отличает шкалы самопринятия и самоуважения в данной методике, имплицитно предполагает возможность взгляда со стороны «значимого другого», в роли которого может выступать семья, род, или социум в более широком смысле. И следование традиционным принятым нормам поведения и взаимодействия в обществе, вероятно, в большей степени влияет на уровень самоува-

жения, чем на уровень самопринятия. Между выраженностью самоуважения у респондентов из двух исследуемых возрастных подгрупп значимых различий мы не обнаружили. И молодые респонденты, и опрошенные зрелого возраста имеют достаточно высокие показатели по шкалам самопринятия и самоуважения, однако, вероятно, эти оценки могут быть обусловлены разными факторами, поскольку параметры самореализации претерпевают изменения в соответствии со спецификой возрастных различий. Выявление соответствующих факторов и степени их влияния на выраженность самореализации требуют дополнительных исследований.

Высокие баллы по шкале «представления о природе человека» свидетельствуют о склонности субъекта в целом позитивно воспринимать природу человека и не считать непреодолимыми дихотомии мужественности/женственности, рациональности/эмоциональности и т. д. Большая выраженность по данному показателю выявлена нами в итальянской выборке у респондентов зрелого возраста, меньшая выраженность этого показателя свойственна молодым армянам (различия статистически значимы, $p \leq 0,05$). В то же время, среди респондентов молодого возраста из всех четырёх региональных выборок статистически значимых различий в выраженности данного показателя зафиксировано не было. Среди респондентов зрелого возраста позитивное представление о природе человека значимо различается у итальянцев и русских москвичей. В чеченской и армянской выборках эти показатели практически равны и значимо не отличаются от показателей респондентов-москвичей. Мы полагаем, это может быть связано с тем, что давно существующие в Италии европейские культурно-исторические традиции, со свойственными им либерализмом, демократией и свободой личности, прочно укоренились в сознании людей многих по-

колений, а респонденты, проживающие на территории постсоветского пространства (опрошенные нами жители городов Москвы, Грозного и Еревана в возрасте от 28 до 50 лет, большей частью родились и воспитывались ещё в СССР), сами находятся как бы внутри культурной дихотомии между традициями бывшего СССР и прогрессивными тенденциями Запада. Границу культур особенно трудно провести в регионах этнического разнообразия, в частности, в России, чьи граждане могут осознавать себя частью как восточного, так и западного мира, в зависимости от национальной или религиозной принадлежности, а также от своего субъективного самоощущения.

Отметим также, что показатели по данной шкале статистически значимо различаются в исследуемых возрастных подгруппах внутри каждой национальности ($p \leq 0,05$), т. е. молодым людям больше свойственна непримиримость во взглядах, которая с возрастом как правило смягчается, люди, имея определённый жизненный опыт, уже не делят мир на «чёрный» и «белый», а допускают наличие полутонов.

Исследователи подчёркивают важность выраженности всех трёх основных компонентов жизнестойкости: вовлечённости, контроля и принятия риска для сохранения здоровья и оптимального уровня работоспособности и активности в условиях стресса. Можно говорить как об индивидуальных различиях каждого из трёх компонентов в составе жизнестойкости, так и о необходимости их согласованности между собой и с общей (суммарной) мерой жизнестойкости (S. Maddi, 1998). Если оценивать суммарно все три компонента жизнестойкости у наших респондентов, можно сделать вывод, что у молодых людей из московской, чеченской и итальянской выборок комплексный показатель жизнестойкости выражен значительно сильнее, чем у респондентов зрелого возраста ($p \leq 0,05$). У респондентов из

Армении значимых различий между выраженностью данного ресурса в молодом и зрелом возрасте не зафиксировано. В целом, суммарный показатель жизнестойкости в большей степени среди всех опрошенных выражен у юношей и девушек из московского региона, меньшее значение этот комплексный показатель имеет у респондентов зрелого возраста из Чечни.

Обратимся к результатам исследования по Шкале оптимизма и активности. Используемый нами вариант теста предполагает соотнесение результатов по двум субшкалам теста (активность и оптимизм) с квадратом координатной модели, где каждому из пяти получившихся квадратов соответствует определенный тип личности – «реалист», «энтузиаст», «негативист», «жертва» и «лентяй». Оптимизм предполагает предрасположенность человека верить в свои силы и успех, иметь преимущественно положительные ожидания от жизни и других людей. Для противоположной категории людей – пессимистов – свойственны сомнения в своих силах и в доброжелательности других людей, ожидание неудачи, стремление избегать открытого общения. Под активностью в данном контексте понимается энергичность, жизнерадостность, беспечность, безмятежность и склонность к риску. Пассивность здесь проявляется в тревожности, неуверенности в себе и в нежелании что-либо делать [1].

Полученные данные свидетельствуют, что обследованных нами респондентов обеих возрастных групп из четырёх регионов с разными культурно-историческими традициями можно отнести к реалистам. Реалисты адекватно оценивают текущую ситуацию с точки зрения приложения своих сил и возможностей и не пытаются прыгнуть «выше головы». Этому типу людей свойственно по большей части довольствоваться тем, что они имеют. Как правило, это свидетельствует об устойчивости к стрессу и к критическим ситуациям в целом. Показатели оптимиз-

ма и активности отличаются у респондентов в зависимости от национальности и возрастной группы, но эти различия статистически незначимы.

Однако следует отметить, что у юношей и девушек из московского региона на уровне тенденции обнаружена склонность к так называемому оптимистичному реализму. Студентам московских вузов характерно более выраженное, по сравнению с респондентами из других регионов, проявление оптимизма при умеренной выраженности активности. Это может свидетельствовать о позитивном настрое молодых москвичей по отношению к будущему, их жизнерадостности, бодрости, слабой подверженности плохому настроению.

Обобщая результаты исследования, можно сделать **выводы**.

1. Для респондентов молодого возраста в качестве личностных ресурсов, необходимых для совладания с критическими ситуациями, в большей степени характерны такие качества, как активность и оптимизм, желание максимально участвовать во всех происходящих событиях, контролировать и самостоятельно выбирать свой жизненный путь. Юноши и девушки уважительно относятся к своим достоинствам и положительным свойствам характера, но, в то же время, готовы принимать свои недостатки; отсутствие большого жизненного опыта формирует неоднозначность во взглядах на природу человека. Таким образом, у молодых людей в большей степени выражены качества, формирующие жизнестойкость как активную, деятельностную позицию, тогда как ресурсы, актуализирующиеся с приобретением жизненного опыта и раскрытием своего потенциала, выражены неярко.

2. Для людей зрелого возраста, по сравнению с молодёжью, ресурсами, необходимыми для совладания с трудными жизненными ситуациями, в большей степени выступают такие качества, как позитивное отношение к жизни и природе че-

ловека, попытка видеть в трудностях возможности личностного становления, рассматривать их как новые вехи в развитии. Наличие жизненного опыта, сформированных и сформулированных жизненных целей, раскрытие своих потенциальных возможностей – всё это формирует устойчивую реалистичную позицию в преодолении жизненных трудностей, связанную с экзистенциальным осмыслением жизни.

3. Для русских жителей из московского региона характерны высокий уровень жизнестойкости, причём как отдельных её компонентов, так и интегрального показателя жизнестойкости в целом. Москвичи реалистичны во взглядах, в целом адекватны в оценке ситуаций и людей, и больше, чем респонденты из других регионов, готовы принимать себя со всеми своими достоинствами и недостатками. Для юношей и девушек из московского региона в возрасте от 17 до 23 лет характерна большая по сравнению с их сверстниками из других выборок выраженность оптимизма, уверенности и конструктивной активности в трудных жизненных ситуациях.

4. Для чеченцев характерен чуть более низкий по сравнению со средненормативными (среднестатистическими) показателями для данного теста уровень выраженности жизнестойкости и её компонентов, причём для респондентов как молодого, так и зрелого возраста. Также для респондентов-чеченцев из обеих возрастных подгрупп характерна сравнительно низкая выраженность и других показателей, формирующих ресурсы, необходимые личности для успешного совладания с критическими ситуациями: оптимизм, активность, готовность лояльно относиться как к своим достоинствам, так и к недостаткам, самоуважение, позитивное самоотношение в вопросах эмоциональной насыщенности и результативности собственной жизни. В то же время, жители Чечни так же, как и москвичи, реалистично относятся к своим силам и

возможностям, а также к окружающим людям. В целом, следует отметить, что по совокупности выраженности факторов молодые люди из Чеченской республики обладают большими личностными ресурсами для успешного совладания с критическими ситуациями по сравнению с людьми зрелого возраста.

5. Для респондентов-армян характерны средние (по сравнению с респондентами из других выборок) показатели выраженности компонентов жизнестойкости, оптимизма и активности. Они готовы принимать и уважать себя во всех проявлениях. В то же время, как и для респондентов других регионов, для юношей и девушек из Армении характерна большая выраженность личностных ресурсов, связанных с активностью – желание быть вовлечённым в происходящие события, желание и готовность контролировать ситуации, представление о себе как о сильной личности, способной влиять на окружающую действительность, а в зрелом возрасте на первый план выступают личностные ресурсы, связанные с экзистенциальным осмыслением жизни – ощущение реализованности собственного потенциала, готовность воспринимать происходящее с точки зрения потенциального личностного роста.

6. Респонденты-итальянцы обладают довольно высоким среднегрупповым уровнем жизнестойкости (по сравнению со средненормативными показателями по данному тесту и по сравнению с респондентами других обследованных нами национальностей), причём это касается как суммарного показателя жизнестойкости, так и отдельных компонентов жизнестойкости. Жители Италии достаточно реалистичны, обладают умеренной выраженностью уровня оптимизма и активности, как в молодости, так и в зрелом возрасте. Трудным ситуациям в своей жизни итальянцы придают смысл личностного становления, готовы рассматривать их как новые возможности; они позитивно на-

строены по отношению к миру и человеческой природе. В то же время, свойственная молодости уверенность, решительность и критичность со временем перерастают у итальянцев в созидательную активность.

Таким образом, проведенное исследование подтвердило наличие зависимости выраженности различных личностных

ресурсов как фактора, влияющего на уровень стрессоустойчивости, от возраста и социокультурных особенностей регионов и стран, в которых проживают респонденты. Это позволяет говорить о возможности использования полученных результатов в целях профилактики и ранней коррекции негативных тенденций личностного развития, особенно в юношеском и молодом возрасте.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вахромов Е. Е. Психологические концепции развития человека: теория самоактуализации – М.: Международная педагогическая академия, 2001. – 160 с.
2. Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. – СПб.: Питер, 2009. – 336 с.
3. Кулагина И. Ю., Колюцкий В. М. Возрастная психология: полный жизненный цикл развития человека. – М.: ТЦ Сфера, 2005. – 464 с.
4. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). – 2-е изд. – М.: Смысл, 2000. – 18 с.
5. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. – М.: Смысл, 2006. – 63 с.
6. Сенкевич Л. В. Психология экзистенциальных кризисов: Учебно-методическое пособие. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2012. – 143 с.
7. Солдатова Е. Л. Психология нормативных кризисов взрослости: Монография. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2005. – 281 с.
8. Степанова Е. И. Психология взрослых: Экспериментальная Акмеология / Е. И. Степанова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та «Алетейя», 2000. – 228 с.
9. Холлис Дж. Перевал в середине пути: Как преодолеть кризис среднего возраста и найти новый смысл жизни. – М.: Когито-Центр, 2011. – 208 с.
10. Шкуратова И. П., Анненкова Е. А. Личностные ресурсы как фактор совладания с кризисными ситуациями // Психология кризиса и кризисных состояний: Междисциплинарный ежегодник. – 2007. – Вып. 4. – С.17-23.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЛАСТНОЙ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ
МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, г. КОЛОМНА

психология

УДК 159.947
ББК 88.252.2+88.353
Психология

ВОЛЯ И ВРЕМЯ В СТРУКТУРЕ ПСИХИКИ

В. В. Гордеев

Статья посвящена рассмотрению проблемы времени и воли в структуре психики. Описана и проанализирована авторская гипотетико-теоретическая модель структуры психики, проведено соотнесение волевых и временных категорий с соответствующими психическими явлениями в структуре психики. Предложено изучать проблему воли через призму восприятия времени человеком.

Ключевые слова

Психика, структура психики, воля, волевые качества, состояния волевой активности, волевые процессы, время, временные перспективы, пластичность времени, процессы восприятия времени

Проблема воли, как и проблема, времени имеют основополагающее значение для развития психологии на современном этапе, так как обе связаны с пониманием психологических механизмов различных форм активности человека, источником которых зачастую выступает сам человек, как носитель психики, с его индивидуальными ценностно-смысловыми ориентирами, установками и представлениями.

Форма активного отображения субъектом объективной реальности, возникающая в процессе взаимодействия высокоорганизованных живых существ с внешним миром и осуществляющая в *их поведении (деятельности)* регулятивную функцию – это и есть психика [10. С. 316].

Мир психических явлений – это, по мнению В. Г. Крысько, «совокупность всех

явлений и процессов, которые отражают основное содержание психики человека и которые изучает психология как специфическая отрасль знаний» [6. С. 17].

Для того чтобы определить место воли и времени в структуре психики необходимо вначале представить структуру самой психики в виде взаимодействующих и иерархически выстроенных элементов.

Общепризнанными являются три группы психических явлений образующих структуру психики: *психические процессы, психические состояния, психические свойства*. Эти формы существования психического «канонизированы» в науке [9. С. 32]. Каждая из этих трех форм существования психического имеет свою специфическую особенность, которая и позволяет отличать их друг от друга.

Так *психические процессы* – отражают

последовательность изменений психической деятельности при каком-либо виде взаимодействия человека с внешним миром [9. С. 33]. Это те психические явления, которые обеспечивают первичное отражение и осознание человеком воздействий окружающей действительности. Как правило, они имеют четкое начало, определенное течение и ярко выраженный конец [6. С. 17].

Психические состояния – указывают на уровень психической деятельности в некоторый период времени, характеризующий своеобразие протекания психических процессов [9. С. 34]. Это некий определенный уровень работоспособности и качества функционирования психики человека, характерный для него в каждый данный момент времени [6. С. 17]. Это временное текущее своеобразие психической деятельности индивида, обусловленное содержанием и условиями его деятельности и личностным отношением к этой деятельности [3. С. 350].

Психические свойства – отражают устойчивые качества индивида, обеспечивающие определенные и типичные для него динамику и уровень протекания психической деятельности и поведения [9. С. 34]. Это самые долговременные, наиболее устойчивые и постоянно проявляющиеся особенности личности, обеспечивающие определенный качественно-количественный уровень поведения и деятельности, типичный для данного человека [6. С. 17].

Однако существует ряд психических явлений, которые не обладают ни одной из вышеперечисленных отличительных черт. Такого рода явления относят к специально выделенному классу – *психические конструируемые* [9. С. 32].

Психические конструируемые (образования) – это форма существования психического, в которой предстают результаты протекания психических и психофизиологических процессов индивида [9. С. 35]. Это психические явления, формирующиеся в процессе приобретения человеком жиз-

ненного и профессионального опыта, в содержание которых входит особое сочетание знаний, навыков и умений [6. С. 17]. Это целостное, интегративное отражение относительно самостоятельной, дискретной части действительности, информационная модель действительности, используемая человеком для регуляции своей жизнедеятельности [3. С. 358].

Разделение психических явлений на четыре перечисленные категории не следует воспринимать как нечто абсолютное. Это деление весьма условно. В реальности отделить одну форму от другой весьма непросто.

Предлагаемая схема, (Рис. 1), является одним из способов научного познания психического путем анализа, точнее, некоего искусственного разделения единого целого на части с целью облегчения его изучения. И в этом смысле все четыре перечисленные вида явлений, с одной стороны, могут рассматриваться просто как разные аспекты одного психического факта, а с другой, как сложная пирамидальная иерархическая структура [1. С. 255].

В основании пирамиды, на первом уровне располагаются «психические процессы», как относительно простой по составу вид психических явлений, наиболее рельефный, динамичный и осознаваемый, особенно с точки зрения причинно-следственных связей. Они (процессы) имеют вполне четкое начало, определенное течение и ярко выраженный конец.

Поскольку «психические состояния» – более сложное и более длительное, чем психические процессы явление, и к тому же характеризующее своеобразие протекания этих процессов, указывая на уровень психической деятельности в некоторый период времени, на схеме они располагаются над основанием, т. е. над психическими процессами и образуют второй уровень.

«Психические свойства» – как самые устойчивые из психических явлений, самые долговременные, способные в отдельных случаях претерпевать изменения

в процессе развития индивида, образуют на схеме третий уровень.

Вершину пирамиды, четвертый уровень, представляют «психические конструкторы», так как именно здесь предстают результаты протекания психических про-

цессов, которые лежат в самом основании пирамиды, на первом уровне.

Эту структуру следует рассматривать и как единство и как иерархически взаимосвязанную систему пронизываемую множеством связей, (Рис. 1).

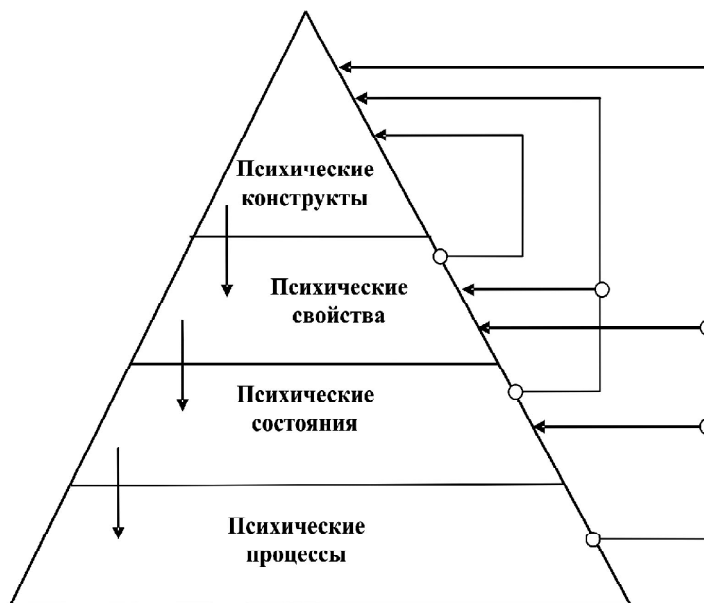

Рис. 1 Структура психики

Здесь четвертый уровень – *психические конструкторы*, представляет такие явления и обозначающие их понятия, которые представляют результаты протекания психических и психофизиологических процессов и оказывают влияние на развитие психических свойств. Например, «образ», «мотив», «цель», «мысль», и т. п.

Третий уровень – *психические свойства*, выражает формирование, развитие, устойчивость, закреплённость и повторяемость в психической жизни психического факта и психической деятельности. Например, характер, темперамент, направленность.

Второй уровень – *психические состояния*, характеризует статический момент, относительное постоянство психического факта и психической деятельности, на фоне которых протекают психические процессы. Например, состояние грусти, радости, скорби.

Первый уровень – *психические процес-*

сы, свидетельствуют о развитии во времени, динамике психического факта и психической деятельности. Например, познавательные (когнитивные) процессы – ощущение, восприятие, память, мышление, речь.

Эта четырехуровневая структура психики позволяет проанализировать и определить в ней месторасположение таких категорий как «воля» и «время».

Рассмотрение начнем с четвертого уровня – *психические конструкторы* и далее будем перемещаться по уровням вниз до *психических процессов*, лежащих в основании пирамиды (Рис. 2).

В европейской культуре понятие «воля» впервые использовали античные философы. Оно уже тогда вводилось как объяснительный теоретический конструкт (концепт), чтобы объяснить порождение поведения человека [5].

Проанализировав многообразие представлений о волевой регуляции разрабо-

танных в рамках традиционного подхода Иванников В. А. и Шляпников В. Н. сформулировали три главных принципа лежащих в его основании [5. С. 111].

«Первый принцип состоит в признании *воли* как особой способности (части) души, или как мы сейчас сказали бы, особой психической реальности, аналогичной другим психическим процессам (восприятию, мышлению, памяти)» [5. С. 111].

Второй принцип традиционного подхода состоит в том, что «*воля* рассматривается в контексте проблемы *самодетерминации или порождения действия, которое обусловлено* не наличными, актуальными, ситуативными факторами, а сознательными *представлениями субъекта*» [5. С. 112].

И наконец, третий принцип данного подхода состоит в «понимании *воли* как *реально существующего самостоятельного «органа», объясняющего способность души действовать по своему собственному решению*» [5. С. 112].

В отличие от культурно-исторического подхода, где проблема воли понимается как теорема, нуждающаяся в доказательстве, в рамках традиционного подхода воля всегда понималась как некое исходное условие существования человека, как аксиома.

Таким образом, через воспитание и обучение, в процессе социализации человека, на уровне психических конструктов, в структуре психики, так или иначе, формируется и развивается такое явление и обозначающее его понятие, как «воля».

Вполне естественно, что этот *психический конструкт*, именуемый как «воля», воздействуя на нижестоящий уровень *психических свойств*, оказывает свое влияние на формирование личностных свойств человека, среди которых присутствуют и *волевые качества: сила воли, упорство, настойчивость, терпеливость*. Их в свою очередь можно рассматривать и как отдельные конструкты, задача которых состоит в формировании соответствующих

им свойств личности, более сложных по составу и детерминации (обусловленности), (Рис. 2).

Вполне допустимо, что наряду с таким психическим конструктом как «воля» и «время» – как психический конструкт, имеет право на существование в структуре психики.

Время, а точнее «тайна времени», как и «тайна воли» также занимала умы человечества с давних времен. Размышление о природе времени на протяжении веков привели к тому, что время перестали воспринимать, как нечто эфемерное, а стали воспринимать как реальную, неотъемлемую часть вселенной, обладающую вполне определенными свойствами, которые можно изучать [7].

Филипп Зимбардо и Джон Бойд на протяжении более двух десятков лет, изучая восприятие времени, интервьюировали, анализировали и наблюдали тысячи людей различного возраста и обнаружили, что «среди всех этих людей нет двух человек, которые относились бы ко времени одинаково» [4. С. 57].

Анализируя вышеизложенное можно смело утверждать, что вне зависимости от того как человек относится ко времени, в структуре психики, на уровне психических конструктов, «время», а точнее «образ времени», как некое отображение времени физического и обозначающее его понятие – «время психологическое» тоже присутствует, (Рис. 2).

Работа этих ученых открыла объемное измерение временной перспективы, которую они определяют с одной стороны как «зачастую неосознанное отношение личности ко времени» и с другой как «процесс, при помощи которого длительный поток существования объединяется во временные категории, что помогает упорядочить нашу жизнь» [4. С. 58].

В настоящее время в США, Франции, Испании, Бразилии, Италии, России, Литве, странах Южной Африки и других, используются шесть их временных перспек-

Рис. 2 Воля и время в структуре психики

тив: две временные перспективы, ориентированные на прошлое, две – на настоящее и две – на будущее [4]. Эти временные перспективы они обозначили так: Негативное прошлое; Позитивное прошлое; Фаталистическое настоящее; Гедонистическое настоящее; Будущее, Трансцендентное будущее.

Помимо этих шести временных конфигураций несколько иную форму ориентации на настоящее они обозначили как Холистическое настоящее. Она несколько отличается от упомянутых выше временных перспектив настоящего и предполагает «умение жить в настоящем моменте и при этом включать в него прошлое и будущее, расширяя границы настоящего» [4].

По их мнению, временная перспектива, которой обладает человек лично, или та которую он разделяет с окружающими, оказывает глубинное влияние на всю его природу, хотя ее значение не осознается большинством людей.

Говоря метафорически, временная перспектива – это линза, через которую человек смотрит на мир.

Естественно, что этот временной психический конструкт оказывает свое влияние на формирование временной перспективы, как личностного психического свойства человека.

К уровню *психических свойств* (качеств) времени – как самых устойчивых и долговременных из психических явлений, вполне можно отнести все шесть временных перспектив: Негативное прошлое; Позитивное прошлое; Фаталистическое настоящее; Гедонистическое настоящее; Будущее, Трансцендентное будущее, дополнив седьмой временной конфигурацией – Холистическим настоящим, которые в свою очередь, тоже можно рассматривать как конструкты, задача которых осуществлять становление соответствующих им свойств и состояний личности.

Психические свойства, как известно, отражают формирование, развитие, устойчивость, закреплённость и повторяемость в психической жизни психического факта и психической деятельности. Именно на это свойство времени и обращает внимание Ф. Зимбардо, утверждая, что «временная перспектива оказывает мощнейшее воздействие на мысли, чувства и действия человека – при этом меньше всего осознается или понимается» [4. С. 33].

Психические свойства (качества), в свою очередь оказывают существенное влияние на изменение, развитие, поддержание и проявление *психических состояний*. На нашей схеме второй уровень, (Рис. 2).

Так проявления воли можно наблюдать через *состояния волевой активности или волевые состояния* такие как: уверенности, решительности, храбрости, которые в свою очередь, тоже можно рассматривать как конструкты, задача которых осуществлять становление соответствующих им свойств и состояний личности.

Что же касается времени, то время подчиняется не только объективным законам физики, определенным в системе координат Ньютона или в свете теории относительности Эйнштейна, но и более субъективным психологическим процессам. Время так же относительно психологически, как оно относительно физически.

В отношении вопросов типа: «Как обстоит дело с чувством текущего времени?», «Как идет время для нас в настоящий момент, быстро или медленно?» Стив Тейлор высказывает следующую мысль: «Если подумать, получится, что мы можем оценить ход времени только после, только в ретроспективе. Невозможно сказать, что время для нас в настоящий момент идет быстро или медленно, потому, что мы вообще не ощущаем движение времени. Настоящее для нас статично. Мы как бы плывем вместе со временем, мы в нем, и поэтому не в состоянии его измерить. Это можно сделать, только остановившись и оглянувшись назад. Поэтому разумно считать, что ретроспективное ощущение времени, верно, что это не просто иллюзия, порожденная нашей памятью» [11. С. 30-31].

Если говорить об уровне *психических состояний*, то одним из основных можно рассмотреть «пластичность времени». В отличие от физических законов, законы психологические более гибки и поэтому подвержены изменениям в соответствии с ситуацией. Состояние «*пластичности времени*» безусловно, оказывает существенное влияние на психические процессы в целом и процессы восприятия времени в том числе.

Психические состояния, являющиеся

своеобразным фоном, на котором протекают те или иные психические процессы, оказывают существенное влияние на ход, развитие и результат этих процессов. *Состояние волевой активности* характеризуется сознательной и избирательной целенаправленностью, направленностью на преодоление трудностей, готовностью к борьбе с препятствиями [8. С. 156-157].

Естественно, что на фоне состояний уверенности, решительности и храбрости, (состояний волевой активности), волевые процессы, «заставляющие» нас делать то, чего не хочется, и не делать того, что хочется, будут проходить с большей эффективностью и результативностью, нежели на фоне состояния скуки.

В отношении процесса восприятия Стив Тейлор выделяет «Пять законов психологического времени», рассматривая каждый из них как один из видов искажения времени, которые человеку случается испытывать в жизни. 1) С возрастом время ускоряется. 2) Когда мы открыты новым впечатлениям или находимся в новой для себя обстановке, время замедляется. 3) Если вы чем-то поглощены, время проходит быстро. 4) Если вы ни на чем не сосредоточены, время тянется медленно. 5) Время часто замедляется или совсем останавливается в ситуациях, когда «сознание», или обычное эго, временно отключается [11].

Стив Тейлор анализируя проблему времени, ссылаясь на немецкого философа XVIII в. И. Канта пишет о том, что он «предположил, что такой вещи как «объективное время», не существует. Время – всего лишь категория нашего сознания, необходимая для упорядочения опыта. В окружающем мире время не существует, мы «приписываем» его миру как часть своего «аппарата восприятия» [11. С. 196].

Ссылаясь на психолога Курта Дресслера, цитирует следующее: «В истинной своей сути реальность, кажется, знает лишь неразрывную целостность и всеприсутствие. Нашему сознанию она предьявля-

ет себя во временной последовательности» [11. С. 196].

По мнению самого Стива Тейлора «единственное место, где течет время» – это головы людей.

Следовательно, «воля», в структуре психики может быть представлена и как «психический конструкт», и как психическое качество (свойство), через «волевые качества», такие как сила воли, упорство, настойчивость, терпеливость, и как «психическое состояние волевой активности», через состояния уверенности, решительности, храбрости, и как психический «волевой процесс», развивающийся во времени.

Соответственно и «время», в структуре психики может быть представлено и как психический конструкт, или «образ времени», как некое отображение времени физического и обозначающее его понятие – «время психологическое» и как психическое свойство, через «временные

перспективы», такие как Негативное прошлое; Позитивное прошлое; Фаталистическое настоящее; Гедонистическое настоящее; Холистическое настоящее; Будущее, Трансцендентное будущее; и как психическое состояние, которое мы определили как «состояние пластичности» времени, и как психический процесс, особенностью которого является ретроспективность восприятия времени.

Вполне очевидно, что отражение в психике человека на разных уровнях волевых и временных составляющих, их взаимоотношение и взаимовлияние нуждается в дальнейшем анализе и исследовании. Поэтому волевые процессы, состояния волевой активности, волевые качества и волю в целом, мы предлагаем изучать через призму образа времени, воспринятого человеком, с учетом пластичности времени, законов восприятия времени и различных временных перспектив [1-2].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гордеев В. В. Волевая система координат в контексте различных теорий воли / В. Гордеев // Российский научный журнал. – 2011. – № 2 (21). – С. 164-169.
2. Гордеев В. В. Место воли и времени в структуре психики / В. В. Гордеев // Человеческий капитал. – 2012. – № 10-11 (№ 46-47). – С. 255-259.
3. Еникеев М. И. Психологический энциклопедический словарь. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – 560 с.
4. Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. – СПб.: Речь, 2010. – 352 с.
5. Иванников В. А., Шляпников В. Н. Воля как продукт общественно-исторического развития человечества / В. А. Иванников, В. Н. Шляпников // Психологический журнал. – 2012. – Том 33. – №3. – С. 111-121.
6. Крысько В. Г. Общая психология в схемах и комментариях: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2007. – 254 с.
7. Куликова В. Н. Заставьте время работать на вас. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. – 192 с.
8. Левитов Н. Д. О психических состояниях человека. – М.: Изд-во Просвещение, 1964. – 344 с.
9. Никандров В. В. Психология: учеб. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 912 с.
10. Современный психологический словарь / под ред. Б. Г. Мецержкова, В. П. Зинченко. – СПб.: ПРАЙМ-ЕВРО-ЗНАК, 2006. – 490 с.
11. Тейлор С. Покорение времени: Как время воздействует на нас, а мы на время / Стив Тейлор; Пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2010. – 256 с.

УДК 376

ББК 74.5

Общая педагогика, специальная педагогика

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЗДАНИЯ МОДЕЛИ УСПЕШНО АДАПТИРУЮЩЕГОСЯ РЕБЕНКА С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ*

Е. В. Ежовкина

В статье изложены результаты анализа психолого-педагогической литературы по проблеме адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья. Автором разработана модель адаптации такого ребенка, определены критерии и показатели эффективности данного процесса.

Ключевые слова

Дети с ограниченными возможностями здоровья, адаптация, критерии и показатели адаптации, модель успешно адаптирующегося ребенка

В современном мире увеличивается численность детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), которые испытывают трудности в усвоении учебной программы, адаптации в окружающей социальной среде. Так, в отношении детей-инвалидов, зафиксированных в России, наблюдается следующая статистика: в 1980 году – их было зарегистрировано около 50 тыс., в 1990 году – 155 тыс., в 2000 году – 298 тыс., в 2010 году – 593,3 тыс. (т. е. 2 % всей детской популяции) [17]. В настоящее время изменяется отношение общества и государства к этим людям, предпринимаются попытки создания условий, обеспечивающих включение их в социум. Появляются

разработки новых моделей, форм, содержания и организации образовательного процесса в них, идет поиск новых эффективных технологий в оказании индивидуальной помощи ребенку с ОВЗ во время получения им образования, а также в процессе подготовки к дальнейшей самостоятельной жизни в обществе [2]. Это позволит осуществить конечную цель специального образования, выдвинутую во всех странах мира в отношении лиц данной категории – их социальную интеграцию [14]. Поэтому важно говорить о том, что необходимо формировать у таких детей возможности успешной социальной адаптации. Остановимся на обосновании ключевого понятия нашего исследования.

* Работа издается при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках проекта 2.1.1 «Решение комплексных проблем по разработке и внедрению гуманитарных технологий в образовательную практику на базе научно-образовательных центров и научно-исследовательских лабораторий» мероприятия 2.1. «Развитие фундаментальных, прикладных исследований и НИОКР по гуманитарным направлениям науки и образования» Программы стратегического развития МордГПИ на 2012-2016 гг.

В современной литературе нет единого определения термина «адаптация». История исследования данного понятия достаточно продолжительна. Первоначально, оно возникло в биологии, но с развитием общества, социальных отношений появилась необходимость расширения его сущности. Понятие «адаптация» в биологическом аспекте (Ф. З. Меерсон [10], А. Д. Слоним [15]) определялось как процесс приспособления живых существ, приводящий к соответствию между природой и внешними по отношению к ней условиями существования. Философские, социально-психологические и педагогические исследования наполнили понятие «адаптация» новым содержанием, характеризующим приспособление человека к социальным условиям, что позволило рассматривать адаптацию как взаимодействие двух сложных систем: «человека» и «социальной среды» [11]. Это привело к появлению категории «социальная адаптация».

Следуя междисциплинарному подходу, психологи предлагают свои аспекты к определению сущности данного понятия. Условно их можно разделить на три направления: психоаналитический, гуманистический и когнитивный. В рамках психоаналитического подхода (З. Фрейд) адаптация трактуется как результат, выражающийся в гомеостатическом равновесии личности с требованиями окружающей среды [18]. По мнению представителей гуманистического подхода (А. Маслоу, Р. Мэй, Г. Олпорт, К. Роджерс) цель адаптации состоит в оптимальном взаимодействии личности и среды [9]. В русле когнитивного подхода (Ж. Пиаже и др.) адаптация представляет собой единство двух процессов: ассимиляции (процесс включения новой информации в качестве составной части в уже существующие у индивида схемы) и аккомодации (изменения существующих ментальных структур с целью объединения старого и нового опыта) [13].

Обобщая результаты теоретического анализа литературы, можно констатиро-

вать, что исследование понятия «адаптация» осуществляется с учетом позиций следующих подходов:

- в рамках биологического подхода адаптация понимается как перестройка физиологических, биохимических и других процессов, наблюдаемых в процессе филогенеза общества и онтогенеза человека (П. К. Анохин, И. П. Павлов, Г. Селье, В. М. Сеченов и др.);

- с ориентацией на философский подход адаптация рассматривается как процесс исторически обусловленный, ограниченный во времени и носящий активно преобразующий характер, предполагающий приспособление личности к изменяющимся условиям среды (Э. Дюркгейм, Г. Спенсер, Ж. П. Сартр, К. Т. Ясперс и др.);

- в социологическом подходе адаптация представляется как процесс приспособления к изменяющимся условиям среды; осознание взаимодействия личности или социальной группы с социальной средой (Д. А. Андреева, А. И. Донцов, Т. Г. Дичев, В. В. Шпалинский и др.);

- в контексте психологического подхода адаптация – это единство двух процессов: ассимиляции и аккомодации (А. Маслоу, Р. Мэй, Г. Олпорт, К. Роджерс, Ж. Пиаже и др.);

- в педагогическом подходе адаптация представляет собой одновременное воздействие целого ряда факторов, включающих в себя комплекс, как субъективных факторов, так и объективных, зависящих от внешних обстоятельств (И. Ф. Исаев, В. В. Буткевич, А. В. Мудрик, Л. П. Рябов, Л. Н. Седова и др.).

Таким образом, анализ литературы свидетельствует о том, что среди исследователей отсутствует единое понимание данного понятия. В нашем исследовании адаптация – это процесс активного приспособления человека к новой системе социальных условий, новым отношениям, требованиям, видам деятельности, режиму жизнедеятельности и др.

Отсутствие однозначного толкования

понятия «адаптация» приводит к тому, что исследователи совершенно по-разному определяют ее структуру. Далее остановимся на ее характеристике. Так, И. А. Милославова в структуре адаптации выделяет два компонента: адаптивную ситуацию (возникает в результате изменений в социальной среде или в результате перехода личности из одной среды в другую, новую для нее) и адаптивную потребность личности (стремления личности привести в соответствие с изменившимися условиями среды свои шаблоны поведения и т. д.) [11]. В своем исследовании С. А. Шапкин, Л. Г. Дикая описывают следующие основными структурные компоненты адаптации: активационный – связан с органическими и функциональными затратами, направленными на достижение значимых для субъекта целей и компенсацию факторов, препятствующих достижению этих целей; когнитивный – связан с перестройкой в когнитивных системах деятельности, направленных на выработку наиболее эффективных способов переработки информации; эмоциональный – определяется динамикой эмоциональных переживаний [19]. П. С. Кузнецов выделяет следующие компоненты: виды, факторы, субъекты и объекты адаптации. К видам адаптации он относит различные классификации адаптации. Среди факторов адаптации ученым выделены: экономический, самосохранение, регулятивный, воспроизводственный, коммуникативный, когнитивный. В качестве субъекта могут выступать индивид, организация, социальный институт. К объектам относится вид деятельности, результат деятельности, индивида, совокупность индивидов [6].

С целью выделения составляющих структуры адаптации, нами были проанализированы работы ученых, раскрывающих различные аспекты адаптации детей к условиям образовательного учреждения. Т. В. Дорожевец, разработавшая трехкомпонентную модель приспособления ребенка к условиям школьного обучения, выде-

ляет следующие виды школьной адаптации:

1) академическая (характеризует степень соответствия поведения ребенка нормам школьной жизни (принятие требований учителя и ритма учебной деятельности, овладение правилами поведения в классе, познавательная активность на уроке); 2) социальная (отражает успешность вхождения ребенка в новую социальную группу в виде принятия его одноклассниками, достаточное количество коммуникативных связей, умение решать межличностные проблемы и т. д.); 3) личностная (определяет уровень принятия ребенком себя как представителя новой социальной общности; выражается в виде соответствующих самооценки и уровня притязаний, стремления к самоизменению) [3]. Я. Л. Колосминский, Е. А. Панько указывают на следующие: успешность обучения; успеваемость, овладение навыками, умениями и знаниями по основным предметам, отношение к труду; положение в структуре межличностных отношений: статус, эмоциональное самочувствие, общительность; общественная активность: участие в общественно-полезной деятельности, самостоятельность, инициативность [5]. Такие исследователи, как Э. М. Александровская и С. М. Тромбах в качестве составляющих адаптации определяют эффективность учебной деятельности, усвоение школьных норм поведения, успешность социальных контактов, эмоциональное благополучие [1]. Д. Ю. Соловьева выделяет следующие составляющие школьной адаптации: 1) организационная адаптация – приспособление ребенка к новой системе организации жизни: к новым требованиям, правилам, режиму дня, обязанностям, статусу, т. е. критерием школьной адаптации выступает готовность первоклассника к принятию новой социальной позиции школьника; 2) учебно-мотивационная адаптация – начало обучения ребенка в школе позволяет ему занять новую жизненную позицию и перейти к выполнению общественно значимой учебной деятельности; 3) пси-

хологическая адаптация – в исследовании процесса школьной адаптации значимость приобретает анализ эмоциональных проявлений. Это связано с тем, что новые требования изменяют состояние эмоциональной сферы, вызывая неспецифическую, стрессовую реакцию организма, вплоть до возникновения пограничных нервно-психических расстройств. В связи с этим внимание должно акцентироваться не только на успеваемости и поведении ребенка, но и на изучении психологического здоровья. В данном случае критерием школьной адаптации может выступать эмоциональное состояние ребенка в школе; 4) социальная адаптация – одним из основных критериев школьной адаптации являются особенности поведения ребенка в школе: формирование адекватного поведения, установление контактов с учащимися и учителем [16].

Для нашего исследования представляют интерес выводы, сформулированные Н. Н. Малофеевым о том, что содержательная область образования детей с ОВЗ включает два компонента: академический и формирование жизненной компетенции. Академический компонент рассматривается в структуре образования детей с ОВЗ как накопление потенциальных возможностей для их активной реализации в настоящем и будущем. При этом предполагается, что ребенок впоследствии сможет самостоятельно выбрать из накопленного потребные ему знания, умения и навыки для личного, профессионального и социального развития. Компонент жизненной компетенции рассматривается в структуре образования детей с ОВЗ как овладение знаниями, умениями и навыками, уже сейчас необходимыми ребенку в обыденной жизни. Если овладение академическими знаниями, умениями и навыками направлено преимущественно на обеспечение его будущей реализации, то формируемая жизненная компетенция обеспечивает развитие отношений с окружением в настоящем. При этом движущей силой развития жиз-

ненной компетенции становится также опережающая наличные возможности ребенка интеграция в более сложное социальное окружение. Продуктивность такого дозированного расширения и усложнения среды жизнедеятельности ребенка с ОВЗ можно обеспечить только с учетом его особых образовательных потребностей [8].

Таким образом, авторы выделяют возможности и особенности адаптации в школьной среде, в условиях образования, а также возможности формирования личностных образований, которые позволяют успешно включаться в социум, взаимодействовать с окружающими людьми и др. Поэтому в нашем исследовании мы выделяем три составляющих адаптации: академическая, жизненная и личностная. Итак, в образовании ребенка с ОВЗ особое значение придается развитию его жизненной компетенции. Соотношение компонентов жизненной компетенции и академического отражает специфику образования для каждой категории детей с ОВЗ. Это и определило выбор нами академического и жизненного компонента в структуре адаптации.

Анализ представленных выше материалов исследователей (Н. Н. Малофеев, О. С. Никольская, О. И. Кукушкина, Т. В. Дорожевец, Д. Ю. Соловьева и др.) [3, 8, 16] позволил разработать структурную модель успешно адаптирующегося ребенка, которая может быть представлена тремя компонентами: академический (знания о языке; элементарные математические представления; знания о мире; знания о социуме); жизненный (познавательные навыки, навыки по самообслуживанию, коммуникативные навыки, навыки безопасности жизнедеятельности); личностный (состояние здоровья ребёнка, эмоциональное состояние, уровень тревожности, самооценка).

Приведенная модель отражает структурную составляющую успешно адаптирующегося ребенка. Опираясь на эту модель, выделим критерии и показатели успешно

Рис. 1. Модель успешно адаптирующегося ребенка

адаптирующегося ребенка. Критерий – признак, на основании которого проводится оценка чего-либо; мерило; условно принятая мера, позволяющая произвести измерение объекта и на основании этого дать ему оценку [12, с. 271]. С учетом положений, обоснованных И. Ф. Исаевым [4], нами сформулированы следующие требования к критериям: 1) критерии должны раскрываться через ряд качественных признаков (показателей), по мере проявления которых можно судить о большей или меньшей степени выраженности данного критерия; 2) критерии должны отражать динамику формирования успешно адаптирующейся личности ребенка.

Охарактеризуем критерии, раскрывающие параметры сформированности компонентов успешно адаптирующейся личности ребенка:

– критерием академического компонента является сформированность знаний о языке; элементарных математических представлениях; представлений о мире; социуме;

– критерием жизненного компонента выступают сформированные познавательные навыки, навыки по самообслуживанию, коммуникативные навыки, навыки безопасности жизнедеятельности;

– критерием личностного компонента

являются состояние здоровья ребёнка, эмоциональное благополучие, низкий уровень тревожности, адекватная самооценка.

Для каждого критерия выделим определяющие его показатели. При наличии всех показателей можно говорить о полном проявлении критерия; проявление основных показателей дает возможность судить о необходимом уровне проявления критерия; при установлении одного показателя (или полном их отсутствии) можно считать, что данный критерий отсутствует [7].

– Показателями академического компонента служат: овладение грамотой, началами математики, сформированные представления о мире, социуме.

– Показателем жизненного компонента являются умения: развитие способности использовать приобретенные знания в жизни, умения поддерживать образ жизни, соответствующий возрасту, потребностям и ограничениям здоровья, умения взаимодействовать со взрослыми и сверстниками.

– Показателем личностного компонента являются: сформированность у ребенка качеств, характеризующих низкий уровень тревожности, благоприятное эмоциональное состояние, адекватную самооценку и состояние здоровья.

При наличии сформированности всех

компонентов можно говорить об эффективности созданной модели успешно адаптирующегося ребенка в условиях современ-

ного социума. Таким образом, модель успешно адаптирующегося ребенка должна представляться тремя компонентами: академический, жизненный, личностный.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Александровская, Э. М. Социально-психологические критерии адаптации к школе / Э. М. Александровская // Школа и психическое здоровье учащихся / под ред. С. М. Громбаха. – М.: Медицина, 1988. – С. 35-37.
2. Беленкова, Л. Ю. Современная отечественная система образования лицом к ребенку с ограниченными возможностями здоровья / Л. Ю. Беленкова // Гуманитарные науки и образование. – 2010. – № 4. – С. 32-42.
3. Дорожевец, Т. В. Психологические особенности школьной адаптации воспитанников детского сада: Дис. ... канд. психол. наук / Т. В. Дорожевец. – М., 1994. – 148 с.
4. Исаев, И. Ф. Школа как педагогическая система: основы управления / И. Ф. Исаев. – Белгород: Изд-во Белгор. гос. ун-та, 1997. – 142 с.
5. Коломинский, Я. Л. Учителю о психологии детей шестилетнего возраста / Я. Л. Коломинский, Е. А. Панько. – М.: Просвещение, 1988. – 190 с.
6. Кузнецов, П. С. Концепция социальной адаптации / П. С. Кузнецов. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2000. – 268 с.
7. Макарова, Л. Н. Преподаватель высшей школы: индивидуальность, стиль, деятельность: В 2 ч. – Ч. 1. / Л. Н. Макарова. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. – 243 с.
8. Малофеев, Н. Н. Требования к структуре основных образовательных программ / Н. Н. Малофеев, О. С. Никольская, О. И. Кукушкина // Альманах Института Коррекционной Педагогики РАО. – 2010. – № 14.
9. Маслоу, А. Экзистенциальная психология / А. Маслоу, Р. Мэй Г. Оллпорт, К. Роджерс. – М.: Институт общегуманитарных исследований, Инициатива, 2005. – 160 с.
10. Меерсон, Ф. З. Адаптация к стрессорным ситуациям и физическим нагрузкам / Ф. З. Меерсон, М. Г. Пшенникова. – М.: Медицина, 1988. – 256 с.
11. Милославова, Л. М. Структура социальной адаптации: Автореф. дис. ... канд. филос. наук / Л. М. Милославова. – Л., 1974. – 19 с.
12. Педагогика: большая современная энциклопедия / сост. Е. С. Рапацевич. – Минск: Современное слово, 2005. – 720 с.
13. Пиаже, Ж. Ж. Избранные психологические труды / Ж. Ж. Пиаже. – М.: Международная педагогическая академия, 1994. – 680 с.
14. Рябова, Н. В. Готовность дефектолога к педагогической деятельности по социально-бытовой ориентации учащегося / Н. В. Рябова // Гуманитарные науки и образование. – 2010. – № 3. – С. 44-48.
15. Слоним, А. Д. О физиологических механизмах природных адаптаций животных и человека / А. Д. Слоним. – М.: Наука, 1984. – 160 с.
16. Соловьева, Д. Ю. Факторы адаптации первоклассников к школе / Д. Ю. Соловьева // Вопросы психологии. – 2012. – № 4. – С. 15-20.
17. Специальный доклад о соблюдении прав детей-инвалидов в российской федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.allmedia.ru/laws/DocumShow_DocumID_128903.html
18. Фрейд, З. Введение в психоанализ / З. Фрейд. – М.: Азбука, 2011. – 480 с.
19. Шапкин, С. А. Деятельность в особых условиях: комплексный анализ структуры и стратегии адаптации / С. А. Шапкин, Л. Г. Дикая // Психологический журнал. – 1996. – Т. 17. – №1. – С. 19-34.

СРЕДНЯЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА №10
г. КОЛОМНЫ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЛАСТНОЙ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ
МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, г. КОЛОМНА

УДК 373.1
ББК 74.20
Педагогика

**РЕАЛИЗАЦИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ
К ФОРМИРОВАНИЮ АЛГОРИТМИЧЕСКОГО
МЫШЛЕНИЯ УЧАЩИХСЯ**

О. В. Михеева

В данной статье рассматривается реализация методологических подходов (системного, деятельностного, герменевтического) в разработке учебно-методического обеспечения курса информатики, направленного на формирование алгоритмического мышления учащегося.

Ключевые слова

Алгоритмическое мышление, формирование алгоритмического мышления, информатика, средняя общеобразовательная школа, методологические подходы

Активное внедрение в образовательные учреждения информационно-коммуникационных технологий способствует интенсивному развитию учебного программного обеспечения и решению важных педагогических проблем, таких как повышение мотивации учебной деятельности и развитию познавательного интереса учащегося. Это в свою очередь предъявляет новые требования к организации учебного процесса.

Система образования Российской Федерации переживает сегодня новый этап модернизации, «целью которой является существенное повышение качества образования, формирование современного научного мировоззрения и новой информационной культуры личности» [15], что, в свою очередь, требует перехода на новые принципы изучения информатики как фундаментальной науки и общеобразовательной дисциплины.

Анализ стандарта образования по информатике позволяет сделать вывод о том, что формирование алгоритмического мышления учащегося является важной задачей школьного курса информатики на различных ступенях обучения.

Под способностью алгоритмически мыслить будем понимать умение решать задачи различного происхождения, требующие составления плана действий для достижения желаемого результата. К числу специфических свойств алгоритмического мышления некоторые исследователи относят дискретность, абстрактность, осознанную закреплённость в языковых формах. Свойство дискретности заключается в «пошаговом исполнении алгоритма, конкретизации действий»; абстрактность дает возможность отвлечься от «конкретных исходных данных и перейти к решению задачи в общем виде»; осознанная закреплённость в языковых фор-

мах предполагает «умение представить алгоритм при помощи некоторого формального языка» [2, 7].

Мы считаем, что умение алгоритмически мыслить поможет учащемуся в организации рациональной работы на компьютере с различными прикладными программами (текстовые и графические редакторы, гипертекстовые и мультимедиа системы, электронные таблицы, системы моделирования и др.) и использовании их в своей учебной деятельности. Это позволит: производить качественное выполнение практических заданий; грамотно использовать инструменты прикладных программ; сократить время на выполнение творческих практических работ при развитии навыка создания сценария работы.

Формирование алгоритмического мышления учащихся тесно связано с развитием формального мышления, которое согласно положениям возрастной психологии (Ж. Пиаже, Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин и др.) начинает развиваться с 11-12 лет. Основываясь на периодизации развития мыслительных операций, мы видим необходимость развития алгоритмического мышления уже в 5-7 классах (пропедевтический курс информатики). Ж. Пиаже показал, что к 10-11 годам «формируются конкретные операции, т. е. операционные группировки мышления, относящиеся к объектам...», а с 11-12 лет и в течение всего юношеского периода «вырабатывается формальное мышление...» [12]. Раздел информатики, изучающий понятие алгоритма и способы его построения (алгоритмизация), направлен на формирование алгоритмического мышления учащегося. При этом в процессе обучения алгоритмизации учащихся 5-7 классов можно задействовать различные учебные программные среды, что, в свою очередь, способствует формированию информационной компетентности учащихся на пропедевтическом этапе изучения информатики. Информационную компетентность можно связать с овладением учащимися различными языками: ал-

горитмическим языком, языком формальной логики, языком интерфейса среды исполнителя, языками программирования

На разных этапах внедрения курса информатики в общеобразовательных учреждениях в учебном процессе реализовывались следующие учебные программные среды: в 70-80-е годы XX века в курсе ОИВТ (Основы информатики и вычислительной техники) был разработан учебный язык РАПИРА, описанный в учебнике под редакцией А. П. Ершова и В. М. Монахова [3, 4], не получил распространения; в 1987 году в МГУ велись разработки учебной среды программирования на основе алгоритмического языка, получившей название «Е-практикум» (Е-87), который в дальнейшем получил развитие и распространение через пакет учебного программного обеспечения КуМир (Комплект учебных материалов); в начале 1990-х гг. исследователями Уральского центра новых информационных технологий были разработаны учебные компьютерные среды «Кенгурёнок» и «Пылесосик» для проведения занятий по разделу «Основы алгоритмизации» с учащимися 8-х классов средних школ, направленных на освоение основных алгоритмических конструкций (линейный алгоритм, цикл, ветвление, процедура) [13, 14]; в лаборатории «Работландия» под начальным руководством Ю. А. Первина, а в дальнейшем А. А. Дуванова, были разработаны исполнители «Кукарача» и «Корректор», которые предназначались для младших школьников [16]. Такое многообразие учебных компьютерных сред свидетельствует о том, что на сегодняшний день идёт поиск оптимальных программных средств, которые способствовали бы формированию алгоритмического мышления учащихся.

В настоящее время в нашей стране приобретает популярность такое средство формирования алгоритмического мышления, как компьютерная среда Лого, разработанная С. Пейпертом. Она была названа «исторически первым педагогическим

программным средством для обучения детей алгоритмизации» [10]. Среда Лого базируется на представлении о действии как основе познания, которое С. Пейперт почерпнул у Ж. Пиаже. «Лого – первый компьютерный микромир» [5]. Творческая среда ЛогоМиры предназначена в первую очередь для младшей и средней школы, способствует развитию алгоритмического и логического мышления, активизации познавательной деятельности, имеет много возможностей для формирования начальной компьютерной грамотности и навыков работы с электронно-вычислительной техникой. Набор команд в ЛогоМирах создает легкую в использовании и наглядную среду для изучения понятия алгоритма, видов алгоритма, способов представления алгоритма и знакомства с исполнителем, который в наглядной и доступной форме для данного возраста иллюстрирует процесс выполнения команд [1].

Для формирования алгоритмического мышления учащихся в 5-7 классах общеобразовательной школы нами разработана программа курса информатики, центральной линией которой является алгоритмизация и программирование. В качестве среды программирования была выбрана творческая интегрированная среда ЛогоМиры 3.0.

На основе анализа опыта преподавания курса алгоритмизации на средней ступени обучения в общеобразовательной школе, базирующегося на использовании в учебном процессе компьютерной среды ЛогоМиры, нами были выявлены преимущества, выступающие в пользу выбора Лого в качестве первоначального языка программирования: синтаксис, близкий к естественному языку; наличие всех необходимых для построения алгоритмов конструкций; возможность создания простой по структуре и эффективной по исполнению программы; хорошее средство для формирования понятий моделирования; упрощён процесс отладки программы –

решение разбивается на множество мелких шагов, каждый из которых может быть проверен отдельно; интуитивно-понятный интерфейс для учащегося; организация индивидуального подхода к деятельности учащегося; яркая среда программирования, которая интегрируется с графикой, звуком, видео.

В связи с названными преимуществами программная среда ЛогоМиры отвечает основным принципам дидактики: научности; сознательности и активности; наглядности; доступности; соответствия обучения возрастным и индивидуальным особенностям учащихся. Язык Лого привлекает и тем, что программирование из скучной дисциплины превращается в интересную игру, в процессе которой происходит быстрое и прочное усвоение основных понятий и навыков программирования.

При построении курса информатики, базирующегося на применении программного средства ЛогоМиры, для учащихся средней ступени обучения нам представляется необходимым выделить методологические подходы, на основе которых будет построено учебно-методическое обеспечение курса информатики и осуществлён подбор учебных и творческих задач. Нами выбраны системный, деятельностный и герменевтический подходы.

Рассмотрим общие принципы реализации выбранных методологических подходов, вытекающие из их определений, применительно к разработке учебно-методического обеспечения курса информатики, направленного на формирование алгоритмического мышления учащихся средней ступени средней общеобразовательной школы.

Системный подход (Э. Г. Юдин, В. В. Краевский, И. В. Блауберг и др.) применительно к организации педагогического процесса предполагает, что относительно самостоятельные компоненты рассматриваются как совокупность взаимосвязанных элементов целостной системы: цели

образования, субъекты педагогического процесса – учитель и учащийся, содержание образования, методы, формы, средства педагогического процесса. В нашем исследовании применение системного подхода означает анализа процесса обучения информатике в средней общеобразовательной школе как системы, состоящей из взаимосвязанных и взаимообусловленных компонентов (цель, содержание, методы, средства и др.). Системообразующим фактором является цель – формирование алгоритмического мышления учащегося. Исходя из вышесказанного система обучения информатике, нацеленная на формирование алгоритмического мышления учащегося, в среднем звене включает в себя следующие элементы: ученик; творчески работающий учитель; образовательные стандарты по информатике, определяющие содержание и результат обучения; программа курса информатики в среднем звене; комплект учебных материалов; программное средство, соответствующее возрасту учащихся; гностические (репродуктивные, исследовательские, проблемно-поисковые) и активные методы обучения.

Следующий подход, который мы считаем важным для формирования алгоритмического мышления – деятельностный. Деятельностный подход в обучении (А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин, Н. Ф. Талызина, Д. Б. Эльконин и др.) подразумевает, что субъект обучения, т. е. ученик, занимает активную позицию и деятельность является основой предметно-практических или умственных действий. Применительно к процессу обучения информатике в среднем звене такой подход предполагает: учет индивидуально-творческого принципа формирования знаний, умений и навыков учащихся, способствующего выработке у учащегося готовности к активному, адекватному и эффективному применению информационных и телекоммуникационных технологий в процессе обучения информатике.

Анализируя классическое определение

деятельности – «целенаправленная активность человека, отвечающая его потребностям и мотивам, реализующаяся в системе действий и операций» [6], можно увидеть, что существенным ее признаком выступает наличие мотива и цели.

Реализация деятельностного подхода в формировании алгоритмического мышления означает сделать учение мотивированным, научить учащегося самостоятельно ставить перед собой цель и находить пути и средства её достижения [8]. Исходя из периодизации этапов построения мыслительных операций (Ж. Пиаже [12]) у учащихся в 5 классе развитие формальных мыслительных операций, являющихся основой алгоритмического мышления, находится в «зоне ближайшего развития» (Л. С. Выготский). Тогда усвоение основных понятий алгоритмизации учащимся, на начальном этапе обучения, должно проходить только в процессе совместной деятельности с учителем.

Так, применяя деятельный подход к формированию алгоритмического мышления учащихся, мы выделяем следующие этапы обучения, построенного на программном средстве ЛогоМиры, соответствующие структуре деятельности: самоопределение к деятельности (на данном этапе организуется положительное самоопределение учащегося к деятельности на уроке, создаются условия для возникновения внутренней потребности включения в деятельность и выделяется содержательная область); актуализация опорных знаний (повторяется ряд вопросов, которые пригодятся при выполнении поставленной задачи, – знания, умения и навыки, достаточные для построения нового способа действий, тренировки соответствующих мыслительных операций); постановка учебной задачи (учащийся соотносит свои действия с используемым способом решения задачи и на этой основе выявляет и фиксирует в работе на компьютере причины ошибок и затруднений, организуется коммуникативная деятель-

ность учащихся и учителя по исследованию возникших затруднений).

Деятельностный подход к обучению рассматривает знания как результат выполнения соответствующей деятельности. Формирование алгоритмического мышления учащегося, прежде всего, предполагает мыслительную деятельность. Для организации процесса обучения, направленного на формирование алгоритмического мышления учащегося, мы считаем необходимым выделить приемы мыслительных операций: умозаключение по аналогии (знание, полученное из рассмотрения какого-либо объекта, переносится на менее изученный, сходный по существенным свойствам, качествам объект); интерпретация (раскрытие смысла понятий, прочтение команд исполнителя); восхождение от абстрактного к конкретному (теоретическое воспроизведение в сознании целостного объекта, систематическое отображение его в понятиях); абстрагирование (мысленное отвлечение от несущественных свойств объекта и выделение какого-либо существенного свойства или отношения); анализ и синтез.

Третий из выбранных нами подходов – герменевтический, отвечает задачам современного школьного образования, связанным с необходимостью не только запоминать информацию, но и понимать её, анализировать, формулировать проблемы и решать их. Эти задачи отражают определённый уровень понимания (интерпретации) информации учеником.

Понятие «герменевтика» этимологически связано с именем бога Гермеса, который считался в Древней Греции посредником между богами и людьми, переводившим «неземной» язык богов на «земной» язык людей.

Одним из основателей герменевтического подхода в педагогических исследованиях является тюменская академическая школа педагогики во главе с академиком В. И. Загвязинским. Конкретизировала герменевтический подход в педагогической на-

уке на уровне концептуального использования А. Ф. Закирова, которая ввела термин «педагогическая герменевтика».

Известно использование герменевтического подхода при изучении дисциплин гуманитарного цикла (русский язык и литература, история, лингвистика). За последние годы произошли существенные изменения в системе образования, связанные с её информатизацией. В связи с этим, Д. М. Назаров утверждает, что «опора в герменевтическом понимании только на тексты и знания, зафиксированные текстуально, является недостаточной, поскольку процессы информатизации системы образования позволяют говорить уже не столько о тексте, сколько об информации в целом...» [11]. Среди школьных дисциплин, именно информатика знакомит учащихся с информационными процессами. На уроках информатики происходит знакомство учащихся с различными формами представления информации, с формальными языками. При объяснении материала чаще всего происходит иллюстрация учителем изучаемого материала, ученик при этом выполняет пассивную роль наблюдателя. Поэтому одной из ключевых образовательных задач мы видим формирование у учащихся понимания смысла различных форм представления информации, интерпретации формальных языковых текстов и инверсии информационных форм («перевод» с одного языка на другой). По мнению И. Н. Лесникова, О. И. Бычковой, В. В. Васюхно [9], «для более глубокого понимания» существенных свойств и признаков информационного «объекта» необходимо формировать у учащихся умение самостоятельно выполнять «переход от одной формы представления изучаемого объекта к другой». Одним из направлений решения данной проблемы, по нашему мнению, может служить герменевтический подход. Применение данного подхода при обучении информатике и математике рассматривается в научных трудах названных авторов. В дан-

ном случае под герменевтикой понимают «теорию интерпретации языковых выражений (текстов), направленную на понимание смысла данных выражений» и определяют «герменевтическую связь» как «процесс установления связи между различными формами представления объекта». Одной из основных задач герменевтического подхода «к познанию какого-либо определённого явления» исследователи видят «постижение модели этого явления» и считают, что «необходимо акцентировать внимание на процессе моделирования, а точнее – на том, как происходит процесс перехода от текста задачи к информационной модели». Процесс построения информационных моделей с помощью формальных языков принято называть формализацией, поэтому установление герменевтических связей тесно связано с понятием формализации информации» [9].

Так, например основными формами представления информационного объекта при изучении алгоритмической линии курса информатики является словесное описание, табличное и графическое представление алгоритма. Мы считаем, что при реализации герменевтического подхода в процессе изучения основ алгоритмизации с учащимися средней ступени обучения нужно формировать: навык чтения и умение понимания текста програм-

мы на алгоритмическом языке, умение осуществлять перевод одного и того же алгоритма с одного языка на другой (например, с алгоритмического языка на язык блок-схем – графический язык), умение составлять тексты программ на известных формальных языках и устанавливать связи между элементами программы.

Применение кратко охарактеризованных выше подходов позволяет сформировать такой уровень алгоритмического мышления, который проявляется в умении решать задачи с использованием компьютера, разработке стратегии их решения, прогнозировании результатов своей деятельности, анализе и нахождении рациональных способов решения задач путем оптимизации, детализации созданного алгоритма, представлении алгоритма на формализованном языке исполнителя.

Программа опытно-экспериментальной работы по формированию алгоритмического мышления учащихся с применением названных подходов в настоящее время проходит апробацию в условиях средней общеобразовательной школы. Результаты этой работы демонстрируют положительную динамику формирования алгоритмического мышления учащегося.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Белова Г. В. Программирование в среде ЛОГО. Первые шаги. – М.: СОЛОН-ПРЕСС, 2007. – 128 с.

2. Газейкина А. И. Стили мышления и обучение программированию студентов педагогического ВУЗа // Материалы XIX Международной конференции «Применение новых технологий в образовании». – Троицк: Тривант, 2006.

3. Изучение основ информатики и вычислительной техники: Метод. пособие для учителей и преподавателей сред. учеб. заведений. В 2 ч. – Ч. 1 / Под ред. А. П. Ершова, В. М. Монахова. – М.: Просвещение, 1985.

4. Изучение основ информатики и вычислительной техники: Метод. пособие для учителей и преподавателей сред. учеб. заведений. В 2 ч. – Ч. 2 / А. П. Ершов, В. М. Монахов, М. В. Витиных и др.; Под ред. А. П. Ершова, В. М. Монахова. – М.: Просвещение, 1986. – 207 с.

5. Коляда Е. П. Развитие логического мышления учащихся-подростков на основе

межпредметных задач (математика, информатика): Дис. ... кан. пед. наук. – Саратовский ГУ им. Чернышевского, 1996. – 153 с.

6. Краткий педагогический словарь: Учебное справочное пособие / Адреева Г. А., Вяликова Г. С., Тютькова И. А. – М.: В. Секачев, 2007. – 181 с.

7. Лебедева Т. Н. Формирование алгоритмического мышления школьников в процессе обучения рекурсивным алгоритмам в профильных классах средней общеобразовательной школы: Дис. ... канд. пед. наук. – Саратовский ГУ им. Чернышевского, 2000.

8. Леонтьев А. А. Что такое деятельностный подход в образовании? // Начальная школа: плюс-минус. – 2001. – № 1. – С. 3-6.

9. Лесников И. Н., Бычкова О. И., Васюхно В. В. Герменевтический подход в обучении информатике и математике // Информатика и образование. – 2010. – №4. – С. 21-27.

10. Методика преподавания информатики: Учеб. пособие для студ. пед. вузов / М. П. Лапчик, И. Г. Семакин, Е. К. Хеннер; Под общей ред. М. П. Лапчика. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 624 с.

11. Назаров Д. М. Компаративный анализ герменевтической научной методологии // Вестник ТГПУ. – 2010. – Вып. 5 (95). – С. 32-35.

12. Пиаже Жан. Избранные психологические труды: пер. с англ. и фр. / Вступ. статья В. А. Лекторского, В. Н. Садовского, Э. Г. Юдина. – М.: Международная педагогическая академия, 1994. – 680 с.

13. ПЭВМ IBM PS/2. Программно-методический комплекс №1 по курсу информатики. Основы алгоритмизации. Учебное пособие / В. Р. Лещинер, И. П. Хорошева. – Казанский ПК ПС, 1991. – 40 с.

14. ПЭВМ IBM PS/2. Программно-методический комплекс №1 по курсу информатики. Основы алгоритмизации. Руководство для учителя / И. П. Хорошева. – Казанский ПК ПС, 1991. – 47с.

15. Философские проблемы информатики / К. К. Колин. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010. – 264 с.: ил.

16. Негосударственное образовательное учреждение «Роботландия». – URL: <http://www.botik.ru/~robot/index.htm> (дата последнего обращения 09.02.2012)

**МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ М. Е. ЕВСЕВЬЕВА
РЕСПУБЛИКА МОРДОВИЯ, г. САРАНСК**

УДК 37.013
ББК 74.00
Педагогика

**СТРУКТУРНАЯ МОДЕЛЬ
СОЦИАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫХ
КОМПЕТЕНЦИЙ ПОДРОСТКА***

О. И. Чудаева

В статье рассматриваются содержательные характеристики структурных компонентов модели формирования социально-личностных компетенций подростка посредством спортивно-оздоровительной деятельности.

Ключевые слова

Компетенция, социально-личностные компетенции, подростковый возраст, спортивно-оздоровительная деятельность

Современное состояние педагогической науки характеризуется вариативностью концепций, методологических подходов, технологий и методических систем. Одним из наиболее активно развивающихся направлений теории и практики образования является направление, разрабатывающее идею непрерывного образования, предполагающего становление и формирование компетентностей [6. С. 133].

Введение компетенций в нормативную и практическую составляющую образования позволяет решать проблему, типичную для российской школы, когда ученики могут владеть набором теоретических знаний, но испытывают значительные трудности в деятельности, требующей использования этих знаний для решения конк-

ретных жизненных задач или проблемных ситуаций [3. С. 69]. Компетенция проявляется в умении осуществлять выбор, исходя из адекватной оценки своих возможностей в конкретной ситуации, и связана с мотивацией на непрерывное образование.

Цель нашей статьи – составление структуры социально-личностных компетенций подростка. Она решает задачу, связанную с выявлением сущности понятия социально-личностные компетенции подростков и формирования их посредством спортивно-оздоровительной деятельности.

Понятие «социально-личностные компетенции» только входит в педагогическую науку и не имеет четкого определения.

Доктор педагогических наук, академик Международной педагогической академии

* Работа проводится при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ за счёт средств Мероприятия 2. «Модернизация научно-исследовательского процесса и инновационной деятельности (содержания и организации)». Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева» на 2012-2016 гг. «Педагогические кадры для инновационной России».

Хуторской Андрей Викторович даёт своё понимание термина компетенция – отчужденное, заранее заданное социальное требование (норма) к образовательной подготовке ученика, необходимой для его эффективной продуктивной деятельности в определенной сфере [1. С. 59].

Анализ литературы (А. Г. Бермус, В. А. Болотов, И. А. Зимняя, А. К. Маркова, А. В. Хуторской), посвященной изучению феномена социально-личностные компетенции, позволяет вывести следующее определение: «Социально-личностные компетенции – это совокупность общих компетенций, обеспечивающих взаимодействие личности с социальным окружением, основанных на отношении личности к себе, другим, обществу с учетом особенностей социальной ситуации и разнообразных социальных норм».

Эти компетенции формируются в течение жизни человека. Однако в особенности это имеет отношение к подросткам, их личностному и профессиональному самоопределению, процессу закрепления и развития личных интересов учащихся к избранной деятельности, формированию социального статуса учащихся, определению их места в системе социальных отношений и нравственных ориентиров.

Подростковый возраст современного ребёнка, по Д. И. Фельдштейну, характеризуется неблагоприятной тенденцией в обеднении и ограничении общения подростка с детьми, ростом явлений одиночества, несформированностью мотивов общения и сотрудничества у значительной части растущих людей [8. С. 120].

Как показал проведенный нами анализ ряда исследований (Б. З. Вульф, В. А. Караковский, А. В. Мудрик, Д. И. Фельдштейн), формирование социально-личностных компетенций в подростковом возрасте обусловлено потребностью в самоутверждении, самоопределении и включает развитие качеств личности, способствующих общению, развитию социальных умений и навыков, усвоению со-

циальных ролей. Кроме того, формирование социально-личностных компетенций в подростковом возрасте обусловлено выраженной потребностью в эмоциональном благополучии и включает развитие способности к эмпатии, умению дифференцировать собственные эмоции и эмоции других людей, самоконтролю и самомотивации [4. С. 7].

Не случайно проблема подростка на этапе преодоления всех возрастных проблем тесно связана с такими понятиями, как «адаптация», «социализация», «компетенция». Физиологические, психологические и социальные изменения, характерные для подросткового возраста, предъявляют большие требования к личностным и эмоциональным способностям подростка адаптироваться к новым обстоятельствам жизни. Эти способности являются важной составной частью процесса социализации.

Именно в подростковом возрасте происходит формирование личности подростка, его активного стремление к занятию новой социальной позиции, сознание своего «Я», утверждение во взрослом мире, а также стремления применить свои возможности [2. С. 104].

Наряду с этим, необходимость справляться с трудностями взросления часто заставляет подростков искать поддержки не только у взрослых членов своей семьи, но и у сверстников, которые испытывают такие же трудности. Эмоциональная поддержка со стороны ровесников чрезвычайно важна для формирования социальных навыков и личностных качеств, которые являются одной из составных частей социально-личностных компетенций.

Кроме того, социально-личностные компетенции включают умение правильно оценивать личностные особенности и эмоциональные состояния других людей и выбирать адекватные способы поведения в различных социальных ситуациях, что при нормальном развитии позволяет подростку расширять зону социальной поддер-

жки, приобретая новых друзей и сохраняя хорошие отношения со старыми.

Характеристика подросткового возраста, его особенности направили нас из всей совокупности социально-личностных компетенций выбрать те, которые в большей степени нужны в формировании их в подростковом возрасте.

Процесс моделирования позволяет нам рассматривать структуру и компонентный состав социально-личностных компетенций подростка.

Структурные модели статических объектов те, в которых строение и внутренняя форма организации, познание внутренней природы и сущности объекта предполагает раскрытие его структуры, как некоторых относительно устойчивых объектов и процессов.

В этой связи мы рассматриваем структурную модель и компонентный состав

формирования социально-личностных компетенций подростков посредством спортивно-оздоровительной деятельности.

Спортивно-оздоровительная деятельность в средней общеобразовательной школе представляет собой продукт и результат специально организованного педагогического процесса, который призван компенсировать дефицит двигательной активности школьников, направленного на формирование здорового, физически совершенного, социально активного и нравственно состоятельного подрастающего поколения [7. С. 43].

Мы предполагаем, что спортивно-оздоровительная деятельность является значимым средством, способным оказывать влияние на формирование социально-личностных компетенций, которые способствуют личностному и социальному

Рис. Структура социально-личностных компетенций подростков

росту ученика.

Данная нами структура социально-личностных компетенции подростков, формируемых посредством спортивно-оздоровительной деятельности, включают в себя следующие компоненты:

1. Компетенции здоровьесбережения включают в себя компоненты связанные с позитивным отношением подростков к своему здоровью, владению способами физического самосовершенствования, эмоциональной саморегуляции, самопод-

держки и самоконтроля; знаний и применение правил личной гигиены; владение факторами положительного влияния здорового образа жизни на общее состояние организма; знаний многообразия двигательного опыта и умение использовать его в массовых формах соревновательной деятельности, в организации активного отдыха и досуга; уметь подбирать индивидуальные средства и методы для развития своих физических, психических и личностных качеств [5. С. 118].

2. Ценностно-смысловые компетенции связаны с ценностными ориентирами ученика, его способностью видеть и понимать окружающий мир, ориентироваться в нем, осознавать свою роль и предназначение, уметь выбирать целевые и смысловые установки для своих действий и поступков, принимать решения. Данные компетенции обеспечивают механизм самоопределения ученика в ситуациях учебной и иной деятельности.

3. Компетенции социального взаимодействия включают компоненты взаимодействия подростка с обществом, общностью, коллективом, семьей, друзьями, партнерами.

4. Персональные (личностные) компетенции направлены на освоение способов физического, духовного и интеллектуального саморазвития, эмоциональной саморегуляции и самоподдержки. Ученик овладевает способами деятельности в собственных интересах и возможностях, что выражается в его непрерывном самопознании, развитии необходимых современному человеку личностных качеств, фор-

мировании психологической грамотности, культуры мышления и поведения. К данным компетенциям относятся знания правил личной гигиены, половой грамотности, внутренней экологической культуры, способов безопасной жизнедеятельности, забота о собственном здоровье.

5. Коммуникативные компетенции направлены на освоение знаний языков, способов взаимодействия с окружающими людьми, навыков работы в группе, коллективе, владение различными социальными ролями в области коммуникации. Ученик должен уметь представить себя, написать письмо, анкету, заявление, задать вопрос, вести дискуссию [1. С. 60].

На основе теоретического анализа сущности социально-личностных компетенций и составления структуры социально-личностных компетенций подростка изучаемый феномен будет пониматься как относящийся к сферам «Я-мы» и «Я-Я», это сложное системное образование, способствующее саморазвитию и самореализации личности, её успешной жизнедеятельности в социальном взаимодействии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хуторской, А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированного образования / А. В. Хуторской // Народное образование. – 2003. – №2. – С. 58-64.

2. Доноева, Е. В. Исследование особенностей установок на здоровый образ жизни у современных подростков / Е. В. Доноева // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 5. – С. 103-106.

3. Зимняя, И. А. Компетентность человека – новое качество результата образования / И. А. Зимняя. Материалы XIII Всероссийского совещания. – Кн. 2. Компетентность человека – новое качество результата образования. – М., 2002. – 126 с.

4. Фельдштейн, Д. И. Подросток на дистанции взросления и в пространстве его определения / Д. И. Фельдштейн, Э. В. Сайко // Мир психологии. – 2007. – №4. – С. 3-10.

5. Смирнов, Н. К. Здоровьесберегающие образовательные технологии и психология здоровья в школе / Н. К. Смирнов. – М.: АРКТИ, 2005. – 320 с.

6. Марчук, Е. Г. Особенности формирования интеллектуальной компетентности у школьников в образовательном процессе / Е. Г. Марчук // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – №1. – С. 132-135.

7. Бальсевич, В. К. Основные положения Концепции интенсивного инновационного преобразования национальной системы спортивно-оздоровительного воспитания детей, подростков и молодежи России / В. К. Бальсевич // Теория и практика физической культуры. – 2002. – №3. – С.43-47.

8. Таньчева, И. В. Педагогическое сопровождение становления субъектной позиции подростка / И. В. Таньчева // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – №6. – С. 120-123.

УДК 821.161.1-14.06 Кас.-Рос.
ББК 83.3 (2Рос=Рус)1
Филология

«ОФИЦЕРСКАЯ ЛИРИКА» ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ВОЕННЫМИ СТИХАМИ Ф. КАСАТКИНА- РОСТОВСКОГО)

Кандидат филологических наук И. Ф. Герасимова

В статье рассматриваются поэтические произведения боевого офицера периода Первой мировой войны князя Ф. Н. Касаткина-Ростовского. Показаны их тематическое и жанровое разнообразие, доминантные особенности поэтики. Установлена связь поэзии Ф. Касаткина-Ростовского с традициями русской батальной лирики.

Ключевые слова

Первая мировая война, «офицерская лирика», батальные сцены, документализм, молитвенная традиция, коллективный герой

Лирика периода Первой мировой войны не испытывает недостатка в поэтах, отразивших события тех лет на страницах своих произведений. Мировая трагедия начала XX века предстает запечатленной известными мастерами слова (В. Брюсовым, Ф. Сологубом, З. Гиппиус, А. Блоком, Н. Гумилевым и др.), начинающими поэтами, многочисленными представителями «народной поэзии», чьи имена в большинстве случаев скрыты криптонимами и псевдонимами. Особую когорту составляют поэты-воины, для которых сочинение стихов было так же естественно, как и военное ремесло. Одним из таких авторов, полузабытых ныне, является Федор Николаевич Касаткин-Ростовский (1875-1940) – боевой офицер. Произведения, воспринимавшиеся самим автором как «листки походной тетради», и являются предметом

рассмотрения в данной статье.

За годы Первой мировой войны поэт были выпущены три стихотворных сборника, представляющие собой своеобразную поэтическую летопись боевого похода [1-3].

В «Посвящении» [1. С. 7], предваряющем первую тетрадь стихов, автор сразу же определяет основные особенности своего фронтового творчества. Это, прежде всего, следование жизненной правде: «Я это записал среди боев для вас, // Все это прожито... Все, что пишу я, было» [1. С. 7]. Фактографическая точность – художественная доминанта всех поэтических произведений автора. Центральное место в его стихотворениях занимает простой русский солдат – «русский исполин», образ которого создан поэтом с особой теплотой.

В двух стихотворениях с одинаковым

названием «Война» [1. С. 17; 2. С. 8-9] запечатлены реальные картины военного времени, психологическая атмосфера боевых сражений и предпринята попытка нарисовать обобщенный образ войны. Первое стихотворение, написанное 1 октября 1915 года в деревне Камень в Галиции, завершается неожиданным выводом-парадоксом: «Тот ужас, что порой зовется красотой, // То ты – Война» [1. С. 17]. Второе – из сборника 1916 года – начинается с утверждения, которым завершалось первое: «Война – это ужас...» [1. С. 17]. Однако далее, вслед за тезисом и антитезой, следует закономерный синтез: «Война – это подвиг!.. Война – это ночи конец пред-рассветный...» [2. С. 8-9].

Входящие в сборники стихотворения написаны на документальной основе, будь то описание повседневной жизни воинского лагеря или психологического состояния конкретного солдата накануне боя или скромного подвига сестры милосердия.

В стихотворении «Белые лебеди», написанном, как указано автором, 18 марта 1916 г. в д. Анцпаки [3. С. 11-12], поэт-воин сравнивает сестер милосердия со стаей белых лебедей и подчеркивает особую роль русской императрицы в деле организации благотворительной помощи раненым, в развитии сестринского движения.

Многие произведения поэта можно отнести к «зарисовкам с натуры». Например, стихотворение «Пленные» [1. С. 33-34], в котором автор повествует о широте русской души и милосердии русских людей к поверженному неприятелю. В стихотворении «Беженцам» [2. С. 57-58] отражено отношение русского общества к согражданам, вынужденным покинуть свои дома из-за приближающихся боев. У Ф. Касаткина-Ростовского они «верные родины нашей сыны», не пожелавшие остаться на оккупированных врагом территориях и стойко переносящие лишения. Именно поэтому, нарисовав картину бед-

ственного положения людей, которых «в безвестную даль выгнал ужас войны», автор устами своего лирического героя призывает сограждан в тылу: «Помогите усталым в пути, помогите! // Пусть скорее среди нас они ласку найдут. // Дайте кров им родной, осушите их слезы, // Приласкайте их теплым участием родным. // Тяжек путь среди дождей... скоро будут морозы. // Братья наши страдают... поможемте им!» [2. С. 57-58]. Характерно, что это стихотворение, как и некоторые другие в сборнике «С войны» (листки походной тетради), автором не атрибутировано, что также, на наш взгляд, свидетельствует о типичности увиденного и запечатленного им на войне. Обращает на себя внимание и присутствие в этом стихотворении архетипа дома-семьи, с которым напрямую связан образ *Родины-матери*, понимаемый лирическим героем как великая народная общность, скрепленная единством защищаемых территорий.

Злободневность живого, непосредственного отклика на быстро меняющийся калейдоскоп событий сочетается в стихах поэта с утверждением незыблемости общечеловеческих и патриотических ценностей, включая кодекс воинской чести. В стихотворении «Прости им, Господи!» [2. С. 61-62] молитва вложена в уста лирического героя, от имени которого повествуется о нескольких трагических эпизодах Первой мировой войны, в частности, об отказе властей Болгарии вступить в войну за общеславянские интересы: «И что же? // Христианин стал туркам брат» [2. С. 61]. Боль и возмущение автора (лирического героя) – православного христианина и патриота – настолько сильны, что он практически дословно повторяет слова Христа, произнесенные Им в минуту смертного страдания на кресте: «Прости, помилуй их, о Боже, // Они не знают, что творят!» [ср.: «Отче! Прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23:34) – И. Г.]. Признавая, что «Господь, что всем велел простить, // Простит и вам, Он благ без

меры» [2. С. 62], поэт, тем не менее, высказывает мысль, что те, кто предал страну – освободительницу Болгарии от турецкого владычества, – неминуемо понесут наказание: «...Вы будете всегда // Блуждать без света и без веры, // Что служат верным, как звезда, // Средь жизни горя и сомненья – // На век в вас будет мрак и стыд» [2. С. 62]. Такая этически взыскательная позиция вполне естественна для сына русского офицера, принимавшего участие в Русско-турецкой войне 1877 - 1878 гг., когда Болгария была освобождена от турецкого владычества [4]. Заключительные строки стихотворения: «Прости, Господь, их ослепление, // Они не знают, что творят!» [2. С. 62] – почти дословное переложение евангельского текста: «Отче! Прости им, ибо не знают, что делают...» (Лк. 23: 34), а также начальных слов молитвы из православного молитвослова: «Ненавидящих и обидящих нас прости, Господи Человеколюбче...» [4. С. 55]. Очевидно, что автор выстраивает композицию произведения сообразно 108-му Псалму: «За любовь мою они враждуют на меня» (Пс. 108: 4); «Они проклинают, а Ты благослови; они восстают, но да будут пристыжены...» (Пс. 108:28); «Да облекутся противники мои бесчестьем и, как одежду, покроются стыдом своим...» (Пс. 108:29). Главная забота автора – напомнить людям, застигнутым мировым катаклизмом, о сохранении чистоты человеческой души: «...Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5:44); «Но вы любите врагов ваших, и благотворите... не ожидая ничего; и будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего...» (Лк. 6:35).

В свое время сам факт появления стихотворения Ф. Касаткина-Ростовского с симптоматичным названием «Сомневающимся» (1916) [2. С. 5-6] свидетельствовал о наступлении драматического перелома, о поворотном моменте в обществен-

ном сознании – появлении настроений сомнения, раз-очарования, утраты прежней уверенности в победном исходе войны. Отвергая уныние, лирический герой вызывает сограждан к чувству патриотизма и единению сил во имя будущей победы: «Верны мы заветам отцов!» [2. С. 5].

Сходные мотивы присущи и стихотворению с характерным названием «Пацифисты» [2. С. 76-78]. Это взволнованная отповедь боевого офицера тем, кто ратует за отказ от борьбы. Лирический герой обвиняет этих людей в малодушии и утверждает: «Всем вашим проискам не ведать завершенья, // Как встарь, за родину пойдем мы на сраженья, // И жизнь, и сердце ей с отрадой отдадим» [2. С. 78]. Стихотворение является примером ораторской лирики, агитационная направленность которого очевидна.

В стихотворении Ф. Касаткина-Ростовского «Снег идет...» [2. С. 50] противопоставляются картины «спящей природы» и жестокого боя, в котором «тысячи людей» «упорно бьются // За жизнь и счастье родины своей». «Дай, Боже, им скорее победить!» [2. С. 50] – восклицает автор.

Обратим внимание и на стихотворение «Всенощная» [1. С. 11-12]. Поэт – боевой офицер действующей армии – с помощью точных деталей («закат спокойно тих», «замолк бивака шум», «за старым кладбищем построены колонны», «стол в глубине каре, // На нем блестят иконы») описывает атмосферу вечерней молитвы «пехотного полка» и заключает: «Средь вечера тиши, пред днем тяжелой битвы, // Под сводом голубым открыты все сердца. // Понятней и ясней знакомые молитвы // В природы близости и близости Творца» [1. С. 12]. Стихотворение представляет собой редкий образец *фронтальной элегии*, проникнутой обостренным чувством неразрывной сопряженности жизни и смерти в преддверии кровопролитного сражения. В то же время в нем присутствуют и черты *фронтальной зарисовки* бивуачного

быта. Достоверность переживаемого подчеркнута точным обозначением места (д. Бабице) и даты (10 августа 1914 г.) его написания. Автор запечатлевает атмосферу, царящую в русских войсках в самом начале Первой мировой войны, подчеркивает благородство и самоотречение воинов, воспринимаемое лирическим героем как естественное качество русского солдата. Особый, «профетический» лиризм вносит в стихотворение присущая большой русской литературе «печаль не о своем горе», *молитвенное прошение* к Всевышнему не о собственном спасении в близящемся смертельном бою, а об общей победе над врагом: «Храни, Благой Господь, оставшихся далеко, // Дай, Бог, мощь врага скорее сокрушить!» [1. С. 12].

Так и в этом произведении опосредованно воспроизводится автором образ *коллективного героя – русского солдата*, тяжелый ратный труд которого освящен духовным покровительством высших сил. Являя собой пример молитвенной лирики, стихотворение, несомненно, воссоздаст *соборный тип молитвы*, которая, по мнению отцов Церкви, особенно присуща молитвенной практике русского народа, сильного своим единством: «У нас все-народная и общая молитва, и когда мы молимся, то молимся не за одного кого-либо, но за весь народ, потому что мы – весь народ – составляем одно...» [6. С. 204]. В стихотворении Ф. Касаткина-Ростовского *соборная молитва соотносится с личной молитвой*, что свидетельствует о восприятии лирическим героем войны как войны всенародной, «второй Отечественной», как ее было принято называть в те годы в одном ряду с Отечественной войной 1812 года. Стихотворение соединяет в себе элементы разнородных типологических групп молитвенной лирики. Молитва предстает в нем и как *текст*, и как *сюжет*.

Схожие мотивы находим и в стихотворении «На рассвете» [2. С. 54], отличительной особенностью которого также яв-

ляется сопряжение *личного «я» автора и общего солдатского «мы»*. Так, в стихотворной зарисовке военно-полевого быта детально описывается утро после кровопролитного сражения: «Туман клубится белый. // Стрельба затихла... // Осина вдруг зашелестела, – // То ветерок по ней скользнул, // Качнул траву... и замер снова... // Везде кругом поля большие, // Вдаль зорко смотрят часовые, // Там трупы кое-где лежат, // Следы сражений дней минувших // Меж нас [выделено нами. – И. Г.] и вражьей полосой» [2. С. 54].

В этом стихотворении так же, как и в процитированном ранее, воссозданы воспоминания о пережитом, недаром два последних стиха – *личное молитвенное прошение* лирического героя – представлены как прямая речь: «О Боже, сохрани уснувших, // Продли короткий их покой!» [2. С. 54].

То же единство *личного и общего* запечатлено в стихотворении «В лесу» [2. С. 26-27], написанном, согласно свидетельству автора, «10 апреля. На позиции в лесу у дер. Добржиалово» [2. С. 26]. Здесь лирический герой-солдат также отождествляет себя со своими боевыми товарищами: «Нельзя заснуть... Мы ждем атаки» [2. С. 27]. Искренняя мольба накануне сражения объединяет поэта со всем воинским братством: «Дай Бог победу и успех!» [2. С. 27]. Соборный характер русского народа является лейтмотивом многих стихотворений Ф. Касаткина-Ростовского, он ярко воссоздан в стихотворении «В святую ночь» [2. С. 13-14]: «То Воскресенья ночь Великая была, // Молений ночь и чистых, и прекрасных. // И каждому бойцу в тот тихий ночи миг, // В окопе здесь, залитом братской кровью, // С невольной теплотой и братскою любовью // Припомнились все те, кто молится за них» [2. С. 14].

Следует подчеркнуть, что во многих стихотворениях Ф. Касаткина-Ростовского отчетливо выражена идея *мира-дома*, осеняемого присутствием Спасителя:

««Он» прошел меж них кровавыми полями, // Воскреснувший Христос, страдавший за людей!» [2. С. 14].

Сходное мироощущение является доминантным и в стихотворении «В сумерки», написанном «25 июля 1916. На позиции» [3. С. 52-53]. «Молитесь те, кто от боев далеко, // За тех, кто слышит все средь этой тишины!» [3. С. 53] – призывает поэт.

Переживание особой остроты бытия на грани жизни и смерти усиливает философское звучание лирики Ф. Касаткина-Ростовского. Чувство долга русского офицера соплагается в ней с глубокими раздумьями о смысле жизни, присущими православному русскому воину

Фактография в стихах Ф. Касаткина-Ростовского непосредственным образом связана с философскими размышлениями о бренности и быстротечности человеческого существования, об антигуманной сущности войны. Так, в стихотворении «Аисты» (Июль [1916]. Замок Крупе у Красностава) [2. С. 33-34] поэт описывает душевное состояние русских солдат, наблюдающих за боем со стен старинного замка и становящихся свидетелями бессмысленной жестокости германцев, расстреливающих аистов, которые во время боя, «печальны и стройны, // Как стражи старых стен, как символы печали, // Презрением гибели, грозящей им, полны... // средь гнезд своих спокойные стояли» [2. С. 34]. Противопоставляя беззащитную красоту птиц, охраняющих свои мирные гнезда, в христианской традиции символизирующих «чистоту, благочестие и воскресение» [7. С. 9], покровительствующих домашнему очагу [8. С. 242-243], жестоко уничтожаемых в угоду прихоти врага, поэт, по сути, здесь же аллегорически рассуждает о цинизме современного ему мира, утратившего природную гармонию. Не случаен и вывод из этой *фронтальной баллады*, ставящей в пример стойкость и преданность птиц, до конца остающихся верными своим гнездам: «Но аист ни один

от стен не отлетел... // И гибли аисты в сиянии зари, // Обломки прошлого телами закрывая» [2. С. 34].

Нельзя обойти вниманием и любовную лирику Ф. Касаткина-Ростовского. Назовем такие произведения, как «Из письма» [1. С. 24-25], «Я пришел к тебе оттуда, где струится кровь...» [3. С. 38], «Перед атакой» [3. С. 59-60]. Возлюбленная лирического героя – и земная женщина, тревожащаяся за судьбу находящегося на фронте мужчины, и путеводная звезда, его сопровождающая. Однако во всех своих ипостасях она – *русская женщина*: беззащитная и бесконечно сильная, терпеливо ожидающая воина и способная своей верой и любовью оградить солдата от гибели, вселяющая в него веру в победу («Кто верит, тот силен, и все ему легко!» [1. С. 25]).

Таким образом, анализ военной лирики Ф. Н. Касаткина-Ростовского позволяет сделать выводы о ее дневниковой, «репортажной» жанровой природе. Произведения поэта отличает тематическое богатство и жанровое многообразие. Написанные на фронте и выбранные для публикации, по его собственному свидетельству, «из походных тетрадей», стихотворения боевого офицера зачастую представляют собой страницы *фронтального дневника, бивуачные зарисовки, фронтовые баллады*.

Лирическая составляющая ярко проявлена в таких жанровых модификациях, как *фронтальное письмо, фронтальная элегия*. Их безусловная фактографичность подтверждается, в том числе, обилием топонимов и уточняющих время события дат. Все это свидетельствует о доскональном знании автором описываемых боевых, бытовых и психологических ситуаций.

Готовность русского солдата-защитника биться за Родину до конца сочетается в этих стихах с антивоенным пафосом.

Многим произведениям свойственны танатологические мотивы, трактуемые автором в русле православного мироощу-

ствования («положить голову за други своя»).

Характер лирического героя находится в общем семантическом поле произведе-

ний русской литературы, ярко раскрывающих батальную тему, воссоздающих русский национальный характер воина-патриота.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Касаткин-Ростовский Ф. Н. С войны (Листки походной тетради). Тетрадь I. – Пг.: Тип. Т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1915. – 39 с.
2. Касаткин-Ростовский Ф. Н. С войны. Листки походной тетради: В 3-х тетрадях. Тетрадь вторая. – Пг.: Типография А. С. Суворина «Новое время», 1916. – 82 с.
3. Касаткин-Ростовский Ф. Н. С войны (Листки походной тетради). Тетрадь третья. – Пг.: Типография А. С. Суворина «Новое время», 1917. – 62 с.
4. Касаткин-Ростовский Николай Фёдорович // Курская энциклопедия / Сос. Гойзман Ш. Р. – Курск, 2004-2012. – URL: <http://www.mke.su/doc/KASATKIN-ROSTOVSKIИ.html> (дата обращения 12.12.11).
5. Православный молитвослов. – М.: Новая книга, Ковчег, 1999. – 256 с. – С. 55.
6. Киприан. Книга «О молитве Господней» // Библиотека творений св. отцов и учителей церкви западной, издаваемая при Киевской Духовной Академии. Кн. 1. – Киев: Типография Г. Т. Корчак-Новицкого, 1891. – 1915. Книга 2: Творения святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского: В 2 ч. – Ч. II. Трактаты. – Изд. 2-е. 1891. – 387 с. – С. 200-227.
7. Аист // Тресиддер Дж. Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 448 с.
8. Аист // Вовк О. В. Энциклопедия знаков и символов. – М.: Вече, 2006. – 528 с. – С. 242-244.

УДК 81'42
ББК 81.055.1
Филология

ПАРАЛЛЕЛИЗМ СВЕРХФРАЗОВЫХ ЕДИНСТВ (СЛОЖНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЦЕЛЫХ)

Кандидат филологических наук Н. С. Колотилова

В статье рассматривается параллелизм сложных синтаксических целых в немецких сказках, в том числе с редукцией приглагольных актантов. Рассматриваются понятия сверхфразового единства и параллелизма синтаксических конструкций. Автор статьи придерживается вербоцентрической концепции теории валентности.

Ключевые слова

Сложное синтаксическое целое, сверхфразовое единство, параллелизм синтаксических конструкций, сказка, тип текста, валентность глагола, редукция приглагольных актантов, межфразовая связь

Изучение единиц, превышающих одно предложение, единиц сверхфразового уровня, относится в настоящее время к наиболее перспективным направлениям исследования.

Одной из основных единиц текста является сверхфразовое единство, или сложное синтаксическое целое [5. С. 8-11]. Сложное синтаксическое целое [4. С. 219] обладает целым рядом характерных черт, отличительных признаков, которые были сформулированы Н. С. Пospelовым:

1. Сложное синтаксическое целое в отличие от предложения, обладая в связной речи большой синтаксической самостоятельностью, выражает законченную мысль автора.

2. В связной монологической речи сложное синтаксическое целое обычно представляет собой группу предложений,

синтаксически объединенную различными средствами и способами.

3. Объем сложного синтаксического целого ограничен [7. С. 31-41].

Структура сложного синтаксического целого как единицы сверхфразового формата определяется переплетением многих языковых средств, но, как указывают некоторые ученые, каждое отдельное сверхфразовое единство выделяется в тексте при рассмотрении одного из средств связи – основного. По мнению А. С. Рохлина, такие сверхфразовые образования двучленны [9. С. 75-82].

Поскольку средства межфразовой связи многообразны, то сложные синтаксические целые могут не только следовать друг за другом, но и пересекаться [3].

Вслед за О. И. Москальской, мы полагаем, что сложные синтаксические целые характеризуют не только монологическую

речь, но и встречаются как переплетения авторской речи и речи персонажей (чужой речи) [6]) в текстах различных функциональных стилей, иначе говоря, в различных типах текста [2. С. 110]. О. И. Москальская называет их сверхфразовыми единствами смешанного типа. Здесь мы имеем дело с литературно-разговорным стилем, который выделяется рядом языковедов. Он содержит сигналы разговорности (разговорно-просторечную лексику, разговорный порядок слов, неполные предложения и т. д.) [10. С. 205].

Разговорный стиль находит свое отражение и в письменной форме: в художественной литературе, публицистической, в пьесах, записях в дневниках и т.д.

Д. Э. Розенталь отмечает некоторые характеристики разговорного стиля:

«1) отсутствие предварительного обдумывания высказывания и связанное с этим отсутствие предварительного отбора языкового материала;

2) непосредственность речевого общения между участниками;

3) непосредственность речевого акта, связанная с отсутствием официальности в отношениях между говорящими и в самом характере высказывания» [8. С. 60].

В области синтаксиса автор отмечает его своеобразие, в том числе наличие эллиптических и неполных предложений различного типа, слов-обращений, слов-предложений, обусловленных ситуацией* [8. С. 60, 66].

Сходные качества отмечает М. П. Брандес, исследуя стилистический синтаксис немецкого языка. Она упоминает редукцию синтаксической структуры: «Редукция (усечение) синтаксической структуры связана с опущением одного или нескольких необходимых членов предложения. Усеченные синтаксические структуры господствуют в спонтанной устной речи как структуры естественной речи. В письмен-

ной речи такие усечения носят нарочитый, обработанный характер и выступают как стилистические приемы» [2. С. 243].

Коснемся вопроса параллелизма синтаксических конструкций. Г. Флейшер и В. Михель подчеркивают, что параллелизмом называют повторяющиеся построения предложений [123. S. 171]. Они отмечают повторяющееся расположение грамматических структур: сходные члены предложения заполняют (занимают) сходные позиции в предложении (Satzstellen). Параллелизм служит выделению или же аудиовизуальному членению текста. Он является одним из признаков устной коммуникативной формы и служит средством сохранения определенной ритмики (Rhythmisierung). Г. Фляйшер и В. Михель полагают, что параллелизм характерен для всех устных поэтических произведений, играет особую роль в лирике [12. S. 171-172].

По определению Д. Э. Розенталя «Параллельными являются такие конструкции, которые при наличии общего грамматического значения (определятельного, обстоятельственного и т. п.) различаются своей структурой (подчеркнуто мною – Н. К.) и функцией (например, член предложения и придаточная часть сложноподчиненного предложения, простое предложение и сложное предложение» [8. С. 367].

По мнению исследователя, между параллельными конструкциями имеется смысловое и стилистическое различие. Он полагает, что придаточное предложение несет бóльшую смысловую нагрузку, чем параллельный ей обособленный оборот, являющийся членом простого предложения. Автор приводит пример: студент, который сдал зачет; студент после того, как он сдал зачет; студент, сдав зачет и т.д. (там же)

Из приведенных примеров следует, что речь идет о смысловом параллелизме, а

* «Ситуация. Контекст речи, т. е. те условия (обстоятельства, цель и т. п.), в которых осуществляется данное высказывание» [1. С. 413].

не о структурном.

В своем исследовании мы опираемся на параллелизм конструкций в понимании Г. Фляйшера и В. Михеля, имея в виду параллельные структуры предложений.

Объектом нашего исследования являются немецкие сказки, в которых встречается параллелизм не только отдельных предложений, но и сложных синтаксических целых в том числе и с редукцией приглагольных актантов [5].

Сказка относится к особому жанру художественной литературы, занимает особое место в иерархии жанров. По определению, которое дается в Большом словаре немецкого языка, сказка – это «im Volk überlieferte Erzählung, in der übernatürliche Kräfte und Gestalten in das Leben der Menschen eingreifen und meist am Ende die Guten belohnt und die Bösen bestraft werden» [11. S. 1736].

Можно с уверенностью утверждать, что параллелизм предложений характерен для сказок. Обратимся к примерам. Так, в сказке братьев Гримм «Рапунцель» 4 раза повторяется одно и то же предложение, без изменения его структуры:

«Rapunzel, Rapunzel, lass mir dein Haar herunter» [16].

В этом примере мы не наблюдаем редукцию приглагольных актантов на основе валентных проекций, но параллелизм конструкций налицо**. Следует отметить, что слова автора, предваряющие это предложение, совершенно разнообразны. Но наблюдается определенное параллельное построение текста (параллелизм речевых ситуаций??).

Рассмотрим параллельные структуры в сказке «Schneewittchen». Параллельную структуру имеют предложения-слова гномов:

Der erste sprach: «Wer hat auf meinem Stühlchen gegessen?»

Der zweite fragte: «Wer hat von meinem Tellerchen gegessen?»

Der dritte: «Wer hat von meinem Brötchen genommen?»

Der vierte: «Wer hat von meinem Gemüsechen gegessen?»

Der fünfte: «Wer hat mit meinem Gabelchen gestochen?»

Der sechste: «Wer hat mit meinem Messerchen geschnitten?»

Der siebente: «Wer hat aus meinem Becherchen getrunken?»

Все вопросительные предложения начинаются с вопросительного местоимения «wer?» и содержат глагол в Perfekt. Кроме того, второе, третье и четвертое имеют еще и второстепенный член предложения с предлогом «von» и далее следует притяжательное местоимение «mein», представленное во всех предложениях. Пятое и шестое расширены дополнительно предложным дополнением с предлогом «mit». Слова автора, вводящие прямую речь, также имеют параллельную структуру.

В сказке многократно повторяется ситуация с зеркалом (7 раз). В двух случаях наблюдается почти полный параллелизм сверхфразовых единств:

«Spieglein, Spieglein an der Wand,
Wer ist die Schönste im ganzen Land?»

So antwortete der Spiegel:

«Frau Königin, Ihr seid die Schönste im Land» [17].

Ср. на другой странице.

«Spieglein, Spieglein an der Wand,
Wer ist die Schönste im ganzen Land?»

So antwortete er endlich:

«Frau Königin, Ihr seid die Schönste im Land».

Эти два примера отличаются лишь словами автора: новым является обстоятельство времени «endlich», которое появляется после всех попыток королевы избавиться от Белоснежки.

В сказке мы наблюдаем еще три параллельных сложных синтаксических целых, имеющих и один и тот же смысл:

** Автор статьи придерживается вербоцентрической теории валентности.

«Spieglein, Spieglein an der Wand,
wer ist die Schönste im ganzen Land?»
Da antwortete der Spiegel:
«Frau Königin, Ihr seid die Schönste hier,
aber Schneewittchen über den Bergen,
bei den sieben Zwergen
ist noch tausendmal schöner als Ihr»

Во втором случае варьируются лишь слова автора:

Da antwortete er wie sonst...

В третьем случае:

Da antwortete er wie vorher...

Кроме того, в третьем случае последнее предложение дается в усиленном варианте:

«...ist doch noch tausendmal schöner als Ihr»

В остальном же четко прослеживается параллелизм сложных синтаксических целых смешанного типа.

Возможен параллелизм сложных синтаксических целых, представленных лишь авторской речью. Рассмотрим примеры из сказки «Aschenputtel» («Золушка»):

Da kamen zum Küchenfenster zwei weiße Täubchen herein, und danach die Turteltäubchen, und endlich schwirrten und schwärmten alle Vöglein unter dem Himmel herein und ließen sich um die Asche nieder. Und die Täubchen nickten mit den Köpfchen und fingen an pick, pick, pick, pick, und da fingen die übrigen auch an pick, pick, pick, pick, und lasen alle guten Körnlein in die Schüssel [13].

Сравним с другим сложным синтаксическим целым, которое находится на той же странице, разрыв между ними составляет 6 предложений.

Da kamen zum Küchenfenster zwei weiße Täubchen herein, und danach die Turteltäubchen, und endlich schwirrten und schwärmten alle Vöglein unter dem Himmel herein und ließen sich um die Asche nieder. Und die Täubchen nickten mit ihren Köpfchen und fingen an pick, pick, pick, pick, und da fingen die übrigen auch an pick, pick, pick, pick, und lasen alle guten Körner in die Schüsseln. [13].

Во втором сложном синтаксическом целом лишь вместо «mit den Köpfchen» употребляется «mit ihren Köpfchen», и вме-

сто единственного числа «die Schüssel» появляется множественное число «die Schüsseln»; и в отличие от первого, во втором вместо «Körnlein» стоит «Körner».

В этих двух сложных синтаксических целых мы наблюдаем параллелизм построения. Оба сложных синтаксических целых являются авторской речью.

Параллелизм отдельных предложений с редуцией приглагольных актантов можно наблюдать в сказках в различных структурах:

Nun kam eines Morgens, da die Stadt noch zu war, ein gewaltiger Grobian vors Tor und pochte mit seiner Faust an, dass die Angeln krachten. «() Aufgemacht! () Aufgemacht!» schrie er, «ihr Schlafmützen!» [14]

В приведенном примере мы видим редуцию приглагольных актантов в афинитной конструкции с выходом валентных проекций на сверхфразовый уровень. Оба предложения имеют параллельную структуру. Восстановитель «das Tor» располагается в предшествующем контексте, в контакте предложения.

Рассмотрим следующий пример:

Er (der König) wollte ihn zum Hoftürken, zum Generalissimus, zum Theaterdirektor, zum Oberjägermeister machen. Wellewatz wollte () nicht. Der König hängte ihm alle verflossenen, gegenwärtigen und zukünftigen Orden um den Hals. Wellewatz wollte () nicht. Der König machte ihn zum Herzoge Watz von Wellenwurz. Er wollte () nicht [14].

Приведенный пример иллюстрирует параллелизм предложений с редуцией приглагольных актантов: Willewatz wollte () nicht (2 раза). Er wollte () nicht. При этом редуцированный актант – прямое дополнение, имеет разнообразную семантику, хотя в предложении с редуцией его можно выразить обобщенным «das». Кроме того, можно наблюдать и параллелизм конструкций, содержащих восполняющий элемент: «Der König hängte...; Der König machte», которые являются началами сложных синтаксических целых, имеющих параллельное построение.

Рассмотрим еще несколько примеров. В сказке «Vom Fischer und seiner Frau» четыре раза повторяется конструкция:

Da stellte er sich denn hin und rief:
«Manntje, Manntje, Timpe Te,
Buttje, Buttje in der See,
Myne Frau, de Ilsebill,
Will () nich so, as ik wol () will» [18].

Во втором, третьем и четвертом случаях в словах автора опущено «denn». Восполняющие элементы находятся в предшествующем и последующем контексте: первая ситуация: die Hütte, вторая ситуация ein Schloss, третья – König, четвертая – Kaiser. Между предложениями с анафорической связью достаточно большая дистантность. В последующем контексте «уточняется» просьба на небольшом расстоянии от предложения с редукцией грамматического объекта (разрыв составляет одно предложение). Таким образом можно считать связь двунаправленной, анафорико-катафорической. Это вполне оправдано, т. к. сказка адресована маленькому читателю, чтобы он мог лучше ориентироваться в содержании.

Две последующие ситуации отличаются от предшествующих словами автора, в которые он вкладывает страх и тревогу:

«Da stellte er sich ganz verzagt in seiner Angst hin und sagte», «Da schrie er und konnte sein eigenes Wort nicht hören». В пятой ситуации просьба сделать Папой; в шестой – самим Богом (der liebe Gott). В остальном структура организации сложных синтаксических целых и направление связи аналогичны первым четырем.

Примечательна в этом отношении также сказка «Der gescheite Hans», в которой отмечается огромное количество предложений с редукцией приглагольных актантов и с повтором параллельных структур и сложных синтаксических целых. Например:

[10] Hansens Mutter fragt: «Wohin, Hans?»
Hans antwortet: «Zur Gretel».
«Mach's gut, Hans».

() «Schon () gut machen. Adies, Mutter» [15].

Эта ситуация повторяется 6 раз. Лишь в первый раз слова автора вводят действующие лица: «die Mutter» и «Hans». В остальных пяти сразу начинается диалог. В предложении с редукцией опущен грамматический субъект и грамматический объект. Наблюдается связь между контактными предложениями с предшествующим контекстом, в котором в наличие грамматический объект «es», побудительная форма позволяет восстановить грамматический субъект «ich». Прослеживается редукция в афинитной конструкции, финитным глаголом может быть либо вспомогательный глагол «werden» для Futurum I, либо глагол «wollen».

Аналогичным образом построены ситуации представляющие собой сложные синтаксические целые, темой которых является возвращение Ганса:

[11] «Guten Abend, Mutter»
«Guten Abend, Hans. Wo bist du gewesen?»
«Bei der Gretel gewesen».
«Was hast du ihr gebracht?»
«Nichts gebracht, () gegeben hat». ()
«Was hat dir Gretel gegeben?»
(...) «Nadel gegeben».

Подобные сложные синтаксические целые повторяются 5 раз с той лишь разницей, что различны предметы, которые дала Гансу Гретель: Nadel, Messer, Ziege, Stück Speck, Kalb. Сравни:

[11] «Guten Abend, Mutter»
«Guten Abend, Hans. Wo bist du gewesen?»
«Bei der Gretel gewesen».
«Was hast du ihr gebracht?»
«Nichts gebracht, () gegeben hat». ()
«Was hat dir Gretel gegeben?»
(...) «Messer gegeben».

При глаголе «geben» редуцированы 3 обязательных актанта при трехвалентном глаголе!: грамматический субъект: sie, дополнение в дательном падеже mir и Nadel – дополнение в винительном падеже (или другие дополнения, обозначающие другие предметы). Происходит противопоставление двух действий – bringen и geben.

Связь анафорико-катафарическая: через предшествующий контекст уточняется грамматический субъект и косвенное дополнение в дательном падеже; через последующее прямое дополнение.

Таким образом, мы видим, что в сказке как особом типе текста наблюдается параллелизм не только отдельных предложений, но и сложных синтаксических целых в авторской речи, диалогической, в сверхфразовых единствах смешанного типа. Параллельное построение имеют сложные синтаксические целые, в которые входят предложения с редукцией приглагольных актантов и выходом валентных проекций на сверхфразовый уровень,

осуществляя связь как с предшествующим, так и с последующим контекстом. Такое построение текста позволяет читателю, прежде всего ребенку, лучше ориентироваться в содержании, способствует, на наш взгляд, развитию памяти и догадки. Новыми в таких построениях являются одна-две позиции, в том числе и в сложных синтаксических целых с редукцией приглагольных актантов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 576 с. – С. 413.
2. Брандес М. П. Стилистика немецкого языка (для институтов и факультетов иностранных языков): учеб. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1990. – 320 с.
3. Гиндин С. И. Внутренняя организация текста. Элементы теории и синтаксический анализ: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. – М., 1972. – 23 с.
4. Данилевская Н. В. Макротекст // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – С. 216-221.
5. Колотилова Н. С. Текст и его составляющие: Уч. пособие. – Рязань: Ряз. гос. пед. ун-т им. С. А. Есенина, 2002. – С. 8-11.
6. Москальская О. И. Грамматика текста. – М.: Высшая школа, 1981. – 183 с.
7. Пospelов Н. С. Проблема сложного синтаксического целого в русском языке // Уч. зап. МГУ. – 1948. – Кн. 2. – Вып. 137. – С. 31-41.
8. Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку. Практическая стилистика. – 2-е изд. перераб. – М.: ООО «Издательство Оникс»; «Издательство Мир и Образование», 2008. – 416 с. – С. 59-71.
9. Рохлин А. С. О некоторых типах структур сложных синтаксических единств в современном русском языке // Вопросы русской и германской филологии. – Краснодар, 1969. – С. 75-82.
10. Трошева Т. Б. Литературно-разговорный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 204-207.
11. Drosdowski, Günter, Duden in 6 Bänden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache, Bd. 4.; Bibliographisches Institut Mannheim / Wien / Zürich, Dudenverlag, 1977, S. 1736.
12. Fleischer G. / Michel W. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. 2., unveränderte Aufl., VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1977. – 394 S.
13. Aschenputtel // Die Kinder und Hausmärchen der Brüder Grimm, der Kinderbuch- verlag Berlin, 5. Aufl., S. 91-98.
14. Brentano, Clemens. Das Märchen von dem Baron von Hüpfenstich // Deutsche Romantische

Märchen, Verlag Progress, 1980, S. 99-132.

15. Der gescheite Hans // Die Kinder und Hausmärchen der Brüder Grimm, der Kinderbuchverlag Berlin, 5. Aufl., S. 99-103.

16. Rapunzel // Die Kinder und Hausmärchen der Brüder Grimm, der Kinderbuchverlag Berlin, 5. Aufl., S. 36-40.

17. Schneewittchen // Die Kinder und Hausmärchen der Brüder Grimm, der Kinderbuchverlag Berlin, 5. Aufl., S. 186-196.

18. Vom Fischer und seiner Frau // Die Kinder und Hausmärchen der Brüder Grimm, der Kinderbuchverlag Berlin, 5. Aufl., S. 64-74.

УДК 53.091
ББК 22.33
Физика

УПРУГО-ИНДУКТИВНЫЙ ОСЦИЛЛЯТОР

И. П. Попов

Рассматривается возникновение свободных гармонических колебаний в упруго-индуктивном осцилляторе, в котором происходит взаимное превращение потенциальной энергии пружины в энергию магнитного поля катушки индуктивности.

Ключевые слова

Упругий, индуктивный, осциллятор

Известные колебательные системы имеют параметры, физическая природа которых одна и та же. Например, в выражениях для собственных частот пружинного маятника и электрического колебательного контура

$$\omega_0 = \sqrt{\frac{k}{m}}, \quad \omega_0 = \frac{1}{\sqrt{LC}} \quad (1)$$

в первом случае оба параметра – коэффициент упругости k и масса m являются механическими величинами, а во втором – индуктивность L и емкость C – электрическими.

Ниже рассматривается упруго-индуктивный осциллятор, элементы которого имеют различную физическую природу.

Осциллятор включает в себя пьезоэлемент, механической нагрузкой которого является пружина, а к обкладкам подключена катушка индуктивности. Емкость, масса и упругость пьезоэлемента, активное сопротивление цепи и трение не учитываются. Прямой и обратный пьезоэффекты определяются выражениями:

$$q = d_1 x, \quad F = d_2 u \quad (2)$$

где q – заряд, d_1 и d_2 – пьезомодули, x – деформация пьезоэлемента, F – развиваемое усилие, u – напряжение. В соответствии с третьим законом Ньютона, законом Гука, (2) и вторым законом Кирхгофа

$$d_2 u = -kx, \quad d_1 d_2 u = -kq \quad (3)$$

$$u - L \frac{di}{dt} = 0, \quad \frac{k}{d_1 d_2} q + L \frac{di}{dt} = 0 \quad (4)$$

Второе слагаемое – ЭДС индукции. Пусть для компактности $d_1 d_2 = y$ и пусть начальные условия $x(0) = x_0$, $i(0) = 0$, $u(0) = U_0$, причем, в соответствии с первым выражением (3) $d_2 U_0 = -kx_0$. Производная (4)

$$\frac{d^2 i}{dt^2} + \frac{k}{yL} i = 0$$

представляет собой классическое уравнение свободных гармонических колебаний. Его решение

$$i = C_1 \cos(\omega_0 t) + C_2 \sin(\omega_0 t), \\ i(0) = C_1 \cos(\omega_0 0) + C_2 \sin(\omega_0 0), \quad C_1 = 0$$

$$\omega_0 = \sqrt{\frac{k}{yL}}, \quad \frac{di}{dt} = C_2 \omega_0 \cos(\omega_0 t) \quad (5)$$

В соответствии с первым выражением (4)

$$\begin{aligned}\frac{di}{dt}(0) &= C_2 \omega_0 \cos(\omega_0 0) = \frac{U_0}{L}, \quad C_2 = \frac{U_0}{\omega_0 L} = -\frac{kx_0}{d_2 \omega_0 L} \\ i &= I \sin(\omega_0 t), \quad I = -\frac{kx_0}{d_2 \omega_0 L} = \frac{U_0}{\omega_0 L} = U_0 \sqrt{\frac{y}{kL}} = \frac{U_0}{X_{kL}}, \\ X_{kL} &= \sqrt{\frac{kL}{y}}\end{aligned}$$

В упруго-индуктивном осцилляторе происходит взаимное превращение энергии магнитного поля соленоида в потенциальную энергию пружины.

Сопоставление (5) и (1) позволяет установить искусственную или упругую емкость и искусственную или индуктивную массу

$$C_k = \frac{y}{k}, \quad m_L = yL \quad (6)$$

Первой обладает объект, физически выполненный в виде упруго-индуктивного осциллятора без катушки индуктивности. Индуктивной массой обладает упруго-индуктивный осциллятор без пружины.

Последние соотношения позволяют привести (5) к классическому виду:

$$\omega_0 = \sqrt{\frac{k}{yL}} = \frac{1}{\sqrt{LC_k}} = \sqrt{\frac{k}{m_L}}$$

Выражения (6) устанавливают частные функциональные зависимости между индуктивностью и массой и между емкостью и упругостью.

Объект с искусственной емкостью запасает *потенциальную энергию пружины*, чем принципиально отличаются от конденсатора, который запасает *энергию электрического поля*. Вместе с тем, он воспринимается цепью как емкостное устройство. Объект с искусственной массой запасает энергию магнитного поля.

При соединении объектов с искусственной емкостью и индуктивностью [1. С. 300] с «натуральными» конденсатором и катушкой индуктивности, а также друг с другом образуются колебательные системы, в которых могут возникать свободные гармонические колебания. При этом колебания происходят при взаимодействии величин различной физической природы – инертной массы и электрической емкости, упругости и индуктивности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Попов И. П. Реализация частной функциональной зависимости между индуктивностью и массой // Российский научный журнал. – 2012. – №6(31). – С. 300-301.

УДК 512.541
ББК 22.144
Математика

УМНОЖЕНИЯ НА АБЕЛЕВЫХ ГРУППАХ С КОММУТАТИВНЫМИ КОЛЬЦАМИ ЭНДОМОРФИЗМОВ¹

О. А. Карпов

В работе доказано, что любое умножение на абелевой группе с коммутативным кольцом эндоморфизмов является ассоциативным.

Ключевые слова

Абелева группа, кольцо эндоморфизмов, умножение на группе

Введение

Изучение колец эндоморфизмов абелевых групп представляет интерес по нескольким причинам: во-первых, оказывается возможным получить дополнительные сведения о самих группах, ввести в рассмотрение новые понятия и методы, выделить новые интересные классы групп; во-вторых, это стимулирует дальнейшие исследования по теории модулей и их колец эндоморфизмов.

Программу изучения абелевых групп, кольца эндоморфизмов которых обладают специальными свойствами, выдвинул Селе [3]. Оказалось, что многие традиционные кольцевые условия (артиновость, регулярность, самоинъективность и т. д.) являются жесткими ограничениями на кольца эндоморфизмов, т. е. классы абелевых групп с соответствующими кольцами эндоморфизмов достаточно узки. С другой стороны, имеется много абелевых групп, у которых кольца эндоморфизмов

являются нётеровыми, коммутативными, полупервичными или наследственными.

Условие коммутативности кольца эндоморфизмов абелевой группы дает, с одной стороны, хорошие описания в некоторых классах групп (например, в работе Селе и Сендрея [4] получено полное описание периодических абелевых групп с коммутативными кольцами эндоморфизмов), а с другой стороны, выделяет весьма широкий класс групп.

Проблема определения кольцевых структур на группе была поставлена Бьюммонтом [7], который рассматривал кольца на прямых суммах циклических групп. Более систематическое изучение построения колец на группе впервые было проведено в работе Фукса [6]. Оказалось, что аддитивная группа кольца может дать некоторую интересную информацию о самом кольце. Программа систематического исследования аддитивных структур колец была сформулирована Селе, который

¹ Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. Соглашение № 14.В37.21.0363.

начал рассмотрение с нильпотентных колец [5].

Данная работа посвящена изучению взаимосвязей свойств кольцевых структур на абелевой группе со свойствами кольца эндоморфизмов этой группы.

Все рассматриваемые в работе группы являются абелевыми, поэтому слово абелева в дальнейшем будет опускаться. Основные определения и обозначения стандартны и соответствуют [1] и [2].

Предварительные сведения и обозначения

Напомним, что функция $\mu: A \rightarrow A$ называется умножением на группе A , если для всех элементов $a, b, c \in A$ выполняются равенства:

$$\begin{aligned}\mu(a, b+c) &= \mu(a, b) + \mu(a, c), \\ \mu(b+c, a) &= \mu(b, a) + \mu(c, a).\end{aligned}$$

На умножениях группы A можно ввести операцию сложения, относительно которой они образуют группу, называемую *группой умножений* группы A и обозначаемую $\text{Mult } A$.

Всякая группа A может быть тривиальным образом снабжена кольцевой структурой, если все произведения положить равными нулю. Такое кольцо называется *нуль-кольцом*. Если на группе невозможно ввести никакой другой кольцевой структуры, то будем называть A *нуль-группой*.

Умножение μ называется *ассоциативным*, если для любых $a, b, c \in A$

$$\mu(\mu(a, b), c) = \mu(a, \mu(b, c)).$$

Умножение μ называется *коммутативным*, если для любых $a, b \in A$

$$\mu(a, b) = \mu(b, a).$$

Напомним также, что все эндоморфизмы группы G образуют кольцо относительно операций сложения и композиции, называемое *кольцом эндоморфизмов* группы G и обозначаемое $E(G)$.

Основной результат

Теорема 1. Пусть G – абелева группа с коммутативным кольцом эндоморфизмов $E(G)$. Тогда

1. Любое умножение на группе G является ассоциативным;

2. Для любого умножения μ группы G и любых элементов $a, b, c \in G$ верны следующие равенства:

$$\begin{aligned}\mu(\mu(a, b) - \mu(b, a), c) &= 0; \\ \mu(c, \mu(a, b)) - \mu(b, a) &= 0.\end{aligned}\quad (1)$$

Доказательство.

1. Пусть μ – произвольное неассоциативное умножение группы G , $a, b, c \in G$ – элементы группы G , такие, что

$$\mu(\mu(a, b), c) \neq \mu(a, \mu(b, c)).$$

Пусть эндоморфизмы $\alpha, \beta \in E(G)$ заданы следующим образом (x – произвольный элемент группы G):

$$\begin{aligned}\alpha(x) &= \mu(a, x); \\ \beta(x) &= \mu(x, c).\end{aligned}$$

Тогда

$$\begin{aligned}(\alpha\beta)(b) &= \alpha(\beta(b)) = \mu(a, \mu(b, c)); \\ (\beta\alpha)(b) &= \beta(\alpha(b)) = \mu(\mu(a, b), c) \neq (\alpha\beta)(b).\end{aligned}$$

Следовательно, кольцо эндоморфизмов группы G некоммутативно, что противоречит условию. Полученное противоречие означает, что все умножения на G коммутативны.

2. Пусть μ – произвольное умножение группы G , $a, b, c \in G$ – произвольные элементы группы. Рассмотрим эндоморфизмы $\alpha, \beta \in E(G)$, заданные следующим образом:

$$\begin{aligned}\alpha(x) &= \mu(a, x); \\ \beta(x) &= \mu(b, x).\end{aligned}$$

Поскольку α и β коммутируют, верна следующая цепочка равенств:

$$\begin{aligned}\mu(a, \mu(b, c)) &= \alpha(\beta(c)) = \\ &= \beta(\alpha(c)) = \mu(b, \mu(a, c)),\end{aligned}$$

откуда получаем

$$\mu(a, \mu(b, c)) - \mu(b, \mu(a, c)) = 0.$$

По доказанному выше, умножение μ ассоциативно, а значит:

$$\mu(\mu(a, b), c) - \mu(\mu(b, a), c) = 0,$$

следовательно, по определению умножения,

$$\mu(\mu(a, b) - \mu(b, a), c) = 0.$$

Вторая часть утверждения доказывается аналогично.

Следствие 1. Пусть G – абелева группа с коммутативным кольцом эндоморфизмов $E(G)$. Тогда относительно любого некоммутативного умножения μ группы G всякий элемент $a \in G$ является делителем нуля (т. е. существует ненулевой элемент $b \in G$ такой, что $\mu(a, b) = 0$).

Доказательство. $x, y \in G$

Поскольку μ – некоммутативное умножение, существуют элементы такие, что $\mu(x, y) \neq \mu(y, x)$.

Возьмем $b = \mu(x, y) - \mu(y, x)$. Тогда, по теореме 1, $\mu(a, b) = \mu(b, a) = 0$. Так как $\mu(x, y) \neq \mu(y, x)$, то b не равен нулю.

Замечание. Утверждение $G = Z_p^\infty \oplus Z_p^\infty$ в теореме 1 неверно. Приведем иллюстрирующий пример. Пусть p – произвольное простое число, G – квазициклическая группа. Тогда кольцо $E(G)$ изоморфно кольцу матриц размера 2×2 над кольцом целых p -адических чисел, а значит, оно не коммутативно. В то же время G является нуль-группой, следовательно, в ней выполнены тождества из условия теоремы 1.

Таким образом, для того, чтобы обратная теорема была верна необходимы дополни-

тельные ограничения на саму группу, её кольцо эндоморфизмов или группу умножений.

Предложение 2. Пусть на группе G существует умножение μ такое, что для любого эндоморфизма α группы G существует элемент $a \in G$ такой, что для каждого $x \in G$ $\alpha(x) = \mu(a, x)$, причем умножение μ является ассоциативным и для любых элементов $a, b, c \in G$ верны равенства (1). Тогда кольцо $E(G)$ коммутативно.

Доказательство.

Пусть $\alpha, \beta \in E(G)$ – произвольные эндоморфизмы группы G . Тогда существуют элементы $a, b \in G$ такие, что

$$\alpha(x) = \mu(a, x), \beta(x) = \mu(b, x).$$

В силу ассоциативности умножения μ и равенств (1), получаем:

$$(\alpha\beta)(x) = \mu(a, \mu(b, x)) = \mu(\mu(a, b), x) = \mu(\mu(b, a), x) = \mu(b, \mu(a, x)) = (\beta\alpha)(x)$$

В силу произвольности эндоморфизмов α и β получаем, что кольцо $E(G)$ коммутативно.

На данный момент остается неизвестным, следует ли в общем случае из коммутативности кольца эндоморфизмов группы A коммутативность всех умножений на группе A . Следствие 1 показывает, что контрпример (если, конечно, он существует) должен быть весьма нетривиальным.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Фукс Л. Бесконечные абелевы группы. – М.: Мир, 1974. – Т. 1.; 1977. – Т. 2.
2. Крылов П. А., Михалев А. В., Туганбаев А. А. Абелевы группы и их кольца эндоморфизмов. – М.: Факториал Пресс, 2006.
3. Szele T. Gruppentheoretische Beziehungen der Primkörper // Mat. Aineiden Aikakauskirja. – 1949. – 13. – S. 80-85.
4. Szele T., Szendrei J. On Abelian groups with commutative endomorphism ring // Acta Math. Acad. Sci. hungar. – 1951. – V. 2. – P. 309-324
5. Szele T. Nilpotent Artinian rings // Publ. Math. Debrecen. – 1955. – V. 4 – P. 71-78.
6. Fuchs L. Ringe und ihre additive Gruppe // Publ. Math. Debrecen. – 1956. – V. 4. – P. 488-508
7. Beaumont R. Rings with additive group which is the direct sum of cyclic groups // Duke Math. J. – 1948. – V. 15. – P. 367-369.

УДК 512.541
ББК 22.144
Математика

ОДНОРОДНЫЕ ОТОБРАЖЕНИЯ СМЕШАННЫХ АБЕЛЕВЫХ ГРУПП¹

П. Н. Скотников

Кандидат физико-математических наук Д. С. Чистяков

В статье изучаются однородные отображения смешанных абелевых групп. При этом группы рассматриваются как модули над своим кольцом эндоморфизмов.

Ключевые слова

Обобщенно эндопримальная группа, однородное отображение, модуль с однозначным сложением, эндоморфный модуль

Пусть R – ассоциативное кольцо с единицей и V – унитарный левый R -модуль. Множество $M_R(V) = \{f: V \rightarrow V \mid f(rx) = rf(x), r \in R, x \in V\}$ является почтикольцом относительно операций сложения и композиции отображений. Элементы множества $M_R(V)$ называются R -однородными отображениями. Очевидно, что множество $M_R(V)$ содержит кольцо $E_R(V)$ всех эндоморфизмов R -модуля V .

Определение 1. R -модуль V называется эндоморфным, если выполняется равенство $M_R(V) = E_R(V)$.

Определение 2. Абелеву группу G будем называть эндоморфной, если она является эндоморфным модулем над своим кольцом эндоморфизмов $E(G)$. В этом случае $M_{E(G)}(G) = Z(E(G))$, где $Z(E(G))$ – центр кольца $E(G)$.

Если W – унитарный левый R -модуль, то множество

$$M_R(V, W) = \{f: V \rightarrow W \mid f(rx) = rf(x), r \in R, x \in V\}$$

является R -модулем относительно операции сложения отображений.

Определение 3. Если каждая биекция из $M_R(V, W)$ есть модульный изоморфизм для любого R -модуля W , то модуль V называется модулем с однозначным сложением (UA-модулем). Это эквивалентно тому, что на аддитивной группе модуля V можно задать новое сложение, не изменяя при этом действия кольца R на V .

Пусть A – абелева группа, рассматриваемая как модуль над своим кольцом эндоморфизмов $E(A)$.

Определение 4. Если каждое отображение f из $M_{E(A)}(A^n, A)$ может быть записано в виде $f(x_1, \dots, x_n) = u_1 x_1 + \dots + u_n x_n$, где $u_1, \dots, u_n$ – центральные эндоморфизмы, то группа A называется обобщенно эндопримальной.

Заметим, что группа A обобщенно эн-

¹ Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. Соглашение № 14.B37.21.0363.

допримальна в точности тогда, когда для любого натурального n группа A_n эндоморфный $E(A)$ -модуль.

Основные факты, касающиеся эндоморфных модулей, модулей с однозначным сложением, обобщенно эндопримальных абелевых групп можно найти в [1], [2] и [3], соответственно.

Предложение 1. Обобщенно эндопримальная группа A является UA-модулем над своим кольцом эндоморфизмов $E(A)$.

Доказательство.

Предположим, что заключение предложения не является верным. Тогда существует еще одно сложение $+$, отличное от обычного сложения $+$.

Рассмотрим $E(A)$ -модуль $(A, +) \oplus (A, +)$ и $E(A)$ -однородное отображение $f: (A, +) \oplus (A, +) \rightarrow (A, +) \oplus (A, +)$, определенное по правилу $f(x, y) = (0, x)$. Тогда, с одной стороны, $f((a, b) + (c, d)) = f(a + c, b + d) = (0, a + c)$.

С другой стороны, $f(a, b) + f(c, d) = (0, a) + (0, c) = (0, a + c)$.

Поскольку сложения $+$ и $+$ различны, то равенство $(0, a + c) = (0, a + c)$ не может быть справедливым для всех значений переменных, входящих в него.

То же самое можно сказать о равенстве $f((a, b) + (c, d)) = f(a, b) + f(c, d)$.

Поэтому отображение f не является эндоморфизмом. Предложение доказано.

Далее мы перейдем к рассмотрению факторно делимых смешанных абелевых групп. Для удобства чтения приведем некоторые понятия и факты, характеризующие этот класс групп.

Определение 6. Группа G называется факторно делимой, если она не содержит ненулевых делимых периодических подгрупп, но содержит такую свободную подгруппу F конечного ранга, фактор группа по которой является делимой периодической группой.

Линейно независимая система элементов, порождающая группу F , называется базисом факторно делимой группы G , при этом ранг группы F называется рангом

группы G .

Пусть $\chi = (m(2), m(3), \dots, m(p), \dots)$ – характеристика. Для каждого простого числа p мы определим кольцо K_p по правилу:

если $0 \leq m(p) < \infty$, то $K_p = Z(p^{m(p)})$, в противном случае $K_p = J_p$ – кольцо целых p -адических чисел. Полагаем $Z_\chi = \prod K_p$.

Если характеристика χ принадлежит нулевому типу, то $R^\chi = Q \oplus Z_\chi$. В противном случае R^χ – кольцо, чисто порожденное единицей кольца Z_χ . Известно, что каждая факторно делимая группа ранга 1 изоморфна аддитивной группе кольца R^χ для некоторой характеристики χ .

Предложение 2. Смешанная группа R^χ не обобщенно эндопримальна, но является UA-модулем над самим собой.

Доказательство.

Характеристика χ содержит конечные компоненты. Кольцо R^χ содержит вполне первичный собственный идеал P , то есть такой собственный идеал, что множество $R^\chi \setminus P$ мультипликативно замкнуто и $\text{Ann}(P)$ отличен от нуля. Пусть $d \in \text{Ann}(P) \setminus \{0\}$ и $X = R^\chi \setminus P$. Рассмотрим отображение

$$f: R^\chi \oplus R^\chi \rightarrow R^\chi \oplus R^\chi,$$

определенное по правилу: $f(a, b) = (da, 0)$, если $(a, b) \in X$, и $f(a, b) = (0, 0)$ в остальных случаях.

Тогда $f(1, 1) = (d, 0)$, $f(1, 0) + f(0, 1) = (0, 0)$. Таким образом, отображение f не является эндоморфизмом.

Теорема 1. Для группы $A = R^\chi \oplus R^\lambda$ ($A_2 = A_3 = 0$) следующие условия равносильны:

1. группа A обобщенно эндопримальна,
2. все конечные ненулевые компоненты характеристик χ , λ равны, при этом, если таких компонент конечное число, то $\lambda \geq \chi$.

Доказательство.

Пусть группа A обобщенно эндопримальна. Предположим, что некоторая конечная p -компонента характеристики χ отлична от соответствующей p -компонен-

ты характеристики λ . Тогда группа A раскладывается в прямую сумму вполне инвариантных обобщенно эндопримальных слагаемых $A = B \oplus C$, причем C – p -группа вида $Z(p^n)$ или $Z(p^n) \oplus Z(p^k)$ (n и k различны). Но ни одна из указанных групп не является обобщенно эндопримальной ([3]). Противоречие. Поэтому все конечные ненулевые компоненты характеристик χ , λ , равны. Если таких компонент конечное число, то группы R^χ и R^λ расщепляются. В случае, когда характеристики λ и χ не сравнимы, то не сравнимыми будут типы частей без кручения групп R^χ и R^λ . Но тогда

$$E(A) \cong E(F(R^\chi)) \times E(F(R^\lambda)) \times E(T(A))$$

и часть без кручения группы A не является обобщенно эндопримальной.

Снова приходим к противоречию.

Пусть выполнено условие 2). Если пря-

мые слагаемые R^χ и R^λ расщепляются, то часть без кручения и периодическая часть группы A являются обобщенно эндопримальными. Отсюда следует, что группа A обобщенно эндопримальна.

Предположим, что слагаемые R^χ и R^λ не расщепляются.

Пусть $f \in ME(A)(A_p, A)$. Каждая p -компонента группы A обобщенно эндопримальна ([3]). Тогда, если f_p – ограничение отображения f на p -компоненту группы A , то найдутся целые числа $l_{1p}, \dots, l_{np}$ такие, что $f_p(x_{1p}, \dots, x_{np}) = l_{1p} x_{1p} + \dots + l_{np} x_{np}$,

где $(x_{1p}, \dots, x_{np})$ – проекция элемента $x = (x_p, \dots, x_n) \in A^n$ на A_p^n .

Для каждого $i \in \{1, \dots, n\}$ положим $u_i = \Pi_{l_{ip}}$. Каждое u_i является центральным эндоморфизмом группы ΠA_p , индуцирующее умножение на l_{ip} на компоненте A_p . Далее остается применить результаты работы [3], касающиеся групп, лежащих

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Hausen J. and Johnson J. A. Centralizer neighborhoods // J. Austr. Math. Soc. – 1995. – V. 59. – PP. 173-183.
2. B. van der Merwe. Unique addition modules // Communications in algebra. – 1999. – 27(9). – PP. 4103-4115.
3. Albrecht U., Breaz S., Wickless W. Generalized endoprimal abelian groups // Jour. of Alg. and Its Appl. – 2006. – V. 5. – №1. – PP. 1-17.

УДК 512.541
ББК 22.144
Математика

МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЕ ИЗОМОРФИЗМЫ АФФИННЫХ ПОЧТИКОЛЕЦ¹

Кандидат физико-математических наук Д. С. Чистяков

В статье изучаются мультипликативные изоморфизмы аффинных почтиколец. Анализируются взаимосвязи между свойствами однозначности сложения, которыми обладают кольцо и модуль над этим кольцом.

Ключевые слова

Аффинное почтикольцо, модуль с однозначным сложением, кольцо с однозначным сложением, мультипликативный изоморфизм

В структурной теории колец важная роль отводится мультипликативным свойствам. Под ними мы понимаем свойства, выражимые в языке мультипликативной полугруппы кольца. Это относится к мультипликативным свойствам элементов (например, обратимость, нильпотентность, быть делителем нуля, идемпотентность, регулярность, быть матричными единицами), односторонних идеалов (например, нильпотентность, плотность, существенность) и самих колец (например, быть полем, телом, областью целостности, коммутативность, первичность, полупервичность, регулярность, строгая регулярность).

Поэтому важным становится изучение мультипликативных полугрупп колец. Интерес представляет вопрос о том, когда все мультипликативные изоморфизмы кольца являются кольцевыми. Кольца, обладающие этим свойством, называют UA-

кольцами.

За последнее десятилетие появились новые объекты с приставкой UA: UA-полукольца, UA-модули, UA-кольца Ли. В связи с этим представляется интересным рассмотрение UA-почтиколец. В настоящей статье мы изучаем мультипликативные изоморфизмы аффинных почтиколец.

В данной работе все кольца ассоциативные с единицей, все модули левые унитарные.

Определение 1. R-модуль V называется GUA-модулем, если для любого S-модуля W , при условии существования мультипликативного изоморфизма $\Delta: R \rightarrow S$, все биекции $f: V \rightarrow W$ такие, что $f(rx) = \Delta(r)f(x)$, аддитивны.

GUA-модулем является любой UA-модуль над UA-кольцом.

Определение 2. UA-модулем называется модуль, на аддитивной группе которого можно задать единственное сложение

¹ Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. Соглашение № 14.В37.21.0363.

ние, не изменяя при этом действия кольца. Есть равносильное определение UA-модуля.

Определение 3. Модуль V называется UA-модулем, если для любого R -модуля W , все биекции $f: V \rightarrow W$ такие, что $f(rx) = rf(x)$, аддитивны.

Понятно, что каждый GUA-модуль является UA-модулем.

Определение 4. Кольцо R называется UA-кольцом, если на его мультипликативной полугруппе можно определить единственное сложение, превращающее ее в кольцо.

Это определение равносильно, в свою очередь, следующему.

Определение 5. Кольцо R называется UA-кольцом, если каждый мультипликативный изоморфизм $\alpha: R \rightarrow S$ является аддитивным.

UA-кольцами являются полные матричные кольца, кольца вычетов по модулю 2 и 3, кольцо эндоморфизмов абелевой группы $Z(p^k) \oplus Z(p^k) \oplus A$, где $p^k A = 0$, кольцо эндоморфизмов вполне разложимой абелевой группы без кручения, неразложимой как модуль над своим кольцом эндоморфизмов и многие другие.

UA-модулями являются все дистрибутивные модули, все модули Безу.

Остается добавить, что аббревиатура UA означает «unique addition» (однозначное сложение). Таким образом, мы говорим о модулях и кольцах с однозначным сложением.

Основные понятия, определения и обозначения соответствуют [1-4].

Определение 6. Аффинным почти-кольцом называется декартово произведение кольца R на R -модуль V , при этом на данном декартовом произведении определены две бинарные операции сложение и умножение:

$$(r, v) + (s, w) = (r + s, v + w);$$

$$(r, v)(s, w) = (rs, rw + v) \text{ для всех } r, s \in R, v, w \in V.$$

Нетрудно проверить, что на (R, V) выполняются все аксиомы кольца, за исключением, быть может, закона левой дистрибутивности.

рибутивности.

Определение 7. (α, β) -отображением аффинных почтиколец (R, V) и (S, W) называется пара (α, β) , где $\alpha: R \rightarrow S, \beta: V \rightarrow W$.

Теорема 1. (α, β) -отображение $\gamma:$

$(R, V) \rightarrow (S, W), \gamma(r, v) = (\alpha(r), \beta(v))$, является мультипликативным изоморфизмом тогда и только тогда, когда

1) $\alpha: R \rightarrow S$ – мультипликативный изоморфизм,

2) β – биекция и для всех $r \in R, x, y \in V$ справедливо равенство $\beta(rv + x) = \alpha(r)\beta(v) + \beta(x)$.

Доказательство.

Пусть (α, β) -отображение $\gamma: (R, V) \rightarrow (S, W)$ является мультипликативным изоморфизмом.

Понятно, что биективность γ , в силу определения, равносильна биективности отображений α и β . Имеем

$$\begin{aligned} \gamma((r, x)(s, y)) &= \gamma(rs, ry + x) = (\alpha(rs), \beta(ry + x)), \\ \gamma(r, x)\gamma(s, y) &= (\alpha(r), \beta(x))(\alpha(s), \beta(y)) = \\ &= (\alpha(r)\alpha(s), \alpha(r)\beta(y) + \beta(x)). \end{aligned}$$

Поскольку равенство $\gamma((r, x)(s, y)) = \gamma(r, x)\gamma(s, y)$ должно выполняться для всех значений переменных, входящих в него, то $\alpha: R \rightarrow S$ – мультипликативный изоморфизм, β – биекция и для всех $r \in R, x, y \in V$ справедливо равенство $\beta(rv + x) = \alpha(r)\beta(v) + \beta(x)$.

Доказательство в обратную сторону получаем по симметрии.

Теорема доказана.

Следствие 1. Если R – UA-кольцо и V – GUA-модуль, то любое (α, β) -отображение $\gamma: (R, V) \rightarrow (S, W)$, являющееся мультипликативным изоморфизмом, аддитивно.

Доказательство.

Для всех $r, s \in R, x, y \in V$ справедливо

$$\begin{aligned} \gamma((r, x) + (s, y)) &= \gamma(r + s, x + y) = \\ &= \gamma((1, x + y)(r + s, 0)) = \gamma(1, x + y)\gamma(r + s, 0) = \\ &= (\alpha(1), \beta(x + y))(\alpha(r + s), \beta(0)) = \\ &= (1, \beta(x) + \beta(y))(\alpha(r) + \alpha(s), 0) = \\ &= (\alpha(r) + \alpha(s), \beta(x) + \beta(y)) = \\ &= (\alpha(r), \beta(x)) + (\alpha(s), \beta(y)) = \\ &= \gamma(r, x) + \gamma(s, y). \end{aligned}$$

Следствие доказано.

Приводимое ниже утверждение в некоторой степени проясняет связи между UA-кольцами, UA-модулями и аффинными почтикольцами над ними.

Следствие 2. Для условий:

1) кольцо R обладает такой системой ортогональных идемпотентов, что для каждого идемпотента e найдется отличный от него идемпотент f такой, что имеет место R -модульный изоморфизм $eR \cong fR$,

2) кольцо R содержит подкольцо S такое, что $1 \in S$ и S является прямой суммой идеалов, каждый из которых изоморфен не тривиальному полному кольцу матриц,

3) каждое R -однородное отображение любого R -модуля в себя аддитивно,

4) каждый R -модуль является UA-модулем,

5) каждый свободный R -модуль является UA-модулем,

6) R – UA-кольцо,

7) для любого R -модуля V и любого аффинного почтикольца (S, W) каждое (α, β) -отображение $\gamma: (R, V) \rightarrow (S, W)$, являющееся мультипликативным изоморфизмом, аддитивно,

справедливы импликации

$1) \Leftrightarrow 2) \Rightarrow 3) \Rightarrow 4) \Rightarrow 5) \Rightarrow 6) \Rightarrow 7)$.

Доказательство следует из [4-5] и следствия 1.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Nelius Chr.-F. Ring emit eindentiger Addition. – Padeborn, 1974.
2. Stephenson W. Unique addition rings // Can. J. Math. – 1969. – V. 21. – N 6. – PP. 1455-1461.
3. Михалев А. В. Мультипликативная классификация ассоциативных колец // Мат. сб. – 1988. – Т. 135(177). – №2. – С. 210-224.
4. B. van der Merwe. Unique addition modules // Communications in algebra. – 1999. – 27(9). – PP. 4103-4115.
5. Чистяков Д. С. Обобщенно эндопримальные абелевы группы и модули // Вестник Томск. ун-та. Серия «Матем. и мех.». – 2012. – № 3. – С. 31-34.

УДК 342.9.
ББК 66.3(2Рос)+67.518.1
Административное право

КОРРУПЦИЯ В МЕХАНИЗМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Кандидат юридических наук И. Н. Пустовалова

В статье рассматриваются коррупция как инструмент государственного управления, как основная причина неэффективности управления общественными процессами. Определяются приоритетные направления государственной антикоррупционной политики в современный период.

Ключевые слова

Коррупция, институализация, государственное управление, механизм управления, приоритеты противодействия

Институализация коррупционных отношений возникает как результат неэффективности действующих институтов общества и государства, вынуждающих субъектов общественных отношений искать нестандартные, неформальные способы реализации своих интересов.

Государство в политико-правовом значении рассматривается как организация политической власти. Политическая власть определяется как реальная способность и возможность определенной социальной группы, класса, организации или индивида оказывать воздействие на других субъектов общества, осуществляя свою волю, выраженную в политических и правовых нормах, посредством специально созданного аппарата, специфических средств и методов.

Политическая власть не сливается с обществом, хотя внешне и официально представляет все общество [1. С. 59]. Эта власть, через особую систему органов осуществляет управление обществом, согласовывает,

координирует общественные интересы и поведение как отдельно взятого представителя, так и социума в целом, подчиняя их политической воле посредством принуждения и убеждения.

В современной литературе государственное управление определяется как осуществляемая на основе законов и других нормативных актов организующая, исполнительная и распорядительная деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, общественных и иных негосударственных формирований, наделенных соответствующими государственно-властными полномочиями. «Управление государством – властные действия одних субъектов политической власти в отношении других ее субъектов, приводящие к цели государства» [2. С. 125]. Цели государственного управления конкретизируются в зависимости от исторического этапа развития общества и выражаются в функциях государства – особом механизме государственного воздействия на

общественные отношения и процессы в рамках обозначенных направлений деятельности государства.

Государственное управление носит государственно-властный характер и осуществляется специально на то уполномоченными субъектами управления в конкретных сферах деятельности и на различных уровнях законодательной, исполнительной и судебной власти. Коррупция также имеет разветвленную систему, по уровням и сферам распространения соответствующую системе государственного управления. Все ветви власти поражены вирусом коррупции и не способны в нынешнем состоянии обеспечить достижение поставленной обществу цели – создание правового демократического государства, в котором человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита является обязанностью государства.

Неэффективность функционирования институтов, как правило, обусловлена несоответствием правовых норм фактической существующей действительности. Практически все рычаги управления государством и обществом, сырьевые и финансовые ресурсы сосредоточены в одних клановых руках. «Впрочем, никогда не было государства, которое в той или иной мере не прибегало бы к коррупции как к средству управления, – писал М. Бакунин, – ни одно государство не могло в достаточной степени укрепиться благодаря урегулированию интересов классов, представителем и естественным защитником которых оно являлось». Коррупция, по М. Бакунину, является средством управления, важным инструментом в руках профессиональных политиков, которые обладали искусством побеждать и сохранять власть всеми возможными способами [3. С. 369].

Анализируя отдельные аспекты организации политической власти в современной России, с неизбежностью сталкиваешься с мыслью о том, что государственное управление отдано на откуп коррупционерам, а коррупция заняла свое, далеко не после-

днее место в механизме государственного управления. «Власть это коррупция, а коррупция, это власть. Коррупция существует, поскольку мы не осознаем, что власть, это и есть коррупция, а коррупция, это основной способ реализации власти» [4].

Сегодня, государственное управление чаще всего расценивается как инструмент установления и утверждения социальной несправедливости и социальных дисбалансов. В современной России коррупция стала подменять систему государственного управления, приобрела полулегальный статус и фактически является средством перераспределения собственности, капиталов, в том числе и теневых. Основой этого выступает корыстное использование управленцами официальных полномочий для лоббирования собственных интересов, а также интересов близких им физических и юридических лиц, пренебрегая при этом интересами государства [5].

Коррупционные отношения в России охватили практически все сферы жизнедеятельности человека, стали нормой социальной действительности, получили статус «системных». Это подчеркивает то, что современная система управления уже не может функционировать вне коррупционных отношений. Удивляться этому не приходится, ибо сегодня понятия «государство» и «коррупция» неотделимы. Коррупция стала элементом государственного управления, его порождением, целью и результатом.

В условиях модернизации системы государственного и муниципального управления совершенствуется и государственное управление в области противодействия коррупции. В этих целях разрабатываются и реализуются системные меры минимизации коррупционных явлений в соответствии с принципами противодействия коррупции, заложенными в ст. 3 Федерального закона № 274-ФЗ от 25 декабря 2008 года «О противодействии коррупции», Национальным планом проти-

водействия коррупции на 2012-2013 годы, Национальной стратегией противодействия коррупции.

На наш взгляд, в качестве приоритетных направлений антикоррупционной политики государства и возможных мер противодействия коррупции на современном этапе могут быть определены:

– Формирование устойчивого антикоррупционного сознания, как государственных служащих, так и граждан на основе хорошо продуманной государственной антикоррупционной идеологии. Ибо именно сознание, морально-нравственные ориентиры подверглись наибольшей деформации и способствуют институализации коррупционных практик.

– Снижение экономической заинтересованности в совершении коррупционных правонарушений, в том числе путем обращения в собственность государства имущества, приобретенного на неизвестные доходы вне зависимости от привлечения к юридической ответственности; восстановления института конфискации имущества за преступления корыстной направленности. Ибо только страх перед имущественными потерями, значительно превышающими незаконные доходы, может погасить желание незаконного обогащения.

– Публичность и открытость власти. Деятельность органов государственной власти и местного самоуправления должна быть настолько прозрачной, чтобы осуществление общественного контроля над их деятельностью, участие институтов гражданского общества в принятии политических решений стало реально воз-

можным и, что немаловажно, регламентированным специальными нормативно-правовыми актами. Ибо коррупция в управлении свидетельствует о криминализации власти, перераспределение государственного и общественного имущества в собственность властной и криминальной элиты, нарушении и прав и законных интересов простых граждан.

– Контроль за соблюдением положений антикоррупционного законодательства, и, в первую очередь, регламентирующих требования, предъявляемые к государственным служащим, их деловым и нравственным качествам. Ибо ни один закон, как бы он хорош не был, не приведет к положительному эффекту при игнорировании заложенных в нем норм.

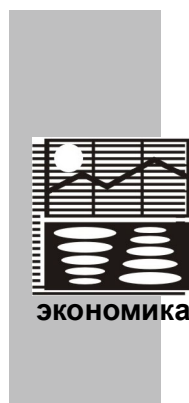
– Соблюдение принципа неотвратимости наказания, назначение и исполнение реальных, адекватных совершенному правонарушению наказаний лицам совершении коррупционных правонарушений, не взирая на ранги, должности, иммунитеты. Ибо только реальное применение наказания может сыграть превентивную роль, подтверждать серьезность намерений государства противостоять коррупции.

– Улучшение качества и уровня жизни населения. Ибо коррупция является причиной и следствием социальной несправедливости и социальных дисбалансов.

Безусловно, что нельзя исключать и другие известные механизмы государственного управления процессами противодействия коррупции, оказывающие превентивное, организующее и регулирующее воздействие на общество в целях минимизации коррупции в Российском государ-

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бошно С. В. Теория государства и права: учебное пособие. – М.: Эксмо, 2007.
2. Егоров С. Н. Аксиоматические основы теории права. – СПб.: Лексикон, 2001.
3. Бакунин М.А. Коррупция. – О Макиавелли. – Развитие государственности // Archives Bakounine / Ed. A. Lehning. – Leiden, 1987.
4. Лысов С. Матрица коррупции. Перегрузка. – URL: <http://blog.liga.net/user/lysov/article/7102.aspx>
5. Сметанкина Л. В. Коррупция в системе управления в современном российском обществе. – URL: <http://teoria-practica.ru/-2-2012/sociology/smetankina.pdf>

УДК 334.012.64
ББК 65.290.31
Экономика

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В УКРАИНЕ

О. В. Калмыков

В статье представлены результаты анализа развития малых предприятий Украины, в частности по: количеству предприятий согласно ВЭД, количеству МП по ВЭД в % к общему количеству предприятий, количеству работающих предприятий, показателю уровня занятости, показателю уровня рентабельности операционной деятельности и всей деятельности предприятий, показателю уровня производительности труда и заработной платы работников МП, показателю финансового результата от обычной деятельности по налогообложению и т. д.

Ключевые слова

Малые предприятия, конкуренция, виды бизнеса, субъект малого бизнеса, вид экономической деятельности, уровень занятости, рентабельность операционной деятельности, уровень производительности труда, заработная плата, налогообложение

В соответствии со ст. 63 Хозяйственного кодекса Украины малыми (не зависимо от формы собственности) являются предприятия, в которых среднестатистическая численность работающих за отчетный (финансовый) год не превосходит пятидесяти лиц, а объем валового дохода от реализации продукции (работ, услуг) за этот период не превышает семидесяти миллионов гривен.

В соответствии со ст. 12 Закона Украины «О развитии и государственной поддержке малого и среднего предпринимательства в Украине» от 22.03.2012 № 4618 государственная поддержка предоставляется субъектам малого и среднего предпринимательства, которые соответствуют критериям, установленным частью 3 ст.

55 Хозяйственного кодекса Украины. Согласно этим критериям субъекты ведения хозяйства (в зависимости от количества работающих и доходов от любой деятельности за год) могут принадлежать к субъектам малого предпринимательства [1].

В смешанной социально-рыночной экономике сосуществуют и взаимодействуют большой, средний и малый бизнес (далее – МБ). Различия между этими видами бизнеса предопределяются разным уровнем общественного разделения труда, характером специализации и производства, которые характеризующиеся определенным технологическим типом производственных процессов. МБ создает необходимый дух конкуренции, спосо-

бен быстро реагировать на любые изменения рыночной конъюнктуры, заполнять образующиеся ниши в потребительской сфере, формирует дополнительные рабочие места, является основным источником формирования среднего класса.

Анализ данных динамики общих темпов прироста субъектов предпринимательства страны свидетельствует о том, что начиная с 1991 г. этот сектор экономики количественно вырос почти в 12 раз.

Предприниматели малого бизнеса заметно отличаются от всего населения по уровню образования и накопленному человеческому капиталу. Около 40% предпринимателей имеют полное высшее образование, в частности наиболее распространенным является техническое и экономическое. Большинство владельцев малого и среднего бизнеса – мужчины. Средний возраст украинских предпринимателей – сорок лет. «Благодаря высокой экономической активности и значительному профессионально-образовательному потенциалу предприниматели имеют достаточно высокие, по украинским стандартам, доходы. Таким образом, с развитием предпринимательства Украина все больше приближается к построению стабильного гражданского общества, основу которого составляет именно средний класс» [4, с. 30].

Согласно методологическим пояснениям статистического сборника «Деятельность субъектов малого предпринимательства» Государственной службы статистики Украины предпринимательство – это самостоятельная, инициативная, систематическая, по собственному риску хозяйственная деятельность, которая осуществляется субъектами ведения (предпринимателями) хозяйства с целью достижения экономических, социальных результатов и получения прибыли [2].

Каждое государство имеет собственный набор критериев, согласно с которыми характеризуется предпринимательский сектор.

В Украине МБ различают по классификационному признаку лица (физическое или юридическое). *Физическое лицо* – предприниматель – зарегистрированное в установленном законом порядке физическое лицо с целью осуществления предпринимательской деятельности.

Малые предприятия – юридические лица – субъекты предпринимательской деятельности любой организационно-правовой формы ведения хозяйства, у которых среднее количество работников за отчетный (финансовый) год не превышает пятидесяти лиц, а объем дохода (выручки) от реализации продукции (товаров, работ, услуг) за этот период не превышает 70 млн. гривен.

В Украине имеются разные подходы к классификации видов МБ.

В частности, в постановлении Кабинета Министров Украины от 28.12.2001 № 1801 «Об утверждении Программы развития инвестиционной деятельности на 2002-2010 годы» утверждалось, что экономическая политика государства направляется на создание благоприятной обстановки для развития предпринимательства, устранения бюрократизма и проявлений коррупции, сужения теневого сектора экономики с целью создания условий для проведения единой государственной регуляторной политики в сфере предпринимательства, направленной на достижение оптимального уровня регулирования государством предпринимательской деятельности, определения правовых принципов государственной поддержки малого предпринимательства, регулирования процедуры лицензирования; проведение органами исполнительной власти и органами местного самоуправления мероприятий для развития малого бизнеса, повышения занятости населения; обеспечение государственной поддержки производства высокотехнологической продукцией и развития малого или среднего бизнеса за счет возмещения из государственного бюджета ча-

сти ставок по банковским кредитам. В действительности эта поддержка практически отсутствует, несмотря на то, что правительство декларирует важность кредитования малого бизнеса.

Территориально малые предприятия (МП) размещены неравномерно. Большинство МП расположено на территории пяти регионов Украины: в г. Киеве, в Донецкой, Днепропетровской, Луганской, Львовской, Одесской и Харьковской областях.

Для определения основного вида экономической деятельности (далее – ВЭД) в Украине используют такие показатели, как: объем реализованной продукции (товаров и услуг) и среднее количество работников.

Законодательство Украины предоставляет широкие права субъектам, создающим МП. Их учредителями могут быть арендные, совместные предприятия, кооперативы, акционерные общества и другие предприятия и организации, а также граждане, члены семей, другие лица, совместно ведущие хозяйство. Особенное значение малого инновационного предпринимательства в современных условиях экономики проявляется в ускорении научно-технического процесса.

Мировой опыт показывает, что малое предпринимательство обеспечивает в несколько раз большую эффективность производственных капиталовложений по объему средств и срокам отдачи, чем другие виды предпринимательской деятельности.

МП не имеют четкого распределения в иностранной статистике для определения принадлежности предприятия к МБ, потому, как правило, используются такие количественные показатели, как: численность занятых лиц, объем валовой продукции или оборот капитала (продажа), объем производственных фондов, стоимость активов, совокупный капитал предприятия, доля предприятия на рынке. При определении МП в Украине ис-

пользуются количественные критерии, тогда как в некоторых странах мира – качественные (размер уставного капитала, стоимость основных фондов, ориентация на местные источники сырья и рынки сбыта продукции и т.п.).

В Украине статистические данные о деятельности субъектов малого предпринимательства сформированы согласно институциональному подходу, то есть это такой способ обобщения данных, согласно которому показатели всех ВЭД субъекта учитываются в обобщениях по тому ВЭД, который определен как базовый. Уровень развития субъектов малого предпринимательства можно проанализировать по разным показателям: количеству предприятий по ВЭД, количеству МП по ВЭД в процентах к общему количеству предприятий, количеству работающих предприятий, показателю уровня занятости, показателю уровня рентабельности операционной деятельности и всей деятельности предприятий, показателю уровня производительности труда и заработной платы работников МП, показателю финансового результата от обычной деятельности по налогообложению и т. п.

В январе в 2012 г. сравнительно с декабрем 2011 г. количество предприятий в Украине увеличилось на 2479 – к 1325286: количество предприятий и организаций со статусом юридического лица на 1 февраля в 2012 г. – 1270235, без статуса юридического лица – 55051. Большое количество предприятий зарегистрировано в Киеве – 259897, Днепропетровской области – 104019, Донецкой области – 96334.

На 1 января в 2012 г. количество предприятий в Украине составляло 1322807. Правительство ожидает в этом году увеличение количества физических лиц – субъектов предпринимательской деятельности до 2,57 млн, а в следующем – до 2,7 млн.

В табл. 1 представлено количество предприятий в процентах к общему количеству предприятий по конкретному ВЭД.

Таблица 1

Количество предприятий по видам экономической деятельности в 2011 г.

<i>(в % к общему количеству предприятий соответствующего вида экономической деятельности)</i>			
Вид экономической деятельности	Большие предприятия	Средние предприятия	Малые предприятия
Всего	0,6	5,7	93,7
в том числе			
Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство	0,3	8	91,7
Промышленность	2,3	10,9	86,8
Строительство	0,3	4	95,7
Торговля; ремонт автомобилей, бытовых изделий и предметов личного потребления	0,4	4,5	95,1
торговля автомобилями и мотоциклами, их техническое обслуживание и ремонт	0,6	5,7	93,7
оптовая торговля и посредничество в оптовой торговле	0,3	4,5	95,2
розничная торговля; ремонт бытовых изделий и предметов личного потребления	0,8	3,9	95,3
Деятельность гостиниц и ресторанов	0,1	4,5	95,4
Деятельность транспорта и связи	0,8	6,8	92,4
Финансовая деятельность	0,5	5,6	93,9
Операции с недвижимым имуществом, аренда, инжиниринг и предоставление услуг предпринимателям	0,1	3,4	96,5
Образование	0	4,2	95,8
Здравоохранение и предоставление социальной помощи	0,2	5,8	94
Предоставление коммунальных и индивидуальных услуг; деятельность в сфере культуры и спорта	0,2	6,6	93,2

Примечание. Данные приведены без учета результатов деятельности банков и бюджетных учреждений и изменений предприятиями основного вида экономической деятельности в 2011 г. Составлено по данным Государственной службы статистики Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ukrstat.gov.ua/>.

Как свидетельствует табл. 1, наиболее распространенными ВЭД среди МП стабильно остаются операции с недвижимым имуществом, аренда, инжиниринг и предоставление услуг предпринимателям, образование, торговля, строительство, деятельность гостиниц и ресторанов.

Количество МП по ВЭД в процентах к общему количеству предприятий показано в табл. 2. В операциях по недвижимому имуществу, строительству, деятельности гостиниц и ресторанов этот процент является наиболее высоким (табл. 1. 2).

Количество МП по ВЭД к общему количеству предприятий в процентах на

2010 год составляло: в сельском хозяйстве, охоте, лесном хозяйстве – 79%, промышленности – 86,2%; строительстве – 95,6%; торговли, ремонте автомобилей, бытовых изделий и предметов личного потребления – 94,9%; деятельности гостиниц и ресторанов – 95,3%; деятельности транспорта и связи – 91,9%; финансовой деятельности – 93,2%; операциях с недвижимым имуществом, арендой, инжинирингом и предоставлением услуг предпринимателям – 96,3%; образованию – 95,2%; здравоохранении и предоставлении социальной помощи – 93,5%; предоставлении коммунальных и индивидуальных услуг;

Таблица 2

Количество малых предприятий по ВЭД в процентах к общему количеству предприятий

Вид экономической деятельности	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Всего	92,8	93,7	93,3	94,3	93,6	93,7
сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство	75,3	91,9	92,4	93,0	93,1	91,8
промышленность	86,1	86,5	85,7	87,4	86,2	86,5
строительство	93,3	93,8	93,6	95,5	95,6	95,8
торговля; ремонт автомобилей, бытовых изделий и предметов личного потребления	96,2	95,9	95,1	95,9	94,9	95,2
торговля автомобилями и мотоциклами, их техническое обслуживание и ремонт	95,3	94,5	93,5	94,9	94,0	93,7
оптовая торговля и посредничество в оптовой торговле	96,5	96,2	95,3	96,1	95,0	95,3
розничная торговля; ремонт бытовых изделий и предметов личного потребления	95,4	95,2	94,8	95,5	94,9	95,1
деятельность гостиниц и ресторанов	95,6	95,5	95,2	95,7	95,3	95,4
деятельность транспорта и связи	91,8	92,2	91,9	92,5	91,9	92,4
финансовая деятельность	94,7	93,9	92,7	94,2	93,2	93,7
операции с недвижимым имуществом, аренда, инжиниринг и предоставление услуг предпринимателям	96,3	96,6	96,2	96,7	96,3	96,5
образование	94,9	94,9	94,5	95,0	95,2	95,8
здравоохранение и предоставления социальной помощи	93,2	93,9	93,8	94,2	93,5	93,9
предоставление коммунальных и индивидуальных услуг; деятельность в сфере культуры и спорта	94,0	93,8	92,5	93,5	92,8	93,1

С о с т а в л е н о по данным Государственной службы статистики Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ukrstat.gov.ua/>.

деятельности в сфере культуры и спорта – 92,8%.

Четверть предприятий было создано в сфере торговли, ремонта автомобилей, бытовых изделий и предметов личного потребления – 327159 субъектов единого ЕГРПОУ.

В сфере предоставления коммунальных и индивидуальных услуг и в сфере культуры и спорта на 1 апреля в 2012 г. насчитывалось 180541 субъект предпринимательской деятельности (13,8%). 180078 (13,8%) субъектов ЕГРПОУ работают с операциями с недвижимым имуществом, арендой, инжинирингом и оказывают услуги предпринимателям.

В промышленности задействовано 128516 субъектов предпринимательской деятельности (9,8%). В сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве работают около 6,5% всех предприятий, зарегистрированных в Украине (85497). Наименьшим является количество предпринима-

телей в рыболовстве (2167 субъектов ЕГРПОУ, или 0,2% от общего количества).

Численность обществ с ограниченной ответственностью составляет 451243 субъектов, частных предприятий – 286460. Динамика общего количества МП в Украине на 10000 лиц имеющегося населения демонстрирует рост включительно до 2007 г., позже на протяжении 2008 - 2012 гг. наблюдаем скачкообразные нисходящие и возрастающие тенденции.

Важным является показатель количества МП на 10 тыс. лиц имеющегося населения.

Если в 1991 г. этот показатель составлял 9 единиц, в 2007 г. – 76, то в 2010 - 63; в Евросоюзе (ЕС) же – он приблизительно 400 - 450 единиц. В период с 1992 г. по 2007 г. Государственная служба статистики Украины (ГССУ) осуществляла учет количества МП через номинально выраженный количественный показатель, а с 2008 г. до нынешнего времени – в процентах к общему количеству предприятий (табл. 3).

Таблица 3

Количество малых предприятий по регионам Украины
в % к общему количеству предприятий

Регион	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Украина	92,8	93,7	93,3	94,3	93,6	93,7
Автономная Республика Крым	94,6	95,1	94,9	95,4	94,4	93,8
Винницкая	90,2	92,1	91,7	92,6	91,8	91,9
Волинская	90,1	91,8	91,4	92,7	92,5	92,3
Днепропетровская	92,4	93,2	92,9	94,0	92,8	92,7
Донецкая	93,4	93,5	92,6	93,3	92,4	93,0
Житомирская	89,8	91,2	91,2	92,7	91,4	91,6
Закарпатская	94,7	95,4	94,9	95,8	94,0	94,0
Запорожская	92,9	94,2	94,1	94,5	94,0	94,3
Ивано-Франковская	94,7	95,3	94,8	95,8	95,3	95,6
Киевская	91,0	92,2	91,9	92,8	91,8	92,6
Кировоградская	91,9	94,4	94,1	94,9	93,7	93,5
Луганская	92,2	93,2	92,7	93,6	92,3	92,5
Львовская	93,2	93,9	94,0	94,9	94,7	93,7
Николаевская	93,4	95,8	95,6	95,9	95,7	94,6
Одесская	92,8	94,6	94,5	95,2	94,6	94,4
Полтавская	90,9	92,5	92,4	93,2	92,1	92,4
Ровенская	90,4	91,8	91,5	93,3	92,6	92,4
Сумская	90,8	92,2	92,4	93,0	91,6	91,8
Тернопольская	91,1	93,0	92,2	93,7	93,1	93,6
Харьковская	93,0	93,8	93,7	94,6	94,3	94,4
Херсонская	93,5	95,1	94,4	95,3	94,3	93,8
Хмельницкая	90,2	92,3	91,8	93,2	92,7	92,9
Черкасская	89,2	91,1	91,3	92,6	91,9	91,6
Черновицкая	93,6	94,9	94,3	95,3	95,7	94,0
Черниговская	89,2	90,9	91,3	92,2	90,3	91,3
г. Киев	94,4	94,3	93,3	94,6	94,5	95,1
г. Севастополь	93,4	94,7	94,2	94,5	92,8	93,4

С о с т а в л е н о по данным Государственной службы статистики Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ukrstat.gov.ua/>.

Как видно из табл. 3 Ивано-Франковская, Черновицкая, Львовская, Харьковская области и г. Киев имеют наибольшее количество МП в процентах к общему количеству предприятий.

Важным показателем уровня развития МП есть уровень занятости населения, то есть соотношение между количеством работоспособного населения и количеством занятых на МП. Это характеризует степень использования трудовых ресурсов общества и ситуацию на рынке рабочей силы, которая сконцентрирована в МБ. Самая большая часть количества занятых

работников сконцентрировано на предприятиях в 2011 г. в секторе операций с недвижимым имуществом, арендой, инжинирингом и предоставлением услуг предпринимателями, в образовании, торговле, строительстве, деятельности гостиниц и ресторанов (табл.4).

Пик количества работников, занятых на МП был у 2008 г. – 2237,4 тыс. лиц, а наемных в 2006 г. – 2158,5 тыс. лиц, соответственно.

Относительно количества занятых работников (штатных, внештатных и неоплачиваемых работников), то наибольшее

Таблица 4

Часть занятых работников на предприятиях по ВЭД в 2011 г.

Вид экономической деятельности	Всего	В том числе					
	тыс. лиц	большие предприятия			средние предприятия		малые предприятия
		тыс. лиц	в процентах к общему количеству занятых работников соответствующего вида деятельности	тыс. лиц	в процентах к общему количеству занятых работников соответствующего вида деятельности	тыс. лиц	в процентах к общему количеству занятых работников соответствующего вида деятельности
Всего	7793,1	3375,7	43,3	2346,6	30,1	2070,8	26,6
Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство	706,0	105,9	15,0	407,7	57,7	192,4	27,3
Промышленность	3031,7	1923,4	63,4	760,7	25,1	347,6	11,5
Строительство	417,1	64,6	15,5	136,6	32,7	215,9	51,8
Торговля; ремонт автомобилей, бытовых изделий и предметов личного потребления	1256,6	402,7	32,0	317,6	25,3	536,3	42,7
торговля автомобилями и мотоциклами, их техническое обслуживание и ремонт	138,8	40,1	28,9	42,5	30,6	56,2	40,5
оптовая торговля и посредничество в оптовой торговле	646,5	115,1	17,8	185,8	28,7	345,6	53,5
розничная торговля; ремонт бытовых изделий и предметов личного потребления	471,3	247,5	52,5	89,3	19,0	134,5	28,5
Деятельность гостиниц и ресторанов	128,7	15,9	12,3	47,2	36,7	65,6	51,0
Деятельность транспорта и связи	1052,8	736,7	70,0	189,2	18,0	126,9	12,0
Финансовая деятельность	76,8	27,8	36,2	24,8	32,3	24,2	31,5
Операции с недвижимым имуществом, аренда, инжиниринг и предоставление услуг предпринимателям	833,3	72,6	8,7	326,1	39,1	434,6	52,2
Образование	29,0	... ²	... ²	... ²	... ²	15,1	52,3
Здравоохранение и предоставление социальной помощи	94,7	10,2	10,7	45,0	47,5	39,5	41,8
Предоставление коммунальных и индивидуальных услуг; деятельность в сфере культуры и спорта	157,9	13,9	8,8	76,0	48,1	68,0	43,1

Примечание. Данные приведены без учета результатов деятельности банков и бюджетных учреждений и изменения предприятиями основного вида экономической деятельности в 2011 г. Составлено по данным Государственной службы статистики Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ukrstat.gov.ua/>.

значение этого показателя наблюдалось в 2008 г.

Неравномерное распределение занятых на МП работников по ВЭД объясняется неодинаковым количеством работающих на предприятиях разной специализации. В 2010 г. среднее количество занятых работников по ВЭД составляло: сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство – 144,0; промышленность – 362,7; строительство – 242,1; торговля; ремонт автомобилей, бытовых изделий и предметов личного потребления – 540,8; деятельность гостиниц и ресторанов – 69,5; деятельность транспорта и связи – 122,5; финансовая деятельность – 25,1; операции с недвижимым имуществом, аренда, инжиниринг и предоставление услуг предпринимателям – 441,6; образование – 14,8; здравоохранение и предоставления социальной помощи – 34,3; предоставление коммунальных и индивидуальных услуг; деятельность в сфере культуры и спорта – 72,1 тыс. лиц.

Существует дифференциация размера заработной платы по ВЭД между регионами Украины и формами собственности. Среди основных ВЭД наименьшая среднемесячная заработная плата в 2010 г. была у работников сферы деятельности гостиниц и ресторанов – 948,5 грн; в отрасли сельского хозяйства, охоты, лесного хозяйства – 987,3 грн; здравоохранения и предоставления социальной помощи – 1076,4 грн; промышленности – 1166,6 грн; предоставление коммунальных и индивидуальных услуг; деятельности в сфере культуры и спорта – 1169,7 грн; строительства – 1174,5 грн; деятельности транспорта и связи – 1198,9 грн; торговле; ремонте автомобилей, бытовых изделий и предметов личного потребления – 1229,9 грн; образования – 1287,3 грн; операций с недвижимым имуществом, арендой, инжиниринга и предоставления услуг предпринимателям – 1501,6 грн; финансовой деятельности – 2376,0 грн.

Уровень занятости на МП в процентах

к общему количеству населения работоспособного возраста по регионам свидетельствует, что наибольшие показатели в 2010 г. наблюдались в Львовской области – 7,7%; Одесской области – 7,8%; Киевской области – 8,0%; г. Севастополь – 9,0%; г. Киев – 21,9%.

Наивысшая среднемесячная заработная плата наемных работников МП в 2010 г. была в г. Киев – 1838,19 грн, второй за этим показателем есть Донецкая область – 1280,46 грн, наименьшая среднемесячная заработная плата у Волынской области – 983,83 грн.

Среднее количество занятых работников на МП в 2010 г. по регионам было наибольшим в г. Киеве – 399,7 тыс. лиц, в Донецкой области – 154,9 тыс. лиц и в Днепропетровской – 145,2 тыс. лиц.

Отечественный МБ на протяжении 2006-2008 гг. характеризовался как динамический сектор украинской экономики, который демонстрировал постоянное увеличение количества субъектов ведения хозяйства, численности занятых работников и объемов реализации продукции. В дальнейшем малое предпринимательство замедлило темпы роста.

Его роль в нынешних условиях Украины чрезвычайно и заключается в обеспечении комплексного развития регионов.

В последние годы в Украине существенное значение приобрели информационные и консультационные услуги (финансы, образовательные и юридические услуги, посредничество, технические разработки и тому подобное), одновременно прослеживается четкая тенденция к уменьшению количества МП в сфере производства. По объему реализованной продукции (работ, услуг) на МП по основным ВЭД в 2010 г. в структуре МП большую часть (58,9%) представляли предприятия оптовой и розничной торговли (торговля; ремонт автомобилей, бытовых изделий и предметов личного потребления), 12,5% – по осуществлению операций с недвижимостью (операции с недвижимым

имуществом, аренда, инжиниринг и предоставление услуг предпринимателям), 10,6% – промышленности, 6,9% – строительства, 4,0% – деятельности транспорта и связи, 3,3% – сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства и тому подобное.

Последствия финансово-экономического кризиса в 2009 г. негативно отразились на деятельности МП как наиболее уязвимого сектора бизнеса. Это подтверждается состоянием показателей финансового результата (сальдо) от обычной деятельности к налогообложению и дан-

ными прибыли и убытка от обычной деятельности к налогообложению МП в течение 1998-2011 гг. (табл. 5). Такие ВЭД, как сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство; торговля; ремонт автомобилей, бытовых изделий и предметов личного потребления; оптовая торговля и посредничество в оптовой торговле; финансовая деятельность; образование имели положительное сальдо финансового результата к налогообложению, другие же ВЭД были в убытках. Следовательно, прибыльных МП становится все меньше, а убыточных МП – больше.

Таблица 5

Финансовый результат (сальдо) от обычной деятельности к налогообложению

Показатель	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Финансовый результат (сальдо) от обычной деятельности к налогообложению, млн грн	143,5	131,2	1037,2	-94,7	-783,2	-1233,6	-1344,1	-529,0	5187,1	5699,1	-37482,2	-21783,7	935,3	-6767,7
Прибыль от обычной деятельности к налогообложению, млн грн	1594,7	2520,8	4655,8	3612,0	3495,1	4161,2	6051,8	7066,9	19024,3	25561,8	32018,9	32745,4	49196,7	44323,3
Убыток от обычной деятельности к налогообложению, млн грн	1451,2	2389,6	3618,6	3706,7	4278,3	5394,8	7395,9	7595,9	13837,2	19862,7	69501,1	54529,1	48261,4	51091,0
Убыток в % к общему количеству предприятий	38,6	36,4	36,6	38,1	38,2	37,1	35,5	35,2	33,7	32,8	37,3	39,9	41,4	35,0
Прибыль в % к общему количеству предприятий	61,4	63,6	63,4	61,9	61,8	62,9	64,5	64,8	66,3	67,2	62,7	60,1	58,6	65,0

С о с т а в л е н о по данным Государственной службы статистики Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ukrstat.gov.ua/>.

Финансовый анализ деятельности МП предусматривает проведение исследований показателей рентабельности (операционной и всей деятельности МП), которые являются относительными характеристиками финансовых результатов и эффективности деятельности предприятия.

Следует отметить, что, несмотря на негативные тенденции в целом, некоторое улучшение имело место в 2010 г., в частности, рентабельность операционной деятельности МП достигла 1,7%, а рентабельность всей деятельности МП равня-

лась приблизительно – 0,5% (табл. 6).

Значение МБ в рыночной экономике Украины сегодня очень велико. Без него рыночная экономика Украины не в состоянии эффективно функционировать и развиваться. МП в рыночной экономике – главный сектор, который определяет темпы экономического роста, структуру и качество валового национального продукта. В рыночной экономике малое предпринимательство выполняет целый ряд жизненно важных функций, среди которых: содействие развитию структурных изменений; формирование конкурентной

Таблица 6

Рентабельность операционной и всей деятельности МП

Показатель	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Рентабельность операционной деятельности малых предприятий, %	1,6	1,6	2,7	1,3	0,3	-0,2	-0,3	5,0	5,1	-5,1	0,0	1,7	5,6
Рентабельность всей деятельности малых предприятий, %				-3,6	-3,0	-2,3	-1,0	1,1	0,7	-7,6	-4,8	-0,5	-1,8

С о с т а в л е н о по данным Государственной службы статистики Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ukrstat.gov.ua/>

среды; решение проблемы занятости и мотивации производительного труда; удовлетворение специфических потребностей потребителей, формирование индивиду-

ального спроса; обеспечение базы для становления средних и больших предприятий в будущем; поддержка социальной и политической стабильности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Про розвиток та державну підтримку малого і середнього підприємництва в Україні: Закон України від 22.03.2012 № 4618-VI [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/4618-17>.

2. Діяльність суб'єктів малого підприємництва – 2010: стат. зб. / За ред. І. М. Жук. – К., 2011. – С. 10.

3. Мале підприємництво України: процес розвитку / за сприяння програми Freedom House «Партнерство за реформи в Україні». – Київ: Інститут конкурентного суспільства, 2001. – С. 61.

4. Про стан та перспективи розвитку підприємництва в Україні: Національна доповідь / К. О. Ващенко, З. С. Варналій, В. Є. Воротін, В. М. Геєць, О. В. Кужель, Е. М. Лібанова та ін. – К.: Держкомпідприємство, 2008. – С. 30.

УДК 616-002.5
ББК 51.949.164
Медицина

АНАЛИЗ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ ТУБЕРКУЛЕЗОМ В ОСНОВНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУППАХ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

Кандидат медицинских наук Т. Г. Гиреев

Статья посвящена анализу исследований, проведенных на базе ряда противотуберкулезных диспансеров Дагестана. Автор приходит к выводу, что часто причинами возникновения туберкулеза являются не только неблагоприятные условия жизни, но, кроме того, имеет значение фактор принадлежности больного к той или иной этнической группе населения.

Ключевые слова

Туберкулез, этническая группа, условия жизни, показатели заболеваемости

Туберкулез, являясь одной из острых проблем, в равной степени зависит от социально-гигиенических, экономических, экологических и медико-организационных факторов. Поэтому поиск путей решения этого вопроса не должен ограничиваться решением только медицинских задач²⁻⁴. Значение социально-гигиенических факторов в развитии туберкулеза общепризнанно. Многочисленные исследования, постоянно проводимые в разных странах мира, свидетельствуют об определяющем влиянии жилищно-бытовых условий, характера труда, санитарного благоустройства, образа жизни, питания и других факторов на заболеваемость рассматриваемой патологией^{1,3,5}. Однако относительно небольшое количество работ в области эпидемиологии туберкулеза не позволяло сформировать группы риска возникновения этого заболевания. Недостаточно отражены связи между распространенностью туберкулеза легких и

демографическими и этническими особенностями населения регионов Южно-Федерального Округа России. В том числе не хватает работ, посвященных изучению медико-демографических аспектов распространенности туберкулеза в Республике Дагестан.

Сложная экономическая ситуация, военные конфликты, сотрясающие Кавказский регион, длительная блокада, энергетический кризис привели к резкому ухудшению жизни населения, росту миграционных процессов, ухудшению экологической обстановки в этом регионе Российской Федерации, что не могло не отразиться на состоянии здоровья населения Дагестана. Результатом всех вышеперечисленных процессов явилось резкое увеличение числа лиц с асоциально адаптированным поведением, уклоняющихся от профилактических противотуберкулезных мероприятий, к которым следует отнести беженцев, мигрантов, безработных, а также ал-

коголиков, наркоманов, лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Эпидемиологический надзор был значительно ослаблен, что, несомненно, способствовало увеличению заболеваемости туберкулезом.

Данное исследование было проведено на базе Дагестанской государственной медицинской академии с охватом городской и сельской местности республики методом многоступенчатого отбора. Базами наблюдения были определены: республиканский (г. Махачкала) и межрайонные (гг. Буйнакск и Хасавюрт) противотуберкулезные диспансеры, центральные городские и районные больницы (г. Хасавюрт и соответствующий район, представляющие равнинную климатогеографическую зону; г. Буйнакск и соответствующий район, относящиеся к предгорной зоне, а также Гунибский район как наиболее многочисленный из характеризующих горную климатогеографическую зону).

Единицей наблюдения были больные, состоящие на диспансерном учете в лечебно-профилактическом учреждении, а также впервые выявленные при проведении целевых (флюорографических) осмотров. Была проанализирована первичная медицинская документация 1054 заболевших туберкулезом органов дыхания (ТОД), состоящих на учете (из них – 572 жителей городов и 482 – сел), а также на 146956 человек, проживающих в экспериментальных районах, подвергнутых сплошному флюорографическому обследованию в начале 2000-х гг.

Методом выкопировки из всех имеющихся источников информации, учетно-отчетной медицинской документации («Экстренное извещение об инфекционном заболевании» (Ф. 58), «Извещение о больном с впервые в жизни диагностированной активной формой туберкулеза» (Ф. 281), «Контрольная карта диспансерного наблюдения» (Ф. 30), «Карта выбывшего из стационара» (Ф. 266), «История болезни» (Ф. 81) с 2001 по 2006 гг. был

проведен сплошной анализ всех случаев заболеваемости ТОД.

Затем было оценено соотношение этнических характеристик обследуемой популяции, с одной стороны, и частота и структура заболеваемости ТОД, с другой. Заболеваемость была охарактеризована по данным обращаемости в ЛПУ и по данным целевых (флюорографических) медицинских осмотров.

Была создана компьютерная база данных: задача статистической обработки решалась методом компьютерного анализа по специально разработанным для этой цели программам. Обработка статистической информации представлена вычислением интенсивных и экстенсивных показателей, статистики и динамики народонаселения, показателей заболеваемости (по данным обращаемости и целевых осмотров).

Проведенный структурный анализ заболеваемости туберкулезом в этническом разрезе не выявил статистически достоверных отличий показателей заболеваемости туберкулезом коренных народностей Дагестана, что, по всей вероятности, объясняется единством традиций, обычаев, образа жизни, вероисповедания. При сравнении с показателями заболеваемости населения русской национальности здесь был обнаружен ряд значимых расхождений.

Так, при анализе показателей различных возрастных групп было показано, что дагестанская популяция коренных народностей, в отличие от русской, характеризуется более молодым составом больных (табл. 1). На возраст до 20 лет среди дагестанцев приходилось 11,7 % случаев от всех заболевших, среди русской популяции этот показатель был равен лишь 3,8 %.

В г. Махачкала эта возрастная группа составляла среди дагестанцев 18,2 %, среди представителей русской национальности, больных туберкулезом, в 4,7 раза меньше – только 3,8 % случаев. Более вы-

сокий уровень заболеваемости туберкулезом столичной молодежи отчасти можно объяснить высокой концентрацией лиц коренных национальностей, прибывших на учебу в столицу республики г. Махачкала (в средние специальные и высшие учебные заведения) из различных регионов Дагестана. На возрастную группу от 21 до 29 лет приходилась половина заболевших из дагестанской популяции – $48,9 \pm 2,8 \%$, (для русской популяции значение

было несколько ниже – $43,4 \pm 2,2 \%$).

С увеличением возраста больных до 49 лет было отмечено преобладание больных русской популяции, причем различия были достаточно выраженными ($31,9 \pm 1,5 \%$ случаев среди дагестанцев против $40,5 \pm 2,1 \%$ в русской популяции). В возрастной категории от 50 лет и старше лица коренной национальности составили $7,5 \pm 0,8 \%$, в то время как в русской популяции – $9,3 \pm 0,7 \%$.

Таблица 1

**Возрастно-половая структура заболеваемости ТОД
среди основных этнических популяций (%)**

Этнические группы	Пол	Возрастные группы заболевших				
		До 20 лет	20-29 лет	30-39 лет	40-49 лет	50 лет и >
Дагестанцы	М	$7,6 \pm 0,2$	$43,6 \pm 2,1$	$40,7 \pm 2,0$	$32,2 \pm 1,9$	$8,1 \pm 1,9$
	Ж	$16,2 \pm 1,5$	$52,9 \pm 2,9$	$23,5 \pm 1,2$	$19,5 \pm 1,0$	$7,4 \pm 0,8$
	Всего	$11,7 \pm 1,3$	$48,9 \pm 2,4$	$31,9 \pm 1,6$	$25,9 \pm 1,4$	$7,5 \pm 0,8$
Русские	М	$2,2 \pm 0,1$	$40,2 \pm 2,0$	$44,1 \pm 2,3$	$34,1 \pm 2,2$	$13,5 \pm 1,1$
	Ж	$7,9 \pm 2,5$	$51,4 \pm 2,6$	$34,7 \pm 2,0$	$31,1 \pm 1,6$	$6,0 \pm 0,5$
	Всего	$3,8 \pm 2,0$	$43,4 \pm 2,2$	$40,5 \pm 2,1$	$32,6 \pm 1,8$	$9,3 \pm 0,7$

Обращало на себя внимание преобладание среди заболевших молодых возрастов женщин в обеих сравниваемых популяциях, в то время как в возрастных группах старше 30 лет существенно выше были показатели заболеваемости туберкулезом у мужчин.

Структурный анализ заболеваемости по основным нозологическим формам в сравниваемых этнических группах также выявил статистически достоверные различия показателей между коренными народами и представителями русской национальности. Как видно из таблицы 2, удельный вес очагового туберкулеза легких среди дагестанцев составил $43,9 \%$ случаев, среди русских – $31,2 \%$ ($p < 0,01$). Особенно часто данная нозология выяв-

ляется у женщин-дагестанок ($48,5 \%$), у мужчин-дагестанцев несколько реже – в $39,2 \%$ случаев ($p < 0,01$). Удельный вес данной нозологии среди русской популяции был ниже – как среди мужчин ($30,1 \%$), так и среди женщин ($35,9 \%$).

На долю инфильтративного туберкулеза в группе коренных народностей приходилось около половины всех впервые выявленных больных ($47,2 \%$), в популяции представителей русской национальности значение было достоверно выше – $52,9 \%$ ($p < 0,01$).

Обращала на себя внимание выраженная разница в уровнях заболеваемости фиброзно-кавернозным туберкулезом: значение показателя для дагестанской популяции составило $5,6 \pm 0,2 \%$ случаев, в то

Таблица 2

Формы туберкулезного процесса среди основных этнических популяций (%)

Клинические формы туберкулезного процесса	Дагестанцы			Русские		
	М	Ж	Всего	М	Ж	Всего
Очаговый	39,2	48,5	43,9 + 1,2	30,1	35,9	31,2 + 1,2
Инфильтративный	51,5	42,8	47,2 + 0,9	53,8	52,0	52,9 + 1,6
Туберкулома	2,2	2,0	2,1 + 0,3	2,2	2,0	2,1 + 0,6
Диссеминированный	1,3	0,8	1,1 + 0,2	3,5	1,3	2,4 + 0,7
Фиброзно- кавернозный	3,3	0,7	2,1 + 0,4	5,6	5,6	5,6 + 0,2
Плеврит	2,5	5,2	4,1 + 0,2	4,8	3,2	3,9 + 0,7
Распад	38,9	24,2	31,5 + 0,1	41,8	40,6	41,0 + 1,2
ВК+	41,2	29,1	35,2 + 1,3	53,1	51,8	52,0 + 3,1

время как для русских оно было достоверно ниже – $2,1 \pm 0,4$ % ($p < 0,01$).

Такая остroteкущая форма заболевания, как диссеминированный туберкулез, встречалась среди русской популяции в 1,5 раза чаще, чем среди дагестанской ($2,4 \pm 0,7$ % против $1,1 \pm 0,2$ %) ($p < 0,01$).

Туберкуломы выявлялись в обеих популяциях с одинаковой частотой ($2,1 \pm 0,6$ %), как и плеврит специфической этиологии, который незначительно чаще был обнаружен у коренных дагестанцев ($4,1 \pm 0,2$ % против $3,9 \pm 0,7$ % случаев среди русских).

Оценка частоты выявления распада и бацилловыделения среди впервые выявленных больных туберкулезом в изучаемых популяциях показала, что в дагестанской популяции данная форма патологии отмечалась лишь у трети больных, значения показателей составили соответственно $31,5 \pm 1,0$ и $35,2 \pm 1,3$ %, тогда как в русской популяции деструктивные процессы и бацилловыделение наблюдались достоверно чаще – значения показателей составили соответственно $41,0 \pm 1,2$ и $52,0 \pm 3,1$ % ($p < 0,01$).

Проведенное исследование продемонстрировало наличие достоверных отличий показателей структуры заболеваемости туберкулезом органов дыхания между представителями коренных народностей и русской популяцией населения Республики Дагестан. Выявленные различия, очевидно, могут быть обусловлены как генетически детерминированными биологическими особенностями организма, так и преобладающими среди представителей той или иной этнической группы образом жизни, особенностями труда, жилищно-бытовыми условиями, вредными привычками (курение и злоупотребление алкоголем), социальной дезадаптацией. У представителей коренных народно-

стей отмечается меньшая частота формирования деструкции и бациллярности, что характеризует более доброкачественное течение туберкулеза среди дагестанцев в сравнении с русской популяцией.

Отмечено, что риск заболевания коренных народностей Дагестана, т. е. дагестанской популяции, почти в 3 раза выше, чем русской. Такая закономерность прослеживается практически на всей территории республики. Внутри самих популяций разница в уровнях минимальна, а, следовательно, статистически недостоверна, что позволило нам объединить все эти этносы в единую когорту. Более заметно различие между дагестанской и русской популяцией. В целом, для дагестанской популяции наиболее характерен молодой состав впервые заболевших туберкулезом

органов дыхания. В старших возрастных группах устойчиво превалирует русская популяция больных туберкулезом легких.

Полученные данные свидетельствуют, что и фактор принадлежности к различным этническим группам необходимо учитывать при реализации мероприятий, направленных на максимальное выявление больных туберкулезом в таком сложном регионе, как Республика Дагестан. Очевидно, что региональные особенности заболеваемости ТОД, проявляющиеся в условиях жизни, обычаях и вероисповедании, а также в различиях состояния здоровья и резистентности организма свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования программ борьбы с туберкулезом органов дыхания на основе многофакторного анализа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мамаев И. А. Характеристика контингентов впервые выявленных больных туберкулезом органов дыхания в различных зонах Дагестана: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. – М., 1994. – 24 с.
2. Ондар Э. А., Рудко А. А., Матрашкин А. Г. Клинико-социальные аспекты туберкулеза легких у коренного населения Республики Тыва // Проблемы туберкулеза и болезней легких. – 2006. – № 1. – С. 45-48.
3. Перельман М. И. Больной туберкулезом и врач-фтизиатр // Проблемы туберкулеза и болезней легких. – 2006. – № 5. – С. 3.
4. Приймак А. А., Шестерина М. В., Соколов Т. Б. Новые формы больничного лечения и реабилитация больных туберкулезом // Организация борьбы с туберкулезом. – М., 2003. – С. 3-5.
5. Фролова И. А. Влияние социальных факторов на уровень смертности больных туберкулезом: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. – М., 2004. – 21 с.

УДК 616.12-008.331.1-085.225.2:[612.172.2+612.216]

ББК 54.10

Медицина: Физиология, кардиология

ВЛИЯНИЕ ТЕРАПИИ ИНДАПАМИДА И ЛИЗИНОПРИЛА НА РЕГУЛЯТОРНО-АДАПТИВНЫЙ СТАТУС У ПАЦИЕН- ТОВ С ГИПЕРТОНИЧЕСКОЙ БОЛЕЗНЬЮ II СТАДИИ

Кандидат медицинских наук Н. А. Самородская

Монотерапия индапамидом и комбинированная терапия индапамидом и лизиноприлом в процессе длительной терапии не только улучшали параметры артериального давления, морфометрические показатели, но и улучшали РАС и пациентов с ГБ II стадии.

Ключевые слова

Артериальная гипертензия, регуляторно-адаптивный статус, индапамид, лизиноприл

Введение

Гипертоническую болезнь (ГБ) относят к болезням нарушенной нейро-гуморальной регуляции с преобладанием активности симпато-адреналовой и ренин-ангиотензин-альдостероновой систем, исходный уровень активации и способность к изменению которых может существенно отличаться у каждого конкретного больного [1. С. 7]. Более того регуляция осуществляется с участием очень многих регуляторных механизмов часто дублирующих друг друга (ангиотензин превращающий фермент и тканевые химазы, баро и хемо рецепторы и т. д.) [2. С. 7]. В соответствии с современными Национальными и Европейскими рекомендациями по ведению больных с ГБ (ESH/ESC, 2007 г.; ВНОК, 2010 г.) является максимальное снижения общего кардиоваскулярного риска, что определяется достижением «целевого уровня» артериального давления (АД), а также орга-

нопротекцию и коррекцию модифицируемых факторов риска (ФР) [3.С.7]. С этой целью для лечения ГБ рекомендованы пять классов антигипертензивных препаратов (АГП) и их комбинации, но несмотря на широкое их использование и результаты многочисленных рандомизированных исследований, остается нерешенным главный вопрос, какие препараты следует использовать в тех или иных клинических ситуациях [3. С. 7]. В реальной клинической практике для оценки состояния организма традиционно учитывают уровень и суточный профиль артериального давления (АД), морфометрические параметры гемодинамики которые не учитывают индивидуальных особенностей адаптации и компенсации в условиях различной продолжительности, тяжести и индивидуальной патоморфологической ситуации у каждого конкретного пациента. Между тем любой регуляторно-адаптивный сдвиг – это в пер-

вую очередь многоуровневая реакция вегетативной нервной системы, при оценке функционального состояния организма необходимо исходить из представлений о комплексном взаимодействии вегетативных функций, их взаимосвязи с окружающей средой. Одним из наиболее адекватных и объективных количественных методов, позволяющих исследовать и оценить комплексное взаимодействие вегетативных составляющих нейро-гуморальной регуляции организма в целом может стать проба сердечно-дыхательного синхронизма (СДС). Проба основана на тесной функциональной связи центральных механизмов ритмогенеза сердца и дыхания, возможности произвольного управления ритмом дыхания, участии многоуровневых афферентных и эфферентных структур центральной нервной системы [4. С. 7].

Цель исследования

Оценка влияния монотерапии индапамида и комбинированной терапии лизиноприла и индапамида на РАС у пациентов с ГБ II стадии в процессе длительной терапии.

Материалы и методы

В исследовании участвовали 102 пациента в возрасте $54,3 \pm 6,4$ года, из них 54 женщины и 48 мужчин страдающих ГБ II стадии, I-II степени повышения АД. Диагноз ГБ, стадии и степени повышения АД верифицировали в соответствии с рекомендациями ВНОК 2010 года. В исследования включали только тех пациентов, которые не принимали регулярно антигипертензивную терапию (АГТ) (с отсутствием приема пролонгированных препаратов не менее 2 недель и препаратов короткого действия не менее 2 дней) с оценкой офисного и суточного измерения АД. После получения письменного информированного согласия больных случайным образом рандомизировали в две группы. Первую группу со-

ставили 45 пациентов которым была назначена монотерапия тиазидоподобным диуретиком – индапамидом (Арифон-ретард «Сервье», Франция) в суточной дозе 1,5 мг/сут, вторую группу 57 пациентов которым была назначена комбинированная терапия тиазидоподобным диуретиком – индапамидом (Арифон-ретард «Сервье», Франция) в суточной дозе 1,5 мг/сут. и ингибитором ангиотензин превращающего фермента (иАПФ) – лизиноприлом (диротон, «Gedeon Richter», Венгрия) в индивидуально подобранных дозах (средняя доза $10,1 \pm 0,9$ мг/сут). Контрольную группу составили сопоставимые по полу и возрасту 50 практически здоровых. В исследование не включали пациентов не достигших целевого уровня АД к 12 недели, с симптоматическими АГ (диагноз верифицировали в соответствии с рекомендациями ВНОК 2010 г.), острыми формами ишемической болезни сердца (ИБС), диагностированными нарушениями ритма и проводимости, перенесенными или текущими нарушениями мозгового кровообращения (геморрагический или ишемический инсульт, транзиторные ишемические атаки), наличием сахарного диабета (СД) 1 и 2 типов, хронической сердечной недостаточности (ХСН) выше I стадии II функционального класса по NYHA, состояний эмоциональных и физических перегрузок, гематологических, онкологических заболеваний, кардио и нейрохирургическими вмешательствами в анамнезе, дыхательной, почечной и печеночной недостаточностью, принимающих психотропные или вегетокорректирующие препараты. Исходно и через 1, 3, 6 месяцев терапии были выполнены: суточное мониторирование АД (СМАД) на аппарате «МН СДП 2» (Россия) для определения суточного профиля АД [5.С.8]; ЭХОКГ на аппарате «ALOKA SSD 5500» (Япония), датчиком 3,25 мГц по стандартной методике для определения структурного и функционального состояния миокарда [6.

С. 8]; пробу СДС для оценки состояния РАС проводили по методике В.М. Покровского и соавторов [7. С. 8] на аппарате РНС МИКРО (Россия). Сущность исследования заключается в установлении синхронизации между заданным ритмом дыхания и сердцебиением, при высокочастотном дыхании в такт вспышкам фотостимулятора. Анализировали минимальную границу диапазона – минимальная частота вспышек лампы фотостимулятора и, соответственно, частота дыхания в такт им, при которой впервые формировался СДС; максимальную границу диапазона – максимальный ритм дыхания в ответ на фотостимуляцию, при котором СДС еще проявлялся; диапазон синхронизации (ДС) – разница между синхронизированными частотами сердцебиения и дыхания на максимальной и минимальной границах СДС; длительность развития СДС на минимальной и максимальной границах диапазона в кардиоциклах, т. е. скорость развития СДС от начала пробы до устойчивого формирования СДС на минимальной и максимальной границах диапазона синхронизации. Рассчитывали индекс регуляторно-адаптивного статуса (ИРАС) [8. С. 8], интегрирующий два наиболее информативных параметра СДС: индекс РАС = $ДС/ДР \cdot \min.гр. \times 100$, где ДС – диапазон синхронизации, ДР мин. гр. – длительность развития СДС на минимальной границе. Оценка результатов по шкале градации РАС в соответствии со значением ИРАС: высокие при ИРАС > 100; хорошие при ИРАС 99 – 50; удовлетворительные при ИРАС 49 – 25; низкие при ИРАС 24 – 10; неудовлетворительные при ИРАС < 9. Одновременно оценивали показатели variability ритма сердца (BPC): среднее значение R-R интервалов (RRNN), коэффициент вариации (CV), общая мощность спектра (TP), мощность волн низкой частоты (%LF), мощность волн высокой частоты (%HF), индекс централизации (ИЦ), коэффициент ваго-

симпатического баланса (LF/HF). Обработка полученных данных выполнена с помощью пакета программ STATISTICA 6.0 (Stat Soft Inc, США). Распределение значений количественных признаков проверялось на нормальность с помощью одностороннего теста Колмогорова-Смирнова. Во всех случаях была установлена нормальность распределения. Описание количественных признаков выполнено с помощью среднего арифметического стандартного отклонения. Сравнение значений количественных признаков в группах выполнено с помощью t критерия Стьюдента для независимых выборок, качественных признаков – с помощью критерия Пирсона χ^2 . Статистически значимыми считали различия при $p < 0,05$.

Результаты

Согласно результатам пробы СДС на фоне длительной (6месяцев) терапии у пациентов I и II групп достоверно увеличались минимальная граница диапазона (на 3,8% и на 6,9% соответственно), максимальная граница диапазона (на 5,7% и на 7,4% соответственно), ДС (на 4,3% и на 22,3% соответственно), ИРАС (на 6,3% и на 26,8% соответственно), уменьшались длительность развития СДС на минимальной (на 5,4% и на 11,1% соответственно) и максимальной (на 7,4% и на 12,2% соответственно) границах. По результатам СМАД у пациентов I и II групп отмечалось достоверное снижение как САД (на 14,9% и на 17,5% соответственно) так и ДАД (на 13,5% и на 14,9% соответственно). По данным СМАД, в зависимости от суточного профиля АД, исходно, до приема гипотензивной терапии выявлено: «non dipper» 48,6%, «dipper» 46,2% и «night picker» 5,2%, что отражает нарушение суточной регуляции и определялось многими исследователями [9. С. 8]. По данным ЭХОКГ у пациентов I и II групп отмечалось достоверное увеличение ФВЛЖ (на 3,8% и 2,5% соответственно), соотноше-

ния пикового кровотока в период раннего наполнения левого желудочка и систолы левого предсердия (Е/А) (на 9,2% и 14,2% соответственно), а также снижение времени изоволюметрического расслабления (IVRT) (на 9,3% и 11,3% соответственно), толщины ЗСЛЖ (на 9,1% и 11,8% соответственно) и МЖП (на 7,1% и 9,8% соответственно).

Наличие нежелательных побочных явлений, что потребовало бы снижения дозы или отмены медикаментозной терапии, у наблюдаемых групп пациентов не наблюдались.

Заключение

В соответствии с результатами нашего исследования назначенная в обеих группах АГТ на протяжении 6 месяцев являлась безопасной и эффективной. Оценка влияния проводимой в обеих группах терапии, на параметры СДС, позволила выявить увеличение ДС которое сопровождалось уменьшением длительности его развития на максимальной и минимальной границах, что при положительной динамики ИРАС свидетельствует о повышении регуляторно-адаптивных возможностей. Анализ полученных результатов СМАД, до назначения АГТ, установил наличие нарушений суточного профиля АД, на фоне проведенной терапии в обеих группах полностью исчезли больные с профилем «night picker», уменьшилось количество «non dipper» и увеличилось количество больных «dipper». Исходный нормальный двухфазный суточный ритм АД не был изменен приемом назначенной терапией, что свидетельствует в пользу физиологического действия применяемой АГТ. Изменения уровня АД под влиянием медикаментозного лечения в целом по группам у обследованных пациентов были сопоставимы с известными литературными данными [10.С.8]. Добиваясь снижения АД до «целевого уровня», важно учитывать все факторы, которые могут повлиять на

прогноз, так как у больных с ГБ он зависит не только от уровня АД, степени вовлечения в процесс органов-мишеней, наличием ассоциированных клинических состояний, но и от регуляторно-адаптивных возможностей организма больного в целом, которые нужно рассматривать как взаимодействие на периферии двух отделов вегетативной нервной системы симпатической и парасимпатической. По данным ЭХОКГ у пациентов обеих групп достоверно улучшалась диастолическая функция сердца, уменьшались признаки гипертрофии миокарда, увеличивалась ФВЛЖ. В соответствии с результатами нашего исследования у пациентов II группы – на фоне проводимой комбинированной терапии индапамидом и лизиноприлом через 6 месяцев отмечались более выраженные позитивные сдвиги по данным СМАД, ЭХОКГ, СДС в сравнении с пациентами I группы на фоне монотерапии индапамидом. На сегодняшний день очевидным является преимущества комбинированной терапии – это усиление антигипертензивного эффекта, путем потенцирования их действия, воздействие на различные патогенетические механизмы повышения АД, кроме того, добавление второго препарата позволяет уменьшить действие контррегуляторных механизмов, которые обычно активируются после начала антигипертензивной терапии и приводят к снижению эффективности лечения [11.С. 8]. Новые факты, полученные в исследовании, позволяют расширить представления об информативности и значимости пробы СДС, которая наряду с традиционными методами обследования при ГБ открывает новые перспективы использования ее в качестве метода оценки эффективности и безопасности медикаментозной терапии так как учитывает не только динамику сердечно-сосудистого ремоделирования, но и способность организма к регуляции и адаптации у каждого пациента.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ахадов Ш. В., Рузбанова Г. Р., Молчанова Г. С. и др. Изменения активности ренин-ангиотензин-альдостероновой и симпатoadреналовой систем при прогрессировании артериальной гипертензии // Кардиоваск. тер. профилактика. – 2010. – Т. 9. – №2. – С. 10-15.
2. Шляхто Е. В. Патогенез гипертонической болезни // Руководство по артериальной гипертензии под ред. Е. И. Чазова. – М.: Медиа Медика, 2005. – Гл. 1. – С. 41-60.
3. Диагностика и лечение артериальной гипертензии. Национальные клинические рекомендации. Сборник / Под. Ред. Р. Г. Оганова. – 3-е издание. – М.: Изд-во «Силицей-Полиграф», 2010. – С. 478-484.
4. Покровский В. М. Воспроизведение сердцем ритма сигналов, сформированных в центральной нервной системе. Формирование ритма сердца в организме человека и животных. – Краснодар: Кубань-Книга, 2007. – С. 61-71.
5. Рогоза А.Н. Суточное мониторирование артериального давления (по материалам методических рекомендаций ESH 2003) // Функциональная диагностика. – 2004. – №4. – С. 29-44.
6. Шиллер Н. Б., Осипов М. А. Клиническая эхокардиография. – М.: Практика, 2005. – С. 344-345.
7. Покровский В. М. и др. Система для определения сердечно-дыхательного синхронизма у человека / Покровский В. М., Пономарев В. В., Артюшков В. В., и др. // Россия. – Патент №86860. – 2009.
8. Покровский В. М. Сердечно-дыхательный синхронизм – метод количественной интегративной оценки регуляторно-адаптивного статуса (состояния). Сердечно-дыхательный синхронизм в оценке регуляторно-адаптивных возможностей организма.- Краснодар: Кубань-Книга, 2010. – С. 183-185.
9. Чазова И. Е., Ратова Л. Г. Роль суточного мониторирования артериального давления в оценке эффективности антигипертензивной терапии. (Результаты суточного мониторирования артериального давления в программе КЛИП-АККОРД) // Систематическая гипертензия. – 2000. – №1. – С. 18-26.
10. Кобалава Ж. Д., Ефремовцева М. А. Комбинированная антигипертензивная терапия первой линии как стратегия успешного контроля артериальной гипертензии // Кардиология. – 2005. – №8. – С. 54-58.
11. Кобалава Ж.Д., Котовская Ю.В., Виллевальде С.В. Возможности улучшения контроля артериальной гипертензии путем рационального использования диуретиков по результатам Российской научно-практической программы АРГУС-2 // Кардиоваск. тер. и проф. – 2007. – Т. 6. – №3. – С. 61-67.

УДК 579.872:579.222.2

ББК 28.072

Биология

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПИРИДИНА КЛЕТКАМИ *Arthrobacter* sp. КМ-Р

Доктор биологических наук Ф. М. Хасаева

Доктор биологических наук Л. М. Захарчук

Доктор биологических наук А. И. Нетрусов

Кандидат биологических наук И. А. Паршиков

После длительного воздействия пиридина и его производных на образцы почвы был выделен бактериальный штамм *Arthrobacter* sp. КМ-Р, который был способен использовать незамещенный пиридин в качестве единственного источника углерода, азота и энергии.

Ключевые слова

Биодеструкция, микроорганизмы, пиридин, *Arthrobacter*

Введение

В результате деятельности человека в окружающую среду попадают токсичные соединения. Основными источниками загрязнения биосферы являются химические и фармацевтические предприятия. При этом, методы биотехнологии в настоящее время нашли широкое применение [1].

Наиболее успешная стратегия для биологической очистки сточных вод – это использование микроорганизмов-деструкторов, закрепленных на нерастворимых в воде носителях [2]. Серьезное место среди загрязнителей занимают пиридин и его производные. Впервые способность микроорганизмов утилизировать пиридин была обнаружена еще в начале XX века. Были выделены бактерии *Aerobacter aerogenes*, *Serratia marcescens*, *Bacterium herbicola*, которые росли на среде, содержащей 0,1-0,5% пиридина, используя его только в качестве источника азота [3].

Нами была выделена из почвы бактерия *Arthrobacter* sp. КМ-Р, способная к использованию пиридина [4] в качестве един-

ственного источника углерода, азота и энергии.

Цель работы – сравнение активности клеток штамма *Arthrobacter* sp. КМ-Р иммобилизованных в гель (альгината кальция) и клеток находящихся в суспензии по отношению к пиридину.

Материалы и методы исследования

Штамм *Arthrobacter* sp. КМ-Р, деструктор пиридина был выделен методом накопительных культур [4] из образцов почв загрязненных пиридинами. Для культивирования микроорганизмов использовали среду следующего состава (г/л): KH_2PO_4 – 0,2; $\text{MgSO}_4 \cdot 7\text{H}_2\text{O}$ – 0,2; $\text{FeSO}_4 \cdot 7\text{H}_2\text{O}$ – 0,01; $\text{CaCl}_2 \cdot 2\text{H}_2\text{O}$ – 0,02; $\text{MnSO}_4 \cdot \text{H}_2\text{O}$ – 0,002; Na_2MoO_4 – 0,001; 0,5М МОРС-бикарбонатный буферный раствор – 1 л, pH 7,0 – 7,2. Пиридин вносили в концентрациях 1,5 – 3,4 г/л. Культуры выращивали на качалке при 220 об/мин в колбах объемом 750 мл, содержащих 200 мл среды с пиридином. Рост культуры оценивали нефелометрически. Присутствие пиридина в

среде определяли по спектру поглощения на спектрофотометре «Hitachi-200-20» (Япония) при $\lambda=255$ нм.

В качестве ростового субстрата использовали коммерческий реактив пиридина марки «ч» (Россия). Для получения суспензионных клеток культуры *Arthrobacter* sp. КМ-Р выращивали до стационарной фазы роста (18 час), которую оценивали нефелометрически. Оптическая плотность суспензии клеток при этом составляла 0,9 единиц и соответствовала концентрации 2×10^8 кл/мл. Клетки отделяли от среды центрифугированием при 6000 g 10 мин.

Клетки *Arthrobacter* sp. КМ-Р иммобилизовали в альгинате кальция. Для этого суспензию клеток *Arthrobacter* sp. КМ-Р в объеме 100 мл приливали к 200 мл стерильного 3% раствора альгината натрия в дистиллированной воде для получения 2% раствора альгината натрия с клетками. Отдельно готовили 500 мл 0,2 М раствора CaCl_2 в дистиллированной воде и стерилизовали при 1 атм. Процесс иммобилизации клеток бактерий осуществляли стерильно. Для этого 2% раствор альгината натрия с клетками по каплям вносили в колбу с 0,2 М CaCl_2 . Полученные гранулы иммобилизованных в альгинате кальция клеток размером 1-1,5 мм выдерживали в 0,2 М растворе CaCl_2 от 10 до 12 часов. Затем раствор CaCl_2 сливали и помещали гранулы в 300 мл стерильного 0,9% раствора NaCl , в котором хранили иммобилизованные клетки *Arthrobacter* sp. КМ-Р при 4°C.

Для проведения деградации с помощью суспензионных и иммобилизованных клеток в минеральную среду вносили пиридин в концентрациях 1,5, 2,5, 3,0 и 3,4 г/л. В каждую из колб вносили по $1,0 \times 10^9$ клеток *Arthrobacter* sp. КМ-Р в виде 8,3 мл суспензии или 25 мл гранул альгината кальция. Пробы из колб с начальной концентрацией пиридина в среде 1,5 г/л отбирали через каждые 3 часа, а из колб, с другими концентрациями пиридина – через каждые 6 часов. Гранулы с иммобилизованными клетками отделяли от питательной среды фильтрованием.

Результаты исследования и их обсуждение

Первоначальная концентрация потребления пиридина культурой *Arthrobacter* sp. КМ-Р сразу после ее выделения из почвы была на уровне 1,5 г/л в течение 36 часов [5]. За время работы с культурой *Arthrobacter* sp. КМ-Р (2007-2012 гг.) ее активность значительно повысилась. К моменту настоящего исследования активность *Arthrobacter* sp. КМ-Р возросла почти в два раза и за 24 часа культура ассимилировала 2,5 г/л пиридина. Более высокие концентрации пиридина в среде (3,0 г/л) изначально замедляли, а содержание ксенобиотика 3,5 г/л и выше ингибировали рост культуры.

Повышение скорости расщепления пиридина культурой *Arthrobacter* sp. КМ-Р при продолжительной работе с ней можно объяснить процессами автоиндукции клеток в результате многократных пересевов на жидкую минеральную среду содержащую более высокие концентрации этого соединения.

Таким образом, штамм *Arthrobacter* sp. КМ-Р способен расти на среде с высокой концентрацией пиридина, полностью его утилизирует и является одним из перспективных штаммов-деструкторов пиридина. Это открывает возможности для использования данного организма в очистке сточных вод от пиридина. Использование микроорганизмов в очистных сооружениях при периодическом и (или) непрерывном культивировании приводит к накоплению больших объемов биомассы, требующих утилизации. Использование иммобилизованных клеток микроорганизмов для очистки сточных вод может избавить от необходимости регулярной утилизации больших количеств биомассы [6]. Микроорганизмы, включенные в носитель, защищены от неблагоприятных воздействий. В тоже время, самому носителю может быть придана любая удобная для конкретного случая форма – гранула, диск, нить, трубка и др.[7].

В качестве носителя для иммобилизации клеток *Arthrobacter* sp. КМ-Р был ис-

пользован кальций-альгинатный гель. Выбор обусловлен относительно мягкими условиями иммобилизации клеток, а также возможностью их обеспечения питательными веществами и кислородом. Процесс иммобилизации клеток *Arthrobacter* sp. КМ-Р контролировали под микроскопом.

Скорость утилизации пиридина иммобилизованными клетками *Arthrobacter* sp. КМ-Р сравнивали со скоростью утилизации суспензионными клетками. Было выяснено, что суспензионные клетки по скорости утилизации пиридина несколько опережают иммобилизованные. Пиридин, в концентрации 1,5 г/л был полностью утилизирован суспензионными клетками за 6 часов. Иммобилизованные клетки ассимилировали такую концентрацию за 9 часов. Концентрация пиридина 2,5 г/л потребляется суспензионными клетками за 12 часов, а иммобилизованными в альгинате кальция клетками за 18 часов.

Концентрация пиридина 3,0 г/л была утилизирована суспензионными клетками за 18 часов, а 3,4 г/л – за 24 часа. Иммобилизованные клетки *Arthrobacter* sp. КМ-Р использовали те же в концентрации субстрата (3,0 и 3,4 г/л) медленнее суспензионных (30 и 32 часа, соответствен-

но).

Полученные результаты свидетельствуют о принципиальной возможности применения иммобилизованных в альгинате кальция клеток *Arthrobacter* sp. КМ-Р для очистки сточных вод от пиридина. Однако, каталитическая система с иммобилизованными клетками должна обеспечивать технологические и экономические преимущества по сравнению с микробиологическими процессами на основе суспензионных клеток. Реализация преимуществ иммобилизованных клеток возможна только при использовании их в биореакторах с периодическим или непрерывным режимом [6]. При этом в реакторе возможно использование более высоких концентраций иммобилизованных клеток *Arthrobacter* sp. КМ-Р. Для функционирования высоких концентраций аэробных бактерий в ферментере требуется создание высоких скоростей массопередачи за счет перемешивания гранул катализатора. Механическая прочность гранул альгината кальция допускает такую возможность [8].

Наиболее перспективным может стать проточный реактор с перемешиванием гранул альгината кальция, напоминающий вариант непрерывного культивирования сво-

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Паршиков И. А. Методы биотехнологии в синтезе лекарств. – Уфа, 2012. – 108 с.
2. Beshay U., Abd-El-Haleem D., Moawad H., Zaki S. Phenol biodegradation by free and immobilized *Acinetobacter* // *Biotechnol. Lett.* – 2002. – V. 24. – P. 1295-1297.
3. Moore F. W. The utilization of pyridine by microorganisms // *Journal of general microbiology*. – 1949. – V. 3. – P. 143-147.
4. Хасаева Ф. М., Воробьева Л. И., Модянова Л. В., Терентьев П. Б. *Arthrobacter crystallopoietes* КМ-4 – штамм-деструктор метил- и диметилпиридинов // *Биотехнология*. – 2007а. – № 3. – С. 58-63.
5. Хасаева Ф. М., Воробьева Л. И., Модянова Л. В., Терентьев П. Б. Утилизация штаммом *Arthrobacter crystallopoietes* КМ-4 метил- и диметилпиридинов // *Биотехнология*. – 2007б. – № 4. – С. 61-63.
6. Сеницын А. П., Райнина Е. И., Лозинский В. И., Спасов С. Д. Иммобилизованные клетки микроорганизмов. – М.: МГУ, 1994. – 288 с.
7. Park, J. K., Chang, H. N. Microencapsulation of microbial cells // *Biotechnol. Advances*. – 2000. – V. 18. – P. 303-319.
8. Liu R, Shen F. Impacts of main factors on bioethanol fermentation from stalk juice of sweet sorghum by immobilized *Saccharomyces cerevisiae* // *Bioresource Technol.* – 2008. – V. 99. – P. 847-854.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ С ЮБИЛЕЕМ

Исполнилось 60 лет заведующему кафедрой экологии и природопользования Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина **Евгению Сергеевичу ИВАНОВУ**; более 30 лет из них он посвятил любимому делу – подготовке профессиональных биологических и экологических кадров высшей школы и исследованиям прикладных экологических проблем, экологии, природопользования, образования и историко-природного наследия.

Иванов Е. С. родился 8 декабря 1952 г. в д. Агеевка Турковского р-на Саратовской области в семье учителя начальных классов. Окончил: Балашовский техникум механизации сельского хозяйства, техник-товаровед (1971); Рязанский государственный педагогический институт, учитель биологии средней школы (1979); Институт зоотехников-пчеловодов (Академия пчеловодства), ученый пчеловод (1981); очную аспирантуру НИИ пчеловодства (1985), очную докторантуру МСХА имени К.А. Тимирязева (1999).

В 1994 г. Иванов Е. С. избран членом-корреспондентом Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург) по направлению «экология и природопользование» и получил ученое звание доцента по кафедре биологии, патологии пчел и апитерапии.

14 января 2000 г. Иванову Е. С. присуждена ученая степень **доктора сельскохозяйственных наук** по специальностям «экология» и «растениеводство», 16 января 2002 г. ему присвоено ученое звание **профессора** по кафедре ботаники.

Работал: мл. научным сотрудником Ершовской опытной станции НИИСХ Юго-востока (1980-1982 гг.), мл. и ст. н. с. отдела пчелоопыления и медоносной базы НИИ пчеловодства (1985-1989 гг.), ст. преподавателем каф. кормопроизводства и ботаники РСХА (1989-1993 гг.), проректором по учебной и научно-методической работе Академии пчеловодства (1993-1997 гг.), ведущим научным сотрудником отдела агроэкологии ДП ВНИИ «Агроэкоинформ» (1999-2000 гг.).

Параллельно, с 1997 по 2000, 2003-2006 гг., работал старшим, ведущим, главным научным сотрудником и зав. отделом охраны, восстановления природного ландшафта и мемориальных объектов ГМЗ С. А. Есенина.

В РГПИ имени С. А. Есенина Иванов Е. С. работает с февраля 2000 г. в должности профессора кафедры ботаники и экологии, после прибытия с должности ведущего научного сотрудника ДП ВНИИ информатизации агрономии и экологии. С сентября 2000 г. по май 2006 г. работает в должности профессора, зав. каф. ботаники, генетики и агробиологии; с 1 июня 2006 г. по н/в работает профессором, зав. кафедрой экологии и природопользования РГУ имени С.А. Есенина. Параллельно, с 2008 г. по настоящее время, работает профессором каф. зоотехнии и биологии РГАТУ имени П. А. Костычева; ведет дисциплины «КИОПР», «Организм и среда», «Социальная экология».

За время работы на кафедре ботаники, генетики и агробиологии Иванов Е. С. на профессиональном уровне вел дисциплины: «Биологические основы сельского хозяйства», «Ботаника с основами фитоценологии», «Биология растений» и «Антэкология» на отделениях биология-химия, география-биология и экология и руководил диплом-

ными работами.

На кафедре экологии и природопользования Иванов Е. С. на высоком научно-методическом уровне читает лекции по дисциплинам: «Методы экологических исследований», «Общая экология», «Биоразнообразие и охрана природы», «Экология организмов», «Социальная экология», «Прикладная антропоэкология», «Теория эволюции», «Антэкология», «Природные ресурсы», руководит выпускными квалификационными работами и диссертационными работами по специальности «экология». Подготовил более 50 дипломников.

В учебно-методической работе Иванов Е. С. показал себя высококвалифицированным методистом, преподавателем и руководителем – организовал подготовку более чем 50 УМК, разработал лично или в соавторстве УМК по дисциплинам: «Экология организмов», «Социальная экология», «Прикладная антропоэкология», «Ресурсоведение», «Биоразнообразие и охрана природы», «Антэкология», «Теория эволюции»; разработал и издал единолично или в соавторстве программы по предметам: «Биологические основы сельского хозяйства», «Биология», Сборник программ курсов повышения квалификации учителей средней школы, Растительные и земельные ресурсы Рязанской области и их экология, Лекарственные растения Рязанской области, Молекулярная биология, Экология опыления цветковых растений, Антэкология растений Рязанской области, Микробиология, Генетика, Прикладная экология, Техногенные системы и экориск, Экология (для аспирантов), Экология организмов и др.; разработал и издал в соавторстве 2 учебных пособия под грифом УМО для педагогической специальности «биология»: 1. Полевая практика по биологическим основам сельского хозяйства (почвоведение, земледелие), Рязань, 2006; 2. Сборник задач по генетике, Рязань, 2008; два учебных пособия без грифа: Биоразнообразие и охрана природы (2009), Методы экологических исследований (2011).

В качестве профессора РГАТУ имени П. А. Костычева, в соавторстве с Коровушкиным А. А., Нефедовой С. А. и Лупановым Е. А., издал учебное пособие «Сборник задач и упражнений по генетике», под грифом УМО высших сельскохозяйственных учебных заведений РФ по образованию в области зоотехнии и ветеринарии (2012).

В соавторстве с В. В. Черной разработал уникальное учебное пособие «Экологическое ресурсоведение», которое представлено на гриф УМО по классическому высшему образованию при МГУ имени М. В. Ломоносова для направления подготовки магистров «экология и природопользование» (2012).

В научной работе Иванов Е. С. является признанным ученым России по актуальным проблемам природопользования, репродуктивной биологии, агроэкологии, антэкологии, природно-исторического наследия, охраны природы и теории эволюции в сфере смены способов опыления под влиянием экологических факторов.

По договору с МГУ 10 лет руководил комплексной тематикой «Природные и агро-экологические ресурсы Рязанской области». В соавторстве им разработаны: Федеральный «Проект границ ГМЗ С. А. Есенина», федеральная «Долгосрочная программа развития ГМЗ С. А. Есенина», опубликованы новаторские монографии «Границы и природа ГМЗ С. А. Есенина. Пейзаж в творчестве поэта», «Кадастр полифильных растений», «Кадастр медоносных растений Рязанской области», «Трофические взаимоотношения насекомых-опылителей и энтомофильных растений в экосистемах» и др.

В целом Ивановым Е. С. в соавторстве или единолично издано 190 научных и учебно-методических работ по актуальным проблемам экологии, ботаники, биоэволюции, охраны природы, исторического и природного наследия и пчеловодства, вклю-

чая 12 монографий, 43 статьи в центральных журналах бывшего СССР и в журналах ВАК РФ, 27 учебных и методических работ. Имеет в соавторстве патент на изобретение № 2287270.

Объем грантовых и хоздоговорных работ под руководством Иванова Е. С. с 2000 по 2012 гг. в среднем за год на одного преподавателя составляет 50-60 тыс. рублей. Создатель аспирантуры по специальности «экология» и магистратуры по направлению «экология и природопользование»; магистерская программа «Экологическая безопасность, природопользование и мониторинг природно-техногенных систем».

Подготовил научно-педагогическую школу в лице трех кандидатов и двух докторов наук: 1) Сиддики Мд Хая, канд. с.-х. наук, специальность «агрохимия», 2001 г.; 2) Прибыловой Е. П., канд. б. наук, специальность «ботаника», 2004; 3) Посевинной Ю. М., канд. б. наук, специальность «экология», 2011; 4) Маркова В.А., д-р б. наук, специальности: экология, энтомология, 2004; 5) Нефедовой С. А. д-р б. наук, специальности: экология, физиология, 2012. Имеет 3 аспирантов и одного соискателя степени доктора биологических наук по специальности «экология».

Общественная деятельность Иванова Е.С. связана с укреплением и реорганизацией кафедры ботаники, проведением первого этапа реорганизации агробиостанции РГПИ, созданием и функционированием научно-исследовательской лаборатории по важнейшим проблемам биологических и земельных ресурсов, Центра экологии космоса, научно-образовательного центра «Планета – 2009», организацией и оснащением каф. экологии и природопользования лабораторно-техническим оборудованием, с работой в качестве председателя жюри областной олимпиады школьников по экологии, руководством и организацией комплексных исследований по тематике «Эколого-ресурсные проблемы биосферы и околоземного космического пространства», а также с работой в качестве члена ученого совета ГМЗ С. А. Есенина и ЕГФ РГУ имени С. А. Есенина, а также с работой в составе Консультативного Совета при председателе Рязанской городской Думы по вопросам градостроительства и экологии.

Под руководством Иванова Е. С. на общественных началах организованы и проведены шесть научных форумов: а) Первые чтения памяти проф. Н. И. Антипова «Ботанические проблемы регионального природопользования» (Рязань, 2001), б) Научное совещание совместно с МГУ «Флористические исследования в Центральной России» (Рязань, 2001), в) Межвузовская научно-практическая конференция «Ботаника, экология, сельское хозяйство» (Рязань, 2003), г) Межвузовская конференция «За безопасность» (Рязань, 2004), д) Первая Российская научно-практическая конференция «Экологические проблемы биосферы и околоземного космического пространства: теория и практика» (Рязань, 2006), е) Международная научно-практическая конференция «Современная экология – наука 21 века» (Рязань, 2008).

Результаты его исследований апробированы на многих отечественных и международных форумах (Варшава, 1987; Краснодар, 1993; Рязань, 1994, 1995, 1996, 2000, 2001, 2003, 2006, 2007, 2008, 2010, 2011, 2012; Уфа, 1997; Бородино, 1997; Орел, 2000; Пенза, 2000; Москва, 1997, 1998, 2001, 2002, 2003, 2004, 2010; Саранск, 2008; Ярославль, 2008; Санкт-Петербург, 2008; Turku, Finland Progranme, 2008; Университет Эворы, Португалия, 2009, Buenos Aires – Argentina, 2010, Самара, 2012) и др.

Иванов Е. С. регулярно повышает свой профессиональный уровень. В 1994 г. он прошел трехмесячную стажировку на биологическом ф-те МГУ по экологии насекомых, а в 2002 – трехмесячную стажировку в Рязанском государственном медицинском университете по экологии растений, геоботанике, ботанической и флористической географии. В 2006 г. прошел кратковременное повышение квалификации по курсу: Биоре-

медиация. Очистка окружающей среды от антропогенных загрязнений, приоритетно-му направлению «Экология и природопользование» при Пущинском государственном университете. В 2009 г. прошел краткосрочное обучение при Российском химико-технологическом университете им. Д. А. Менделеева по проекту ЕС «Гармонизация экологических стандартов и совершенствование природоохранной деятельности».

Иванов Е.С. награжден: Почетной грамотой Министерства сельского хозяйства и продовольствия РФ за добросовестный труд по подготовке квалифицированных специалистов пчеловодов (Пр. МСХП РФ № 126-К от 14.02.1995); Почетной грамотой Министерства образования РФ за многолетнюю плодотворную педагогическую деятельность, активную деятельность в области научных исследований, успехи в административной работе и укрепление материально-технической базы университета (Пр. Минобра № 17/690 от 18 сентября 2002); Почетными грамотами ректора РГУ за подготовку учительских кадров, успехи в научной и учебной деятельности (2004, 2005, 2008); Благодарностью (Пост. Губ. РО от 12 апреля 2006 г. № 115-пг) и Почетной грамотой Губернатора Рязанской области за большие заслуги в области культуры, многолетнюю добросовестную и плодотворную работу, большой личный вклад в развитие науки и образования (Пост. Губ. РО от 02 февраля 2007 г. № 36-пг).

В 2010 г. Иванову Е.С. за заслуги в области образования присвоено почетное звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (Пр. Минобрнауки России от 8 ноября 2010 г. № 1282/к-н).

Иванов Е. С. хороший руководитель кафедры, квалифицированный специалист в сфере высшего экологического и биологического профессионального и послевузовского образования, грамотный организатор учебно-методической, педагогической и научно-исследовательской работы, признанный ученый в области прикладной экологии и природного наследия. Морально устойчив, исполнитель, дисциплинирован, требователен к себе и подчиненным.

Женат, хороший семьянин, имеет двух взрослых сыновей.

Общий трудовой стаж работы Иванова Е. С. составляет более 40 лет, научно-педагогический более 30 лет, вузовский более 20 лет, в РГУ имени С. А. Есенина более 12 лет.

Экологическая общественность, редакция «Российского научного журнала» и научно-педагогический коллектив естественно-географического факультета РГУ имени С. А. Есенина сердечно поздравляют Евгения Сергеевича ИВАНОВА с юбилеем и желают ему крепкого здоровья, счастья и дальнейших творческих успехов.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ

15 декабря 1977 года в №46 Бюллетеня «Изобретения и открытия» Госкомизобретений СССР было опубликовано описание изобретения «Измеритель временных интервалов» с приоритетом от 19 сентября 1974 года. Автор – Б. В. Горбунов. Это была первая научная работа **Бориса Владимировича Горбунова**, ныне профессора, доктора исторических наук, члена Редакционного совета «Российского научного журнала».

Сердечно поздравляем Бориса Владимировича с 35-летием научной деятельности и желаем доброго здоровья, удачи и дальнейших творческих успехов.

Редакция «Российского научного журнала»

SUMMARY

Ryndin I. Y. Rurikovitchi and Gedeminovitchi in Peter's times before table of Ranks adoption (1682-1722). [Part 25] // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 3 – 10. [0,6 п. л.]

Key words

Russian state, princess' aristocracy, the Boyar's Council, Rurikovitchi, Gedeminovitchi, Rjech Pospolita, Table of Ranks

Summary

The investigation of princess' clans Rurikovitchi and Gedeminovitchi activity during the reign by Peter I. The legal fixation of old aristocracy union with old Moscow and other nobility.

Tsarjov A. S. The Influence of Wilhelm II on the Relationships between Germany and Britain at the End of XIX // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 11 – 14. [0,3 п. л.]

Key words

Germany, Britain, Transvaal, Triple Alliance, colonial redivision of the world, Jameson raid

Summary

The article is devoted to the role of the German Kaiser Wilhelm II in building the relations between Germany and Britain at the end of XIX c. The author puts the emphasis on the fact that the character of the emperor influenced the foreign policy in relation to Britain and finds out the consequences of his character on the German-British relations especially in the area of their colonial contradictions. The author comes to the conclusion that the character of Wilhelm as well as his extremely aggressive stance on colonial issues influenced the building of relations with Britain in a negative way.

Danilchenko S. L. The Bolshevik Concessions Policy: Political Concession or Economic Compromise? // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 15 – 18. [0,3 п. л.]

Key words

Foreign investments, concessions, concessions policy, concession companies, mixed companies, restorative concessions, economic compromise.

Summary

The article is devoted to the complex analysis of the Soviet concession policy in the NEP (New Economical Policy). It is shown that the concessions helped the Bolsheviks to recovery the country's economy and prevented interventionist plans of the West.

Lushpay D. V. UN Activities in Solving the Issues of Modern Sea Piracy // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 19 – 23. [0,4 п. л.]

Key words

Somalia, the Gulf of Aden, Somalia piracy, a pirate, sea piracy, the Strait of Malacca, convention of UNO, kidnapping

Summary

Currently the issue of sea piracy is one of the parts of struggling with international terrorism, which is carrying out lives and influence negatively on the development of commercial ties. Only in Aden gulf the loss from piracy estimates annually not less than 25 billion dollars. Given article gives an overview of measures which the world community together with United Nations Organization at the top tries to implement in order to withstand to the modern sea piracy.

Tekeeva L. K. Magic Tricks in Ethnomedicine of Turk-Speaking Peoples of Northern Caucasus // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 24 – 29. [0,5 п. л.]

Key words

Ethnomedicine, magic, healing, conspiracy, ritual

Summary

This article is devoted to the irrational techniques in ethnomedicine turk-speaking peoples of the North Caucasus, which are used, not only themselves, but also in combination with the so-called rational methods. The author pays special attention to the psychotherapeutic role of magic in the treatment process.

The author makes a conclusion that the formation of the traditional medical culture of the turk-speaking peoples of the North Caucasus is connected with the processes of ethnic adaptation to the development of the natural environment.

Vinokurov N. I. Artezian Ancient Settlement in the Second Half of the First Century BC – the First Half of the First Century AD // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 30 – 40. [0,9 п. л.]

Key words

Historical processes, the archaeology of the Bosporan kingdom, periodization, chronology, typology, the Roman-Bosporan war, fortification, settlement pattern, architecture, communications and economic activities

Summary

The article is devoted to the study of archaeological complexes of Artezian ancient hill-fort in the second half of the first century BC – the first half of the first century AD. That hill-fort was one of the royal citadels of the Bosporan kingdom, that nowadays is considered to be the only monument in Eastern Crimea, where there was opened the layer of fire that dates back to the Roman-Bosporan war (44/45 - 49 AD). During its excavations there was discovered large number of finds: several dozen terracotta figurines, thousands of coins, the remains of weapons, jewellery, household items and various ritual objects. The uniqueness of artesian materials from the layer of fire consists in their diversity and because of the fact, that they date back to narrow time period. They are associated with the important events of the history of the Bosporan Kingdom and the Mediterranean region, which significantly affected the political-military situation in the Black Sea region.

Vodorezov A. V., Biryukova E. V., Komarov M. M., Kubenina M. A., Uskov V. A., Shishov S. I. The Importance of Archaeological Sites in the Shaping of Insular Habitats for Rare Fauna and Flora (Mid-Basin of River Oka) // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 41 – 52. [1,0 п. л.]

Key words

Conservancy area, ecological geomorphology, facies, geomorphological monitoring, landscape, natural complex, natural reserve, Red book of Ryazan region, wildlife sanctuary, refugium

Summary

The article treats to the study forms of relief created by people and its role in landscape. Results are based on studying of plants and animals on 150 ancient settlements. In rare instances sites of ancient settlement and ancient fortifications are a condition of preservation of populations of steppe types of plants in a northern part of their area on border with a zone of the deciduous woods. The author maintains that it is necessary to map natural complexes of nature preserves to monitor rare populations and to protect endangered species of flora and fauna.

Uskov V. A., Strikalov I. Yu., Chernetsov A. V., Vodorezov A. V., Milovanov S. I., Shishov S. I. Natural and Anthropogenic Factors Shaping the Modern Relief from the Archaeological Site on Staraya Ryazan // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 53 – 61. [1,0 п. л.]

Key words

Archaeology, natural science methods in archeology, engineering and geological drilling, landslides, paleoclimatic analysis.

Summary

Research directed at identifying natural and anthropogenic factors in the formation of modern relief from the archaeological site on Staraya Ryazan – a unique archaeological site of medieval times and allows to track the dynamics within it exogenous relief-forming processes in the last millennium. The results can be used to reconstruct the location, condition and functioning of engineering and fortification structures of the medieval times.

Anisina E. A. The Problem of Charity: Categorical and Conceptual Apparatus // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 62 – 69. [0,6 п. л.]

Philosophy, culturology, sociology

Key words

Charity, graciousness, patronage, trusteeship, philanthropy, sponsorship.

Summary

The article gives, elaborates and differentiates definitions of charity, patronage, sponsorship and other «related» concepts of social and cultural life of the modern Russia. Patronage is not only understood as a specific form of charity but as an independent socio-cultural phenomenon that plays a significant role in society.

Voronkova L. P. At the Origins of Anthropology of Tourism: Victor Turner // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 70 – 75. [0,5 п. л.]

Key words

Tourism, anthropology of tourism, pilgrimage, rites of passage, of community, liminality

Summary

The article is devoted to the ideas of W. Turner connected with his pilgrimage as states and forms of life «in the way», which led to the emergence of new research directions of tourism – Anthropology of Tourism.

Kutenkov P. I. Stone Ceremony at the Ryazan Land // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 76 – 80. [0,4 п. л.]

Key words

The great, the time, the soul, inosvetnaya sadness, rock, folk culture, the grave, the people, the ceremony, the sadness, the churchyard, funerals, Ryazan land, the Slavs, the death, the light, private funeral

Summary

The article is devoted to the study of the stone ceremony at the funeral, memorial and sad rites of great Russians Ryazan land. Examines the views on the importance of stone in the posthumous life of the soul, going back into the depths of the Russian rodnoveriye.

Kutenkov P. I. The Unified Structure of the Spiritual Transitions. The Law of Existence of the Russian Spirit // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 81 – 87. [0,6 п. л.]

Key words

Pregnant, time, spiritual transition, the soul, the law, a natural transition, baby, unclean, rite, rodokon, the Russian spirit, childbirth, a woman in labor, marriage, death, sryada, structure.

Summary

The article considers the unity of the structure of the spiritual transitions in the life of the mother-Baba from birth until the departure of the light. They form a uniform law of existence of the Russian spirit.

Kutenkov P. I. Symbolic Method of Determining the Internal Structure of the Individual Coats and Things of the Russian People's Sryada (Clothes) // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 88 – 94. [0,6 п. л.]

Key words

Thing, age, sign, individual clothing, a key sign, methodology, podpodolnik, canvas, ponva, sryada, extent, structure, and part of, yarga

Summary

The article describes the development of symbolic methods of determining the internal structure of individual things (clothes) of the Russian folk sryada for example ponva.

Ledovskikh N. P. Methodological Foundations of Research of Cultural Phenomena // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 95 – 100. [0,5 п. л.]

Key words

Research of cultural phenomena, methodology, system-synergetic approach, general historical level of research, history of mentalities, axiological approach

Summary

The article explores the problem of methodology of philosophical and cultural research. The author traditionally allocates three levels of methodology. Capacities and principles of system-synergetic approach, mentalities theory, axiological approach, and quantitative methods in research of cultural phenomena are analyzed that allow to accurately allocate cultural universalities, dominating patterns of public consciousness shaped in the course of cultural development.

Bulatetskiy S. V. Psychophysiological Mechanisms of System Organization Biosocial Adaptation of Cadets of an Educational Establishment of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation to a Professional Learning // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 101 – 107. [0,6 п. л.]

Key words

Success of professional learning, a functional system, adaptation, mechanisms of adaptation, a functional state

Summary

The results of using of system research approach in estimation of psychophysiological state of cadets of an educational establishment of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation are represented. The main system mechanism increasing adaptation cadets' abilities and system organization of a biosocial cadets' adaptation process to conditions of professional learning are considered. A system graphical model of a functional progress system of total social and homeostatic results in conditions of specific cadets' activities of an educational establishment of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation is developed.

Vardanyan Y. V., Kuvshinova O. M. The Preparation of the Teacher-Trainer to the Realization of the Psychological Safety of the Subject of Sports Activity: Problems and Ways of Decision // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 108 – 114. [0,6 п. л.]

Key words

The subject of sports activity, the psychological safety, the psychological competence, the psychological preparation of teacher-trainer

Summary

In the article the problem of the psychological safety of the subject of sports activity is represented. The topicality of its decision by means of improving of the preparation of teacher-trainers in High school is proved. The results of investigation of the cognitive component of the psychological safety of sportsman and teacher-trainer are shown. The ways of forming

of their competence in the psychological safety are characterized.

Orlova A. P. Formation of Ethnic Tolerance of Experts and the Ethnopedagogical Training of Experts of Social and Educational Spheres // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 115 – 125. [0,9 п. л.]

Key words

Ethnic tolerance, principle of polyculture, region based training of specialists, polycultural environment of a higher education institution, ethno pedagogical training

Summary

The article dwells upon one of the formation of unified European educational environment: the formation of ethnic tolerance and the ethnopedagogical training of experts of social and educational spheres. The attention is focused on the region based training of social and educational spheres in the context of principle of polyculture. Polyculture of educational space is seen as the environment for non-stop formation of moral health of the society where ethnic tolerance is being formed. The importance of synergetic method principle in the ethnopedagogical training of specialists of the educational sphere in the context of principle of polyculture is emphasized. The principle of polyculture defines the basics of ethnopedagogical training of specialists providing the efficiency of formation of the ethnic tolerance of a personality, allowing the modern expert to enter integrally the world civilization and culture.

Fomina N. A., Matjukina E. S. Peculiarities of Preschool Teacher's Temperament // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 126 – 132. [0,6 п. л.]

Key words

Personality, preschool teacher's, temperament, activity, emotivity, regulation of psychical activity, choleric, sanguine, melancholy and phlegmatic temperament types

Summary

In the article activity, emotivity and regulation of psychical activity peculiarities as attribute of preschool teacher's temperament are presented. Specificity of their appearance by teachers with different temperament types is described.

Mirchetich M. A., Fomina N. A. Peculiarities of Regulating-Reflexive Temperament Component of Personalities with First and Second Signaling Systems Domination // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 133 – 138. [0,5 п. л.]

Key words

Temperament, regulation, impulsivity, reflexivity, extraversion, introversion, signaling systems

Summary

In the article regulation peculiarities as the temperament quality of the students who have different signaling system correlation are presented.

Gerova N. V., Andreev V. V. Indicators of Activity of Educational Process' Subjects on the Basis of the Structure Analysis of Quality Management Systems of Higher Education // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 139 – 147. [1,0 п. л.]

Key words

Database, performance, educational standards, professional education, rating, quality management system

Summary

The paper describes the standardization principles, ensuring quality of products, processes, services, including education. Based on a comparative analysis of the structures of Russian universities' quality management systems grounded performance of educational process: the faculty, students and the university management.

Deryuga V. E. Creativity as the Purpose of Humanistic Formation in the Conditions of the Technocratic and Information World // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 148 – 152. [0,4 п. л.]

Key words

The human (person), education, formation, creation, culture

Summary

The problem of modern technical and information world's influence on the education and formation of the Person is investigated in this work. The author makes comparative analysis of two parties of education (formation): technical and creative. In article main principles of humanistic values which are a core of preservation and development of the Person are allocated.

Laptun V. I. The Development of the Theological Education System in Russia in the Reign of Peter I // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 153 – 159. [0,6 п. л.]

Key words

Russian Orthodox Church, Church Regulation, Holy Synod, Theological Education, Academy, Seminary, Training Process

Summary

This paper gives the detailed analysis of the project to develop the theological education in Russia devised by Bishop Theophan (Prokopovich).

Markov A. S. Psihologo-Pedagogical Model of Professional Formation of the Cadet of Military High School // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 160 – 165. [0,6 п. л.]

Key words

Psihologo-pedagogical model, professional formation, the psychodidactic approach, the educational environment, psihologo-pedagogical support, formation of the person

Summary

In article modern requirements to military education are considered. The characteristic of model of the expertis given. It is shown that in working out of model of preparation of the expert participation of the psychologist is necessary. The model of professional formation of the cadet of military high school in which channel the author develops the concept of psihologo-pedagogical support is offered.

Polijakov E. A. Peculiarities of Self-Consciousness of Children with Disabilities in Families with a Different Style of Upbringing // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 166 – 172. [0,5 п. л.]

Key words

Disability, and limited capacity of the health, self-consciousness, identity, parenting style, authoritarianism, hyper custody, life orientation, system approach, socialization, adaptation

Summary

The article presents the results of the research of individual features and system-psychological diagnostics of interpersonal relations of children with disabilities and their families. Revealed the leading role of the style of family upbringing in the formation of self-consciousness of the child-invalid, his social adaptation, socialization.

Radyukin E. E., Morozova O. A. Analysis of the Main Strategies of Psychological Prevention of Alcoholic Behavior // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 173 – 178. [0,5 п. л.]

Key words

Repressive strategy, a strategy to minimize the strategy of re-socialization, psychological prevention of alcoholic behavior

Summary

The paper analyzes the main strategies for the prevention of psychological alkogole-zavisimogo behavior. Various forms psychoprophylactic work, divided by the content, level and characteristics of the impact on alkogolezavisimoe behavior. Stated and explained the contents of psychological prevention of addictive behavior.

Rahmanina I. N., Melnikova M. V. Some Determinants and Features of Manifestation of the Aggressive of Main Energy Trades' Workers // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 179 – 186. [0,6 п. л.]

Key words

Aggressiveness, violent behavior, the personal adaptive potential, reliable professional

Summary

This article discusses the results of a study of some features of the personal adaptive potential and its relationship with the aggressiveness of the personality of the employees of major energy professions of the one of the largest energy companies in Astrakhan. There are stand out the psychological characteristics of professional activity and professional deformation of the employees of the energy complex. There is the comparison of the severity of some of the characteristics of adaptive potential and aggressiveness of the respondents with regard to their socio-demographic characteristics.

Rassolova E. A. Activity Teacher High School Students Formation of Legal Culture // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 187 – 191. [0,4 п. л.]

Key words

University, student, teacher, legal culture, teaching activities

Summary

The article describes the main activities of the teacher to create a legal culture among university students in the humanities with a view to its manifestation in their future careers.

Ryabova I. G., Prihodchenko T. N. A Culture of International Relations: Search Methodological Grounds for the Formation of Cultural, Tolerant Personality // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 192 – 197. [0,5 п. л.]

Key words

International relations, culture of international relations, multicultural region, multicultural education, tolerant personality, the formation of cultural and tolerant personality

Summary

The article describes the theoretical and methodological foundations of the problem of formation of culture of international relations. The importance of cultural education tolerant personality in the context of traditional culture of different ethnic groups. The results of study of the problem of ethnic relations that characterize the level of multicultural education in the modern school.

Senkevich L. V., Dontsov D. A. Psychological Characteristics and Social-Psychological Regularities and Specifics of Development of the Personality in Youthful Age // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 198 – 206. [0,7 п. л.]

Key words

Age psychological features, student's age, youthful age, social and psychological characteristics, personality development, social situation of development, leading type of activity, communication sphere, mental new growths, intellectual development, emotional development, development of motives, professional development, professional formation

Summary

This scientific article is devoted to the all-round analysis of psychological and social features

of very interesting and important age stage in personality development, – the period of youthful age. The social situation of development, specifics of leading activity and psychological new growths of youthful age are described. Features of intellectual and emotional and personal development in youth are considered.

Silkin P. A. Formation of the Method of Teaching Dance in Europe in the XV-XVII Centuries. First Teachers and First Treatises // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 207 – 212. [0,5 п. л.]

Key words

Italian Renaissance, dance teachers, treatises of dance, scale of the rhythms, natural and artificial movements

Summary

The article discusses the works of the First teachers, who attempted to fix separate dance elements and compositions. The first authors laid down the foundation of the science of dance, the phenomenon that has been known for long, but investigated for only short time.

Abramova G. I. The Peculiarities of Educational Work Becoming and Development in Teacher Training College // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 213 – 218. [0,5 п. л.]

Key words

Teacher training college, upbringing system, educative system, educative work system, upbringing in curricular and extra-curricular activity, psychological climate

Summary

The questions of upbringing organization, constructive parts of upbringing system in teacher training college, obligatory for its becoming and development are considered in the article.

Andreeva E. V. Crossmodal Correspondence: Review of Latest Foreign Researches // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 219 – 225. [0,5 п. л.]

Key words

Multisensory integration, Crossmodal Correspondence

Summary

Understanding the conditions under which the brain integrates the different sensory modalities and the mechanisms supporting this phenomenon is now a question at the forefront of neuroscience. In this paper, we discuss the latest researches regarding the problem of crossmodal correspondence, multisensory integration. We provide discussion of the various paradigms and analytic strategies that have been used in the investigation of multisensory phenomena, advantages and disadvantages of different approaches. Finally, we conclude with some suggestions concerning future research directions.

Bazarkina I. N. Cultural and Historical Aspect of Self-Realization of the Personality as Resistance to Stress Factor at Persons of Youthful and Mature Age // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 226 – 231. [0,5 п. л.]

Key words

Youth, maturity, critical situation, self-realization, purpose orientation of personality, optimism, activity, hardiness, commitment, control, challenge (risk-taking), cultural and historical traditions

Summary

The article presents the results of studies of the effect on the level of features self stress in individuals at a young and middle age. The dependence of the intensity of various personal resources as a factor affecting the level of stress, age and socio-cultural characteristics of the regions and countries in which respondents live.

Gordeyev V. V. The Place of Volition and Time in the Structure of Psychic // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 232 – 238. [0,6 п. л.]

Key words

Psychic, the structure of psychic, will, volitional qualities, the state of volitional activity, volitional processes, time, time perspectives, flexibility of time, processes of time perception

Summary

The article is devoted to the problem of time and will in the structure of psychic. In the present paper we have described and analyzed the authorial hypothetic-theoretical model structure of psychic, and made a correlation between will and time categories and the phenomena in the structure of psychic. We suggest that the problem of will should be studied within the framework of human time perception.

Ezhovkina E. V. Theoretical Bases of Creation of the Model Successfully Adapts the Child with Disabilities in the Modern Society // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 239 – 244. [0,5 п. л.]

Key words

Children with limited possibilities of health, adaptation, children with the limited possibilities of health, adaptation, criteria and indicators of adaptation, the model successfully adapts child.

Summary

The article contains the results of the analysis of psychological and pedagogical literature on the problem of adaptation of children with the limited possibilities of health. The author has developed a model of adaptation of the child, defined criteria and indicators of the efficiency of the process.

Mikheeva O. V. The Realization of the Methodological Reproaches to the Forming of Students' Algorithmic Thinking // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 245 – 251. [0,5 п. л.]

Key words

Algorithmic thinking, algorithmic thinking forming, informatics, general education school, methodological reproaches

Summary

This article deals with the realization of methodological reproaches (system, activity, hermeneutical ones) in working out of academic courseware for informatics study aimed at student's algorithmic thinking forming.

Chudaeva O. I. Structural Model of Social and Personal Competences of the Teenager // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 252 – 255. [0,3 п. л.]

Key words

Competence, social and personal competences, teenage age, sports activity

Summary

In article it is considered substantial characteristics of structural components of model of formation of social and personal competences of the teenager by means of sports activity.

Gerasimova I. M. «Officer lyric poetry» of the World War I (Some Observations of War Verses of Ph. Kasatkin-Rostovsky) // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 256 – 261. [0,5 п. л.]

Key words

World War I, «officer lyric poetry», battle scenes, documentary style, prayer tradition, collective hero.

Summary

The article is about poetics works of battle-officer of the World War I prince Ph. Kasatkin-

Rostovsky. Thematic and genre variety are shown, dominant features of poetics. The connection of poetry of Ph. Kasatkin-Rostovsky and Russian battle lyric poetry traditions is set.

Kolotilova N. S. Parallelism of Compound Syntactic Units // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 262 – 268. [0,5 п. л.]

Key words

Compound syntactic unit, supra-phrasal unit, parallelism in syntactic structures, fairy tale, text category, verb valency, reduction of verb-related actants, inter-phrasal links

Summary

The present article addresses parallelism of compound syntactic units in German fairy tales, including cases of reduction of verb-related actants. It investigates the notions of a phrasal unit and parallelism in syntactic structures. In the treatment of valency, the author proceeds from the verbocentric approach.

Popov I. P. Elastic-Inductive Oscillator // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 269 – 270. [0,2 п. л.]

Key words

Elastic, inductive, oscillator

Summary

Considered the emergence free harmonic oscillations in the elastic-inductance oscillator, where take place the mutual transformation of potential energy of a spring in the energy of the magnetic field of the inductive coil.

Karpov O. A. Multiplications on Abelian Groups with Commutative Endomorphisms Rings // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 271 – 273. [0,2 п. л.]

Key words

Abelian group, endomorphisms ring, multiplication on group

Summary

In this paper we prove that each multiplication on abelian group with commutative endomorphisms ring is associative.

Skotnikov P. N., Chistyakov D. S. On Homogeneous Maps of Mixed Abelian Groups // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 274 – 276. [0,2 п. л.]

Key words

Generalized endoprimal group, homogeneous map, module with unique addition, endomorphical module

Summary

We study homogeneous mappings of mixed Abelian groups. We consider the groups as modules over their endomorphism ring.

Chistyakov D. S. On Multiplicative Isomorphisms of Affine Near-Rings // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 277 – 279. [0,2 п. л.]

Key words

Affine near-ring, module with unique addition, ring with unique addition, multiplicative isomorphism

Summary

We study the multiplicative isomorphisms of affine near-rings in this paper. Analyze the links between the properties of unique addition of ring and module over this ring.

Pustovalova I. N. Corruption in the Mechanism of Public Administration // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 280 – 282. [0,2 п. л.]

Key words

Corruption, institutionalization, governance, management mechanism, priority counter-measures

Summary

The article deals with corruption as the instrument of public administration, as the main reason for an inefficiency of management by public processes. Identifying priority areas of state anti-corruption policy in the modern period.

Kalmykov O. V. State and Prospects of the Development of Small Enterprises in Ukraine // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 283 – 292. [0,8 п. л.]

Key words

Small enterprises, competition, types of business, subject of small business, type of economic activity, level of employment, profitability of operating activity, level of the labour productivity, salary, taxation

Summary

The results of analysis of the development of small enterprises in Ukraine are presented in the article, in particular to the amount of enterprises on VEDAS, amount of MT on VEDAS in % to the general amount of enterprises, by the amount of working enterprises, index of the level of employment, index of the level of profitability of operating activity and all activity of enterprises, index of the level of labour and salary of workers MT productivity, by the index of financial result from ordinary activity on taxation etc.

Gireev T. G. Analysis of Tuberculosis's Prevalence in the Main Ethnic Groups of Dagestan Republic // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 293 – 297. [0,4 п. л.]

Key words

Tuberculosis, ethnic group, life's conditions, indicators of prevalence

Summary

The article is dedicated to the studies' analysis, carried out on the base of the row of TB dispensary in Dagestan. The author comes to the conclusion, that often the causes of tuberculosis's origin are not only unfavourable life's conditions, but, in addition, the factor of patient's belonging to one or another ethnic group of population.

Samorodskaya N. A. Influence of Indapamide and Lisinopril on Regulatory and Adaptive Status in Patients with Essential Hypertension Stage II // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 298 – 302. [0,4 п. л.]

Key words

Hypertension, regulatory and adaptive status, indapamide, lisinopril

Summary

Monotherapy indapamide and combination therapy with indapamide and lisinopril during prolonged therapy not only improves the blood pressure, morphometric parameters, but also improve the RAS and patients with stage II hypertension.

Khasaeva F. M., Zakharchuk L. M., Netrusov A. I., Parshikov I. A. The Use of Pyridine by Cells *Arthrobacter* sp. KM-P // Russian Scientific Journal. – 2013. – № 1(32). – PP. 303 – 305. [0,2 п. л.]

Key words

Biodegradation, microorganisms, pyridine, *Arthrobacter*

Summary

After long-term exposure of pyridine and its derivatives on samples of soils had been isolated bacterial strain *Arthrobacter* sp. KM-P which was capable to use unsubstituted pyridine as the single source of carbon, nitrogen and energy.

**АВТОРЫ
(AUTHORS)**

АБРАМОВА Галина Ивановна – старший лаборант кафедры педагогики и педагогических технологий Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина

Контактная информация: E-mail: abramowdom@yandex.ru; тел. 8-915-627-13-29

АНДРЕЕВ Валерий Владимирович – старший преподаватель кафедры информатизации образования и методики информатики РГУ имени С. А. Есенина

Контактная информация: E-mail: v.andreev@rsu.edu.ru; тел. 8-(4912)-28-44-63

АНДРЕЕВА Евгения Владимировна – аспирант кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова

Контактная информация: E-mail: zhenya.andreeva@gmail.com; тел. 89154028069

АНИСИНА Елена Алексеевна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры социологии Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина

Контактная информация: E-mail: Anisina_L@mail.ru; тел. 8-920-990-99-47

БАЗАРКИНА Ирина Николаевна – аспирант кафедры возрастной психологии Московского городского психолого-педагогического университета, заместитель декана факультета социальной медицины Государственной классической академии имени Маймонида

Контактная информация: E-mail: bin2476@mail.ru; тел. 8-929-943-04-10

БИРЮКОВА Елена Вадимовна – кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры физической географии и методики преподавания географии Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина

Контактная информация: E-mail: el.biryukova@rsu.edu.ru; тел. 8-(4912)-28-19-36

БУЛАТЕЦКИЙ Сергей Владиславович – доктор медицинских наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Рязанского филиала Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации

Контактная информация: E-mail: dr_bsv@mail.ru; тел. 8-(4912)-35-24-01

ВАРДАНЫЯН Юлия Владимировна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева

Контактная информация: E-mail: julia_yardanyan@mail.ru; тел. 8-(8342)-33-92-74

ВИНОКУРОВ Николай Игоревич – доктор исторических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой истории древнего мира и средних веков Московского педагогического государственного университета

Контактная информация: E-mail: vinokurovn@list.ru; тел. +79165415774

ВОДОРЕЗОВ Алексей Владимирович – кандидат географических наук, доцент кафедры физической географии и методики преподавания географии Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина

Контактная информация: E-mail: a.vodorezov1980@mail.ru; тел. +7-910-507-91-65

ВОРОНКОВА Людмила Петровна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии ИППК МГУ имени М. В. Ломоносова

Контактная информация: E-mail: 123msu@gmail.com; тел. 8(903)-755-30-74

ГЕРАСИМОВА Ирина Федоровна – кандидат филологических наук, докторант кафедры русской и зарубежной литературы Московского государственного гуманитарного университета имени М. А. Шолохова

Контактная информация: E-mail: gif221255@yandex.ru; тел. +7 906 648 16 68

ГЕРОВА Наталья Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой информатизации образования и методики информатики Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина

Контактная информация: E-mail: n.gerova@rsu.edu.ru; тел. 8-910-500-28-87

ГИРЕЕВ Темирлан Гаджимагомедович – кандидат медицинских наук, руководитель филиала № 2 (фтизиатрического) медико-социальной экспертизы республики Дагестан

Контактная информация: E-mail: tgireev@mail.ru; тел. 8-988-293-33-81

ГОРДЕЕВ Виктор Владимирович – старший преподаватель кафедры психологии Московского государственного областного социально-гуманитарного института (г. Коломна)

Контактная информация: E-mail: Gordlan@mail.ru; тел. 8-916-747-93-54

ДАНИЛЬЧЕНКО Сергей Леонидович – доктор исторических наук, декан ф-та подготовки руководящих и педагогических кадров Московского ин-та открытого образования

Контактная информация: E-mail: sldistorik@bk.ru; тел. 8-905-642-17-69

ДЕРЮГА Вардан Евгеньевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева

Контактная информация: E-mail: vardmob@yandex.ru; тел. 89276420912

ДОНЦОВ Дмитрий Александрович – кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии АНОО ВПО «Одинцовский гуманитарный институт»

Контактная информация: E-mail: dontsov-junior@bk.ru; тел. 8-964-727-03-43

ЕЖОВКИНА Елена Васильевна – аспирант кафедры педагогики, ассистент кафедры коррекционной педагогики и специальных методик Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева

Контактная информация: E-mail: ezhovkina.elena@mail.ru; тел. 8-(8342)-33-92-96

ЗАХАРЧУК Леонид Михайлович – доктор биологических наук, профессор кафедры микробиологии биологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Контактная информация: E-mail: zakharchuk@mail.ru; тел. 8-(495)-939-27-63

КАЛМЫКОВ Олег Валентинович – преподаватель кафедры учета, аудита и контроллинга ГВУЗ «Переяслав-Хмельницкий государственный педагогический университет имени Григория Сковороды» (Республика Украина)

Контактная информация: E-mail: olegkalmykov@ukr.net; тел. +38093-186-97-37

КАРПОВ Олег Александрович – аспирант кафедры алгебры Московского педагогического государственного университета

Контактная информация: E-mail: jaxeу@mail.ru; тел. 8-(926)-616-21-19

КОЛОТИЛОВА Нина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков и методики их преподавания Института иностранных языков Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Контактная информация: E-mail: g.bezruchko@rsu.edu.ru; тел. 8-(4912)-21-57-25

КОМАРОВ Михаил Михайлович – кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры физической географии и методики преподавания географии Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина

Контактная информация: E-mail: komarovmm@mail.ru; тел. 8-(4912)-28-19-36

КУБЕНИНА Мария Анатольевна – аспирант кафедры физ. географии и методики преподавания географии Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина

Контактная информация: E-mail: Mysik0907@rambler.ru; тел. 8-(4912)-28-19-36

КУВШИНОВА Ольга Михайловна – ассистент кафедры психологии Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева

Контактная информация: E-mail: kuvshinova-89@mail.ru; тел. 8-927-183-31-22

КУТЕНКОВ Павел Иванович – кандидат культурологии, доцент Смольного института Российской академии образования (СПб.)

Контактная информация: E-mail: yarga.spb@mail.ru; тел. 8-906-228-89-98

ЛАПТУН Владимир Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры педагогики Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева

Контактная информация: E-mail: vil60@rambler.ru; тел. 89061634414

ЛЕДОВСКИХ Наталья Петровна – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина

Контактная информация: E-mail: ledoster@gmail.com; тел. 8-(4912)-22-01-33

ЛУШПАЙ Дмитрий Владимирович – аспирант кафедры мировой экономики и экономической теории Владивостокского государственного университета экономики и сервиса

Контактная информация: E-mail: lushpay.dmitry@gmail.com; тел. +7 914 667 57 30

МАРКОВ Алексей Сергеевич – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища имени генерала армии В. Ф. Маргелова

Контактная информация: E-mail: markoff.ac-50@mail.ru; тел. 8-925-045-74-62

МАТЮКИНА Елена Семеновна – ассистент кафедры психологии личности, специальной психологии и коррекционной педагогики Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина

Контактная информация: E-mail: matuykinaes@yandex.ru; тел. 8-903-834-64-76

МЕЛЬНИКОВА Марина Васильевна – психолог МУЗ ГДП № 4 г. Астрахани
Контактная информация: E-mail: melmari2010@yandex.ru; тел. 89171995674

МИЛОВАНОВ Сергей Иванович – кандидат исторических наук, научный сотрудник
Института археологии РАН (г. Москва)
Контактная информация: E-mail: milovan@bk.ru; тел. +7-(499)-125-11-21

МИРЧЕТИЧ Марина Андреевна – аспирант кафедры психологии личности, специальной психологии и коррекционной педагогики РГУ имени С. А. Есенина
Контактная информация: E-mail: mirchetich@inbox.ru; тел. 89611323432

МИХЕЕВА Оксана Владимировна – учитель информатики и ИКТ МБОУ СОШ №10 г. Коломны Московской области, аспирант Московского государственного областного социально-гуманитарного института (МГОСГИ)
Контактная информация: E-mail: mov80@inbox.ru; тел. 8-(916)-426-66-47

МОРОЗОВА Ольга Александровна – старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Военного инженерно-технического института (г. СПб)
Контактная информация: E-mail: torimo@mail.ru; тел. 89119059079

НЕТРУСОВ Александр Иванович – доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой микробиологии биологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
Контактная информация: E-mail: anetrusov@mail.ru; тел. 8-(495)-939-27-63

ОРЛОВА Анна Петровна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой социально-педагогической работы УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова» (Республика Беларусь)
Контактная информация: E-mail: annaor39@yandex.ru; тел. +375295962005

ПАРШИКОВ Игорь Альбертович – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории клеточных технологий НИИ Фармации Первого Московского государственного медицинского университета имени И. М. Сеченова
Контактная информация: E-mail: igorallp@gmail.com; тел. 8-(905)-754-4615

ПОЛЯКОВ Евгений Анатольевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры научных основ экстремальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета
Контактная информация: E-mail: eu555@mail.ru; тел. 8-(906)-075-17-16

ПОПОВ Игорь Павлович – начальник отдела инновационного развития Департамента экономического развития, торговли и труда Правительства Курганской области
Контактная информация: E-mail: popov_ip@kurganobl.ru; тел. 8-(3522)-46-33-11

ПРИХОДЧЕНКО Татьяна Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики дошкольного и начального образования, декан факультета педагогического и художественного образования Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева

Контактная информация: E-mail: prihodchenko1973@mail.ru; тел. (8-8342)33-93-52

ПУСТОВАЛОВА Ирина Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории и права социально-гуманитарного факультета Шуйского государственного педагогического университета

Контактная информация: E-mail: pustovalovai@mail.ru; тел. 8-(49351)-4-15-68

РАДЮКИН Евгений Евгеньевич – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Военного инженерно-технического института (г. СПб).

Контактная информация: E-mail: evradyukin2009@yandex.ru; тел. 89213314096

РАССОЛОВА Елена Александровна – кандидат педагогических наук, доцент Московского государственного гуманитарного университета имени М. А. Шолохова

Контактная информация: E-mail: s-senator@yandex.ru; тел. 8-(495)-395-65-85

РАХМАНИНА Ирина Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии развития Астраханского государственного университета

Контактная информация: E-mail: Irinarah.72@mail.ru; тел. 89610557469

РЫНДИН Игорь Жанович – старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории проблем регионализации образования Рязанского института развития образования (НИЛ ПРО РИРО)

Контактная информация: E-mail: ryndin@post.rzn.ru; тел. 8-(9412)-45-73-53

РЯБОВА Инна Геннадьевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогики дошкольного и начального образования Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева, член-корр. Международной академии наук педагогического образования

Контактная информация: E-mail: iryabowa@yandex.ru; тел. (8-8342)33-93-55

САМОРОДСКАЯ Наталья Анатольевна – кандидат медицинских наук, доцент кафедры факультетской терапии Кубанского государственного медицинского университета (г. Краснодар)

Контактная информация: E-mail: docsam@mail.ru; тел. 8-928-26-000-99

СЕНКЕВИЧ Людмила Викторовна – кандидат психологических наук, доцент, докторант кафедры возрастной психологии Московского городского психолого-педагогического университета, заведующая кафедрой клинической психологии Государственной классической академии имени Маймонида

Контактная информация: E-mail: lvsenkevich@mail.ru; тел. 8-903-715-79-76

СИЛКИН Петр Афанасьевич – кандидат педагогических наук, профессор Академии Русского балета имени А. Я. Вагановой (г. СПб)

Контактная информация: E-mail: petr.silkin@gmail.com; тел. (812)-328-70-97

СКОТНИКОВ Павел Николаевич – аспирант кафедры алгебры Московского педагогического государственного университета

Контактная информация: E-mail: skotnikov_pavel@mail.ru; тел. 8-(903)-591-30-30

СТРИКАЛОВ Игорь Юрьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН (г. Москва)

Контактная информация: E-mail: igor.strikalov@gmail.com; тел. +7-(499)-125-11-21

ТЕКЕЕВА Лариса Кичиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Карачаево-Черкесского государственного университета имени У. Д. Алиева

Контактная информация: E-mail: lar-tek@yandex.ru; тел. 89283988351

УСКОВ Владимир Алексеевич – кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры физ. географии и методики преподавания географии, декан естественно-географического факультета Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина

Контактная информация: E-mail: vladimir-uskov@yandex.ru; тел. +7-910-577-20-57

ФОМИНА Наталья Александровна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности, специальной психологии и коррекционной педагогики Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина

Контактная информация: E-mail: pslfom@mail.ryazan.ru; тел. 8-910-508-66-90

ХАСАЕВА Фатимат Машировна – доктор биологических наук, профессор кафедры микробиологии Кабардино-Балкарской государственной сельскохозяйственной академии имени В. М. Кокова

Контактная информация: E-mail: info@kbsba.ru; тел. 8-(938)-693-3531

ЦАРЕВ Андрей Сергеевич – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Контактная информация: E-mail: patriklitkin@yandex.ru; тел. 8-903-693-04-23

ЧЕРНЕЦОВ Алексей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом славяно-русской археологии Института археологии РАН (г. Москва)

Контактная информация: E-mail: avchernets@yandex.ru; тел. +7-(499)-125-11-21

ЧИСТЯКОВ Денис Сергеевич – кандидат физико-математических наук, докторант кафедры алгебры Московского педагогического государственного университета

Контактная информация: E-mail: chistyakovds@yandex.ru; тел. 89160200235

ЧУДАЕВА Ольга Ивановна – преподаватель Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева

Контактная информация: E-mail: chudaeva_olya@mail.ru; тел. (883432) 89510528655

ШИШОВ Сергей Игоревич – техник-лаборант кафедры физической географии и методики преподавания географии Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина

Контактная информация: E-mail: seregashishov@mail.ru; тел. 8-(4912)-28-19-36

**ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ
В «РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ»****1. Правила оформления научных статей:**

набор текста в формате Word, шрифт Times New Roman; размер шрифта - 14; междустрочный интервал - 1,5; формат бумаги - А4; отступ - 5, поля - 20. Объем статьи - не менее 10 стандартных машинописных листов. Сноски и примечания, список литературы формировать единым списком под названием **Примечания** - в конце статьи. Ссылки в тексте - в квадратных скобках, первая цифра - номер ссылки в конечном списке Примечаний, вторая цифра - номер страницы, например: [3. С. 15].

2. На первой странице статьи указываются:

2.1. Название научного или учебного заведения, той организации, в которой выполнена научная работа, либо учреждение, где работает автор статьи.

Указывается также местонахождение указанной организации: страна, регион, населённый пункт.

2.2. УДК и ББК, в случае, если автор не может провести классификацию по данным классификаторам, то классификацию проводит редакция журнала.

2.3. Название разделов науки, к которым, по мнению автора, принадлежит его статья.

2.4. Название статьи - прописными буквами жирным шрифтом.

В следующей строке располагаются научная степень автора, его инициалы и фамилия.

2.5. Далее следует аннотация статьи или сообщения.

2.6. После аннотации помещаются ключевые слова, отражающие основное содержание статьи.

2.7. После ключевых слов размещается основной текст статьи.

2.8. Статья завершается примечаниями.

2.9. Дополнительно к материалам статьи при-

лагаются на английском языке - фамилия автора, название статьи, аннотация (summary), ключевые слова (key words), разделы науки.

3. Публикации в журнале платные. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Предварительно подаётся заявка на публикацию статьи по электронному адресу: gosnauka@mail.ru

4. Стоимость пересылки одного экземпляра журнала: по России - 100 руб.; по странам СНГ - 250 руб.; стран дальнего зарубежья - определяется расчётным путём.

5. К материалам статьи отдельным файлом прилагается авторская справка, содержащая основные сведения об авторе:

Ф.И.О. автора, учёное звание, учёная степень, место работы, должность, почтовый адрес (с индексом), электронный адрес (e-mail), номера контактных телефонов для открытой печати.

6. Для аспирантов и соискателей обязательно предоставление в редакцию рецензии от научного руководителя или известного специалиста. Рецензия должна быть заверена надлежащим образом.

7. Автору статьи высылается один бесплатный экземпляр журнала.

8. Наш почтовый адрес:

119313, Москва, Ленинский пр., 89, оф. 2.
«Российский научный журнал».

9. Наши банковские реквизиты:

Наименование получателя платежа:

ИП Нагорнов Валентин Павлович

Р/счет № 40802810990350448401

в Ярославском филиале ОАО «Промсвязьбанк» г. Ярославль

ИНН 622900425707, БИК 047888707,

к/с 30101810800000000707 в ГРКЦ ГУ

Банка России по Ярославской области

Назначение платежа - целевые взносы

РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Свидетельство о регистрации средства массовой информации —
ПИ №ФС77–35383 от 19 февраля 2009 г. выдано Федеральной
службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

УЧРЕДИТЕЛЬ: В. П. НАГОРНОВ

ИЗДАТЕЛЬ: ИП Нагорнов Валентин Павлович.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

119313, Москва, Ленинский пр., 89, оф. 2

Тел./факс: (4912) 25-45-74, моб. 8-910-505-45-43

E-mail: rosnauka@mail.ru

[http: // www.rnjournal.narod.ru](http://www.rnjournal.narod.ru)

Сдано в набор 30.01.2013.

Подписано в печать 30.01.2013.

Тираж 1 200 экз.

Заказ № 1370.

Отпечатано в ООО «Полиграфия».

390000, Рязань, ул. Почтовая, 61, стр. 9а.